

ISSN 2687-1440

ЕЖЕГОДНИК

ЯПОНИЯ

2022

ЕЖЕГОДНИКУ 50 ЛЕТ

日
本

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

ЕЖЕГОДНИК
ЯПОНИЯ
2022
том 51

МОСКВА
2022

Наука — Восточная литература

УДК 94(520)
ББК 66.2(5Я)я5
Я70

<http://yearbookjapan.ru>

Редакционная коллегия:

Стрельцов Д. В. д.и.н. МГИМО
(главный редактор)
Гришачев С. В. к.и.н. НИУ ВШЭ
(ответственный редактор)
Дьяконова Е. М. к.филол.н. ИМЛИ РАН

Казаков О. И. ИКСА РАН
Лебедева И. П. д.э.н. ИВ РАН
(зам. главного редактора);
Мещеряков А. Н. д.и.н. НИУ ВШЭ
Нелидов В. В. к.и.н. МГИМО-Университет

Редакционный совет:

Алпатов В. М. д.филол.н., академик РАН
Войтишек Е. Э. д.и.н. НГУ (г. Новосибирск)
Гордон Эндрю профессор (США)
Гуревич Т. М. д. культурологии МГИМО
Дацышен В. Г. д.и.н. СФУ (г. Красноярск)
Ивасита Акихиро профессор (Япония)
Каварадзи Хидэтаке профессор (Япония)
Катасонова Е. Л. д.и.н. ИВ РАН
Кистанов В. О. д.и.н. ИКСА РАН
Корчагина Т. И. к.филол.н. МГУ
Нечаева Л. Т. д.пед.н. ИСАА МГУ

Нумано Кёко профессор (Япония)
Панов А. Н. д.полит.н. МГИМО
Пестушко Ю. С. д.и.н. ХГИК (г. Хабаровск)
Симонова-Гудзенко Е. К. д.и.н. ИСАА МГУ
Симотоман Нобуо профессор (Япония)
Стефан Джон профессор (США)
Стоквин Артур профессор (Великобритания)
Судзуки Ёсикадзу профессор (Япония)
Тимонина И. Л. д.э.н. ИСАА МГУ
Чугров С. В. д.социол.наук МГИМО
Шодиев Ф. К. к.полит.н. Фонд Ф. Шодиева

*Издание осуществляется при поддержке
Международного фонда Шодиева*

Ежегодник Японии . 2022 . Т . 51 / Институт востоковедения РАН ; Ассоциация японоведов . — М . : Наука — Вост. лит . , 2022. — 420 с . : ил. — ISBN 978-5-02-040569-1

В настоящем выпуске Ежегодника Японии представлены статьи российских японистов, посвященные анализу проблем современного японского общества и государства, а также анализу проблем истории и культуры Японии.

Издание рассчитано на специалистов-страноведов, а также на широкий круг читателей, интересующихся Японией.

ISBN 978-5-02-040569-1
ISSN 2687-1432 (в переплете)
ISSN 2687-1440 (он-лайн)

© Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов», 2022
© Институт востоковедения РАН, 2022

Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences

Association of Japanologists of Russia

YEARBOOK
JAPAN
2022
vol. 51

MOSCOW
2022

Nauka — Vostochnaya Literatura

<http://yearbookjapan.ru>

Editorial Board:

Streletsov Dmitry V. Professor, MGIMO-University
(Editor in Chief)

Dyakonova Elena M. Professor, Gorky Institute
of World Literature of RAS

Grishachev Sergei V. Associate Professor,
HSE University (Executive editor);

Kazakov Oleg I. Institute of China
and Contemporary Asia of RAS

Lebedeva Irina P. Professor, Institute of Oriental
Studies of RAS (Deputy Editor in Chief);

Meshcheryakov Aleksander N. Professor,
HSE University

Nelidov Vladimir V. MGIMO-University

Editorial Council:

Alpatov Vladimir M. Member of the Russian
Academy of Sciences

Chugrov Sergei V. Professor, MGIMO-University

Datsyshen Vladimir G. Professor, Siberian Federal
University, Krasnoyarsk

Gordon Andrew (USA) Professor, Harvard University

Gurevich Tatiyana M. Professor, MGIMO University
Iwashita Akihiro (Japan) Professor,
Hokkaido University

Katasonova Elena L. Institute of Oriental Studies of RAS

Kawaraji Hidetake (Japan) Professor,
Kyoto Sangyo University

Kistanov Valerii O. Professor, Institute of China
and Contemporary Asia of RAS

Korchagina Tatiyana I. Associate Professor,
Moscow State University

Nechaeva Lyudmila T. Professor, Institute of Afro-
Asian Studies (IAAS) of Moscow State University

Numano Kyoko (Japan) Professor, Tokyo University
of Foreign Studies

Panov Aleksander N. Professor, MGIMO-University

Pestushko Yurii S. Professor, Pacific National
University, Khabarovsk

Shimotomai Nobuo (Japan) Emeritus Professor,
Hosei University

Shodiev Fattah K. (Belgium)

Head of International Chodiev Foundation

Simonova-Gudzenko Ekaterina K. Professor,
Institute of Afro-Asian Studies (IAAS)
of Moscow State University

Stephan John J. (USA) Emeritus Professor,
University of Hawaii

Stockwin Arthur (UK) Emeritus Professor,
University of Oxford

Suzuki Yoshikazu (Japan) Professor,
Tokyo University of Foreign Studies

Timonina Irina L. Professor, Institute of Afro-Asian
Studies (IAAS) of Moscow State University

Vojtisek Elena E. Professor,
Novosibirsk State University

*With the support
of International Chodiev Foundation*

Yearbook Japan. 2022. Vol. 51 / Institute of Oriental Studies of RAS; Association
of Japanologists of Russia. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2022. 420 p., ill.
ISBN 978-5-02-040569-1

The present issue of Yearbook Japan presents articles by leading Russian Japanese Studies
scholars analyzing the problems of the present-day Japanese society and state, as well as the
problems of history and culture of Japan. The edition is aimed at specialists in country studies,
as well as at all those interested in Japan.

ISBN 978-5-02-040569-1

ISSN 2687-1432 (print)

ISSN 2687-1440 (online)

© Association of Japanologists of Russia, 2022

© Institute of Oriental Studies of RAS, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Ежегодник Япония: 50 лет	11
--------------------------------	----

ПОЛИТИКА

<i>Кульнева П. В.</i>	50-летие нормализации японо-китайских отношений: итоги и проблемы	15
-----------------------	---	----

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

<i>Жилина Л. В.</i>	Молодые японцы: лицом к миру	40
<i>Лебедева И. П.</i>	Япония: социальная мобильность и социальные барьеры	61
<i>Корнеев К. А.</i>	Институты российско-японского экономического сотрудничества	97

ИСТОРИЯ

<i>Стрельцов Д. В.</i>	Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии	122
<i>Молодяков В. Э.</i>	Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (Часть первая)	137
<i>Дацышен В. Г.</i>	История японоведения в Новосибирске во 2-й половине XX в.	160
<i>Куланов А. Е., Шарова А. Б.</i>	Новое в деле Зорге: взгляд из России (2017–2022)	184

КУЛЬТУРА

<i>Кужель Ю. Л., Бреславец Т. И.</i>	Японо-буддийский канон изображения небесных государей206
<i>Трубникова Н. Н.</i>	«Изящный вкус» и «решимость» в «Сборнике рассказов о пробуждении сердца» («Хоссинсю», XIII в.)226
<i>Селимов М. Г.</i>	«Нервное истощение» (<i>синкэй суйдзяку</i>) и писатель Танидзаки Дзюньитиро252
<i>Бабкова М. В.</i>	Дзэн-буддийское влияние на учение Макуя, или Скинию Христа266
<i>Хронопуло Л. Ю.</i>	Влияние микропрозы Роберта А. Блоха на сверхкороткие сказочные истории и психологический хоррор современных японских писателей: попытка сравнительного анализа286
<i>Катасонова Е. Л.</i>	Оскар — 2022: Хамагути Рюсукэ306
<i>Алпатов В. М.</i>	Гибель айнского языка322

ПРОБА ПЕРА

<i>Мусаева А. М.</i>	Минские иллюстрированные источники о японских пиратах вако по « <i>Вако дзукан</i> » (« <i>Иллюстрированный свиток о японских пиратах</i> »)331
<i>Логвинова Е. А.</i>	Консалтинг в Японии: традиции и вызовы современности356

ИНТЕРВЬЮ

Того Кадзухико: «Опорой Японии должна стать сила культуры» (интервью подготовлено М. П. Чижевской)370
--

К ВЫХОДУ КНИГИ

<i>Стрельцов Д. В., Гришачев С. В., Нелидов В. В., Дьячков И. В., Кульнева П. В., Перминова В. А.</i>	
«Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями».	
Материалы круглого стола 19 февраля 2022 г.	384

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научные конференции в области японоведения	409
--	-----

IN MEMORIAM

<i>Корчагина Т. И.</i> Памяти Сакамото Аяко	414
---	-----

АВТОРАМ	418
---------------	-----

CONTENTS

Yearbook Japan: 50 Years	11
--------------------------------	----

POLICY

<i>Kulneva P. V.</i>	50 th Anniversary of the Normalization of Sino-Japanese Relations: Outcomes and Problems	15
----------------------	---	----

ECONOMICS AND SOCIETY

<i>Zhilina L. V.</i>	Japanese Youth: Facing the Peace	40
<i>Lebedeva I. P.</i>	Japan: Social Mobility and Social Barriers	61
<i>Korneev K. A.</i>	Institutions of Russian-Japanese Economic Cooperation	97

HISTORY

<i>Streletsov D. V.</i>	Japanese Prisoners of the Russo-Japanese War in the Arakcheev Barracks of the Novgorod Province	122
<i>Molodiakov V. E.</i>	Continental Policy of Japan as Seen from France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part One)	137
<i>Datsyshen V. G.</i>	History of Japanese Studies in Novosibirsk in the 2 nd half of the 20 th century	160
<i>Kulanov A. E., Sharova A. B.</i>	New Aspects of “The Case of Richard Sorge”. View From Modern Russia (2017–2022)	184

CULTURE

<i>Kuzhel Yu. L., Breslavets T. I.</i>	Japanese Buddhist Canon Depicting Heavenly Sovereigns206
<i>Trubnikova N. N.</i>	<i>Suki</i> and Kokorozashi in “ <i>Hosshinshū</i> ”226
<i>Selimov M. G.</i>	“Neurasthenia” (<i>Shinkei Suijaku</i>) and Writer Tanizaki Jun’ichirō252
<i>Babkova M. V.</i>	Zen Buddhist Influence on Makuya Teaching, or “Tabernacle of Christ”266
<i>Khronopulo L. Yu.</i>	The Influence of Robert A. Bloch’s Micro Fiction on Short-Short Fantasy and Psychological Horror by Contemporary Japanese Writers: An Attempt of Comparative Analysis286
<i>Katasonova E. L.</i>	Oscar — 2022: Hamaguchi Ryūsuke306
<i>Alpatov V. M.</i>	Destruction of the Ainu Language322

SCHOLARLY DEBUT

<i>Musaeva A. M.</i>	Illustrated Ming Dynasty Sources about Japanese <i>Wakō</i> Pirates on the Example of “ <i>Wakō Zukan</i> ” (“Illustrated Scroll of Japanese Pirates”)331
<i>Logvinova E. A.</i>	The Consulting Market in Japan: Traditions and Contemporary Challenges356

INTERVIEW

Tōgō Kazuhiko: Japan Should Rely on the Power of Its Culture (Interviewer Maria Chizhevskaya)370

BOOK PUBLICATION

Streltsov D. V., Grishachev S. V., Nelidov V. V.
Dyachkov I. V., Kulneva P. V., Perminova V. A.
“Problems of Historical Past in Japan’s
Relations With Neighboring Countries.”
Materials of Roundtable Held
on February 19, 2022384

ACADEMIC LIFE

Academic Conferences on Japanese Studies409

IN MEMORIAM

Korchagina T. I. In Memory of Sakamoto Ayako414

FOR THE AUTHORS418

Ежегодник Япония: 50 лет

В 2022 г. старейшему периодическому изданию отечественного японоведческого сообщества — Ежегоднику Япония — исполнилось 50 лет.

Ежегодник начал издаваться с 1972 г. инициативной группой советских японоведов. Решение о создании регулярного издания в области японоведения, в котором бы освещался широкий круг проблем прошлого и настоящего Страны восходящего солнца, ее истории и культуры, внутренней и внешней политики, экономики и общества, а также событий научной жизни, было принято 26 февраля 1971 г. на заседании Секции по изучению Японии при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения Президиума АН СССР.

В первом же номере была обозначена основная цель издания — удовлетворить растущий интерес общественности нашей страны к соседней дальневосточной стране и дать читателям в концентрированном изложении достоверные сведения по наиболее острым и актуальным проблемам весьма сложной и динамичной жизни в ней. Постулировались и конкретные задачи — знакомить советскую общественность с результатами научных исследований и мнениями японоведов по широкому кругу проблем развития современного общества и государства в Японии.

В советский период в Ежегоднике регулярно печатались обзорные статьи об экономическом положении Японии, внутривнутриполитической ситуации и внешней политике, исследовательские статьи проблемного характера, справочные и информационные материалы, сообщения о работе советских японоведов. Исследовательские (проблемные статьи) были разделены по рубрикам «Внутренняя и внешняя политика», «Экономика, наука, техника», «Идеология, социология,

культура». В приложениях публиковались отчеты о научных конференциях и защищенных диссертациях в области японоведения, проводившихся в СССР различных выставках и культурных мероприятиях, статистические материалы по экономике, библиография вышедших в течение года ключевых изданий по Японии, а также хронология наиболее значимых событий, случившихся в минувшем году.

Ежегодник выходил при поддержке и под грифом Института востоковедения АН СССР и Института Дальнего Востока АН СССР, издавался Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука». Первые выпуски Ежегодника выходили тиражом 10 тыс. экз., в 1973–1989 гг. тираж составлял 20–25 тысяч.

В редакции Ежегодника работали крупнейшие японоведы, специализирующиеся на разных областях, многие из которых имеют мировую известность, в том числе В. С. Гривнин, С. К. Игнатущенко, И. И. Коваленко, В. А. Кривцов, Ю. Д. Кузнецов, М. И. Лукьянова, В. В. Маевский, Я. А. Певзнер, Д. В. Петров, С. Л. Тихвинский.

Первым редактором Ежегодника был проф. И. А. Латышев, а после его отъезда в ноябре 1973 г. в Японию на журналистскую работу его сменил доктор исторических наук И. И. Коваленко, занимавший пост главного редактора до 1989 г.

После 1990 г. Ежегодник пережил трудные времена, связанные с общим кризисом в стране и кризисом гуманитарных исследований, в частности. Тираж Ежегодника упал до 500 экземпляров, сам формат издания существенно изменился — исчез твердый переплет, хотя дизайн обложки остался тем же, перестали печататься обзорные статьи с годовыми отчетами. По содержанию Ежегодник стал гораздо менее идеологизированным, в его портфеле стали преобладать статьи культурно-исторического характера и меньше внимания стало уделяться общественно-политической проблематике. С 1994 г. издание стало выходить в свет при поддержке Японского фонда, а с 2016 г. — еще и Международного Фонда Шодиева. Менялся состав редакций, сменяли друг друга главные редактора: с 1990 по 1998 г. эту должность занимал К. О. Саркисов, с 1998 г. по 2000 г. —

А. И. Кравцевич, с 2000 по 2012 г. — Э. В. Молодякова, с 2013 по настоящее время — Д. В. Стрельцов.

После 2013 г. Ежегодник претерпел ряд качественных изменений, приобретая черты солидного издания международного уровня. Сайт журнала помещен на современную платформу, введена система электронной редакции. Были изменены правила для авторов и требования к оформлению в соответствии с международными стандартами, создан Международный редакционный совет с участием коллег из США, Великобритании, Японии. Публикуемые материалы стали архивироваться через сайт журнала, сайт Ассоциации японоведов и электронную библиотеку. Появилась возможность подписки на печатную версию через компанию Урал-Пресс. Журнал стал индексироваться российскими базами научных изданий РИНЦ и «Киберленинка», международной базой журналов открытого доступа DOAJ. Издание имеет хорошие показатели в различных рейтингах, включая рейтинг Science index (1884-е место из 4388 за 2020 г.), а по своему профилю «Комплексное изучение стран и регионов» Ежегодник занял в том же году 14-е место из 38. Существенно вырос и импакт-фактор журнала, что говорит о его высоком авторитете в академическом сообществе.

В связи с полувековым юбилеем Ежегодника в его редакцию пришли поздравления, в том числе: от Международного фонда Шодиева — председателя Фонда Ф. К. Шодиева, от Института востоковедения РАН — директора А. К. Аликберова, от МГИМО-Университета — ректора академика РАН А. В. Торкунова, от Института Дальнего Востока РАН (ныне — Институт Китая и современной Азии РАН) — директора К. В. Бабаева, от посольства Российской Федерации в Японии — Чрезвычайного и полномочного посла М. Ю. Галузина, от Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета — директора Е. В. Пустовойта, от кафедры японоведения восточного факультета СПбГУ — заведующего кафедрой А. В. Филиппова, от Школы востоковедения НИУ ВШЭ — руководителя Школы А. Н. Карнеева. Тексты поздравлений были размещены на сайте Ассоциации японоведов.

В связи с 50-летием Ежегодника 28 апреля 2022 г. в гостинице «Арапат Хаятт» прошла праздничная церемония. Со своими воспоминаниями о работе с изданием поделились академик РАН В. М. Алпатов, редакторы разделов Ежегодника И. П. Лебедева, А. Н. Мещеряков, Е. М. Дьяконова, ответственный редактор С. В. Гришачев, от лица авторов выступили многие присутствовавшие на встрече члены Ассоциации японоведов, активно участвующие в наполнении контента издания. На церемонии с приветственным словом выступила представитель Международного фонда Шодиева О. А. Монахова. Собравшиеся выразили искреннюю признательность Японскому фонду, Международному фонду Шодиева и лично Фаттаху Каюмовичу Шодиеву за огромную и неоценимую помощь в издании Ежегодника.

Коллектив редакции хотел бы заверить коллег-японоведов и всех читателей журнала, что издание постарается сохранить неизменно высокую научную планку как международной площадки, позволяющей наладить диалог между русскоязычными специалистами по Японии, и остаться важным источником объективных данных о Стране восходящего солнца.

Коллектив редакции Ежегодника Японии

Ежегодник Японии 2022. Т. 51. С. 15—39

Yearbook Japan 2022. Vol. 51, pp. 15—39

DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-15-39

50-летие нормализации японо-китайских отношений: итоги и проблемы

П. В. Кульнева

Аннотация

Статья приурочена к 50-летней годовщине нормализации японо-китайских отношений. Автор подчёркивает значимость этой даты и анализирует последующий путь развития японо-китайских отношений, уделяя особое внимание экономическому взаимодействию двух стран, изменениям геополитической ситуации, способам преодоления внутренних проблем и внешних вызовов. В качестве главных тенденций развития японо-китайских отношений на протяжении рассматриваемого периода отмечены углубление экономической взаимозависимости и смена международных ролей каждой из стран, обусловленная в первую очередь усилением влияния КНР на мировой арене.

Экономические интересы были одной из движущих сил нормализации отношений между Японией и КНР и послужили импульсом к активизации других процессов двустороннего взаимодействия. Восстановление дипломатических контактов и успешные экономические преобразования, проведённые в Китае в 1980–1990-е гг., открыли перед странами новые перспективы и привели к колоссальному росту торговли и инвестиций. При этом, если в 1980-е гг. была очевидна преобладающая зависимость китайской экономики от японской, то в 2000-е гг. ситуация изменилась на противоположную вплоть до того, что Китай стал локомотивом восстановления японской экономики, пострадавшей от пандемии Covid-19.

Смена ролей двух стран проявилась не только в том, что Китай превзошёл Японию по экономической мощи, но и в том, что он стал одним из самых влиятельных игроков на мировой политической арене. В современных условиях Япония вынуждена искать гарантии безопасности и возможности наращивания военного потенциала, чтобы противостоять китайской угрозе.

Несмотря на заявленное 50 лет назад намерение закрыть тяжёлую страницу истории и прилагать усилия для мирного сосуществования, странам по-прежнему не удаётся решить целый ряд проблем, связанных с исторической памятью. Кроме того, не закрытым остаётся вопрос Тайваня, сохраняется очаг напряжённости в Восточно-Китайское море (спорные острова Сэнкаку/Дяоюйдао). Новыми вызовами стали в последнее время пандемия COVID-19 и ситуация вокруг Украины, которая проецируется Японией на тайваньскую проблему. Всё это создаёт угрозу для стабильности японо-китайских отношений. Заявленное лидерами двух стран намерение извлекать уроки из истории и решать любые разногласия посредством диалога даёт надежду на то, что стороны не допустят эскалации возможных конфликтов.

Ключевые слова: японо-китайские отношения; нормализация японо-китайских отношений; экономическая взаимозависимость; усиление Китая; геополитика; проблемы международных отношений; история международных отношений.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12).

ORCID 0000-0002-8699-5568

E-mail: kpoline@list.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

50th Anniversary of the Normalization of Sino-Japanese Relations: Outcomes and Problems

P. V. Kulneva

Abstract

The article is dedicated to the 50th anniversary of the normalization of Sino-Japanese relations. The author analyzes the development of Sino-Japanese relations, paying special attention to economic interaction, changes in geopolitical situation, and ways of overcoming internal challenges and external threats.

The two main trends in the Sino-Japanese relations over the last 50 years are deepening of economic interdependence between the two countries and change of their roles in both economy and politics, primarily due to the growing influence of China.

Successful economic reforms carried out in China in the 1980s and 1990s opened up new prospects for the countries and led to a tremendous increase in trade and investment. However, while in the 1980s Chinese economy was more dependent on trade with Japan than vice versa, by the 2000s the situation changed and, during the COVID-19 pandemic, China even became a locomotive of Japan's economic recovery.

China has also overtaken Japan as an influential political player. This has forced Japan to seek security guarantees and opportunities to build up its military potential in order to counter the Chinese threat.

Despite the intention to establish relations of peace and friendship, the countries are still unable to resolve a number of issues related to historical memory. Besides serious tensions remain in the East China Sea around the disputed Senkaku/Diaoyudao islands. The issue of Taiwan also remains a dangerous flash point for conflict. Other recent challenges are the COVID-19 pandemic and the situation around Ukraine, which, the Japanese side thinks, might be repeated with Taiwan. All this still poses a threat to the stability of Sino-Japanese relations. The ability of the two countries to draw lessons from history and to resolve differences through dialogue gives hope that the conflicts will be settled.

Keywords: Sino-Japanese relations; normalization of Sino-Japanese relations; economic interdependence; the rise of China; geopolitics; problems of international relations; history of international relations

Author: *Kulneva Polina V.*, PhD (Economics), Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 103031).

ORCID 0000-0002-8699-5568

E-mail: kpoline@list.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

В 2022 г. Япония и Китайская Народная Республика (КНР)¹ отмечают 50-летнюю годовщину нормализации дипломатических отношений. 29 сентября 1972 г. в ходе своего визита в КНР премьер-министр Японии Танака Какуэй провёл дружественную встречу с руководством страны в лице председателя КНР Мао Цзэдуна, премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая и министра иностранных дел страны Цзи Пэнфэя, после чего было подписано Совместное коммюнике правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики. Коммюнике закрепило намерение народов «открыть новую страницу» в истории двусторонних отношений, прилагать усилия для их дальнейшего развития «в интересах стабильности в регионе и мира во всём мире», придерживаться «принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования»².

Центральное место в Коммюнике занимали вопросы Тайваня и военного прошлого. Сама возможность нормализации отношений с материковым Китаем подразумевала признание правительством Японии Тайваня как неотъемлемой части территории КНР и полное понимание и уважение позиции этой страны по тайваньскому вопросу. В то же время страны должны были закрыть тяжёлую страницу истории, чтобы проблемы, связанные с войной, не препятствовали поступательному развитию связей между ними. В Коммюнике утверждалось, что «японская сторона остро осознаёт свою ответственность за нанесение серьёзного ущерба китайскому народу в прошлом в ходе войны и глубоко сожалеет об этом», а Китай «во имя дружбы народов двух стран отказывается от претензий на военные репарации к Японии»³.

Закрепление намерения нормализации японо-китайских отношений означало, что страны откроют посольства и будут расширять контакты на всех уровнях, включая торговлю, инвестиции, транс-

¹ Далее в статье — Китай или материковый Китай.

² Нихонкоку сэйфу то тю:кадзинминкё:вакоку сэйфу но кё:до: сэймэй [Совместное коммюнике правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики] (на яп. яз.). МИД Японии. 29.09.1972. https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/china/nc_seimei.html

³ Там же.

портное сообщение, науку, культуру, образование, туризм и др. через официальные каналы.

В октябре 1972 г. Китай сделал символический жест, преподнеся японскому Зоопарку Уэно двух панд, и они остались в памяти у многих японцев, которые были в то время детьми. В ноябре того же года, при частичном государственном финансировании и широкой поддержке частного сектора, в Токио была учреждена Японо-китайская экономическая ассоциация, которая взяла на себя функцию выстраивания связей между японскими и китайскими предпринимателями. Параллельно правительство Японии сняло все ограничения на кредитное финансирование Экспортно-импортного банка, и страны подписали соглашение о торговле, снизив тарифные барьеры на треть (январь 1974 г.). Вскоре были подписаны соглашения о гражданской авиации (апрель 1974 г.), о морском транспорте (ноябрь 1974 г.), о рыболовстве (август 1975 г.). Ключевую роль в их заключении сыграли Министр международной торговли и промышленности Японии Я. Накасонэ и министр иностранных дел Японии М. Охира [Burns 1999, p. 40–41].

В августе 1978 г. был подписан Договор о мире и дружбе, в котором каждая из сторон обещала не стремиться к гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском или каком-либо другом регионе и не поддерживать другие страны или группы стран в установлении такой гегемонии. Действовавший с 1952 г. мирный договор Японии и Китайской Республики, известный как Тайбэйский договор, при этом утратил силу.

Заключение мирного договора помогло наладить регулярные политические контакты. Знаковым событием стал первый после войны визит в Японию Дэн Сяопина (на тот момент заместителя премьер-министра Госсовета КНР) в октябре 1978 г. и его встреча с императором Сёва. В 1983 г. Японию посетил генеральный секретарь КПК Ху Яобан, а в 1984 г. ответный визит в КНР нанёс премьер-министр Японии Я. Накасонэ. С 1980-х гг. стали проводиться регулярные встречи на уровне министров для обсуждения проблем, представляющих общий интерес, и японо-китайские отношения вошли в эпоху своего расцвета.

По прошествии 50 лет после нормализации японо-китайских отношений очевидно, что этот шаг имел большое значение как для каждой из стран, так и для всего региона. Исторически Китай всегда занимал особое место в международных связях Японии, как и Япония среди стран, с которыми поддерживали контакты китайские

династии. В этой связи неудивительно, что Токио удалось опередить США в нормализации отношений с материковым Китаем (дипломатические отношения США с КНР были установлены лишь в 1979 г.)⁴. Несмотря на временный разрыв в японо-китайских отношениях, их новый 50-летний период, несомненно, может считаться продолжением тех политических и социокультурных связей, которые существовали и с переменным успехом поддерживались на протяжении почти 2 тысяч предшествующих лет. В то же время начавшийся в 1972 г. новый этап японо-китайских отношений имеет принципиальные отличия от всего, что ему предшествовало: он характеризуется ускоренным сближением стран в экономической сфере и достижением впечатляющих показателей двустороннего сотрудничества как в экономике, так и во многих других направлениях. Вместе с ростом количественных показателей сотрудничества в двусторонних отношениях произошли качественные изменения, которые имеют не только локальное, но и глобальное значение. Имея это в виду, в данной статье хотелось бы показать, что представляли собой японо-китайские отношения на протяжении рассматриваемого периода, обозначив основные тенденции их развития, и подвести некоторые итоги.

Сближение стран и углубление взаимозависимости

Одним из главных итогов развития японо-китайских отношений стало сближение двух стран и углубление их взаимозависимости. Говоря о сближении, следует в первую очередь отметить экономическую сферу. Именно экономические интересы были одной из движущих сил нормализации отношений и послужили импульсом к активизации многих других процессов двустороннего взаимодействия.

Экономические связи стран развивались и до начала 1970-х гг. Практически сразу после войны, в 1950-е гг., Япония и Китай заключили несколько неправительственных соглашений о торговле. Попытки наладить торговые связи сталкивались с политическими препят-

⁴ При этом именно неожиданно объявленное намерение США сблизиться с Китаем подтолкнуло Японию к активным действиям по нормализации отношений с этой страной. 15 июля 1971 г. президент США Ричард Никсон заявил по американскому телевидению о своём планируемом визите в КНР и об уже состоявшемся визите в эту страну советника по национальной безопасности США Генри Киссинджера. Естественной реакцией японского руководства стали попытки наладить отношения с Китаем вслед за своим ближайшим союзником [Нелидов 2019, с. 62].

ствиями и не всегда оказывались успешными. Известно, например, что действие Четвертого неправительственного соглашения о торговле было приостановлено после инцидента с китайскими флагами в Нагасаки в 1958 г.⁵ Однако уже через полтора года после этих событий премьер-министр Японии Т. Исибаси и премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай выступили с совместной Декларацией о неделимости политики и экономики. В 1962 г. страны подписали меморандум Ляо-Такасаки, открывший путь к дальнейшему расширению торговых связей при отсутствии дипломатических отношений. Так называемая «торговля по меморандумам» (*MT бо:эки*) осуществлялась вплоть до 1972 г. и по своей сути имела полугосударственный характер, так как получала поддержку японского и китайского правительств [Sun (ed.) 2006, p. 227].

Нормализация отношений открыла перед странами новые перспективы. Уже в 1973 и 1974 гг. их товарооборот подскочил на 61% и 76% соответственно⁶, и материковый Китай начал вытеснять Тайвань с позиции одного из главных торговых партнёров Японии в регионе. Японский экспорт в этот период состоял из стали, машин и оборудования, химикатов и синтетических волокон. Китай, в свою очередь, экспортировал в Японию сырую нефть, продукты питания, полезные ископаемые и другие сырьевые товары. Таким образом, добавленная стоимость и технологический уровень японских товаров были значительно выше.

Ещё больше возможностей для сотрудничества открылось после объявления Дэн Сяопина о начале Политики реформ и открытости (1978). Последовавшие меры по экономической либерализации и привлечению иностранного капитала в Китай послужили импульсом к росту японских прямых инвестиций и дальнейшему развитию торговли. К началу 2000-х гг. Китай завершил серию важных экономических преобразований, включая открытие ключевых отраслей сферы услуг для иностранного капитала, и стал членом Всемирной торговой организации (2001), что также создало благоприятные условия для экономического сотрудничества.

⁵ Инцидент состоял в том, что 2 мая 1958 г. два протайваньски настроенных активиста сорвали флаги Китайской Народной Республики на выставке в Нагасаки, посвящённой традиционным искусствам Китая [Sun 2006, p. 172].

⁶ Дзаймусё: бо:эки то:кэй [Торговая статистика Министерства финансов Японии] (на яп. яз.). Таможня Японии. 1970–1987. <https://www.customs.go.jp/toukei/suii/index.htm>

За несколько десятилетий после нормализации японо-китайских отношений, и особенно в 1990-е гг., объемы и структура экономических связей двух стран вышли на уровень, позволяющий говорить о приобретении ими нового качества, а именно о формировании сильной взаимозависимости, пик которой пришёлся на начало 2000-х гг. В середине 1990-х гг. КНР заняла второе место после США среди главных торговых партнёров Японии, а в 2007 г. вырвалась на первое место и сохраняет эту позицию до сих пор. Япония стала главным торговым партнёром Китая ещё раньше, в 1991 г., и долго занимала первое место, пока в 2004 г. оно не было занято Соединёнными Штатами. Благодаря либерализации сферы услуг, к началу 2000-х гг. японские компании получили возможность сформировать в Китае полноценную производственную инфраструктуру, и их капиталовложения достигли нового пика. Объём накопленных к настоящему времени японских прямых инвестиций в КНР составляет, по данным организации внешней торговли Японии «Джетро», 143 млрд долл., или около 7% всех зарубежных капиталовложений Японии⁷.

В начале 2000-х гг. о «взаимозависимости», или «зависимости» от страны-соседа говорили и в Японии, и в Китае. Так, например, в 2004 г. на китайском информационном портале «Синьлан» были приведены слова мэра города Далянь, отметившего, что «для экономик Китая и Японии характерны высокая степень взаимозависимости и чёткое разделение труда»⁸. По словам китайского исследователя Ван Маопина, с начала XXI в. взаимная зависимость Китая и Японии в торгово-экономической сфере углублялась, кроме того, Китай находился в относительно «пассивном» и «невыгодном» положении: будучи симметричной по количественным показателям, двусторонняя торговля обладала качественными перекосами, так как большую долю товарооборота Китая с Японией (в 2007 г. более трети) обеспечивала экспортно-импортная деятельность предприятий с японским капиталом [Wang 2009, p. 37–39].

⁷ Jetro Japanese Trade and Investment Statistics. «Джетро». 1996–2020. <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html>

⁸ Далянь люоци ши цуцзинь юй жи цзинмао хэцзо [Шесть мер Даляня по развитию экономического и торгового сотрудничества с Японией] (на кит. яз.). Синьлан. 30.10.2004. <https://news.sina.com.cn/s/2004-10-30/00024082417s.shtml>

Современные реалии таковы, что масштабы китайской экономики не позволяют говорить о её серьёзной зависимости от Японии. Сам Китай, так же, как и Япония, стал крупным источником предпринимательского капитала, а технологический уровень его экспортных товаров повысился, и хотя страны по-прежнему тесно связаны экономически и интенсивность потоков готовой и промежуточной продукции между ними велика, более выраженной остаётся зависимость Японии от Китая.

Эта зависимость прослеживается по нескольким направлениям. Во-первых, несмотря на рост издержек производства и разного рода риски для японских компаний, Китай по-прежнему обеспечивает большую долю выпуска для целого ряда отраслей японской промышленности, включая автомобили и электронику, химические и текстильные товары, продукты питания. Всё это поставляется на китайский рынок, в третьи страны и в саму Японию. По некоторым данным доля продукции китайского производства в закупках супермаркетов Японии достигла к началу 2000-х гг. 70–90%⁹ и до сих пор остаётся довольно высокой.

Во-вторых, с повышением благосостояния жителей КНР стала заметна также тенденция к росту продаж японских товаров в Китае, что привело к усилению зависимости Японии от китайского рынка сбыта. В Китае продаётся каждый пятый японский автомобиль¹⁰, весьма значительны объёмы сбыта японской электроники, косметики, одежды. По данным составленного в 2021 г. Рейтинга зависимости японских компаний от Китая, целый ряд японских производителей продают в Китае от 10 до 53% своей продукции. Из наиболее известных предприятий можно отметить производителя косметики Shiseido (25,6%), производителя фотоаппаратов и оптики Nikon (19,5%), холдинговую компанию Fast Retailing, владеющую известной розничной сетью Uniqlo (19,0%). Примечательно при этом, что первые строки этого рейтинга занимают не ритейлеры,

⁹ Ито:ё:кадо:, тю:гоку сэйхин но хирицу о 90% кара 70% ни хикисагэ [Ито-Ёкадо сокращает долю китайских товаров с 90% до 70%.] (на яп. яз.). Чжунгован (яп.). 17.02.2009. http://japanese.china.org.cn/business/txt/2009-02/17/content_17290736.htm

¹⁰ Кисо сирё:. Сирё: 1 [Базовые материалы. Матриал №1] (на яп. яз.). Генеральный секретариат по восстановлению экономики. Секретариат кабинета министров Японии. 03.2020. С. 5. (На яп. яз.). <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/miraitoshikaigi/dai36/siryoul.pdf>

а поставщики В2В, обеспечивающие функционирование японской производственной базы¹¹.

Процесс сближения стран подразумевает не только инвестиции и торговлю, но и сопутствующие человеческие контакты. В 1980-е и, особенно, в 1990-е и 2000-е гг. в Японии можно было встретить всё больше предпринимателей, студентов и туристов из Китая, а в крупных городах Китая — японцев, посещающих страну с деловыми, образовательными и туристическими целями. Приехав в соседнюю страну, многие японцы и китайцы остаются там на постоянной основе. Так, в настоящее время в Японии проживают 667 тысяч китайцев, а в Китае — 108 тысяч японцев¹², занимающихся самой разнообразной деятельностью, от традиционно преобладающей экономической сферы до творческих, академических, медицинских и других профессий. Повышение интереса народов друг к другу, расширение возможностей их взаимодействия и общения в разных сферах — безусловно, положительный итог развития японо-китайских отношений после их нормализации.

Положительная динамика контактов наглядно прослеживается на примере числа учащихся и туристов. Если за 1978–89 гг. в Японию приехало учиться 9000 китайских студентов [Li et al. 1997, p. 30], то в 2000-е гг. их число стало исчисляться несколькими десятками тысяч ежегодно. В предшествующий закрытию границ из-за пандемии COVID-19 2019 г., по данным Японской организации поддержки иностранных студентов JASSO, в Японии обучались почти 120 тыс. студентов из КНР¹³, причём китайское студенческое сообщество уже долгое время является самым многочисленным в стране. Хотя приток иностранных студентов в Китай более диверсифицирован географически, как и зарубежные направления, которые выбирают японские учащиеся, Япония стабильно входит в первую десятку стран по числу обучающихся

¹¹ Нихон кигё: 33 ся но <тю:гоку идзондо ранкингу>. TDK, Мурата сэйсакусё ва 50% тё: [Рейтинг зависимости японских компаний от китайского рынка. Зависимость TDK и Murata Manufacturing превышает 50%] (на яп. яз.). Манэ: посуто. 02.05.2021. <https://www.moneypost.jp/783647>

¹² По данным Бюро статистики Японии и МИД Японии за 2020 год.

¹³ 2019 (рёйва ган) нэндо гайкокудзин рю:гакусэй дзэйсэки дзё:кё: тёса кэкка [Результаты обследования национального состава иностранных студентов в Японии в 2019 году (первом году Рёйва)] (на яп. яз.). JASSO. Апрель 2020 г. <https://www.studyinjapan.go.jp/ja/statistics/zaiseki/data/2019.html>

в КНР, что также демонстрирует большой интерес к Китаю японских студентов и исследователей.

Очень заметен стал в последние десятилетия рост интенсивности туристических потоков между странами. Уже в начале 1990-х гг. число въездов в Китай из Японии было сопоставимо с суммарным числом въездов в страну из сразу нескольких стран Европы¹⁴. После того, как в 2003 г. правительство КНР разрешило безвизовый въезд для граждан Японии на срок до 15 дней, Китай стали посещать не только японские предприниматели, но и всё большее число японских туристов. Хотя гражданам КНР требуется виза для поездок в Японию, благодаря росту их благосостояния и появлению возможности путешествовать Китай также занял первое место по числу визитов своих граждан в Японию. С начала 1990-х гг. установился устойчивый тренд роста числа поездок граждан КНР в Японию, и в предшествовавший пандемии 2019 г. в страну въехало почти 10 млн китайских туристов¹⁵.

Приток китайских студентов и туристов имеет важное значение для экономики Японии, поскольку первые помогают решить проблему нехватки рабочей силы, с которой страна столкнулась вследствие старения населения, а последние приносят большие доходы японской туристической индустрии [Кульнева 2020, с. 58–60]. Это ещё одна сфера, в которой зависимость Японии от Китая стала ощутимой.

Смена ролей

Ещё одним важным событием, которое определило траекторию развития японо-китайских отношений в последние десятилетия, стало усиление мощи Китая — рост его влияния в мировой экономике и мировой политике. В середине 1990-х гг. начали проявляться положительные результаты китайских реформ, экономика КНР росла ускоренными темпами и появились первые признаки того, что Китай может превзойти Японию по номинальным экономическим

¹⁴ Чжунго тунцзи няньцянь [Китайский статистический ежегодник] (на кит. яз.). Национальное бюро статистики КНР. 1999. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/>

¹⁵ Инбаундо хо:нити гайкокудзин до:ко: [Тенденции посещения Японии иностранцами гражданами] (на яп. яз.). JTБ. Апрель 2022 г. <https://www.tourism.jp/tourism-database/stats/inbound/>

показателям. Ситуация усугублялась тем, что сама Япония столкнулась в это время с беспрецедентными в послевоенный период экономическими трудностями: крах экономики «мыльного пузыря» в 1991 г. стал началом длительного периода дефляции и застоя. В 2010 г. Китай обошёл Японию по номинальному ВВП и стал второй экономикой мира. Это событие было воспринято японской общественностью очень болезненно. По некоторым оценкам, уже в 2005 г. Япония перестала быть движущей силой экономического развития региона, передав эту роль Китаю [Kawanishi 2014, p. 150].

В 2000-е гг. Китай уверенно вышел на мировую арену как новый экономический лидер. Стали заметны качественные изменения в китайской промышленности и структуре внешней торговли: из «фабрики мира» страна начала превращаться в ведущего производителя высокотехнологичной продукции. Благодаря росту финансовых возможностей китайских компаний и принятой в конце 1990-х гг. государственной стратегии по выходу китайского бизнеса на мировые рынки КНР стала одним из крупнейших в мире источников предпринимательского капитала и упрочила свои глобальные экономические позиции.

Эти процессы привели к смене ролей двух стран во внешнеэкономических связях друг друга, фактически произошло смещение центра тяжести в установившейся между ними взаимозависимости. В 1980-е гг. можно было утверждать, что Китай находится в значительно большей зависимости от Японии, чем Япония от Китая. Так, например, в 1984 г. Китай занимал лишь 3% товарооборота Японии, в то время как доля Японии составляла 26% от товарооборота Китая: другими словами, Япония была главным торговым партнёром Китая, а Китай занимал лишь 4 место среди торговых партнёров Японии. Сейчас мы наблюдаем противоположную картину: доля КНР во внешней торговле Японии составляет 24%, а доля Японии в китайском товарообороте — лишь 7% (2020). Примечательно также, что основными статьями китайского экспорта в Японию стали телекоммуникационное оборудование, устройства для автоматической обработки данных и интегральные микросхемы¹⁶.

¹⁶ 2021 年 11 月 11 日: 日本経済新聞: 日本と中国の貿易関係が 10 年ぶりに逆転した [Торговля между Японией и Китаем в 2021 году достигла рекордного уровня впервые за 10 лет с 2011 года] (на яп. яз.). «Джетро». 25.03.2022. <https://www.jetro.go.jp/biz/areareports/2022/ef313e747ccd01d8.html>

Японский экономист Сэгути Киёюки отмечает, что в том пути, по которому идёт современный Китай, можно найти много общего с Японией времён нормализации японо-китайских отношений. Подписанию странами Совместного коммюнике предшествовал период высоких темпов роста японской экономики с последним двухзначным значением прироста ВВП 12,5% в 1969 г. В следующий период умеренных темпов роста (с 1971 г. до 1990 г., когда ВВП рос в среднем на 4,5% в год) Япония вступила в ряды развитых государств и в стране были сформированы основы социальной инфраструктуры. Незадолго до этого, в 1960-е гг., большое беспокойство в японском обществе стала вызывать проблема загрязнения окружающей среды, а в 1970-е гг. появилась осознанность в отношении экологических проблем и начали происходить изменения в образе жизни. Похожие процессы происходят сейчас в КНР. Период высоких темпов роста завершён, и после 19-го съезда КПК (2017) на смену количественным пришли качественные приоритеты экономического развития. Хотя в Китае сохраняются региональные диспропорции, его экономика постепенно приближается к уровню развитых стран по ряду ключевых показателей. Более совершенными становятся система социального обеспечения и общественная инфраструктура, повышается осведомленность китайцев в вопросах защиты окружающей среды. Всё это, и даже торговые трения с США, напоминает Японию 1970–80-х гг.¹⁷ Таким образом, хотя масштабы и проблемы двух стран различны и зачастую не сопоставимы, Китай будто идёт следом за Японией и повторяет путь её экономического развития.

Путь развития стран региона и, в частности, Китая хорошо иллюстрирует «парадигма летящих гусей» (*ганко: кэйтай рон*) японского экономиста Акамацу Канамэ. Он утверждал, что экономики, более развитые технологически, тянут за собой экономики стран-преследователей, которые получают возможность повысить свою конкурентоспособность за счёт полученных из этих стран прямых инвестиций, трансфертов ноу-хау и технологий [Akamatsu 1962, p. 3–8]. Таким образом, в развитии экономик региона существует определённая иерархия. Бесспорным экономическим лидером и главным источником прямых инвестиций для стран региона в послевоенные десяти-

¹⁷ Ниттё: кокко: сэйдзё:ка 50-сёю:нэн: ниттё: кэйдай канкэй но хэнсэн [50-летие нормализации японо-китайских отношений: перемены в экономических отношениях] (на яп. яз.). JBpress. 18.01.2022. <https://jbpress.ismedia.jp/articles/-/68475>

летия стала Япония, и модернизация отраслей НИЭ Восточной Азии, стран АСЕАН, а затем и Китая во многом является заслугой японского предпринимательского капитала. Внося весомый вклад в модернизацию промышленности КНР, Япония переносила туда и некоторое проблемы, присущие её экономике на определённых этапах развития. Так, вывоз японского капитала за рубеж в 1980-е гг. был связан с национальным курсом на структурную перестройку экономики, развитие интеллектуалоёмких отраслей и свёртывание неэкологичных производств [Лебедева 2007, с. 24–50]. Такие производства размещались в менее развитых странах и становились там источником загрязнения окружающей среды. Став крупным экспортёром предпринимательского капитала в 2000-е гг., Китай также пытается преодолеть проблемы, с которыми когда-то столкнулась Япония.

Говоря о смене ролей, стоит упомянуть и о политическом ландшафте, претерпевшем за последние полвека существенные изменения. В данном случае речь идёт о небывалом росте влияния Китая на мировой политической арене. Появление нового влиятельного игрока, который к тому же является её важным партнёром в регионе, вынуждает Японию искать гарантии безопасности и новые возможности наращивания своей военной мощи. Решение этих задач осложняется положениями пацифистской конституции Японии, в Девятой статье которой провозглашён отказ государства от права вести войну и иметь собственные вооружённые силы.

В 2000-е гг. в японских правительственных кругах обсуждалась возможность поправок в Девятую статью, однако любые попытки её пересмотра встречают сопротивление противников ремилитаризации страны и не принимаются подавляющей частью японского общества. Параллельно правительство Японии уделяет особое внимание обороне: в последние десять лет в стране отмечается постоянный рост оборонных расходов, и по их величине Япония входит в первую десятку среди стран мира¹⁸. В сфере международного военного сотрудничества, помимо альянса с США, Японией к настоящему времени заключены двусторонние соглашения с Австралией, Великобританией, Францией, Индией. Страна также является участником многостороннего стратегического диалога по проблемам безопасности в Индо-Тихо-

¹⁸ Lopes Da Silva, D., Tian, N. et al. Trends in World Military Expenditure, 2021. SIPRI Factsheet. Sipri. Apr. 2022. P. 2. https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf

океанском регионе *Quad* (с Австралией, Индией и США). В апреле 2022 г. в СМИ было опубликовано (впоследствии опровергнутое) сообщение о возможном присоединении Японии к трёхстороннему оборонному альянсу Австралии, Великобритании и США *AUKUS*¹⁹. Однако даже если Япония предпочтёт не вступать в этот альянс, не вызывает сомнений совпадение стратегических интересов страны с интересами его участников.

Несмотря на эти усилия очевидно, что на фоне Китая Япония сдала свои позиции и стала уступать своему соседу и по экономической мощи, и по политическому влиянию. В 1971 г., после исключения оттуда Китайской Республики (Тайваня), КНР заняла место постоянного члена Совета безопасности ООН, в который Япония в этом статусе не входит. Это даёт Китаю возможность блокировать важные политические инициативы, в том числе о включении в Совет безопасности Японии в качестве постоянного члена. Хотя Китай предпочитает придерживаться нейтральной позиции в тех международных конфликтах, которые не затрагивают его интересы напрямую, за время своего членства в СБ ООН он применил право вето более 15 раз. По мере роста своей экономической мощи в 1990-е и 2000-е гг., Китай последовательно наращивал военные расходы, что вызывало большие опасения, в том числе, у соседней Японии. В частности, это стало одной из главных причин, по которым японское правительство свернуло официальную помощь развитию (ОПР), занимавшую важное место в японо-китайских отношениях на протяжении нескольких десятилетий²⁰. Современный Китай является ядерной державой со второй по величине суммой военных расходов после США (по некоторым оценкам военные расходы Китая составляют 14% от общеми-

¹⁹ U.S. says AUKUS focused on 3-way security ties, denies Japan invited. KYODO NEWS. Apr 14, 2022. <https://english.kyodonews.net/news/2022/04/551a34774105-us-says-aukus-focused-on-3-way-security-ties-denies-japan-invited.html>

²⁰ Важную экономическую функцию на начальном этапе нормализации японо-китайских отношений играла японская официальная помощь развитию (ОПР) в виде льготных займов и грантов, которая, с одной стороны, предоставлялась Китаю и другим странам Азии по гуманитарным соображениям, с другой стороны, служила инструментом утверждения экономического и политического влияния Японии в регионе. Как страна, в наибольшей степени пострадавшая от японской агрессии, Китай занимал особое место среди направлений японской ОПР, получая до 20% всей её помощи, оказанной развивающимся странам, и воспринимал эту помощь как своеобразную замену репараций. Иностранный капитал, в том числе ОПР Японии, внёс большой вклад в стремительное экономическое развитие КНР [Ковригин 2012, с. 9–11; Ковригин 2014, с. 40–44].

ровых военных расходов и 1,7% от китайского ВВП)²¹. Политическое влияние Китая подкрепляется и финансовыми рычагами давления в тех странах и регионах, с которыми он тесно связан экономически. Новая экономическая и политическая роль КНР позволяет говорить о многополярности в международных отношениях или даже о новой биполярной системе с КНР и США на политических вершинах.

Подводя итоги, можно сказать, что ни Китай, ни Япония не занимают того места в мировой экономике и мировой политике, которое занимали в 1970-е гг. За 50 лет, прошедшие с момента нормализации их отношений, изменились не только позиции каждой из стран, но и вся международная обстановка. При этом наблюдаемые изменения происходили в условиях тесного взаимодействия двух стран, и можно сказать, что каждая из них внесла вклад в формирование новой экономической и политической роли своего соседа.

Старые и новые вызовы

По прошествии 50 лет после нормализации отношений Япония и Китай по-прежнему сталкиваются с целым рядом нерешённых проблем.

Несмотря на заявленное в 1972 г. намерение закрыть тяжёлую страницу истории и не вспоминать о войне, проблемы исторической памяти (в первую очередь связанной с войной 1937–1945 гг.) продолжают напоминать о себе и усиливать напряжённость. Конфликт заключается в том, что по мнению китайской стороны Япония в недостаточной степени осознала чудовищность своей агрессии и не принесла подобающих извинений, в то время как японские государственные лидеры подчёркивают, что извинения за причинённые китайскому народу страдания были принесены неоднократно, Япония долгое время предоставляла Китаю ОПР и другую финансово-техническую помощь и встала после войны на путь пацифизма. Проявлением недостаточного раскаяния Японии считается неправильное с точки зрения Китая освещение военных событий в японских учебниках истории. Резко негативную реакцию вызывают любые связанные с войной некорректные заявления японских политиков и СМИ.

²¹ Lopes Da Silva, D., Tian, N. et al. Trends in World Military Expenditure, 2021. SIPRI Factsheet. Sipri. Apr. 2022. P. 2. https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-04/fs_2204_milex_2021_0.pdf

Очень болезненно воспринимаются также визиты официальных лиц Японии в храм Ясукуни, где в число почитаемых погибших включены преступники, осуждённые военными трибуналами.

Остаётся не закрытым и вопрос Тайваня, который ни при каких обстоятельствах не готов признать себя провинцией КНР или частью Китая в рамках китайской концепции «одна страна — две системы». Связанная тесными отношениями с Китаем и военным альянсом с США, Япония вынуждена балансировать между интересами Китая и обязательствами перед своим союзником. Ввиду географической близости и к Китаю, и к Тайваню Япония не сможет остаться в стороне от конфликта. В этой связи ей ещё предстоит разработать план реагирования на потенциальный кризис и возможный запрос военной помощи со стороны США. События последних месяцев заставили японских экспертов серьёзно обсуждать вопрос о том, не может ли Тайвань стать «следующей Украиной», и моделировать ситуацию вторжения Китая на территорию Тайваня с попыткой его силового захвата²². Напряжённость в Тайваньском проливе действительно усилилась, и хотя сценарий, идентичный украинскому, кажется маловероятным, очевидно, что обеспокоенность всех причастных сторон возрастает.

Ещё одна проблема, которая уже долгое время создаёт напряжённость в японо-китайских отношениях, — суверенитет над спорными островами Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море. КНР и Тайвань выдвигают свои претензии на эти острова, находящиеся под административным контролем Японии. Конфликт имеет давнюю историю и слабые перспективы для своего разрешения, так как у каждой из сторон имеются собственные обоснования суверенитета и отсутствует желание идти на компромисс. В японо-китайских отношениях апогеем конфликта стала проведенная в 2012 г. национализация островов правительством Японии (их выкуп в государственную собственность у частных лиц), вызвавшая резко негативную реакцию в КНР и масштабные антияпонские демонстрации. Это повлекло в числе прочего и отмену всех мероприятий, приуроченных к празднованию 40-летия нормализации японо-китайских отношений. Напряженность усиливают продолжающиеся провокационные

²² Will Taiwan become “the next Ukraine”? The Genron NPO. May 16, 2022. <https://www.genron-npo.net/en/pp/archives/5599.html>

действия участников конфликта, например, установка Китаем буровых платформ в спорной акватории, а также происходящие там периодические столкновения гражданских судов разных стран мира²³.

Опросы общественного мнения подтверждают серьёзность перечисленных проблем для японской и китайской молодёжи. По данным японского некоммерческого аналитического центра «Гэнрон НРО», который на протяжении последних 17 лет каждый год публикует результаты опросов японских и китайских респондентов о восприятии страны-соседа, по итогам 2021 г. среди главных причин негативного отношения китайцев к Японии остаются проблема исторической памяти (на неё указали 77,5% опрошенных), проблема островов Дяоюйдао (58,7 %) и отсутствие твёрдой поддержки позиции «одного Китая» со стороны Японии (11,2%). С японской стороны весомая часть респондентов указала на проблему островов Сэнкаку (58,7%) и отметила исторические проблемы (27,7%), при этом японцев в первую очередь беспокоит связанная с ними постоянная критика с китайской стороны.

Нельзя не назвать и другие составляющие негативных настроений. Для японцев это своеобразие китайской идеологии, частое несоответствие действий КНР международным нормам, противостояние Китая и США, усиление военной мощи Китая при непрозрачности действий правительства. У китайцев негативное отношение к Японии связано также с существованием военно-политического союза Японии с США, с различиями в идеологии стран (по мнению некоторых респондентов, в японском обществе наблюдаются признаки возрождения милитаризма), с различиями экономических систем, с высокомерным отношением, которое они ощущают со стороны японцев. Негативно воспринимается и транслируемый японскими СМИ страх перед «китайской угрозой». В целом отношение народов друг к другу остаётся преимущественно негативным. В 2021 г. 66,1% китайских и 90,9% японских респондентов заявили, что относятся к стране-соседу «плохо» или «скорее

²³ См., например: Официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин ответила на вопрос СМИ о ходе поисково-спасательной операции в Восточно-Китайском море после столкновения китайского рыболовецкого судна с иностранным контейнеровозом. *Посольство КНР в РФ*. 11.08.2016. <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus//rus/fyrth/t1389418.htm> или: Главной задачей в Восточно-Китайском море является поиск пропавших в результате столкновения судов — минтранс КНР. Синьхуа. 11.01.2018. http://russian.news.cn/2018-01/11/c_136886147.htm

плохо», причём серьёзной положительной динамики в последние годы не наблюдается²⁴.

Всё это свидетельствует о том, что в японо-китайских отношениях сохраняется много факторов напряжённости, которые при определённых обстоятельствах могут свести на нет всё то позитивное, что было достигнуто странами за прошедшие 50 лет.

На рубеже XX и XXI вв. в отношениях Японии и Китая стала наблюдаться ситуация, получившая название «холодная политика, горячая экономика» (кит. *чжэнлэн чзинжэ*), когда политические факторы уже не оказывают столь сильного влияния на экономические связи. Несмотря на то, что в начале 2000-х гг. японский премьер-министр Дз. Коидзуми наносил регулярные визиты в храм Ясукуни, вызывая протест высших должностных лиц КНР и раздражая китайскую общественность, показатели двусторонней торговли и инвестиций падали незначительно, по крайней мере, влияние охлаждения политических отношений не было так заметно, как во время подобных конфликтов в 1980-е гг.²⁵, и тем более по сравнению с 1958 г., когда инцидент с китайскими флагами в Нагасаки привёл к полной приостановке действия соглашения о торговле и разрыву экономических связей. Можно утверждать, что развитие и укрепление экономических связей Японии и Китая, ставшее возможным благодаря нормализации их отношений, сделало союз двух стран более устойчивым: достигнутые масштабы торговли и инвестиций делают колебания этих показателей менее заметными. В то же время проблемы исторического прошлого в японо-китайских отношениях сохраняют настолько сильную остроту, что тесного экономического сотрудничества оказывается недостаточно для их окончательного решения.

²⁴ Дай 17-кай ниттю: кё:до: ёрон тё:са. Ниттю: ёрон хикаку кэка [17-е совместное исследование общественного мнения в Японии и Китае. Сравнительный анализ общественного мнения в Японии и Китае] (на яп. яз.). The Genron NPO. 10.2021. <https://www.genron-npo.net/world/archives/11542-2.html>

²⁵ В начале 1980-х гг. между Японией и Китаем возникли первые серьёзные конфликты, связанные с исторической памятью — по поводу содержания учебников истории (1982) и в связи с визитом в храм Ясукуни японского премьер-министра Я. Накасонэ (1985). Протесты китайской интеллигенции, которая увязывала экономическое превосходство Японии с милитаризмом, считая его «второй агрессией» [Whiting 1992, p. 45–46], вместе с другими факторами привели к тому, что показатели японо-китайской торговли падали на 10–20% в 1982–83 гг. и на 30–40 % в 1986 г. (в этот год также сыграло роль падение цен на нефть).

Пандемия Covid-19, поставившая мировое сообщество перед новыми вызовами, стала своеобразной проверкой связей Японии и Китая на прочность. Несмотря на то, что с начала 2020 г. ситуация в КНР оставалась сложной и непредсказуемой, японские компании не спешили сворачивать там свои производства и с большой осторожностью подходили к вопросу об уходе с китайского рынка. Когда в середине 2020 г. правительство Японии объявило о выплате субсидий компаниям, желающим вернуть свои производственные объекты в Японию или переместить их в страны АСЕАН, на это предложение откликнулось не так много предприятий, а многие из тех, кто захотел получить субсидию, использовали её лишь для закрытия нерентабельных производств, сохранив в Китае прибыльные подразделения с перспективой дальнейшего расширения²⁶. Согласно опросу организации «Джетро», в 2021 г. доля японских компаний, которые хотят в ближайшие 1-2 года развивать в Китае свой бизнес, увеличилась по сравнению с 2020 годом на 4% в среднем по всем отраслям и составила 41%. При этом больше всего — на 10% — увеличилась доля таких компаний в металлургии, электронной промышленности и транспортной отрасли²⁷. Таким образом, хотя свобода передвижения людей между двумя странами ещё не восстановлена, экономические связи стран в своей основе остаются прочными.

Больше всего пострадал из-за пандемии туристический сектор. В 2020 г. число иностранных туристов в Японии упало на 87%, а в 2021 г. — ещё на 94% к предыдущему году, в Китае — соответственно на 81% и 66%. В обеих странах туристическая отрасль понесла колоссальные потери, а для Японии, где 30–40% туристического потока до пандемии обеспечивал Китай, отсутствие китайских туристов оказалось особенно заметным. Это говорит об уязвимости японо-китайских отношений в этом направлении, и хочется надеяться, что туристические потоки будут со временем восстановлены.

²⁶ Сэгүти Киёюки. Корона дэ мо нихон кигё: га тью:гоку кара тэттай синай рию: [Причины, по которым японские компании не уходят из Китая даже в условиях коронавируса] (на яп. яз.). Институт глобальных исследований «Кэнон». 21.12.2020. https://cigs.canon/article/20201221_5534.html

²⁷ 2021 нэндо кайгай синсюцу никкэй кигё: дзиттай тё:са. Тью:гоку хэн. [Опрос 2021 года японских компаний, расширяющих свою деятельность за рубежом. Китай.] (на яп. яз.). «Джетро». 02.2022. <https://www.jetro.go.jp/world/reports/2022/01/7f30584ec766e1a0.html>

Благодаря масштабу своей экономики и своевременным мерам борьбы с распространением коронавируса Китай пострадал от пандемии в меньшей степени, чем Япония. Это способствовало укреплению тенденции к несимметричной взаимозависимости экономик двух стран, связанной с большим уровнем экономической зависимости Японии от Китая. В 2020 г. Китай стал единственным глобальным игроком, которому удалось добиться положительного экономического роста в 2,3%, и удержать, несмотря на увеличение безработицы и снижение объёма розничных продаж, темпы промышленного производства, сохранив также стабильные показатели внешнего товарооборота и прямых зарубежных инвестиций. Для экономики Японии 2020 г. был особенно тяжёлым: происходило стремительное сокращение производства, снижались показатели внешней торговли и инвестиций, а падение ВВП составило почти 5% — один из худших результатов за послевоенный период. В этих условиях Китай стал локомотивом восстановления японской экономики, взяв на себя весомую часть японской внешней торговли [Кульнева 2021, с. 8–11]. Устойчивость в 2020 и 2021 гг. продемонстрировал и поток японских инвестиций в КНР.

В связи с новыми вызовами нельзя не остановиться и на ситуации вокруг Украины, которая привносит тектонические сдвиги в систему международных отношений. Подробный анализ событий выходит за рамки данной работы, тем более что прогнозы делать по-прежнему сложно. Можно лишь отметить, что наибольшее беспокойство у стран в настоящее время вызывают сбои в работе глобальных транспортных и логистических цепочек, рост цен, нарушение стабильности поставок энергоресурсов, риски для продовольственной безопасности и неизбежное замедление экономического роста. Учитывая, что Китай занял выжидательную позицию и старается держаться в стороне от конфликта, очень вероятно, что он станет одним из бенефициаров формирующейся новой глобальной модели экономических отношений. Соответственно, это приведет к укреплению его мировых позиций, что в свою очередь окажет свое влияние на дальнейшую траекторию отношений с Японией. Япония же в новой геополитической реальности, очевидно, будет проявлять большую осмотрительность в оценке растущих рисков и угроз и предпринимать совместно с США и другими партнёрами меры для сдерживания Китая.

Заключение

Рассмотренный период — лишь небольшой отрезок времени в длительной истории японо-китайских отношений, однако за эти 50 лет связи двух стран подверглись существенной трансформации. Процессы сближения и одновременно обострения проблем и противоречий между двумя странами происходили на фоне усиления глобализации, роста в мире торговли, инвестиций, транспортных и туристических потоков. Важным фактором трансформации двусторонних отношений стало усиление экономической мощи и политического влияния Китая.

Сегодня мир стоит на пороге трансформаций иного характера, которые вновь проверяют японо-китайские отношения на прочность. Оценивая перспективы развития отношений двух стран, необходимо отметить, что и Япония, и Китай осознают важность предстоящей знаменательной даты и намерены прилагать усилия для дальнейшего укрепления связей и преодоления трудностей. Как заявил председатель КНР Си Цзиньпин в телефонном разговоре с премьер-министром Японии Кисида Фумио по случаю Дня образования КНР 1 октября 2021 г., с которым его поздравил Кисида, Китай и Япония должны «извлекать уроки из положительного и отрицательного опыта двусторонних отношений», «соблюдать принципы, установленные в “четырёх политических документах”²⁸» и «искренне претворять в жизнь политический консенсус, заключающийся в том, что они являются партнёрами и не представляют угрозы друг для друга». Кисида, в свою очередь, отметил готовность Японии извлекать уроки из истории и подчеркнул, что предстоящая дата является «возможностью для построения конструктивных и стабильных японо-китайских отношений, отвечающих требованиям новой эпохи». Как и Си Цзиньпин, Кисида выразил намерение решать любые разногласия посредством диалога и принимать надлежащие меры для улаживания деликатных вопросов²⁹.

²⁸ Имеются в виду четыре документа, которые юридически закрепляют политическую основу японо-китайских отношений: Совместное коммюнике правительства Японии и правительства Китайской Народной Республики (1972), Договор о мире и дружбе (1978), Совместная декларация Японии и Китая о построении партнерских отношений дружбы и сотрудничества во имя мира и развития (1998) и Совместное заявление о развитии стратегических взаимовыгодных отношений (2008).

²⁹ Си Цзиньпин тун Жибэнь шоусян Аньтянь Вэньсюн тун дянхуа [Си Цзиньпин провёл телефонный разговор с премьер-министром Японии Кисида Фумио]

Возможность реализации этих намерений будет зависеть от множества факторов, в том числе внешних и неподконтрольных двум странам. При этом важную роль в обеспечении устойчивости двусторонних связей будут играть усилия их отдельных участников, включая предпринимательские круги, неправительственные организации, научное и экспертное сообщество.

Библиографический список

Ковригин Е. Б. (2014). Япония — АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию. *Пространственная экономика*. № 2. С. 40–74. DOI: 10.14530/se.2014.2.040-074

Ковригин Е. Б. (2012). Япония — Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия. *Пространственная экономика*. № 3. С. 9–33.

Кульнева П. В. (2021). Влияние пандемии коронавируса на японо-китайские экономические связи. *Восточная Азия: факты и аналитика*. № 2. С. 6–19. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-2-6-19

Кульнева П. В. (2020). Сильный Китай как новая реальность для современного поколения японцев. *Япония в ретроспективе смены поколений* / под ред. Д. В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс. С. 50–66.

Лебедева И. П. (2007). *Япония: промышленность и предпринимательство*. Москва: Восточная литература.

Нелидов В. В. (2019). «Китайский шок Никсона» в зеркале японской внутренней политики. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(6). С. 61–77. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-61-77

References

Akamatsu, K. (1962). A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries. *The Developing Economies*, 1, s1 (March–August), 3–25. DOI: 10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x

Burns, K. G. (1999). China and Japan: Economic Partnership to Political Ends. In M. Krepon and C. Gagné (eds.), *Economic Confidence-Building and Regional Security* (pp. 27–58). Washington, DC: The Henry L. Stimson Center.

(на кит. яз.). Xinhua Daily Telegraph. 09.10.2021. http://www.news.cn/mrdx/2021-10/09/c_1310233888.htm

Kawanishi, S. (2014). Ajia yūrashia chiiki no sho mondai to nitchū kankei [Problems in the Asia-Eurasia region and Japan-China relations]. In *Gendai chūgoku no sho mondai to nitchū kankei* [Problems of Contemporary China and Japan-China Relations]. Sagami-hara: Fujiwara Insatsu [Fujiwara Publishing]. (In Japanese).

Kovrigin, E. B. (2012). Yaponiya — Kitai: ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu kak instrument ekonomicheskogo vzaimodejstviya [Japan — China: Official Development Assistance as an Instrument of Economic Interaction]. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], 3, 9–33. (In Russian).

Kovrigin, E. B. (2014). Yaponiya — ASEAN: evolyutsiya ofitsial'noi pomoshchi razvitiyu [Japan — ASEAN: Evolution of Official Development Assistance]. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], 2, 40–74. DOI: 10.14530/se.2014.2.040-074 (In Russian).

Kulneva, P. V. (2020). Sil'nyi Kitaj kak novaya real'nost' dlya sovremennogo pokoleniya yaponitsev [Strong China as a New Reality for the Current Generation of the Japanese]. In D. V. Streltsov (ed.), *Yaponiya v retrospektive smeny pokolenii* [Japan in the Retrospective of Changing Generations]. Moscow: Aspect Press. (In Russian).

Kulneva, P. V. (2021). Vliyanie pandemii koronavirusa na yaponno-kitaiskie ekonomicheskie svyazi [The Influence of the Coronavirus Pandemic on Japan-China Economic Relations]. *Vostochnaya Azija: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2, 6–19. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-2-6-19 (In Russian).

Lebedeva, I. P. (2007). *Yaponiya: promyshlennost' i predprinimatel'stvo* [Japan: Industry and Entrepreneurship]. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russian).

Li, Xiejing et al. (1997). Chūgokujin no nippon ryūgaku no hyaku nen: rekishi teki kiseki to genzai no ryūgaku jijō nitsuite [100 Years of Chinese Study Abroad in Japan: Historical Trajectory and Current Study Abroad Circumstances]. *Bulletin of Nara University Education*, 46, 1 (Cult. & Soc.), 21–35. (In Japanese).

Nelidov, V. V. (2019). “Kitajskii shok Niksona” v zerkale yaponskoi vnutrennei politiki [The “Nixon China Shock” in the Mirror of Japanese Domestic Politics]. *MGIMO Review of International Relations*, 12(6), 61–77. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-61-77 (In Russian).

Sun, Naimin (ed.). (2006). *Zhongri guanxi shi* [History of Japan-China Relations]. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe [Social Sciences Academic Press China]. Vol. 3. (In Chinese).

Wang, Maoping (2009). Zhongri jingji xianghu yilai de min'ganxing yu cuiruoxing fenxi [Analysis of Vulnerability and Fragility of the Interdependence of the Chinese and Japanese Economies]. *Riben Yanjiu* [Japanese Studies], 4, 37–41. (In Chinese).

Whiting, A. S. (1992). China and Japan: Politics Versus Economics. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 519 (Jan.), 39–51. DOI: 10.1177/0002716292519001004

Ежегодник Японии 2022. Т. 51. С. 40—60

Yearbook Japan 2022. Vol. 51, pp. 40—60

DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-40-60

Молодые японцы: лицом к миру

Л. В. Жилина

Аннотация

В настоящее время молодые люди составляют большинство населения во многих странах, но взаимодействие с молодежью является не только демографической необходимостью — молодые люди активно влияют на мировые процессы посредством различных инициатив.

Как подчеркивается в Уставе Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), незнание путей и жизни друг друга на протяжении всей истории человечества было главной причиной подозрительности и недоверия между народами планеты, в результате чего их разногласия слишком часто оборачивались войнами. И поскольку войны начинаются в умах людей, то именно в сознании людей следует закладывать фундамент мира. Изучая настроения молодых людей, в 2021 г. *The Goi Peace Foundation*, неправительственная организация, аккредитованная при ООН, провела опрос молодежи из разных стран в возрасте от 15 до 25 лет. Вопросы касались восприятия молодыми людьми текущего состояния мира на Земле и их осведомленности в темах, связанных с поддержанием мира. Респондентов также спрашивали и о том, что они хотели бы сделать ради поддержания мира на Земле.

В статье анализируются ответы молодых японцев и производится их сравнение с мнениями молодых людей из других стран.

Молодежь в возрасте от 15 до 25 лет составляет примерно десятую часть населения Японии. Сейчас некоторые молодые японцы идентифицируют себя как «*satori sedai*» (さとり世代). Этот термин впервые был введен в оборот в 2010 г. для описания тех, кто родился примерно два десятилетия назад, когда началось снижение темпов развития японской экономики. Он характеризовал японскую молодежь как людей с пессимистическим отношением к будущему. Представляется актуальным анализ ценностей и социальных ориентиров современной японской молодежи в контексте ее отношения к вопросам сохранения мира и оценки ее возможного вклада в процесс созидания мира. В статье делается вывод о том, что молодые японцы демонстри-

руют готовность общаться, укреплять и защищать мир путем выдвижения различных инициатив. Отмечается, что участие молодежи — как японской, так и молодежи других стран — может сыграть заметную роль в процессах созидания и поддержания мира во всем мире.

Ключевые слова: японская молодежь, мир, система ценностей, вклад в созидание мира, опрос

Автор: Жилина Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (644077, Омск, проспект Мира, 55-А).

ORCID 0000-0002-6337-3870

SPIN-код РИНЦ: 6910-2963

E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japanese Youth: Facing the Peace

L. V. Zhilina

Abstract

Nowadays young people constitute the majority of population in many countries. However, engaging with young people is not only a demographic necessity — young people all over the world actively influence peace processes through diverse initiatives.

As stressed in the Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), the ignorance of each other's ways and lives has been a common cause, throughout the history of mankind, of that suspicion and mistrust between the peoples of the world through which their differences have all too often broken into war. Since wars begin in the minds of men, it is in the minds of men that the defenses of peace must be constructed. Surveying the moods of young people around the world, a foundation maintaining official relations with UNESCO, the *Goi Peace Foundation*, conducted a survey of young people around the world (aged 15–25) in 2021, where the respondents were asked about their perceptions of the current state of peace, their awareness of issues related to peace, about what they would like to do to contribute to peace.

The article analyzes young people's own point of view on youth participation and inclusion in peace processes and compares all the participants' opinions with opinions of participants from Japan.

The youth aged 15 to 25 make up a tenth of Japan's population, and some young Japanese people identify themselves as the *satori sedai* (さとり世代) — a term first used in 2010 to describe those born around the time the economy started to slide two decades ago and characterizing the Japanese youth as having pessimistic attitudes towards the future. That is why the analysis of the values and social orientations of Japanese youth towards peace, issues related to peace, and their possible contribution to peace building as compared to those in the rest of the world is especially interesting. The article indicates that young Japanese demonstrated willingness to socialize, strengthen, and protect peace in formal and informal political platforms through various practices. It is noted that the participation of the youth, both all over the world and in Japan, in building and supporting world peace can yield substantial positive results.

Keywords: Japanese youth, peace, value system, contribution to peace building, survey

Author: Zhilina Larisa V., PhD(History), Associate Professor, Department of Philology, Translation Studies and Media Communications, F. M. Dostoevsky Omsk State University (55-A, Mira Street, Omsk, Russia, 644077)

ORCID 0000-0002-6337-3870

SPIN: 6910-2963

E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

В исследованиях ученых, занимающихся вопросами проблем поддержания мира, понятие «мир» определяется не только как отсутствие войны — «негативный мир» [Galtung 1967, p. 12], но и как наличие условий для создания справедливого и устойчивого мира, включая равный доступ к пище и воде, доступное образование для женщин и детей, безопасность и другие неприкосновенные права человека¹.

¹ См. также Peace Studies at Radford University: <https://www.radford.edu/content/cehd/home/peace-studies/defined.html>; Kroc Institute for International Peace Studies: <http://kroc.nd.edu/about-us/what-peace-studies>

Следует различать две концепции понятия «мир»: «негативный мир», определяемый как отсутствие организованного насилия между такими крупными человеческими

«Мир как синоним всех других благ в мировом сообществе, особенно сотрудничество и интеграция между группами людей — это «позитивный мир» [Galtung 1967, p. 14].

В 2008 г. Страна Восходящего Солнца входила в первую пятерку стран по показателю глобального индекса миролюбия² (*The Global Peace Index — GPI*), который ежегодно публикуется частной международной организацией — Институтом экономики и мира (*IEP — Institute Economics Peace*)³. В 2014 г. Япония также вошла в первую десятку стран с высоким индексом миролюбия (8-я из 162 стран, вошедших в рейтинг), сохранив эту позицию и в 2015 г. Для сравнения: США в том же 2015 г. оказались только на 94-м месте, Южная Корея на 42-ом, Китай на 124-м, а Россия на 152-м местах.

Однако к 2021 г. Япония потеряла в этом списке еще несколько позиций и оказалась уже двенадцатой (США — 122, Южная Корея — 57, Китай — 100, Россия — 154). Согласно проведенному *GPI* исследованию, глобальный индекс миролюбия в 2021 г. показал, что мир стал менее стабильным, и это произошло в девятый раз за последние тринадцать лет.

Как сказано в Уставе Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, «войны начинаются в умах людей, и именно в сознании людей следует закладывать фундамент защиты мира»⁴. Возможно, этот постулат и стал толчком к тому, что в 2021 г. *The Goi Peace Foundation*⁵ провел репрезентативное исследо-

группами как нации, а также между расовыми и этническими группами из-за чего могут начинаться войны; **“позитивный мир”**, определяемый как модель сотрудничества и интеграции между основными группами людей. Отсутствие насилия не следует путать с отсутствием конфликта: насилие может происходить без конфликта, а конфликт можно разрешить с помощью ненасильственных механизмов.

² The Global Peace Index (GPI) — Глобальный индекс мира используется для оценивания национального миролюбия. Сайт: The Global Peace Index — Vision of Humanity <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2021/06/GPI-2021-web-1.pdf>

³ Институт экономики и мира (IEP) — это некоммерческий аналитический центр, цель которого — обратить внимание на мир как на позитивную, достижимую и осязаемую меру человеческого благополучия и прогресса.

⁴ UNESCO. Constitution of the United Nations Education and Scientific Cultural Organization. <http://www.un-documents.net/unesco-c.htm>

⁵ Основанный в Японии Фонд мира Гои является общественной благотворительной неправительственной организацией при ООН. Миссия Фонда состоит в том, чтобы способствовать созданию устойчивого и гармоничного глобального сообщества путем продвижения сознания, ценностей и мудрости для формирования мира и укрепления

вание, охватившее молодежь из разных стран⁶. Фонд поставил целью понять, как молодые люди воспринимают нынешнее состояние мира на Земле, насколько они осведомлены в вопросах, связанных с построением мира, и какой вклад в дело его поддержания хотели бы внести сами. Эксперты полагают, что именно в процессе совместных размышлений и обсуждений того смысла, который придается термину «мир», и того, как политика влияет на представление о мире, можно обрести собственную стратегию сохранения мира [Forsey 1989, p. 13].

Результаты Опроса молодежи по вопросам мира (*Youth Survey on Peace Awareness*⁷), проведенного в 2021 г., были использованы в этой статье для анализа восприятия мира и стабильности мира молодыми японцами и для сравнения их мнений с мнениями молодых людей из других стран. Современное развитие общества, кардинальные изменения в политической, экономической, духовной сферах жизни опосредуют глубокие изменения в сознании людей. При этом ценностные ориентации играют важную роль, как в регуляции поведения отдельной личности, так и в координации деятельности больших и малых групп, культуры и нации в целом. Изучение ценностей и социальных ориентиров японской молодежи и сравнение их с ценностями и социальными ориентирами молодежи других стран представляет интерес с социологической и психологической точек зрения. Это позволяет ответить на вопросы о социальной стабильности или изменениях в японском обществе, которые могут быть вызваны новыми идеями, убеждениями, поведенческими моделями молодых людей. Взгляды современной молодежи могут противоречить идеям предыдущего поколения и, возможно, лучше подходить для решения современных проблем.

Мир и окружение

Для изучения механизма вовлечения молодых людей в решение насущных проблем общества необходимо понимать, как молодые люди становятся политически активными. Как показывают иссле-

сотрудничества между отдельными лицами и организациями в различных областях, включая образование, науку, культуру и искусство. <https://www.goipeace.or.jp/en/>

⁶ В ходе опроса было получено 6 538 анкет участников из 149 стран.

⁷ Youth Survey on Peace Awareness — 2021 Results. The Goi Peace Foundation. <https://www.goipeace.or.jp/en/news/peace-survey2021/>

дования [Tsukada 2015; Жилина 2018], молодежь учится быть политически зрелой, осуществляя коммуникации в своих сообществах/социальных группах и получая доступ к информации в своей повседневной жизни, становясь, таким образом, не пассивным наблюдателем за политическим процессом, а его участником. Социальная коммуникация становится одним из наиболее важных источников социальной информации и ложится в основу многих социальных убеждений [Sommerfeld et al. 2007, p. 17435–17440], которые формируются в той или иной социальной группе. Через призму своей картины мира молодежь воспринимает политическую реальность, посредством системы ценностных ориентаций формирует свое отношение к политическим международным событиям, и поэтому интерес ко всему происходящему в мире является одной из важнейших форм проявления политического поведения молодого поколения [Жилина 2018, с. 63]. Однако, прежде всего, необходимо, чтобы у молодых людей возник интерес к этой информации и начался ее поиск.

По результатам проведенного исследования, в общей сложности 79,5% молодых респондентов, принявших участие в опросе, «очень часто» или «иногда» обсуждают положение в разных странах, политические процессы и т.д. с окружающими их людьми, и если к ним добавить тех, кто ответил «редко/никогда, но хотели бы обсудить», то их доля возрастает до 90%, что свидетельствует о высоком уровне интереса к вопросам, касающимся сохранения мира на Земле среди участников опроса⁸ (рис. 1).

Вместе с тем тот факт, что только 10% респондентов в Японии «очень часто», а 50,2% — «иногда» обсуждают эту тему, красноречиво говорит: дискуссии о мире ведутся в молодежной среде в Японии реже, чем в остальных странах в целом. Другими словами, это косвенно указывает на то, что «политическая апатия среди японской молодежи в последние годы достигла беспрецедентного уровня» [Tsukada 2015].

А ведь именно общение в информационно ориентированной образовательной среде помогает молодым людям сформировать их мышление, именно такое общение способно дать толчок к личностному

⁸ В частности, в Африке самый высокий процент респондентов ответил «очень часто» (50,9%) и «иногда» (39,4%).

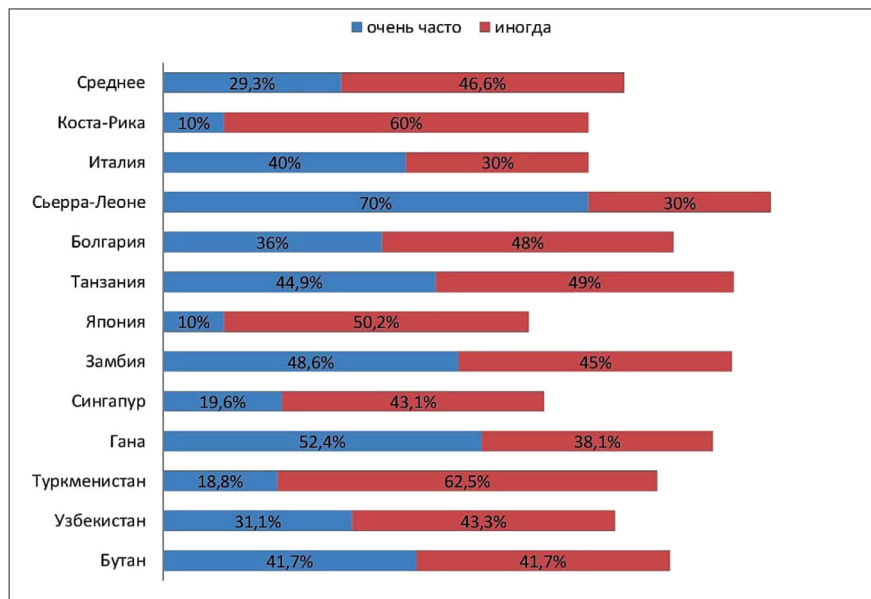

Рис. 1. Как часто молодежь обсуждает мир с окружающими

Источник: Youth Survey on Peace Awareness — 2021 Results.

The Goi Peace Foundation.

<https://www.goipeace.or.jp/en/news/peace-survey2021/>

росту, предоставить необходимые знания, чтобы составить четкое понимание того, каким они хотят видеть мир и что они могут сделать для его развития и сохранения.

Мир в какой сфере важнее?

Среди японской молодежи, принявшей участие в опросе, наибольшая часть респондентов (44,8%) отметила, что им важнее всего «мир на земле, в том числе в природе» (рис. 2). Но вместе с тем 11,7% японцев выбрали «мир в своей семье», 2,9% — «мир в школе/общине» и 9,6% — «мир в своей стране». В общей сложности эти ответы выбрали 24,2% японцев, тогда как только 8,2% всех молодых людей, принявших участие в опросе, отметили, что именно эти сферы для них важны для ощущения стабильного мира (4,5%, 0,7%, 3,0% соответственно, рис. 3).

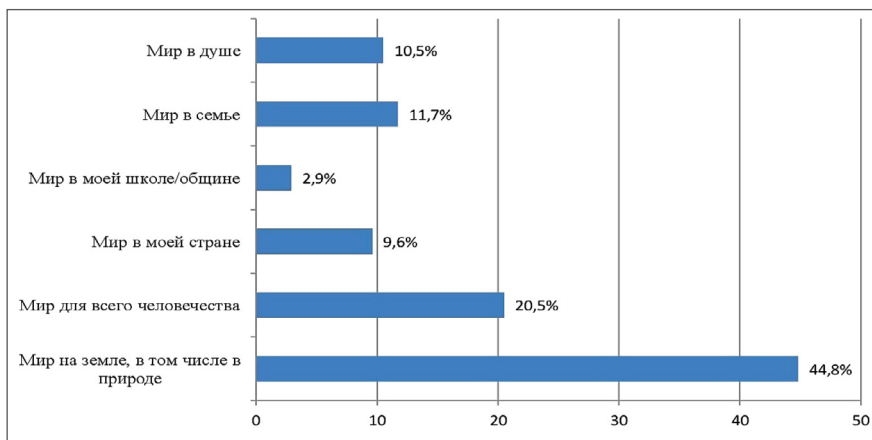

Рис. 2. В какой сфере важен мир для японской молодежи
Источник: Youth Survey on Peace Awareness — 2021 Results.
The Goi Peace Foundation.

<https://www.goipeace.or.jp/en/news/peace-survey2021/>

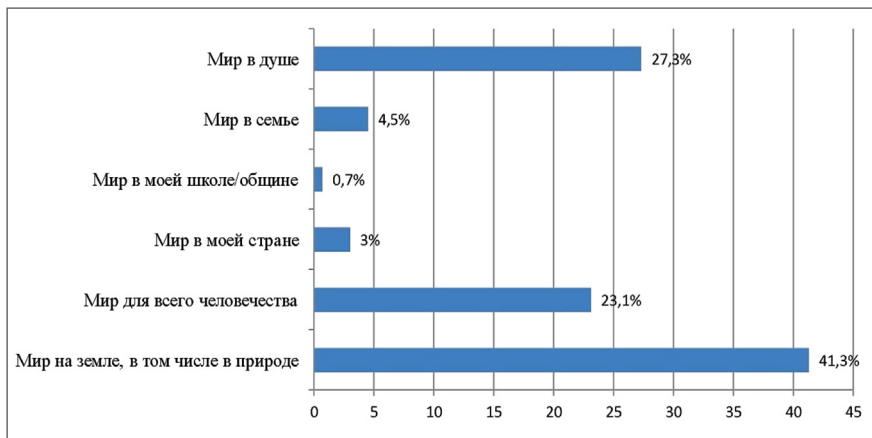

Рис. 3. В какой сфере важен мир для молодежи разных стран
Источник: Youth Survey on Peace Awareness — 2021 Results.
The Goi Peace Foundation.

<https://www.goipeace.or.jp/en/news/peace-survey2021/>

Еще недавно японская молодежь характеризовалась как *утимуки* (内向き — «смотрящая внутрь» или «островная»)⁹. Как мы видим из результатов опроса, было бы неправильно утверждать, что молодые люди не ценят то, что находится рядом с ними — скорее всего, при измерении чувства удовлетворенности жизнью приоритеты сместились с общества и политики на вещи, которые находятся в их непосредственном окружении [Furuichi 2014].

Обращает на себя внимание и тот факт, что только 10,5% молодых японцев отметили необходимость «мира в душе» — душевного спокойствия, и это значительно меньше показателей, характеризующих ответы участников из всех стран (27,3%) и респондентов из Азиатско-Тихоокеанского региона (28,0%). На наш взгляд это свидетельствует о том, что люди, находящиеся под влиянием различных культур, испытывают различные чувства и эмоции, и, следовательно, ощущение «мира в душе» в каждой культуре будет определяться по ценностной шкале, соответствующей данной культуре [Lee et al. 2012, p. 572–573].

Стал ли мир стабильнее?

Поскольку устойчивый/стабильный мир характеризуется отсутствием культурного и структурного насилия [Galtung 1967]¹⁰, то основная цель при созидании устойчивого мира — перевести людей из состояния крайней уязвимости и зависимости в состояние самодостаточности и благополучия. В целом молодежи, оптимистично считающей, что мир стал более устойчивым/стабильным, оказалось больше (44,3%), чем тех, кто не ощущает этой стабильности (37,3%)¹¹.

⁹ Burgess, C. Ambivalent Japan turns on its 'insular' youth. *The Japan Times*. May 21, 2013. http://www.japantimes.co.jp/community/2013/05/21/issues/ambivalent-japan-turns-on-its-insular-youth/#.U8XX4_mSxpk

¹⁰ Ученый-социолог Йохан Галтунг ввел типы насилия: прямое, структурное (создание социальными институтами условий, не позволяющих людям удовлетворять свои основные потребности) и культурное насилие. **“Негативный мир”** — это отсутствие прямого насилия между основными группами людей (нациями, классами, расами и этническими группами), тогда как **“позитивный мир”** — это отсутствие структурного и культурного насилия, торжество справедливости, гармонии и равенства» [Galtung 1967, p. 14]. По Галтунгу, **мир** — это синоним **стабильности/равновесия**. Эту концепцию можно отнести и к внутреннему состоянию человека, находящегося в мире с самим собой [Galtung 1967, p. 12].

¹¹ В трех регионах — Северной Америке / Западной Европе, Латинской Америке и Восточной Европе / Центральной Азии — больше респондентов ответили, что мир стал

В Японии таких оптимистов значительно больше (59,4%!), чем пессимистично настроенных (13,8%). Но, несмотря на это только 9,6% молодых японцев ответили утвердительно на вопрос о возможности достижения стабильного мира на Земле в ближайшие годы (72,8% считают это невозможным). Вместе с тем, 88,7%¹² японцев отметили, что их страна по сравнению с другими более мирная¹³!

Молодые люди из стран, принявших участие в опросе, считают, что по сравнению с прошлым в мире произошло «улучшение качества жизни за счет развития науки и техники» (47,0%), «улучшение доступа к образованию / улучшение качества образования» (45,3%) и «улучшение доступа к медицине и социальному обеспечению» (39,0%)¹⁴. А японские респонденты дали свой собственный ответ на этот вопрос: «Стало меньше войн и конфликтов» (44,8%).

И что делать?

Так какой же наиболее важный вопрос необходимо решить современной молодежи для того, чтобы их страна стала более мирной? Согласно данным ООН, на сегодняшний день в мире проживает рекордное число молодых людей — около 1,8 млрд. Поскольку в период с 2015 г. по 2030 г. ожидается дальнейший рост численности молодого населения Земли, то именно молодежь может стать движущей силой в общественно-политическом и социальном развитии. Кроме того, молодое поколение может сыграть важную роль в деле достижения целей в области устойчивого развития мира¹⁵. Однако, как полагают эксперты, от принятия серьезных решений молодежь изолировал слишком жесткий материализм и (с точки зрения жизненной

более стабильным, чем был раньше (от 47,4% до 59,8%). А в регионах АТР, Ближнего Востока и Африки респонденты были более пессимистичны (от 41,1% до 48,8%). При этом четверть молодежи на планете считает, что мир станет более стабильным на протяжении их жизни, а половина не согласна с этим утверждением.

¹² Япония заняла 7-е место по количеству положительных ответов респондентов, которые написали, что считают свою страну более мирной по сравнению с другими странами.

¹³ Доля положительных ответов была относительно выше в Северной Америке/Западной Европе и в Восточной Европе/Центральной Азии, в то время как доля отрицательных ответов была выше на Ближнем Востоке.

¹⁴ Молодежь Латинской Америки и Африки считает, что произошло «улучшение качества жизни за счет развития науки и техники», а молодые люди других регионов отметили «улучшение доступа к образованию/улучшение качества образования».

¹⁵ См. сайт ООН <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/youth/>

перспективы) лейтмотив — не выходить за рамки личных удобств. Именно это и объясняет слабый интерес молодежи к национальным делам — серьезный вызов, с которым сталкивается постепенно стареющее японское общество [Жилина 2016, с. 70]. Можно утверждать, что многим молодым представителям японского общества не хватает знаний для вовлечения в государственные дела. А ведь вопрос культивирования их политического сознания должен решаться в то время, когда они находятся еще в учебных заведениях — в старших классах средних школ или в университетах [Panda 2015]. Несмотря на то, что в японском законе об образовании делается упор на необходимость поддерживать «общественное» мышление, в Японии нет программ политической грамотности, которые отвечают этому предписанию [Parmenter et al. 2008]. Например, студентам объясняют основные положения демократии и их социальные права, но при этом от них не требуют принимать участие в разработке законов или участвовать в политике. Хотя и предпринимаются некоторые попытки преподавания аспектов, связанных с демократией, но они довольно расплывчаты и лишены практического применения. Студентов учат «соблюдать законы», но не учат, как их создавать. Другими словами, их не учат пониманию необходимости приобретения политических навыков [Kameyama 2009, p. 101]. По мнению исследователей [Tsukada 2015], такие качества могут быть приобретены через «гражданское образование» (которое также можно описать как процесс политической социализации). Оно должно быть направлено на воспитание граждан, обладающих знаниями и пониманием того, как получать информацию и развивать у них навыки общения, участия в жизни общества и принятия ответственных действий.

Молодые люди из разных стран считают, что для достижения мира во всем мире в первую очередь необходимо решить три задачи: покончить с дискриминацией и угнетением человека (54,3%), не развязывать войн и конфликтов (41,9%) и победить бедность и голод (38,1%) (рис. 4).

Японская молодежь самым важным условием установления мира на Земле назвала «отсутствие войн и конфликтов» (56,1%) — это свидетельство того, что идея мира глубоко укоренилась в сознании японцев в результате полученного ими образования (рис. 5).

По мнению исследователей, «у послевоенного поколения сложился психологический комплекс неприятия силовой политики.

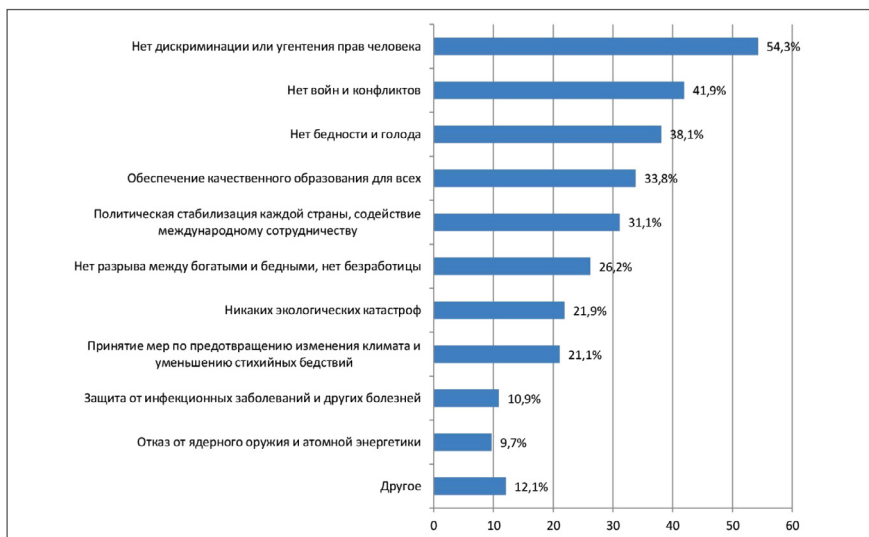

Рис. 4. Что важно для достижения мира в стране (все респонденты)

Источник: Youth Survey on Peace Awareness — 2021 Results.

The Goi Peace Foundation.

<https://www.goipeace.or.jp/en/news/peace-survey2021/>

Рис. 5. Что важно для достижения мира в стране (Япония)

Источник: Youth Survey on Peace Awareness — 2021 Results.

The Goi Peace Foundation.

<https://www.goipeace.or.jp/en/news/peace-survey2021/>

Он формировался с помощью системы образования [...] Декларированный отказ от военной силы постепенно стал осознаваться обществом как предмет национальной гордости. Вклад в закрепление пацифистской идентичности внесли и популярные в 1960–1970-е гг. “теории японской уникальности” (日本人論, *нихондзинрон*), подчеркивающие внутреннюю склонность японцев к миру и гармонии» [Чугров, Карелова 2020, с. 89].

Как считают эксперты, история зарождения послевоенного японского пацифизма прочно укоренилась на руинах, страданиях и трудностях, вызванных долгой войной. Экономические лишения и человеческие страдания, которые повлекла за собой война, сформировали острое понимание важности вопросов войны и мира, а для рядовых японцев поддержка пацифизма стала выражением их стремления сделать все, чтобы такие ужасные переживания не повторились вновь. «Это чувство “никогда больше” кристаллизовалось в форме коллективной жертвенности японского народа, таким образом, решимость сопротивляться войне можно понимать как прагматичный шаг для защиты собственного благополучия» [Cai 2008, p. 182]. Вместе с тем, «в самой Японии оценка наследия Второй мировой войны остается крайне противоречивой и неоднозначной. В стране продолжают дискуссии о том, насколько эта война была справедливой для Японии, какую политику Япония проводила на материке и как следует относиться к довоенному милитаристскому режиму и отдельным его представителям» [Стрельцов 2020, с. 37].

Так же, как и молодые люди из других стран, 51,5% японских респондентов приоритетным вопросом в установлении мира на Земле назвали прекращение всякой дискриминации (все респонденты — 54,3%) и 50,6% — искоренение бедности и голода (все респонденты — 38,1%). Однако всего 9,7% от всех опрошенных считают, что для продвижения к миру необходимо отказаться от ядерного оружия и атомной энергетики. Относительно невысоким этот показатель был даже в Японии, где лишь 18% молодых людей посчитали данное условие важным для обеспечения мира на Земле¹⁶.

¹⁶ По нашему мнению, это весьма низкий показатель для страны, ставшей в недалеком прошлом (11 марта 2011 г.) жертвой мощнейшего стихийного бедствия, повлекшего за собой Фукусимскую трагедию, которую помнит весь мир.

Напрашивается вопрос: а что же сама молодежь готова сделать для созидания мира? В какой мере молодые люди верят в собственную способность достичь той или иной цели по пути укрепления мира?

Многие эксперты отмечают, что для достижения мира необходимо сфокусироваться на построении отношений, а именно на укреплении доверия и установлении хороших отношений с соседями [Cordell, Wolff 2009]. В данном случае мнения участников опроса из других стран и мнения молодых японцев в целом совпали (рис. 6 и 7). И те, и другие отметили, что для созидания мира готовы «быть добрыми по отношению к другим» (все респонденты — 76,1%, Япония — 72,8%), что необходимо «избегать конфликтов, решать проблемы путем обсуждения» (все респонденты — 70,2%, Япония — 51%), «не создавать проблем другим и быть полезным другим» (все респонденты — 67,3%, Япония — 56,1%). Иными словами, молодые люди хоро-

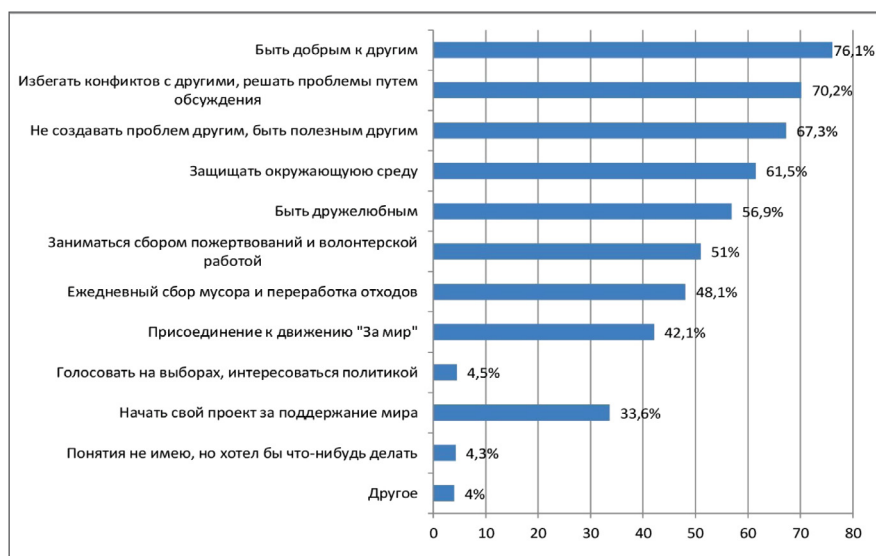

Рис. 6. Что готова сделать молодежь для укрепления мира (все респонденты)

Источник: Youth Survey on Peace Awareness — 2021 Results.
The Goi Peace Foundation.

<https://www.goipeace.or.jp/en/news/peace-survey2021/>

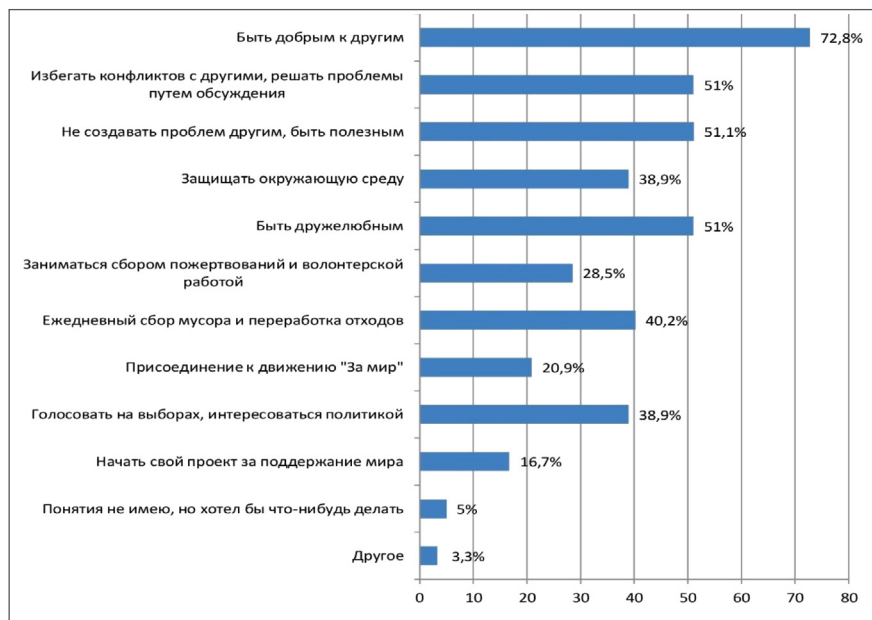

Рис. 7. Что готова сделать японская молодежь для укрепления мира

Источник: Youth Survey on Peace Awareness — 2021 Results.

The Goi Peace Foundation.

<https://www.goipeace.or.jp/en/news/peace-survey2021/>

шо осознают тот факт, что именно они в ответе за все, что происходит в мире, и они четко понимают свою непосредственную вовлеченность в этот процесс¹⁷.

61,5% молодых людей из всех стран считают, что им необходимо «защищать окружающую среду», тогда как только 38,9% японцев готовы заниматься этим для созидания мира. Волонтерство столь же мало привлекает японскую молодежь (28,5%) как и участие в не политических инициативах в целом. Хотя, возможно, молодые люди посчитали, что более конкретное действие, как, например, «ежедневный сбор мусора и переработка отходов» (40,2%) — это и есть их актив-

¹⁷ В частности, в Северной Америке/Западной Европе более 80% респондентов выбрали эти три действия, а 72,3% выбрали «повседневную практику, такую как сбор мусора и переработка отходов» и «защиту окружающей среды». Это говорит о том, что в этих странах люди, как правило, более ориентированы на действия, чем в других регионах.

ная позиция / инициатива по защите окружающей среды. И, вероятно, наблюдаемая нерешительность в отношении прочих действий является причиной того, что по сравнению со всеми респондентами (33,6%) в два раза меньше японцев (16,7%) готовы «начать свой собственный проект по поддержанию мира».

Личное дело каждого

Отвечая на вопрос, «какой свой личный вклад вы готовы внести в созидание мира», участники из всех стран отметили, что им необходимо получить «образование» (76,5%), «иметь возможность высказать свое мнение» (69,3%), поддерживать «связь с единомышленниками из своего поколения» (68,5%), оказывать «финансовую поддержку» (51,3%) и наладить «связи с лидерами» (45,2%) (рис. 8).

Молодые японцы поставили «образование» на первое место (70,3%) (рис. 9). Вероятно, это обстоятельство связано с широко распространенным в японском обществе представлением о том, что именно «образование — это эффективный инструмент повышения социального статуса, что оно имеет решающее значение для жизненного успеха, а упорный труд — ключ к получению достойного

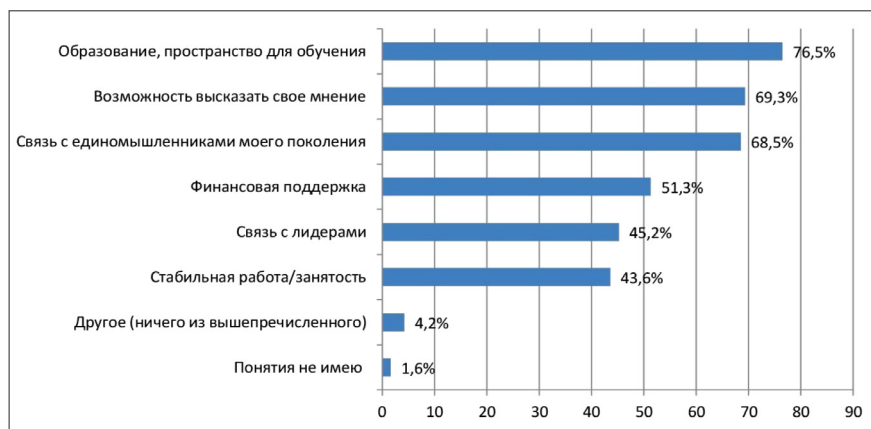

Рис. 8. Личный вклад в созидание мира (все респонденты)
 Источник: Youth Survey on Peace Awareness — 2021 Results.
 The Goi Peace Foundation.

<https://www.goipeace.or.jp/en/news/peace-survey2021/>

Рис. 9. Личный вклад японской молодежи в созидание мира

Источник: Youth Survey on Peace Awareness — 2021 Results.

The Goi Peace Foundation.

<https://www.goipeace.or.jp/en/news/peace-survey2021/>

образования. Такие представления поддерживала происшедшая в послевоенный период демократизация системы образования, общий смысл которой заключался в переносе центра тяжести на оценку личных достижений (результатов) учеников...» [Лебедева 2020, с. 91].

Во всех уголках планеты — и в Японии в частности — респонденты посчитали, что их вкладом в развитие мира на Земле станет получение образования, возможность высказывать свое мнение и поддерживать связь с единомышленниками из своего поколения. Другими словами: молодые люди в значительной степени осознают, что им всем необходимы одни и те же вещи в жизни, чтобы они смогли внести свой вклад в дело созидания мира.

Согласно Опросу мнения 18-летних¹⁸, проведенному *Nippon Foundation* в 2022 г., доля молодых японцев, считающих, что они могут изменить свою страну или общество своими действиями, составило менее 27% — самый низкий показатель среди всех стран, молодежь которых участвовала в опросе (в Индии — 80%, в Китае — 70%, в Южной Корее — 62%, в США — около 60%

¹⁸ Опрос проводился с конца февраля по начало марта 2022 г. среди 6000 молодых людей в 6 странах мира. Nippon.com <https://www.nippon.com/ja/japan-data/h01315/>

и в Великобритании — 50%). Возможно, это и объясняет, почему в Японии каждый отдельный показатель личного вклада молодых в дело созидания мира оказался намного скромнее, чем у респондентов из других стран.

Заключение

Проанализировав ответы участников этого масштабного опроса, можно сделать вывод, что именно образование может играть решающую роль в процессах созидания мира, помочь предотвратить конфликты и способствовать установлению долгосрочного мира на Земле. Как видно из ответов респондентов из разных стран, культурные и контекстуальные различия в опыте, доступ к возможностям получения объективной информации и реакция на исторические события также формируют различные пути политического развития молодежи планеты.

При этом исторические события могут оказывать долгосрочное влияние на политические взгляды и поведение молодых людей. «Незнание путей и жизни друг друга на протяжении всей истории человечества было общей причиной той подозрительности и недоверия между народами мира, из-за которых их разногласия слишком часто выливались в войны. Поэтому воспитание в духе мира имеет важную социальную цель и определяется как процесс, предназначенный для подготовки молодых людей к содействию делу мира»¹⁹.

В контексте вышеизложенного можно предположить, что пересмотр содержания учебных программ по истории предоставляет нациям важное средство для передачи новых нарративов прошлого, тем самым способствуя влиянию на национальную идентичность людей. А инклюзивное обучение (которое предполагает учет различных образовательных потребностей и в соответствии с этими потребностями обеспечивает более полное участие каждого в образовательном процессе), будучи направлено на воспитание чувства национального единства, потенциально может укрепить отношения между молодыми людьми [Freedman et al. 2008, p. 663–690]. Однако такая попытка может оказаться длительным, медленным и кропотливым процессом. Что же касается Японии, то в еще более взаимосвязанном мире,

¹⁹ UNESCO. Constitution of the United Nations Education and Scientific Cultural Organization. <http://www.un-documents.net/unesco-c.htm>

который молодые японцы понимают и принимают как мир, дающий им огромные возможности, старшее поколение политиков должно прислушиваться к мнению молодежи в отношении вопросов, касающихся долгосрочных перспектив и далеко идущих последствий, чаще и больше, чем к тем, на кого они делают ставки сейчас [Жилина 2018, с. 58]. То, как молодые люди воспринимают себя в политической сфере, влияет на их действия и принимаемые решения и, в итоге, на их потенциальное влияние в обществе. Вместе с тем, тот факт, что мнения проживающих во всех уголках планеты молодых людей в целом совпадали, свидетельствует о том, что молодежь во всем мире все же имеет общие мировоззренческие основы. И это не может не внушать определенный оптимизм — Мир еще не потерян.

Библиографический список

Жилина Л. В. (2018) Проблемы политической социализации современной японской молодёжи. *Ежегодник Японии*. Т. 47. С. 55–76. DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10003

Жилина Л. В. (2016) Молодежь Японии: устремления и ориентиры. *Азия и Африка сегодня*. №1 (702). С. 65–71.

Лебедева И. П. (2020) Образование и стартовые возможности японской молодежи. *Ежегодник Японии*. Т. 49: С. 86–120. <https://doi.org/10.24411/2687-1432-2020-10004>

Стрельцов Д. В. (2020) Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями. В сб.: *Международные отношения в XX–XXI вв. IV Чемпаловские чтения, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны: сборник научных статей и сообщений* / отв. редактор О. С. Поршнева. С. 36–44.

Чугров С. В., Карелова Л. Б. (2020) Япония как «обычная страна»: метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения). *Социологический журнал*. Том 26. № 1. С. 87–108. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7054

References

- Cai, Y. (2008). The Rise and Decline of Japanese Pacifism. *New Voices in Japanese Studies* 2: 179–200. DOI:10.21159/nv.02.09 <http://dx.doi.org/10.21159/nv.02.09>
- Chugrov, S. V., Karelova, L. B. (2020) Yaponiya kak “normal’naya strana”: metamorfozy politicheskoi identichnosti (analiticheskii obzor oprosov obshchestvennogo mneniya) [Japan as a “Normal Country”: Metamorphoses of Political Identity (Analytical Review of Opinion Polls)]. *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal], 26 (1), 87–108. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7054 (In Russian).
- Cordell, K., Wolff, S. (2009) *Ethnic Conflict*. Cambridge: Polity Press.
- Forcey, L. R. (1989) *Peace: Meanings, Politics, Strategies*. New York: Praeger Publishers.
- Freedman, S. W. et al. (2008) Teaching History after Identity-Based Conflicts: The Rwanda Experience. *Comparative Education Review*, 52 (4), 663–690. <https://doi.org/10.1086/591302>
- Furuichi, N. (2014, September) The fragile happiness of Japan’s ‘insular’ youth. *East Asia Forum*. Retrieved May 13, 2022, from <http://www.eastasiaforum.org/2014/09/17/the-fragile-happiness-of-japans-insular-youth/>
- Galtung, J. (1967) *Theories of Peace: A Synthetic Approach to Peace Thinking*. Oslo: International Peace Research Institute.
- Kameyama, T. (2009) Kyaria Kyoiku kara Shichizunshippu Kyoiku e?: Kyoiku Seisakuron-no Genjo to Kadai [From career education to citizenship education?: Status and challenges of the discussion on educational policy]. *The Japanese Journal of Labour Studies*, 538, 92–104. (In Japanese)
- Lebedeva, I. P. (2020) Obrazovanie i startovye vozmozhnosti yaponskoi molodezhi [Education and Starting Opportunities of Japanese Youth]. *Yearbook Japan*, 49, 86–120. <https://doi.org/10.24411/2687-1432-2020-10004> (In Russian).
- Lee, Y. C. et al. (2012, April) The Construct and Measurement of Peace of Mind. *Journal of Happiness Studies*, 14(2). DOI:10.1007/s10902-012-9343-5
- Panda, R. (2015, July 7) Japan: Empowering the Youth — Analysis. *Eurasia Review*. Retrieved May 13, 2022, from <http://www.eurasiareview.com/07072015-japan-empowering-the-youth-analysis/>
- Parmenter, L. et al. (2008) Citizenship Education in Japan. In *SAGE Handbook of Education for Citizenship and Democracy*, pp. 205–214.

Sommerfeld, R. D. at all. (2007). Gossip as an alternative for direct observation in games of indirect reciprocity. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 104: 17435–17440.

Streletsov, D. V. (2020). Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami [Problems of Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries]. In O. C. Porshneva (ed.), *Mezhdunarodnyye otnosheniya v XX–XXI vv. IV Chempalovskiye chteniya, posvyashchennyye 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne i 75-letiyu okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny: sbornik nauchnykh statey i soobshcheniy* [International Relations in the 20th — 21st Centuries. 4th Chempalov Readings Dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the 75th Anniversary of the End of World War II: Collection of Academic Articles and Reports] (pp. 36–44). (In Russian).

Tsukada, J. (2015). Examining Japanese youth's perception of political citizenship. *EJCS*, 15 (3). Retrieved May 13, 2022, from <https://japanesestudies.org.uk/ejcs/vol15/iss3/tsukada.html>.

Zhilina, L. V. (2016). Molodezh' Yaponii: ustremleniya i orientiry [Youth of Japan: Aspirations and Goals]. *Aziya i Afrika Segodnya*, 1 (702), 65–71. (In Russian).

Zhilina, L. V. (2018). Problemy politicheskoi sotsializatsii sovremennoi yaponskoi molodezhi [The Challenges of Political Socialization of the Contemporary Japanese Youth]. *Yearbook Japan*, 47, 55–76. DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10003 (In Russian).

Япония: социальная мобильность и социальные барьеры

И. П. Лебедева

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о том, насколько жесткой является система социальной стратификации в Японии, возможно ли передвижение людей из низших страт в более высокие и какие факторы облегчают или, наоборот, осложняют это передвижение. Основное внимание уделяется проблеме межпоколенческой мобильности, по которой можно судить о том, становится ли общество более справедливым, происходит ли наследование социально-экономического неравенства или, наоборот, существуют возможности для его смягчения в последующих поколениях.

Факторы, способствующие социальной мобильности, и, наоборот, сдерживающие ее, рассматриваются по трем параметрам социальной стратификации — уровню дохода, социальному статусу, уровню образования. Рассматривается также вопрос о влиянии института брака на социальную мобильность. В статье показано, что хотя жизненные пути людей, принадлежащих к разным стратам, складываются по-разному, тем не менее, японское общество обладает институтами, позволяющими человеку преодолеть влияние «обстоятельств рождения» и подняться вверх по социальной лестнице.

Перераспределение доходов через систему социального обеспечения и налогообложения, а также относительно небольшой разрыв в оплате труда работников разного уровня квалификации позволяют удерживать неравенство по доходам на уровне, поддерживающем социальную мобильность по доходу. Сдвиги в профессиональной структуре занятых в направлении повышения доли более престижных профессий и значительный рост абсолютного числа обладателей этих профессий создают объективные условия для передвижения тысяч молодых людей в более высокие статусные группы.

Демократизация системы образования, облегчение доступа молодых людей из разных социальных страт к хорошему образованию предоставляют шансы продвинуться вверх по социальной лестнице все большему числу молодых японцев. Наконец, демократизация института брака, проявлением которой стало повышение значения при выборе партнера уровня его образования и отход на второй план вопроса о его социальных корнях, также способствовала подвижности социальной структуры. Отмечая эти положительные перемены, автор в то же время выделяет факторы, сдерживающие социальную мобильность, главным из которых считает сохранение иерархичной структуры японской системы школьного и университетского образования.

Ключевые слова: социальная структура, социальная мобильность, неравенство, доходы, статус, образование, брак.

Автор: Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка 12).

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japan: Social Mobility and Social Barriers

I. P. Lebedeva

Abstract

The article examines the question of how rigid the system of social stratification is in Japan, whether it is possible for people to move from lower strata to higher strata, and what factors facilitate or, conversely, complicate this movement. The main attention is paid to the problem of intergenerational mobility, which can be used to judge whether society is becoming more equitable, whether there is inheritance of socio-economic inequality or, conversely, whether there are opportunities for its mitigation in subsequent generations.

The factors contributing to social mobility, and, conversely, constraining it, are considered by three parameters of social stratification — income level, social

status, level of education. The issue of the influence of the institution of marriage on social mobility is also considered. The article shows that, although the life paths of people belonging to different strata develop differently, nevertheless, Japanese society has institutions that allow a person to overcome the influence of “birth circumstances” and climb up the social ladder.

The redistribution of income through the social security and taxation system, as well as a relatively small wage gap between workers of different skill levels, make it possible to keep income inequality at a level that supports social income mobility. The rise of the share of more prestigious professions in the professional structure of the employed and a significant increase in the absolute number of those who have these professions create objective conditions for the movement of thousands of young people to higher status groups.

Democratization of the education system and easier access of young people from different social strata to good education raise the chances to move up the social ladder for an increasing number of young Japanese. Finally, the democratization of the institution of marriage, the manifestation of which is an increase in the importance of the level of education when choosing a partner and the lower importance of the question of their social roots, also contributed to the mobility of the social structure. Noting these positive changes, the author, at the same time, highlights the factors constraining social mobility, the main of which is the preservation of the hierarchical structure of the Japanese school and university education system.

Keywords: social structure, social mobility, inequality, income, status, education, marriage.

Author: *Lebedeva Irina Pavlovna*, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 103031).

E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

В плане социальной организации современная Япония представляет собой структурированное общество, состоящее из нескольких страт. Граждане, принадлежащие к той или иной страте, различаются между собой по уровню текущего дохода, размерам накопленного богатства, уровню образования, престижности профессии

и социальному статусу. Эти различия приводят к социальному неравенству, т.е. к неравенству в доступе к тем благам, которые может предложить своим гражданам экономика XXI века.

Мне уже приходилось писать об особенностях социальной стратификации в Японии и о проблемах, связанных с социальным неравенством¹. В данной статье будет рассмотрен еще один аспект этой темы — вопрос о том, насколько жесткой является система социальной стратификации в Японии, возможно ли передвижение людей из низших страт в более высокие и какие факторы облегчают или, наоборот, осложняют это передвижение. Иными словами, речь пойдет о социальной мобильности и социальных барьерах в современной Японии.

В качестве отправной точки анализа приведем схему социальной стратификации современного японского общества из упомянутой выше статьи «Япония: особенности социальной стратификации».

Под социальной мобильностью понимается передвижение людей между стратами. При этом особое внимание специалисты уделяют возможностям перехода из более низких страт в более высокие, что, в свою очередь, зависит от того, насколько проницаемы или непроницаемы существующие между ними перегородки. Очевидно, что в семьях, принадлежащих к разным стратам, жизненные пути людей складываются по-разному. Тем не менее, высокоразвитые общества, подобные японскому, обладают институтами, позволяющими человеку преодолеть влияние «обстоятельств рождения» на его жизненный путь и подняться вверх по социальной лестнице.

Передвижение между стратами может происходить как на протяжении жизни конкретного человека, так и в ходе смены поколений. В первом случае мобильность называется внутр поколенческой и отражает способность индивида передвинуться по социальной лестнице в течение его жизни, во втором — межпоколенческой и отражает способность семьи подняться (или опуститься) по социально-экономическим ступеням на протяжении жизни одного или нескольких поколений. Чаще всего в центре внимания специалистов оказывается именно межпоколенческая мобильность, по которой можно судить о том, становится ли общество более справедливым, происходит ли

¹ См. Лебедева И. П. (2021) О бедности и неравенстве в Японии. *Ежегодник Японии*. С. 32–60; Лебедева И. П. (2022) Япония: особенности социальной стратификации. *Японские исследования*. № 1. С. 115–136.

- бюрократы и служащие высшего ранга, высший менеджмент компаний, владельцы крупных предприятий (1,3 млн человек) **1,8%**
- специалисты, чиновники и служащие более низкого ранга, инженерно-технический персонал, управленцы (12,0 млн человек) **17,0%**
- рядовые работники нефизического труда государственных учреждений и частных компаний (13,5 млн человек) **19,1%**
- продавцы, рядовые работники сферы услуг (18 млн человек) **25,4%**
- владельцы мелких и средних предприятий, нанимающие рабочую силу, самозанятые* (1,15 млн человек) **1,6%**
- владельцы мелких и средних предприятий, не нанимающие рабочую силу, самозанятые** (4,1 млн человек) **5,8%**
- фермеры, рыбаки (независимые) (2,1 млн человек) **3,0%**
- техники, квалифицированные рабочие, бригадиры (8,7 млн человек) **12,3%**
- работники физического труда со средней квалификацией (5,1 млн человек) **7,2%**
- неквалифицированные рабочие (4,8 млн человек) **6,8%**

* Самозанятые этой категории включают врачей, юристов, писателей и прочих лиц свободных профессий.

** Самозанятые этой категории включают надомных работников.

Схема 1. Социальная структура японского общества

воспроизводство социально-экономического неравенства или, наоборот, существуют возможности для его смягчения в последующих поколениях. При этом обычно учитываются такие параметры, как влияние дохода семьи, уровня образования отца (или обоих родителей), профессии отца (т.е. его социального статуса) на шансы детей реализовать свой потенциал.

Неравенство в доходах и социальная мобильность

Общеизвестно, что одним из показателей жизненного успеха является уровень дохода. Специалисты *World Economic Forum*, проанализировав ситуацию в 82 странах с разным уровнем экономического

развития, пришли к заключению, что существует тесная связь между неравенством в доходах и социальной мобильностью. А именно, низкая социальная мобильность консервирует социальное неравенство, а высокая степень неравенства в доходах сдерживает социальную мобильность. Сопоставив коэффициент Джини, измеряющий степень неравенства в распределении доходов между домохозяйствами, и показатели межпоколенческой эластичности по доходам, показывающие степень, в которой доход отца влияет на доход его детей, они построили так называемую кривую Великого Гэтсби (см. схему 2).

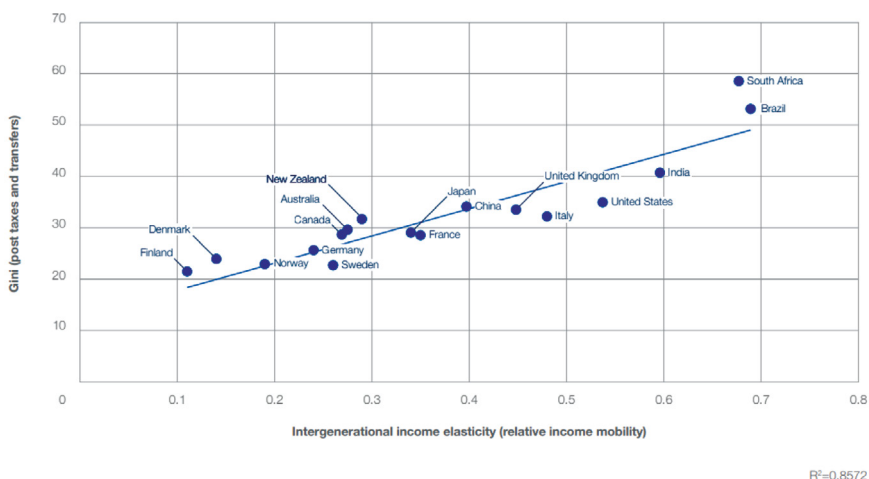

Схема 2. Кривая Великого Гэтсби

Источник: The Global Social Mobility Report 2020, p.10.

World Economic Forum

https://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf

Как видно из вышеприведенной схемы, между этими двумя показателями существует практически линейная зависимость. Страны с высокой степенью социального неравенства по доходам отличаются и малоподвижной социальной структурой (высокой степенью влияния «обстоятельств рождения» на жизненный путь человека). И, наоборот, страны, более благополучные в плане распределения доходов, отличаются и более высокой социальной мобильностью (невысокой степенью влияния «обстоятельств рождения» на судьбу человека).

Япония, с коэффициентом Джини порядка 0,3 и показателем эластичности по доходам менее 0,35, примыкает к группе благополучных стран, хотя и уступает таким лидерам, как Финляндия, Норвегия, Швеция и Дания. Очевидно, что лидерские позиции этих стран в плане социального благополучия в немалой степени связаны с теми преимуществами, которые дают им относительно небольшие размеры их экономик и незначительная численность населения, поскольку при таких масштабах упорядочить социальную жизнь оказывается проще. С учетом этого обстоятельства представляется, что ситуацию в Японии, являющейся одной из крупнейших стран мира и по размерам экономики (третьей после США и Китая), и по численности населения (более 126 млн человек), можно оценить как вполне благополучную — как в плане распределения доходов между домохозяйствами, так и в плане создания условий для преодоления социальных барьеров, связанных с «обстоятельствами рождения».

Обратимся к динамике коэффициента Джини. Как известно, в Японии вследствие быстрого старения населения и снижения рождаемости происходят заметные изменения в структуре семей с точки зрения их состава и числа членов, поэтому целесообразно использовать коэффициент Джини по эквивалентному доходу, который рассчитывается с учетом числа членов семьи.

*Таблица 1. Динамика коэффициента Джини
(по эквивалентному доходу)**

Годы	Первичные доходы	Доходы, (включая соц. пособия) за вычетом взносов в систему социального обеспечения	Доходы за вычетом налогов	Доходы после перераспределения	Изменение коэффициента (%), в том числе:	за счет системы соц. обеспечения (%)	за счет налоговой системы (%)
1	2	3	4	5	6	7	8
2005	0,435	0,336	0,322	0,322	25,9	22,5	4,1
2008	0,454	0,343	0,327	0,319	29,7	26,2	4,7
2011	0,470	0,342	0,322	0,316	32,8	28,6	5,8

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8
2014	0,482	0,335	0,316	0,308	36,1	32,1	5,8
2017	0,480	0,340	0,319	0,312	35,0	30,8	6,0

Источник: Shotoku saibumpai cho:sa ho:kokusho 2017 (Survey on Income Redistribution 2017), p. 16. *Ministry of Health Labor and Welfare*
<https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/96-1/h29hou.pdf>

* Эквивалентный доход рассчитывается путем деления дохода семьи на квадратный корень из числа ее членов.

** Результаты расчетов публикуются министерством каждые три года, но в 2020 г. обследование не проводилось.

В Японии широко распространено мнение, что формирование *gap society*, основной характеристикой которого является рост социального неравенства, началось со второй половины 2000-х гг. в результате реформ правительства Дз. Коидзуми. Однако если судить по данным Таблицы 1, усиления неравенства между домохозяйствами по доходам после перераспределения в этот период не происходило, а это означает, что не было и объективных причин для ослабления межпоколенческой социальной мобильности.

Но при этом необходимо отметить следующее. Заметное снижение темпов экономического роста, начавшееся еще в 1990-е гг. и продолжающееся, по сути, до настоящего времени, привело к ослаблению механизма внутривнутрипоколенческой мобильности по доходу. Если прежде, в условиях высоких, а затем стабильно умеренных темпов роста, на протяжении своей жизни абсолютное большинство японцев, независимо от их социальной принадлежности, ощущали значительный рост доходов и огромные улучшения в условиях жизни, то в последние два-три десятилетия ситуация изменилась.

Во-первых, произошло значительное снижение темпов роста заработной платы — основного источника дохода для большинства граждан страны. Вот как выглядела динамика среднемесячной заработной платы постоянных работников в период 1993–2020 гг. (в номинальном выражении, тыс. иен)²:

² Ro:do: keidzai hakushyo (White Paper on Labor Economy) 2014, p. 41; 2022, p. 64. *Ministry of Health, Labor and Welfare* <https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/roudou/14/14-1.html>;
<https://www.mhlw.go.jp/stf/wp/hakusyo/roudou/20/20-1.html>

1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
393	399	404	410	420	416	414	418	415	408	408	410	412	414
2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
412	402	398	402	402	402	405	409	411	415	417	424	425	418

Даже если принять во внимание, что все эти годы японская экономика переживала дефляцию, застой в динамике заработной платы налицо.

Во-вторых, хотя и сейчас японские компании в целом сохраняют приверженность принципу оплаты по старшинству (т. е. повышения заработной платы по мере увеличения стажа работника), крутизна шкалы ее возрастания заметно уменьшилась. А это означает, что и жизненные перспективы работников, связанные с расчетами на значительный рост доходов в будущем, выглядят уже не столь радужно как прежде. Например, в 1980 г. годовой доход 50-летнего служащего с высшим образованием превышал доход 22-летнего выпускника вуза в 5,58 раз, в 1990 г. — в 5,0 раз, в 2000 г. — в 4,05 раза, в 2006 г. — в 3,66 раза, в 2019 г. — в 2,64 раза. По работникам со средним образованием разница в годовом доходе 50-летнего рабочего и 18-летнего новичка в 1980 г. составила 5,04 раза, в 1990 г. — 4,91 раза, в 2000 г. — 3,94 раза, в 2006 г. — 3,62 раза, в 2019 г. — 2,21 раза³.

Но вернемся к вопросу о межпоколенческой мобильности по доходу. Авторы упомянутого выше *The Global Social Mobility Report* рассчитали такой показатель как время, которое требуется для перехода детей представителей низших страт в страту с медианными для данной страны доходами. Если обратиться к приведенной выше схеме социальной стратификации Японии, то допустимо предположить, что речь идет о том, через сколько поколений дети неквалифицированных рабочих могут передвинуться в страты, составляющие костяк японского среднего класса и представленные учеными и преподавателями, работниками нефизического труда государственных учреждений и частных компаний, владельцами мелких и средних предприятий,

³ To:kei de miru Nihon (Japan through the prism of statistics), 2008, p. 194; Basic Survey on Wage Structure 2019. Ministry of Health, Labor and Welfare <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/ordinary.html> Данные приводятся по «стандартным» работникам-мужчинам, т. е. тем, кто поступил на работу сразу по окончании учебного заведения и не менял места работы.

инженерами и техниками, квалифицированными рабочими и т. д. В совокупности на эти страты приходится порядка 2/3 общего числа занятых в экономике, и эта доля примерно соответствует доле тех японцев (около 60%), которые считают, что уровень доходов их семей на общем фоне может быть оценен как средний⁴. Иными словами, доходы людей, принадлежащих к этим стратам, можно рассматривать как наиболее близкие к медианному для страны доходу.

Вот как выглядят позиции Японии на фоне других государств.

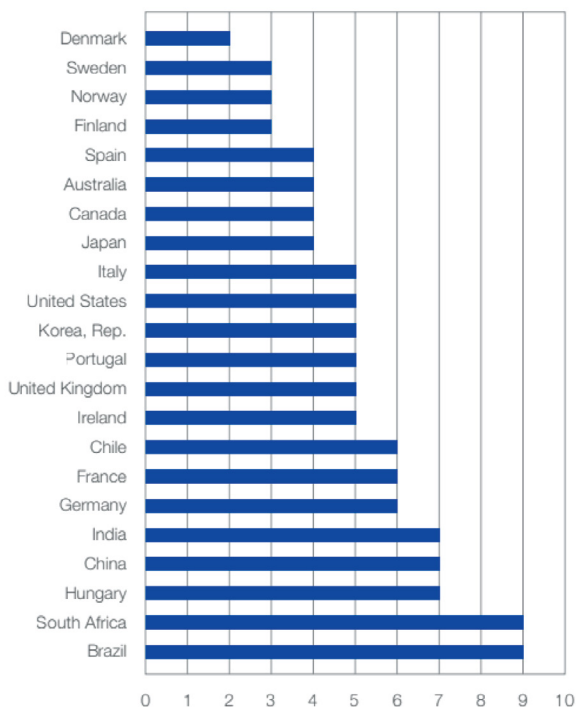

Схема 3. Через сколько поколений те, кто был рожден в низших стратах, смогут достичь медианного для данной страны дохода

Источник: The Global Social Mobility Report 2020, p. 10.

World Economic Forum

https://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf

⁴ Kokumin seikatsu ni kansuru seron cho:sa-no gaiyo: 2019 (Public Opinion Survey on the Life of the People 2019), p. 17. Cabinet Office. August 2019 <https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/gairyaku.pdf>

Как и следовало ожидать, исходя из положения Японии на кривой Великого Гэтсби, она занимает позиции, несколько менее благоприятные, чем малые страны Северной Европы, но более благоприятные, чем большинство других развитых стран. В частности, обращает на себя внимание более благополучное положение Японии по сравнению с Францией и Германией (первая тесно соседствует с ней на кривой Великого Гэтсби, а вторая занимает на ней даже лучшие позиции). Очевидно, что преимущество Японии в данном случае связано с тем, что в отличие от этих двух стран, наводненных мигрантами, в ней проживает гомогенное население, а, следовательно, на пути продвижения людей по социальной лестнице нет барьеров, ущемляющих их по признаку религиозной, этнической и культурной принадлежности.

Отсутствие межнациональных барьеров, а также влияние национальной культуры, отводящей труду, в том числе и тяжелому физическому труду, одно из самых почетных мест в системе жизненных ценностей японцев, обусловили тот факт, что различия в оплате труда между работниками, относящимися к разным социальным стратам, здесь весьма умеренны. Вот, например, каковы были в 2020 г. размеры контрактной заработной платы некоторых категорий работников, располагающихся на разных ступенях шкалы престижности профессии и, следовательно, принадлежащих к разным социальным стратам⁵:

<i>администраторы и управленцы</i>	542,2 тыс. иен
<i>профессора колледжей и университетов</i>	654,4 тыс. иен
<i>юристы</i>	648,4 тыс. иен
<i>аудиторы, финансисты</i>	520,6 — 570,2 тыс. иен
<i>дантисты</i>	594,9 тыс. иен
<i>врачи</i>	1102,3 тыс. иен
<i>пилоты самолетов</i>	1228,0 тыс. иен
<i>научные работники, лекторы</i>	462,5 — 544,4 тыс. иен
<i>доценты университетов</i>	
<i>журналисты, публицисты</i>	454,1 тыс. иен
<i>учителя средней школы</i>	431,8 — 448,5 тыс. иен

⁵ Basic Survey on Wage Structure 2020. Ministry of Health, Labor and Welfare <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/ordinary2020.html>

<i>инженеры разных специальностей</i>	328,0 — 404,0 тыс. иен
<i>актеры, дизайнеры, музыканты</i>	325,1 — 376,9 тыс. иен
<i>медсестры, лаборанты</i>	329,2 — 372,9 тыс. иен
<i>офисные работники разного профиля</i>	261,7 — 351,3 тыс. иен
<i>продавцы (оптовая и розничная торговля)</i>	254,6 — 342,8 тыс. иен
<i>воспитатели детских садов</i>	253,8 тыс. иен
<i>машинисты ж/д поездов</i>	411,0 тыс. иен
<i>водители автобусов, грузовиков</i>	297,0 — 347,4 тыс. иен
<i>строительные рабочие, крановщики</i>	316,4 — 356,8 тыс. иен
<i>работники физического труда отраслей тяжелой промышленности</i>	275,7 — 319,5 тыс. иен
<i>работники физического труда отраслей легкой промышленности</i>	205,4 — 299,4 тыс. иен
<i>работники сельского, лесного и рыбного хозяйства</i>	252,5 тыс. иен
<i>няни</i>	249,8 тыс. иен
<i>работники сферы услуг по уходу</i>	222,3 — 260,2 тыс. иен
<i>работники сферы услуг (повара, официанты, парикмахеры, косметологи, охранники и т.д.)</i>	242,6 — 269,4 тыс. иен
<i>грузчики</i>	275,8 — 358,6 тыс. иен
<i>упаковщики, уборщики, прочие неквалифицированные рабочие</i>	206,2 — 268,8 тыс. иен

Комментируя приведенные данные, прежде всего, необходимо отметить следующее. Во-первых, они не отражают всей полноты картины, так как учитывают заработную плату только «стандартных» работников. Во-вторых, в материалах обследования стаж работы и возраст работников разных профессий несколько различаются между собой, что в условиях повозрастной заработной платы не может не исказить в некоторой степени общую картину. Тем не менее, выводы, на наш взгляд, достаточно очевидны.

Во-первых, существенные различия в доходах просматриваются лишь между представителями высших и низших страт (см. Схему 1), в то время как в отношении прочих страт различия несущественны.

Во-вторых, даже если бы в Японии не фиксировалась межпоколенческая мобильность по доходу, это не вело бы к воспроизводству нищеты, так как уровень доходов низших страт (неквалифицированных рабочих) здесь вполне сопоставим с доходами групп, входящих в средний класс (продавцы, клерки, работники физического труда с высокой и средней квалификацией и т. д.).

Очевидно, что при таком распределении доходов вопрос о межпоколенческой мобильности по доходу по сути сводится к тому, в какой степени воспроизводится богатство в высших стратах и бедность — в низших стратах.

В Японии существует немало работ, посвященных этой проблеме. Обычно в качестве статистической базы в них используются материалы *The Japanese General Social Survey* — обширного обследования, проводимого раз в десять лет Институтом региональных проблем при Осакомском университете коммерции (доступ к нему требует получения специального разрешения). К сожалению, в нашем распоряжении нет работ японских специалистов, анализирующих данные последнего обследования (2015 г.), поэтому воспользуемся результатами анализа материалов обследования 2005 г., которые были опубликованы в 2008 г. профессорами Ё. Сато и Т. Ёсида.

Для целей анализа японские ученые использовали следующую методику. Они сопоставляли уровень текущих доходов респондентов с уровнем доходов их отцов в то время, когда самим респондентам было 15 лет. В качестве респондентов были выбраны мужчины в возрасте от 40 до 49 лет, т. е. в том возрасте, когда жизненный путь человека и уровень его благосостояния уже вполне определились. Доходы были разделены на четыре уровня: низкий, средний (ниже среднего уровня), средний (выше среднего уровня), высокий. Вот каковы оказались результаты расчетов исследователей (табл. 2).

Таблица 2. Межпоколенческая мобильность по доходу

Доходы отцов:	Текущие доходы респондентов				Число респондентов
	низкий	средний (ниже среднего)	средний (выше среднего)	высокий	
1	2	3	4	5	6
низкий	41	38	26	26	131

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6
средний (ниже среднего)	31	40	26	19	116
средний (выше среднего)	31	30	35	28	124
высокий	22	22	42	52	138
число рес- пондентов	125	130	129	125	509

Источник: [Sato, Yoshida 2008, p. 103–104].

По материалам таблицы можно сделать следующие выводы.

Во всех группах социальные корни (в данном случае уровень дохода отца) оказывают влияние на материальное положение людей в зрелом возрасте. В наибольшей степени это характерно для группы с высокими доходами — здесь 41,6% респондентов сохранили те же позиции, что и их отцы. В группе с низкими доходами наследовали позиции отцов почти 1/3 респондентов, в группе со средними (ниже средних) доходами — соответственно 30,8%, в группе со средними (выше средних) доходами — 27,1%. Из этого можно заключить, что в период со второй половины 1970-х гг. (когда респонденты находились в 15-летнем возрасте) и до середины 2000-х гг. основными чертами модели межпоколенческой мобильности по доходам были «передача» богатства и «передача» бедности. Тем не менее, как показывают данные таблицы, представители всех групп передвигались как вверх, так и вниз по шкале доходов. В частности, выходцев из богатых семей можно обнаружить среди получателей низких доходов и, наоборот, выходцев из бедных семей можно обнаружить среди получателей высоких доходов. При этом сопоставление состава «отцов» и «сыновей» дает основания заключить, что в этот период происходило некоторое выравнивание позиций разных социальных групп за счет сглаживания полюсов и укрепления «средняков»:

	<i>доли получателей доходов (%)</i>			
	<i>низких</i>	<i>средних (ниже средних)</i>	<i>средних (выше средних)</i>	<i>высоких</i>
«отцы»	25,7	22,8	24,4	27,1
«сыновья»	24,6	25,5	25,3	24,6

Что касается последующего периода, то, опираясь на косвенные показатели, можно предположить, что, во-первых, межпоколенческая мобильность по доходу не ослабела, и что, во-вторых, она сохранила в целом прежнюю направленность. О том, что не произошло ослабления межпоколенческой мобильности по доходу позволяет судить динамика коэффициента Джини в период 2005–2017 гг. (см. табл. 1). Что же касается ее направленности, то косвенным подтверждением нашего тезиса могут служить данные опросов общественного мнения, проводимых ежегодно Канцелярией премьер-министра. Они показывают, что по сравнению с серединой 2000-х гг. к концу 2010-х гг. доля тех, кто считает уровень жизни своих семей низким, сократилась почти вдвое (до 4,2%), доля тех, кто оценивает свой уровень жизни как высокий, практически не изменилась (1,3–1,5%), а среди тех, кто относит себя к среднему классу, несколько возросла доля верхнего слоя (до 12,8%), стабилизировалась доля среднего слоя (57,7%) и несколько снизилась доля нижнего слоя (до 22,3%)⁶.

Социальный статус и мобильность

Хотя материальное положение семьи играет важную роль в определении путей социализации детей и молодежи, включая и их представления о своем месте в обществе в будущем, «обстоятельства рождения» не сводятся только к уровню дохода. Специалисты обращают также внимание и на положение семьи в социальной иерархии, которое обычно определяется по социальному статусу (профессии) ее главы.

Очевидно, что межпоколенческая мобильность по статусу может быть связана как с объективными изменениями в профессиональной

⁶ Kokumin seikatsu ni kansuru seron cho:sa-no gaiyo: 2019 (Public Opinion Survey on the Life of the People 2019), p. 17. Cabinet Office. August 2019 <https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/gairyaku.pdf>

структуре, происходящими под влиянием экономических процессов, так и с изменением механизма передачи профессии (статуса) от отца к сыну.

Пережив в первые послевоенные десятилетия бурные сдвиги в структуре занятости под влиянием индустриализации, японское общество затем вошло в период более мягких изменений, связанных с переходом на стадию постиндустриального развития, основными чертами которого стали сервисизация экономики и внедрение во все сферы жизни компьютерной техники, новых средств связи и информации. О том, как повлияли эти изменения на профессиональный состав занятых, можно судить по материалам табл. 3.

Таблица 3. Сдвиги в профессиональном составе занятых (1990–2020 гг.), %

Виды профессий	1990	2000	2010	2020
Специалисты*	11,0	13,3	15,3	18,2
Управленцы, администраторы	3,8	3,3	2,6	1,9
Офисные работники	18,5	19,9	19,7	20,2
Работники торговли	15,0	14,1	14,2	12,7
Работники сферы услуг**	8,6	10,6	14,0	14,4
Занятые в сельском, лесном и рыбном хозяйстве	7,2	5,1	4,0	3,1
Работники транспорта, операторы	3,7	3,5	3,5	3,2
Строительные рабочие	27,3	24,7	4,7	4,4
Производственные рабочие ***			14,6	13,0
Вспомогательные рабочие****	4,4	5,5	6,0	7,2
Прочие	0,5	0,6	0,8	1,7
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассчитано и составлено по: Japan Statistical Yearbook. 2011, table 16-4; 2014, table 16-3; 2022, table 19-3. Statistics Bureau of Japan <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html>

*В категорию «специалисты» включены инженеры, технические специалисты, преподаватели, ученые, учителя, чиновники и прочие лица с высшим образованием.

****** В категорию «работники сферы услуг» включены занятые в услугах по уходу, санитарно-гигиенической службе, сфере общественного питания и бытовых услуг населению, а также в сфере охраны порядка.

******* В категорию «производственные рабочие» включены квалифицированные рабочие, занятые на операциях, связанных с металлообработкой и прочими видами обработки, сборкой, ремонтом оборудования, контролем качества продукции и состояния оборудования и т.д.

******** В категорию «вспомогательные рабочие» включены работники с невысокой квалификацией — грузчики, уборщики, упаковщики и проч.

В абсолютном выражении сдвиги в профессиональном составе занятых выглядят следующим образом (тыс. человек):

	1990 г.	2020 г.
<i>специалисты</i>	6900	12400
<i>управленцы, администраторы</i>	2390	1280
<i>офисные работники</i>	11570	13510
<i>работники торговли</i>	9400	8480
<i>работники сферы услуг</i>	5350	9610
<i>занятые в сельском, лесном и рыбном хозяйстве</i>	4480	2090
<i>работники транспорта, операторы</i>	2330	2160
<i>строительные рабочие</i>	17050*	2920
<i>производственные рабочие</i>		8680
<i>вспомогательные рабочие</i>	2740	4810

* суммарный показатель по строительным и производственным рабочим.

Источник: Japan Statistical Yearbook. 2011, table 16-4; 2022, table 19-3. Statistics Bureau of Japan <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/index.html>

Как показывают приведенные данные, общим направлением сдвигов в профессиональной структуре занятых стало повышение доли и числа людей, владеющих наиболее престижными с точки зрения социального статуса профессиями. Так, почти в два раза — с 6,9 млн до 12,4 млн — возросло число лиц, объединяемых в категорию «специалисты», представленную инженерами, техническими

специалистами, профессорами, врачами, учеными, программистами и т. д. Правда, при этом сократилась численность «высшей касты» — управленцев и администраторов (на 1 млн 100 тыс. человек). По-видимому, это стало результатом рационализации системы управления, к которой японские компании вынудили прибегнуть сложные условия «потерянных десятилетий», а также потеря работы бывшими управленцами в результате закрытия многих предприятий. В то же время почти на 2 млн увеличилась армия офисных работников (до 13,5 млн), и сейчас они представляют самый многочисленный слой работников нефизического труда. Причем среди них немало молодых людей, которые в соответствии со сложившейся практикой по окончании вуза были приняты на места обычных клерков, а по прошествии времени будут передвинуты на места специалистов или управленцев. В целом же на эти три категории сейчас приходится более 40% от общего числа занятых (в 1990 г. — 1/3), а их общая численность возросла более чем на 6 млн — до 26 млн 930 тыс. человек.

Две другие категории лиц, занятых нефизическим трудом — работники торговли и сферы услуг, — входят в одну статусную группу (см. схему 1). На волне сервисизации их совокупная доля и численность также возросли: с 14 млн 750 тыс. (23,6%) в 1990 г. до 18 млн 40 тыс. (27,0%) в 2020 г. При этом следует иметь в виду, что среди молодых женщин, занятых в этой сфере, немало закончивших *танки дайгаку* (трехгодичные университеты), т.е. имеющих достаточно высокий уровень образования.

В целом же соотношение между численностью работников физического труда и численностью занятых нефизическим трудом изменилось следующим образом: в 1990 г. на долю первых приходилось 43%, а вторых — 57%, в 2020 г. — соответственно 32,6% и 67,4%. При этом произошло не только относительное, но и абсолютное сужение сферы применения физического труда в Японии. Так, за тот же период общее число работников сократилось с 26 млн 600 тыс. до 20 млн 660 тыс., т. е. на 6 млн человек. Однако структура этого сокращения выглядит весьма парадоксально для такой высокоразвитой, высокотехнологичной страны как Япония.

Как показывают приведенные выше данные, за последние три десятилетия значительно сузилась сфера применения высококвалифицированного физического труда (т.е. труда производственных рабочих),

но при этом расширилась сфера применения неквалифицированного труда (т. е. труда вспомогательных рабочих). И если первое вполне объяснимо с учетом тех процессов, которые происходили в японской экономике в последние десятилетия, то второе, действительно, вызывает некоторое недоумение.

На наш взгляд, этому можно найти следующее объяснение. Во-первых, расширение и диверсификация потребительского спроса населения при сохранении весьма высоких требований японцев к качеству приобретаемых товаров и услуг привели к возрастанию объема операций, для выполнения которых не требуются какие-либо специальные навыки и квалификация (упаковка, доставка и т. д.). Во-вторых, представляется, что критерии неквалифицированного труда со временем меняются и что по мере все большего насыщения разных отраслей экономики машинами и механизмами операции, относившиеся прежде к сфере неквалифицированного труда, становятся более сложными, требующими определенных навыков и квалификации. Например, работа грузчика, прежде ассоциировавшаяся с тяжелым физическим трудом низкой квалификации, сейчас требует навыков управления погрузочно-разгрузочной техникой, т.е. является работой низкой квалификации только относительно других, более сложных видов работ. По-видимому, то же самое можно сказать и в отношении некоторых других видов работ.

В целом же, оценивая направленность сдвигов в профессиональной структуре занятых, можно заключить, что в последние три десятилетия в Японии существовали объективные условия для передвижения из более низких социальных страт в более высокие, и, судя по изменению абсолютных показателей, многие молодые люди воспользовались этими шансами. Но вопрос заключается в том, в какой степени социальные корни (социальный статус семьи) способствовали реализации этих возможностей или, наоборот, препятствовали этому, и как обстояли дела в стратах, размещенных на разных ступенях социальной лестницы. Иными словами, речь идет о межпоколенческой мобильности по статусу.

Межпоколенческую мобильность по статусу обычно измеряют по методике, аналогичной методике измерения межпоколенческой мобильности по доходу. А именно, респондентов опрашивают, какова была позиция в статусной иерархии их отцов, когда им (респондентам) было 15 лет.

Вот, например, к каким результатам пришел доктор А. Саннабэ, проанализировав данные упомянутых выше масштабных социологических опросов, покрывающих более чем полувековой период. В 1955 г. 43% работников-мужчин занимались той же профессией, что и их отцы, в 1965 г. этот показатель составил 24%, в 1975 г. — 18%, в 1995 г. — 7%, в 2005 г. — 10%, в среднем за 2000–2010 гг. — 10% [Sannabe 2015, p. 57].

Эти данные свидетельствуют о том, что в ходе послевоенного развития, отмеченного возникновением множества новых сфер деятельности и массовой миграцией из провинции в крупные города, происходило постепенное ослабление «привязки» людей к своим семьям и снижение степени влияния социальных корней на жизненный путь человека. Но при этом в разных странах ситуация складывалась по-разному, о чем можно судить по данным табл. 4.

Таблица 4. Структура межпоколенческой мобильности по статусу (профессии)*

Позиции отцов	Позиции сыновей								
	специалисты	управленцы	служащие	работники торговли	квалифицированные рабочие	рабочие средней квалификации	неквалифицированные рабочие	фермеры	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
специалисты	60 (45,8)	13	19	18	8	8	6	3	131
управленцы	41	56 (24,3)	38	35	37	18	3	2	230
служащие	30	36	58 (29,1)	18	24	20	8	5	199
работники торговли	23	23	26	74 (34,9)	39	15	10	2	212
квалифицированные рабочие	44	43	54	31	143 (35,8)	48	26	10	399

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
рабочие средней квалифика- ции	20	29	35	18	50	58 (25,8)	12	3	225
неквалифи- цированные рабочие	5	3	6	3	23	20	11 (14,9)	3	74
фермеры	25	43	53	32	108	71	40	98 (20,9)	470
Всего	248	246	289	229	432	254	116	126	1940

Источник: [Sato 2017, p. 37].

Ё. Сато ссылается на расчеты японских ученых С. Мива и Х. Исида, сделанных на основе материалов The Japanese General Social Survey 2005 г.

* В скобках приведены доли сыновей-наследников профессии отцов (%).

При взгляде на таблицу, прежде всего, бросается в глаза, что наследование профессии отцов особенно распространено в высшем слое — среди лиц престижных профессий, объединяемых в категорию «специалисты», а наименьшими показателями отличаются страты, располагающиеся на нижних этажах социальной пирамиды (рабочие средней квалификации и неквалифицированные рабочие). Невысокий показатель по категории «фермеры» связан с резким сокращением доли занятых в сельском хозяйстве, происходившим в период, который охватывает обследование (вторая половина 1970-х — первая половина 2000-х гг.).

Очевидно, что высокий процент наследования профессии отца среди специалистов связан не только с влиянием семейной атмосферы, в которой они росли (круга интересов, социальных связей, уровня культуры семьи и т. д.). Среди лиц этой категории есть профессии (например, врачи, адвокаты), где наследование профессии означает и приобретение специфического капитала (в виде передачи клиентской базы, социальных связей, бренда и т. д.).

Как показывают данные таблицы, эта страта является наиболее «закрытой» в социальной структуре Японии. Тем не менее, вхождение в нее, так же, как и в страту «управленцы», вполне возможно

и для выходцев из других слоев общества, в том числе из семей рабочих со средней квалификацией и даже из семей неквалифицированных рабочих. Примечательно, что возможно движение и в обратном направлении, т.е. спуск в более низкие страты, что иногда случается и с выходцами из высших слоев общества.

Очевидно, что и в последующие годы в результате заметного повышения в профессиональной структуре доли профессий, ассоциирующихся с высоким социальным статусом (см. табл. 3), передвижение людей из более низких страт в более высокие продолжилось. А главным институтом, позволяющим людям преодолеть «обстоятельства рождения» и подняться вверх по социальной лестнице, является система образования.

Образование как фактор социальной мобильности

С точки зрения проблемы социальной мобильности вопрос о роли системы образования сводится к тому, способствует ли она выравниванию стартовых возможностей молодых людей, предоставляет ли она им равные шансы на жизненный успех независимо от того, к какой социальной страте относятся их семьи.

Тезис о значительных достижениях японской системы образования в послевоенный период уже давно стал общим местом в работах как японских, так и западных авторов. Действительно, уровень образования японской молодежи непрерывно повышался, о чем можно судить по данным табл. 5.

Иными словами, если к середине 1970-х гг. среди молодежи массовым стало полное (двенадцатилетнее) среднее образование, то к настоящему времени массовым стало уже высшее образование.

Представляется, что столь быстрое повышение уровня образования японской молодежи было связано не только с ростом потребностей экономики в специалистах более высокой квалификации. Происшедшая в послевоенный период на волне общей либерализации и демократизации общественной жизни реформа системы образования, суть которой состояла в переходе к оценке личных достижений учеников и ослаблении влияния на доступ к хорошему образованию социального положения их семей, привела к тому, что образование, действительно, стало важным фактором социальной мобильности. Основанные на примерах из реальной жизни, в обществе получили

широкое распространение представления о том, что хорошее образование — это эффективный способ достижения успеха и продвижения вверх по социальной лестнице, но для этого необходимо упорно трудиться, начиная со школы. И многие семьи, в том числе и входящие в нижние страты, стремились дать своим детям (в первую очередь сыновьям) хорошее образование.

Таблица 5. Сдвиги в модели образования и трудоустройства выпускников средней школы и высшей ступени средней школы (доли выпускников соответствующей категории), %

Годы	Выпускники средней школы			Выпускники высшей ступени средней школы		
	продолжившие образование в школах высшей ступени	устроившиеся на работу	прочие	продолжившие образование в университетах	устроившиеся на работу	прочие
1955	51,5	38,1	10,1	18,4	46,4	35,2
1965	70,6	23,3	6,1	25,4	59,4	15,2
1975	91,9	4,0	4,1	32,4	43,5	24,1
1985	93,8	2,6	3,6	30,4	39,8	29,8
1995	94,6	1,3	4,1	37,5	24,9	37,6
2005	96,4	0,6	3,0	47,2	19,1	33,7
2015	96,6	0,3	3,1	54,4	18,6	27,0
2020	95,6	0,2	4,2	55,7	17,8	26,5
2021	95,0	0,2	4,8	57,3	16,1	26,6

Рассчитано и составлено по: Mombu kagaku to:kei yo:ran 2022 (Statistical Survey of the Ministry of Education and Science 2022), table 5, 7; https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00007.htm.

* категория «прочие» для выпускников средней школы включает тех, кто поступил на курсы повышения квалификации или в профессиональные училища; для выпускников высшей ступени средней школы — тех, кто поступил в *танки дайгаку* (трехгодичные университеты), на курсы повышения квалификации, профессиональные колледжи.

При этом следует иметь в виду, что в 1960-е — 1970-е гг. работу белых воротничков могли получить не только обладатели университетских дипломов, но и значительная часть выпускников школ высшей ступени, которые становились клерками на крупных и средних промышленных предприятиях, муниципальными служащими и т. д., т. е. передвигались на более высокую ступень в социальной иерархии.

В целом же весь послевоенный период был отмечен тем, что сыновья, как правило, получали более высокое образование, чем их отцы, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные (табл. 6).

Таблица 6. Структура образования японцев (мужчин) разных возрастных групп (2017 г.)

Возрастные группы	Доля лиц, имеющих соответствующее образование, %						
	начальная и средняя школы	высшая ступень средней школы	профессиональное училище	танки дайгаку	технологический колледж	университет	аспирантура
25–29	4,0	28,2	13,5	1,3	1,4	42,0	7,6
30–34	4,6	28,5	15,5	1,8	1,2	39,1	7,6
35–39	5,1	32,6	15,2	2,0	1,5	35,2	7,1
40–44	5,4	36,0	15,6	2,2	1,5	32,9	5,1
45–49	5,9	39,2	13,6	2,2	1,5	32,2	4,3
50–54	5,1	41,9	10,2	1,9	1,4	34,6	3,8
55–59	5,2	40,7	8,4	1,9	1,4	38,3	3,3
60–64	10,6	41,5	6,9	1,7	1,5	34,1	2,7
65–69	18,5	44,5	6,2	1,5	1,3	24,2	2,1
70–74	26,4	41,5	4,4	1,6	1,1	21,7	1,7
75–79	32,9	40,0	4,6	1,9	0,9	17,2	1,3

Рассчитано и составлено по: Employment Status Survey 2017. Statistics Bureau of Japan <https://www.estat.go.jp/en/stasearch/files?page=1&layout=datalist&toukei=00200532&tstat=000001107875&cycle=0>

Поскольку еще в 1970-е гг. полное (двенадцатилетнее) среднее образование стало массовым, вопрос о роли образования в обеспечении социальной мобильности, по сути, сводится к тому, как обстоят дела в плане доступа молодежи к высшему образованию.

Хотя очевидно, что меритократический характер японской системы школьного образования, т. е. учет в первую очередь личных достижений учеников, расширил доступ к высшему образованию способной молодежи из семей, располагающихся на нижних этажах социальной пирамиды, нельзя сказать, что шансы на поступление в университеты, особенно наиболее известные, для всех были равны.

Дело в том, что параллельно с демократизацией системы образования, расширением сети университетов происходило их структурирование по степени престижности. При этом крупнейшие компании, банки и государственные учреждения при найме отдавали предпочтение выпускникам наиболее известных университетов, крупные и средние фирмы нанимали выпускников менее престижных учебных заведений, муниципалитеты и префектурные учреждения — выпускников местных университетов и т. д., все больше полагаясь при этом на рекомендации самих университетов. Постепенно между соответствующими учебными заведениями и нанимателями сложились тесные доверительные отношения, а сами молодые люди уже на стадии поступления в университет хорошо представляли, на какое место работы они могут рассчитывать по его окончании.

Однако иерархичностью отличается не только система высшего образования, но и система школьного образования, представленная школами самого разного уровня. Поступление в престижный университет в значительной степени зависит от того, какую школу высшей ступени заканчивает будущий студент. В Японии сформировалась устойчивая закономерность: выпускники наиболее престижных школ поступают в наиболее престижные университеты, окончившие школы более низкого ранга — в менее известные университеты, а выпускники рядовых школ в основном выходят на рынок труда [Tachibanaki 2010, p. 133–134].

По данным за 2021 г. общее число школ высшей ступени составило 5856, в том числе 15 в ранге государственных, 3521 — местных (муниципальных), 1320 — частных. Позиции частных школ — как в плане качества образовательных услуг, так и по доле поступающих

в вузы выпускников — постепенно укреплялись, и в 2021 г. в них обучались уже 1/3 учеников (в 1990 г. — 28,7%)⁷.

Поскольку обучение в частных школах обходится в среднем в два раза дороже, чем в муниципальных (по данным за 2018 г. соответственно 969,9 тыс. иен и 457,4 тыс. иен в год), очевидно, что на выбор школы не может не влиять уровень дохода семьи. Об этом свидетельствуют и приводимые ниже данные.

Таблица 7. Доли семей с соответствующим доходом, выбравших государственные (муниципальные) или частные школы высшей ступени (%)

Школы	Годовой доход семьи					
	до 4 млн иен	от 4 до 5,99 млн иен	от 6 до 7,99 млн иен	от 8 до 9,9 млн иен	от 10 до 11,99 млн иен	свыше 12 млн иен
государст- венные	19,9	24,2	24,4	17,6	8,1	5,8
частные	13,9	19,0	20,6	20,0	10,7	15,8

Источник: Kodomo no gakushu:hi ch:osa [Survey on expenses for children education 2018], Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology <https://www.e-stat.go.jp/statsearch/files?page=1&layout=datalist&toukei=00400201&tstat=000001012023&cycle=0&tc>

Хотя линейной зависимости между уровнем дохода семьи и выбором школы не прослеживается, тем не менее, связь между ними очевидна. Однако на этот выбор влияет не только экономическое положение семьи, но и фактор, который социологи называют социальным капиталом. Под ним имеются в виду уровень образования родителей, положение семьи в социальной иерархии, круг общения, социальные связи и т. д. Причем, по мнению некоторых японских ученых в последние годы это влияние даже усилилось. Это связано с внесением определенных изменений в правила поступления в школы высшей ступени.

⁷ Mombu kagaku to:kei yo:ran 2022 (Statistical Survey of the Ministry of Education and Science 2022), table 7 https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00007.htm

Как отмечает профессор Т. Кария, если прежде поступление учеников в ту или иную школу зависело от оценок, которые они получали на экзаменах, то теперь принимается во внимание и их «индивидуальность, т.е. социо-культурные ресурсы, которые ученики накапливают в семье (способность к ведению дискуссии, выражению собственного мнения и т.д.). И если оценки зависят главным образом от возможностей семьи платить за *дзюку* (внешкольное обучение, нацеленное, прежде всего, на привитие ученикам навыков сдачи экзаменов), то социо-культурные ресурсы ученика напрямую зависят от социального статуса и культурного капитала семьи. И в этих условиях дети из семей с более высоким социальным статусом получают дополнительные преимущества [Kariya 2017, p. 161–163].

Таким образом, система высшего образования Японии структурирована как на «входе», так и на «выходе», и, несмотря на превращение высшего образования в массовое, нельзя сказать, что оно предоставляет равные шансы на жизненный успех выходцам из разных социальных страт. Тем более, что высшее образование — платное как в частных, так и в государственных, префектурных и муниципальных университетах, и при выборе вуза семья, конечно же, учитывает и свои финансовые возможности.

Однако ряд объективных факторов приводят к изменениям, благотворно влияющим на положение дел в сфере высшего образования.

Главной целью получения высшего образования является удачное трудоустройство — прежде всего, на место постоянного работника в крупнейшую (с числом занятых свыше 1 тыс.) или крупную (с числом занятых от 300 до 1 тыс.) компанию. За последние два десятилетия, особенно после 2012 г. на фоне общего улучшения конъюнктуры, шансы «свежих» выпускников получить такое место заметно повысились. Если в первой половине нулевых годов в крупнейшие компании трудоустраивались 25–27%, а в крупные — порядка 20%, то в 2017 г. эти показатели составили 57,8% и 18,1%, в 2018 г. — 53,8% и 23,7%. Иными словами, порядка $\frac{3}{4}$ выпускников университетов получили шанс на хороший старт. При этом произошел и абсолютный рост числа выпускников, устроившихся в крупнейшие и крупные компании: в 2000 г. их число составило 87 тыс. и 68 тыс., в 2018 г. — 339 тыс.

и 125 тыс.⁸. Это означает, что высшее образование действительно является фактором обеспечения социальной мобильности для тысяч молодых людей.

Далее, старение населения и сокращение рождаемости приводят к тому, что поступление в престижные школы высшей ступени и наиболее известные вузы, так же, как и получение высшего образования, становятся более доступными, чем прежде. Об этом позволяют судить следующие показатели.

За период 1990–2020 гг. число японских университетов увеличилось с 509 до 795 (из них 86 — государственные, 94 — местные, 615 — частные) или в 1,6 раза, а число обучающихся в них студентов возросло с 2 млн 133 тыс. до 2 млн 624 тыс., т. е. на 23%. Иными словами, темпы расширения сети университетов существенно превосходят рост числа студентов⁹.

По сравнению с началом 1990-х гг. заметно снизился такой показатель, как соотношение числа заявок на поступление от выпускников высшей ступени средней школы к числу поступивших в университеты¹⁰.

1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021
1,93	1,65	1,29	1,22	1,16	1,13	1,12	1,10

Наконец, индикатором повышения доступности высшего образования служит и сокращение числа *ронинов*, т. е. выпускников школ, не сумевших поступить в университет сразу по окончании школы и пытающихся сделать это по прошествии года, реже — двух лет. Так, в 1990 г. их насчитывалось 278 тыс., в 2000 г. — 145 тыс., в 2010 г. — 84 тыс., в 2020 г. — 69 тыс., в 2021 г. — 68 тыс.¹¹.

Очевидно, что сказанное выше характеризует ситуацию в целом. Но что касается наиболее престижных университетов (таких,

⁸ Heisei 30 nendo wakamono koyo: jittai cho:sa no gaiyo: (The situation with employment of youth 2018) Ministry of Health, Labor and Welfare <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/4-21c-jyakunenkoyou-h30.html>

⁹ Japan Statistical Yearbook 2022 table 25-/13 Statistics Bureau of Japan <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/71nenkan/1431-25.html>

¹⁰ Mombu kagaku to:key yo:ran 2022 (Statistical Survey of the Ministry of Education and Science 2022), table 7 https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00007.htm.

¹¹ Mombu kagaku to:key yo:ran 2022 (Statistical Survey of the Ministry of Education and Science 2022), table 7 https://www.mext.go.jp/b_menu/toukei/002/002b/1417059_00007.htm.

например, как Токийский государственный, Васэда, Кэйо), то накал борьбы за поступление в них по-прежнему чрезвычайно высок, а конкурс достигает 10 человек на место. Кроме того, следует иметь в виду, что обучение на ряде факультетов (например, медицинском), стоит так дорого, что доступно лишь для выходцев из богатых семей.

Таким образом, хотя система высшего образования Японии предоставляет шансы продвинуться по социальной лестнице вверх все большему числу молодых японцев, траектории этого продвижения во многом определяются тем, к какому социальному слою принадлежат их семьи. Эти различия закладываются еще на стадии школьного образования и влияют в дальнейшем и на выбор ранга университета, и на возможности трудоустройства. Несмотря на ряд позитивных изменений, в целом как прежде, так и сейчас шансы на получение хорошего образования распределяются среди молодых людей из разных страт неравномерно и в немалой степени зависят от финансовых возможностей и социального положения их семей. Иными словами, будучи важным фактором социальной мобильности, японская система образования в то же время воспроизводит в определенной степени и социальное неравенство.

Показательно, что авторы *The Global Social Mobility Report 2020* по показателю, измеряющему влияние социально-экономического статуса семей школьников и студентов на выбор учебного заведения (PISA — *Index of Social Inclusion*), поставили Японию на 23 место среди 84 обследованных стран, в то время как по общему показателю социальной мобильности она занимает 15 место¹².

Брак и социальная мобильность

Прежде чем рассматривать вопрос о влиянии института брака на социальную мобильность, целесообразно в общих чертах охарактеризовать ситуацию с браками и разводами, сложившуюся в стране в последние десятилетия.

После взлета к началу 1970-х гг., когда брачного возраста достигли японцы, родившиеся в период первого послевоенного бэби-бума, в последующие годы число заключенных браков в стране начало

¹² The Global Social Mobility Report 2020, p. 116–117. *World Economic Forum* https://www3.weforum.org/docs/Global_Social_Mobility_Report.pdf.

почти неуклонно снижаться, а число разводов, напротив, начало возрастать (табл.8).

Таблица 8. Динамика числа вновь заключенных браков, разводов и повторных браков (тыс.)

Годы	Число вновь заключенных браков	Число разводов	Число повторных браков
1970	1029	96	115
1980	775	142	117
1990	736	158	132
2000	798	264	168
2010	700	251	179
2020	526	193	139
2021	514	188	—

Источник: Danjo kyo:do: sankaku hakusho 2022 (White Paper on Gender Equality 2022), p. 9. *Cabinet Office* https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r04/zentai/pdf/r04_tokusyu.pdf

Одновременно заметно повысилась доля неженатых мужчин и незамужних женщин. Так, если в 1980 г. к тридцати годам не состояли в браке 11,3% женщин и 31,1% мужчин, то в 2020 г. эти показатели выросли до 40,5% и 50,4%. А что касается тех, кто не смог устроить свою жизнь и к пятидесяти годам, то их доля среди женщин возросла с 4,45% в 1980 г. до 17,8% в 2020 г., а среди мужчин — соответственно с 2,6% до 28,3%¹³:

Если судить по результатам последних опросов, то вряд ли в будущем ситуация изменится в лучшую сторону. Так, среди 20-39-летних незамужних женщин не имеют возлюбленных порядка ¼, а среди неженатых мужчин — 38%. Более того, 14% женщин и 19,3% мужчин в возрасте от 20 до 29 лет и 25,4% женщин и 26,5% мужчин в возрасте от 30 до 39 лет вообще не намерены вступать в брак. Те же, кто все-таки женятся и выходят замуж, делают это на 3–4 года позже, чем

¹³ Danjo kyo:do: sankaku hakusho 2022 (White Paper on Gender Equality 2022), p. 10. *Cabinet Office* https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r04/zentai/pdf/r04_tokusyu.pdf

прежде. В 2020 г. средний возраст невест составил 29,4 года, а женихов — 31 год¹⁴. Следует также отметить, что общую картину не меняет некоторый рост в последнее время числа гражданских (незарегистрированных) браков, так как их доля крайне низка (3–4%).

Приведенные выше данные говорят о том, что институт брака в Японии переживает непростые времена, а известный японский социолог М. Ямада вообще характеризует сложившуюся ситуацию как «кризис брака»¹⁵.

Не вдаваясь в детали, отметим лишь наиболее очевидные причины происшедших изменений. Во-первых, значительно повысился уровень образования японских женщин (сейчас уже более половины выпускниц школ высшей ступени продолжают образование в университетах), что не может не повышать их требований в отношении статуса и материального положения потенциальных мужей. Во-вторых, повысилась доступность для женщин мест постоянных работников с перспективой профессионального роста, что ставит их перед непростым выбором — карьера или семья, так как их совмещение часто оказывается невозможным. В-третьих, возросло число молодых людей брачного возраста, не имеющих постоянной работы. Если в 2006 г. доля непостоянных работников среди мужчин в возрасте 25–34 года составляла 6,0%, а их численность — 470 тыс. человек, то в 2019 г. — соответственно 14,5% и 830 тыс.¹⁶ И, наконец, значительная часть не состоящих в браке молодых японцев обоих полов просто не хочет обременять себя какими-либо обязанностями и терять свободу, тем более, что многие из них продолжают жить с родителями и наслаждаться комфортной, обеспеченной жизнью без дополнительных трат и хлопот. Так, например, одинокие 20–39-летние японки в качестве основных причин безбрачия назвали следующие: «хочу сохранить свободу» (48,9%), «не встретила подходящего человека» (48,8%), «не чувствую необходимости в формальном браке» (41,0%). А мужчин того же возраста удерживают от вступления в брак следующие

¹⁴ Danjo kyo:do: sankaku hakusho 2022 (White Paper on Gender Equality 2022), p. 6, 14, 49. *Cabinet Office* https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r04/zentai/pdf/r04_tokusyu.pdf

¹⁵ Yamada M. *Kekkon kuraisisu. Chu:ryu: tenraku fuan* (Crisis of marriage. Fears of falling out of the middle class). Tokyo, 2016.

¹⁶ Labour Force Survey 2006, table 4, 2019, table 1-4. *Statistics Bureau of Japan* <http://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files>

мотивы: «возникнет необходимость заботиться о семье, воспитании детей и т.д.» (38,6%), «хочу сохранить свободу» (37,0%), «не встретил подходящего человека» (36,2%), «нет уверенности в материальном положении» (36,0%)¹⁷.

Иными словами, институт брака как фактор социальной мобильности относительно утрачивает свои позиции. Тем не менее, он продолжает быть одним из элементов, структурирующих общество, и вопрос о том, на ком женятся японцы и за кого выходят замуж японки, не утрачивает своей актуальности.

Прежде всего, следует отметить, что за послевоенный период коренным образом изменилась модель заключения браков: если еще в 1970 г. около половины браков заключались по соглашению между родителями или родственниками молодых людей (*миаи*), то в последнее время доля *миаи* составляла порядка 5%, а около 90% — это «браки по любви».

За этими сдвигами стоят колоссальные изменения, происшедшие в японском обществе. Ослабело давление на поведение молодежи традиционных социальных норм, предписывавших, например, девушкам выходить замуж в 23–24 года, а юношам — подчиняться воле отцов, в том числе и в вопросах брака. Демократизация общественной жизни, усиление влияния на поведенческие установки молодежи западных ценностей привели к распространению в молодежной среде более свободных взглядов на вопросы любви и брака. Наконец, повышение уровня образования девушек, в частности, значительный рост их числа среди японских студентов, физически расширили пространство общения молодежи.

Если браки по типу *миаи* заключались в основном в пределах одной социальной группы, то «браки по любви» предполагают, что происхождение и социальное положение семей молодых людей перестают быть определяющим фактором, влияющим на их выбор. Однако в действительности дело обстоит несколько иначе.

Об этом позволяют судить данные (см. табл. 9, 10), в которых представлены результаты анализа материалов *The Japanese General Social Survey* 2005 г., проведенного известным японским социологом Сирахасэ Савако.

¹⁷ Danjo kyo:do: sankaku hakusho 2022 (White Paper on Gender Equality 2022), p. 55. Cabinet Office https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r04/zentai/pdf/r04_tokusyu.pdf

Таблица 9. Состав супружеских пар по уровню образования
(на момент заключения брака, %)

Уровень образования супруги	Уровень образования супруга			
	низкий	средний	высокий	Всего
низкий	64,1	31,8	4,1	100,0
средний	11,3	64,6	24,2	100,0
высокий	1,2	29,9	68,9	100,0

Источник: [Shirahase 2010, p. 72].

Таблица 10. Состав супружеских пар по виду профессии / роду занятий
(на момент заключения брака, %)

Профессия / род занятий супруги	Профессия / род занятий супруга				
	специалист, управленец	рядовой служащий	фермер	синий воротничок	Всего
специалист, управленец	33,8	40,8	1,9	23,5	100,0
рядовой служащий	14,1	48,7	2,0	35,2	100,0
фермер	2,7	9,6	56,2	31,5	100,0
синий воротничок	6,7	19,6	5,2	68,5	100,0

Источник: [Shirahase 2010, p. 75].

Как показывают данные табл. 9, для всех трех групп характерно явное преобладание пар с одинаковым уровнем образования. Схожую картину представляют и данные табл. 10: значительная часть пар на момент заключения брака имели примерно одинаковые статусные позиции. В целом же, по мнению С. Сирахасэ, усиление значения личных достижений человека и снижение роли его социальных корней, происшедшие в ходе послевоенного развития, привели к тому, что при заключении браков уровень образования стал превалировать над социальным происхождением — даже в наиболее высоких статусных группах [Shirahase 2010, p. 66].

Из этого тезиса можно было бы сделать вывод, что институт брака, прежде консервировавший социальную структуру, стал одним из факторов ее подвижности. Однако этот вывод верен лишь отчасти. Ведь из-за структурированности системы школьного и высшего образования, зависимости возможностей получения хорошего образования от социально-экономического положения семьи формально одинаковый уровень образования (например, высшее) имеют лица, попадающие в разные социальные ниши. И, как правило, эти ниши заполняются людьми, имеющими схожие социальные корни. Иными словами, сохранение иерархичности и структурированности японской системы образования в определенной степени ограничивает подвижность социальной структуры, объективную основу для которой создает превращение уровня образования партнера в главный критерий при заключении браков.

Заключение

В плане возможностей для социальной мобильности, т. е. передвижения людей из низших страт в более высокие, сложившуюся в Японии ситуацию в целом можно охарактеризовать как достаточно благоприятную. Хотя очевидно, что в рамках сформировавшейся в стране системы социальной стратификации жизненные пути выходцев из разных страт складываются по-разному, тем не менее, благодаря целому ряду факторов миллионам японцев удалось передвинуться вверх по социальной лестнице и не только улучшить свое материальное положение, но и повысить социальный статус. А благоприятную макросреду для этих процессов создавало быстрое повышение уровня социально-экономического развития страны, ее превращение в социально-ориентированное государство.

Анализ проблемы межпоколенческой мобильности по трем основным параметрам социальной стратификации — уровню дохода, социальному статусу и уровню образования — с точки зрения возможностей преодоления социально-экономического неравенства в последующих поколениях позволил сделать следующие выводы. Во-первых, благодаря перераспределению доходов через систему социального обеспечения и налогообложения, а также относительно небольшому разрыву в оплате труда

между работниками разного уровня квалификации неравенство по доходам удерживается на уровне, поддерживающем социальную мобильность по доходу.

Во-вторых, сдвиги в профессиональной структуре занятых в направлении повышения доли более престижных профессий и значительный рост абсолютного числа обладателей этих профессий создали объективные условия для передвижения тысяч молодых людей, в том числе и из низших страт, в более высокие статусные группы. В-третьих, демократизация системы образования, облегчение доступа молодых людей из разных социальных страт к хорошему образованию предоставляют шансы оторваться от социальных корней и продвинуться вверх по социальной лестнице все большему числу молодых японцев. К этому следует добавить, что и демократизация института брака, проявлением которой стало повышение значения при выборе партнера уровня его образования и отход на второй план вопроса о его социальных корнях, также в какой-то мере способствовала усилению подвижности социальной структуры. Однако сказанное выше не означает, что социально-экономическое положение семьи перестало оказывать влияние на судьбу человека. По всем трем параметрам стратификации обнаруживаются свидетельства сохранения этого влияния — «передача богатства» и «передача бедности», наследование профессии и социального статуса отца, влияние социально-экономического положения семьи на выбор учебных заведений и т. д. При этом главным фактором, сдерживающим межпоколенческую социальную мобильность, является иерархичная структура системы образования, которая еще со школьной скамьи распределяет японцев по разным нишам — и не только с учетом их способностей, но и в соответствии с социально-экономическим положением их семей.

References

Kariya, T. (2017). Understanding Structural Changes in Inequality in Japanese Education. In D. Chiavacci and C. Hommerich (eds.), *Social Inequality in Post-Growth Japan: Transition During Economic and Demographic Stagnation*. Routledge.

Sannabe, A. (2015). Occupational Inheritance: Impact on Long-Term Worklessness and Unemployment, Human Networks and Happiness. *Japan Labor Review*, 12 (3). Retrieved July 18, 2022, from https://www.jil.go.jp/english/JLR/documents/2015/JLR47_all.pdf

Sato, Y., Yoshida, T. (2008). An Empirical Study of Intergenerational Transmission of Poverty from the Perspective of Income Mobility. *Japan Labor Review*, 5 (4).

Sato, Y. (2017). Institutions and actors in the creation of social inequality. In D. Chiavacci and C. Hommerich (eds.), *Social Inequality in Post-Growth Japan: Transition During Economic and Demographic Stagnation*. Routledge.

Shirahase, S. (2010). Marriage as an Association of Social Classes. In H. Ishida and D. Slater (eds.), *Social Class in Contemporary Japan*. London.

Tachibanaki, T. (2010). *Nihon-no kyōiku kakusa* [The Disparities in Japanese Education]. Tokyo. (In Japanese).

Институты российско-японского экономического сотрудничества

К. А. Корнеев

Аннотация

Российско-японское экономическое сотрудничество имеет достаточно интересную и содержательную историю, однако опирается преимущественно на торговлю первичными энергоресурсами, в которых Страна Восходящего Солнца нуждается едва ли не больше всех в Северо-Восточной Азии. Неудивительно, что российский добывающий сектор привлекает львиную долю японских инвестиций, и это направление можно считать наиболее защищённым от негативных внешних воздействий, таких как санкционная политика или общее охлаждение межгосударственных отношений. Существуют и другие направления, например, по развитию сети автосборочных предприятий на территории России, строительству металлургических и фармацевтических заводов, обработке пустующих земель сельскохозяйственного назначения на Дальнем Востоке. При благоприятных обстоятельствах возможно ощутимое расширение номенклатуры отраслей — речь идёт о проектах и в сфере водородной энергетики, и в области цифровой экономики, робототехники, космических систем и так далее.

К сожалению, в настоящий момент российско-японские отношения переживают один из самых сложных периодов своей истории, во многом обусловленный резким изменением глобального геополитического ландшафта в дополнение к различному восприятию российскими и японскими элитами моделей формирования геоэкономического пространства в Северо-Восточной Азии. Фактически в регионе СВА заметно усиливается тенденция к закреплению двух стратегических блоков, один из которых составляют Китай и Россия, в другой же входят Япония и Республика Корея при очевидном покровительстве США.

Тем не менее, Токио, несмотря на присоединение к масштабным анти-российским санкциям, всё же стремится сохранить фундамент для дальнейшего взаимодействия в случае хотя бы относительной нормализации

геополитического фона. Поэтому по-прежнему сохраняется актуальность рассмотрения институциональных основ кооперации, проистекающих из уже созданной системы договоров и соглашений. Анализ существующих и перспективных институтов российско-японского сотрудничества находится в фокусе внимания данной статьи, поскольку без этого фундамента сторонам будет трудно рассчитывать на взаимовыгодное долгосрочное взаимодействие, которое полностью свести на нет вряд ли возможно в силу многих обстоятельств как внутреннего, так и внешнего характера. Кроме того, в новых условиях азиатское направление внешнеэкономической политики становится по-настоящему ключевым для России, что на официальном уровне признаётся национальными элитами.

Ключевые слова: Россия, Япония, экономическое сотрудничество, энергетическая политика, инвестиции, геополитические факторы

Автор: Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (117997, Москва, Нахимовский проспект, 32)
ORCID: 0000-0003-3930-6309
E-mail: korneev@ifes-ras.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Institutions of Russian-Japanese Economic Cooperation

K. A. Korneev

Abstract

Russian-Japanese economic cooperation has a rather interesting and informative history, but it is based mainly on primary energy resources trade, which Japan needs probably more than any other country in North East Asia. It is not surprising that the Russian mining sector attracts the dominant share of Japanese investment, and this area can be considered the most protected from negative external influences, such as sanctions policy or the general cooling of interstate relations. There are other directions, for example, the development

of car assembly plants network in Russia, the construction of metallurgical and pharmaceutical plants, and the use of empty agricultural lands in the Russian Far East. Under favorable circumstances, it is possible to significantly expand the range of industries and launch projects in the fields of hydrogen energy, digital economy, robotics, space systems, and so on.

Unfortunately, at the moment, Russian-Japanese relations are going through one of the most difficult periods in their history, largely due to a sharp change in the global geopolitical landscape in addition to the different perception by Russian and Japanese elites of the models of geo-economic space formation in Northeast Asia. In fact, in the NEA region, the tendency towards the consolidation of two strategic blocs is noticeably increasing, one of which is China and Russia, while the other includes Japan and the Republic of Korea, with the obvious patronage of the United States. Nevertheless, Tokyo, despite declaratively joining large-scale anti-Russian sanctions, still seeks to preserve the foundation for further cooperation in case of at least a relative normalization of the geopolitical background. Therefore, it is still relevant to consider the institutional foundations of cooperation arising from the already established system of contracts and agreements. This article focuses on the analysis of existing and promising institutions of Russian-Japanese cooperation, because, without this foundation, it will be difficult to count on mutually beneficial long-term interaction, which is hardly possible to completely nullify due to many circumstances, both internal and external. In addition, under the new circumstances, the Asian direction of foreign economic policy is becoming a crucial one for Russia, which is officially recognized by the national elites.

Keywords: Russia, Japan, bilateral economic cooperation, energy policy, investment, geopolitical factors

Author: *Korneev Konstantin A.*, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher at Centre for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, Russian Federation, 117997)

ORCID: 0000-0003-3930-6309

E-mail: korneev@ifes-ras.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Российско-японские экономические отношения вплоть до конца февраля — начала марта 2022 г. можно было однозначно охарактеризовать как достаточно стабильные, обладающие сформированной

структурой и чётким распределением ролей. После распада Советского Союза стороны стали больше внимания уделять взаимным контактам, изменилась и риторика официальных лиц — увеличивалось число заявлений об общей заинтересованности в сотрудничестве, развитии не только экономических, но и культурных связей. Эта predisposition к диалогу способствовала постепенному увеличению торгового оборота, который достиг пика в 2008 г., составив около 30 млрд долл. США. Тогда же сложилась и определённая экспортно-импортная система, согласно которой из России в Японию ввозились различные природные ресурсы (лес, металлы и пр.), а по обратному маршруту следовали промышленная продукция, материалы, оборудование, автомобили [Цзюньдун 2016].

Постепенно, с введением в эксплуатацию проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», основной российской экспортной отраслью стал нефтегазовый сектор, в то время как со стороны Японии мало что изменилось. При этом в российской и зарубежной историографии получили большое распространение исследования перспективных направлений российско-японского внешнеторгового сотрудничества, включая оценки потенциала сложных инфраструктурных проектов. Одним из таковых является проект энергомоста «Сахалин–Хоккайдо», требующий значительных инвестиционных и технологических усилий, основная идея которого заключается в том, чтобы организовать экспорт недорогой российской электроэнергии через подводный кабель с о. Сахалин на о. Хоккайдо с целью преодоления сезонного энергодефицита на северном японском острове и улучшения экологической ситуации за счёт вывода из эксплуатации ТЭС, работающих на угле и мазуте [Роров, Корнеев 2017].

Несмотря на то, что подобные концепции периодически появляются и даже находят одобрение среди чиновников различного ранга, как в России, так и в Японии, их практической реализации препятствует слаборазвитость институтов сотрудничества, взаимное недоверие, вызванное условной принадлежностью стран к разным геополитическим лагерям, а также наличие территориальных претензий со стороны Японии. Исходя из этого, основная научная проблема данного исследования заключается в обосновании уровня структурной завершенности институциональной модели двустороннего сотрудничества и её воздействия на текущее и перспективное взаимодействие стран преимущественно в экономической

сфере. Научная новизна заключается в оценке именно институтов российско-японского торгово-экономического сотрудничества: такой подход позволит обнаружить скрытые течения и закономерности двустороннего сотрудничества, на основе чего можно будет сделать вывод о тенденциях и потенциале отношений двух крупных региональных держав даже в условиях полномасштабных торгово-экономических санкций против России, к которым присоединилась Япония

Российско-японское экономическое сотрудничество по состоянию на 2021 г.

Доля японских инвестиций в общем объёме зарубежных финансовых вложений в экономику России с начала 2000-х гг., несмотря на некоторые колебания, в среднем не превышала 4%. Крупный японский бизнес не спешил активно развивать своё присутствие на российском рынке, предпочитая практику инвестиционных кредитов. Суть сложившейся модели такова: на выделяемые средства Россия в рамках совместных предприятий (существующих зачастую только на бумаге) обязана приобретать товары у конкретных японских производителей с последующим возвратом процента по кредиту. Неудивительно, что эта практика, распространённая в начале-середине 2000-х гг., после мирового финансового кризиса 2008 г. практически сошла на нет, незначительно сохранившись лишь в нефтегазовом секторе [Panov, Kazakov, Kistanov 2012].

Как уже упоминалось выше, именно энергетика составляет основу сотрудничества между сторонами. Японское правительство стремится к диверсификации цепочек поставок энергоресурсов из-за рубежа. Ближний Восток (точнее, страны Персидского залива), где и закупается львиная доля нефти и газа для нужд японской энергетике, не самый стабильный регион с точки зрения безопасности [Стрельцов 2020]. Кроме того, затраты на перевозку сжиженного природного газа (СПГ) и сырой нефти морем на столь значительные расстояния весьма велики; неудивительно, что японские компании интересуются логистическими возможностями Северного морского пути. Однако, учитывая суровые климатические условия Арктики и неразвитость портовой инфраструктуры Русского Севера, выгоды пока выглядят неочевидными.

Помимо СПГ, поставляемого в Японию с Сахалина, в 2013 г. заработал и нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан, что значительно упростило транспортировку российской нефти в японские порты, однако эти объёмы невелики (не более 6% потребности Японии). Существует также проект сооружения газопровода по дну пролива Лаперуза мощностью до 20 млрд м³ в год, но для этого надо решить множество политических, технических и экологических проблем. Очевидно, что стороны в настоящее время по-прежнему не готовы к реализации крупных инфраструктурных проектов, особенно если предполагается сопряжение энергетических систем [Махова, Шадрин 2019].

По состоянию на декабрь 2021 г., товарооборот России и Японии составил 20,8 млрд долл., причём экспорт из России в Японию оценивается в размере 12 млрд долл., а импорт в нашу страну — порядка 8 млрд долл. Рост объёмов экспорта по отношению к 2020 г. составил 50%, импорта — 35%, что вызвано восстановлением взаимной торговли после ряда локдаунов, введенных из-за пандемии. Однако доля Японии во внешнеторговом обороте России по-прежнему не превышает 2%, Россия же не вошла и в десятку аналогичного списка для Японии. Сальдо торгового баланса для России положительное, только разницу формируют продукты с невысокой добавленной стоимостью.

В 2021 г. Россия продала Японии нефти, природного газа и угля на сумму 6,5 млрд долл. Также существенными статьями экспорта были рыба и морепродукты (650 млн долл.), разнообразная химическая продукция (более 100 млн долл.), чёрные и цветные металлы (350 млн долл.), алюминий (1,1 млрд долл.), драгоценные и полудрагоценные камни (1,2 млрд долл.), древесина и изделия из неё (585 млн долл.). Заметен прирост поставок в Японию оборудования для нужд атомной энергетики — до 53 млн долл¹. Для сравнения необходимо привести наиболее значимые статьи японского экспорта в Россию в 2021 г. Это различные транспортные средства (на сумму 3,8 млрд долл.), энергетическое оборудование (около 2 млрд долл.), готовые изделия из чёрных и цветных металлов (порядка 170 млн долл.), электрооборудование, инструменты, цифровая техника и медицинские принадлежности (в совокупности более

¹ Статистика внешней торговли России в 2021 г. Япония. Экспорт. Федеральная таможенная служба России. Январь 2022 г. <https://russian-trade.com/statistics/by-country/japan/export/2021/>

1,2 млрд долл.), каучук, резина, пластмассы (в сумме 700 млн долл.), фармацевтическая продукция (155 млн долл.)².

Вывод из представленных данных получается простой, что неоднократно было подмечено в научных публикациях и отчётах профильных исследовательских центров. Вопрос заключается не в том, почему сложилась именно такая картина, а в том, что следовало бы сделать для её изменения в лучшую, технологичную сторону для России. В этом свете необходимо учесть ряд важных аспектов, среди которых, в первую очередь, выделяется наличие многолетнего опыта сотрудничества в различных сферах в режиме взаимного благоприствования, чем Россия с Японией пока вряд ли могут похвастаться.

Впрочем, в ситуации резкого усиления антироссийских санкций речь идёт не столько о развитии, сколько о частичном сохранении хотя бы некоторых направлений экономического сотрудничества, помимо энергетики. На территории России пока остаются филиалы японских автомобильных гигантов, ведущих бизнес в различных сегментах рынка (производство шин, масел, аксессуаров для личного и коммерческого автотранспорта), работают заводы по производству трансформаторов корпорациями «Силовые машины» и Toshiba, запущенные в 2013 и 2014 гг., завод по сборке гидравлических экскаваторов Hitachi, начавший работу в 2014 г., химический завод «Аммоний» (введён в эксплуатацию в 2016 г.), в строительстве которого участвовали корпорации Mitsubishi и Sojitz, а также ряд других предприятий и производств [Махова, Шадрин 2019].

Перечисленные выше предприятия, пусть сегодня и находящиеся под угрозой остановки или, как минимум, смены формы собственности (продажа доли японских компаний), всё же как практические примеры внесли большой вклад в формирование принципов успешного делового сотрудничества, которые впоследствии, при наличии подходящих геополитических условий и усиления экономической заинтересованности, могут стать основой для нового, более содержательного этапа взаимоотношений двух стран, пусть с нынешних позиций такая перспектива и выглядит весьма отдалённой. Но любая активная деятельность государственных и частных компаний требует прочной институциональной базы, которая вытекает из развитого договорного

² Статистика внешней торговли России в 2021 г. Япония. Импорт *Федеральная таможенная служба России*. Январь 2022 г. <https://russian-trade.com/statistics/by-country/japan/import/2021/>

права, или, другими словами, устойчивого навыка достижения компромиссных решений по сложным и чувствительным вопросам. У России и Японии есть некоторый задел для этого.

Определение институтов экономического сотрудничества

Прежде всего, необходимо уточнить, что включает в себя понятие «институт». Так или иначе, подавляющее большинство определений сводится к тому, что институт — это перечень формальных и неформальных правил, на основе которых выстраивается взаимодействие между различными субъектами в рамках отдельных государств либо их объединений (международные институты), включая также организационные структуры (учреждения), действующие на основе этих правил. Формальные правила представляют собой законодательно-правовую базу (иными словами, механизм государственного контроля, выраженный в законах, постановлениях, нормативных актах и так далее), а также соглашения и контракты, подписанные между любыми участниками экономических сделок. Неформальные правила — это межличностные отношения и контакты, включая традиционные, «неофициальные» способы достижения договорённостей. Эти неформальные правила важны для обеспечения экономического процесса в тех ситуациях, когда формальные механизмы либо отсутствуют, либо не работают должным образом. Выделение и анализ второй группы институтов в рамках практики российско-японского экономического сотрудничества в настоящей статье не планируется по причине недостатка соответствующих данных и высокой вероятности неоднозначных трактовок этой темы со стороны экспертного сообщества.

К числу участников (субъектов) формального институционального поля относят, например, органы власти, частный бизнес, политические партии, различные отраслевые союзы, словом, любые организации, работа которых требует законодательно-правового оформления и сопровождения, в том числе и на межгосударственном уровне. Деятельность таких субъектов изначально имеет рациональную основу, то есть вытекает из целесообразности тех или иных решений, направленных на достижение максимально возможного положительного эффекта в определённой сфере. Но зачастую практическому воп-

лощению даже самых лучших институциональных моделей серьёзно препятствуют исторически сложившиеся в обществе неформальные нормы распределения властных полномочий, прибыли, наиболее «ценных» для государства проектов. В связи с этим необходимо отметить, что внутренняя институциональная структура стран Востока и Запада в значительной мере отличается друг от друга, что обусловлено, в первую очередь, социальными, культурными и цивилизационными факторами [Алфёрова 2012].

Таким образом, предполагается проанализировать институциональный характер российско-японского взаимодействия на основе поиска и рассмотрения соответствующих формальных институтов, благодаря которым создаются конкретные организации сотрудничества. То есть следует сначала определить институты, и в дальнейшем отследить практические результаты их работы, выраженные в виде деятельности двусторонних организаций, возникших в результате заключения договоров, соглашений и так далее. Очевидно, что такие организации будут серьёзно различаться по уровням и интенсивности сотрудничества, иметь различные цели и задачи, продолжительность жизненного цикла. Однако это не отменяет общей формализации подхода и позволяет обоснованно включить их в заявленные рамки, не прибегая к излишнему дроблению предмета исследования.

Для некоторого упрощения схемы взаимодействия изучаемых стран можно выделить два базовых блока:

1. Встречи и общение лидеров государств в ходе официальных визитов или на полях различных саммитов и форумов, а также контакты на министерском (ведомственном) уровне, призванные обеспечивать подготовку и сопровождение мероприятий на высшем уровне. В результате такой работы могут быть заключены рамочные соглашения об экономической кооперации, анонсировано создание каких-либо совместных предприятий, фондов и т.п. Собственно, этот уровень задаёт основной тон сотрудничества и определяет его направления.

2. Соглашения между различными экономическими субъектами (ассоциациями) из России и Японии о непосредственной реализации проектов (привлечении инвестиций), которые обеспечиваются договорённостями на государственном уровне, однако организационно остаются в ведении конкретных фирм, корпораций или отраслевых объединений.

Важно понимать, что зачастую действия акторов (субъектов) в значительной мере носят декларативный характер. Подобных примеров, когда между сторонами подписывались различные протоколы о намерениях, не имеющие никакого продолжения, достаточно большое количество, и рассматривать их смысла нет. Для исследователя гораздо ценнее свершившиеся факты сотрудничества, а именно создание и работа совместных структур с результатом, который можно обнаружить и оценить. Следует отметить, что у России и Японии в настоящее время немного таких совместных структур, которые классифицируются согласно приведённым выше блокам.

Развитие институтов определяет интенсивность сотрудничества. Правда, не стоит измерять их успешность количеством. Множество заключенных соглашений и подписанных актов могут так и не перейти в качественную систему, оставшись на бумаге. К тому же текущие государственные интересы далеко не всегда совпадают с интересами частного бизнеса, а если говорить о долгосрочных стратегиях роста, то расхождения могут быть ещё более существенными. Поэтому интересно оценить, каким формальным институциональным наполнением обладают российско-японские экономические отношения на текущем этапе (с небольшим экскурсом в новейшую историю), и дать осторожный прогноз на ближайшее будущее по состоянию двусторонней экономической кооперации, основанной на сложившемся институциональном фундаменте.

Примеры институтов российско-японского экономического сотрудничества

Первые шаги по укреплению позиций молодого российского государства в Азиатском регионе были предприняты в самом начале 1990-х гг. Важной вехой на этом пути стало подписание в 1993 г. Токийской декларации — комплексного документа, определяющего основные черты российско-японских отношений в рамках нового мирового порядка и стремления к многополярному миру. Экономическая часть также присутствовала, однако оставалась на втором-третьем плане, поскольку требовалось сформировать общее правовое поле двустороннего взаимодействия³.

³ Токийская декларация о российско-японских отношениях. *Посольство Японии в России*. 5 сентября 2000 г. https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/docs_new.html.

Одним из ключевых институтов, созданных именно в 1990-е гг., помимо Токийской декларации, следует считать формирование на основе меморандума 1995 г. российско-японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам, заседания которой планировалось проводить один раз в год поочередно в Российской Федерации и Японии в сроки, согласованные по дипломатическим каналам⁴. Большим преимуществом этой комиссии стала её организация в форме полноценного механизма взаимодействия с понятной логикой встреч, обсуждений и принятия соответствующих деклараций по итогам заседаний. Конечно, эти декларации стороны ни к чему не обязывали, но закладывали важный фундамент институционализации сотрудничества. Заседания происходили впоследствии достаточно регулярно, последнее из них на данный момент состоялось 17 февраля 2022 г. в формате видеосвязи — от России председательствовал министр экономического развития, от Японии — глава МИД, которого после этого подверг критике политический совет правящей Либерально-демократической партии Японии, посчитав его участие излишним в условиях нарастания международной напряжённости⁵. Традиционные темы, которые обсуждали делегации на протяжении более 25 лет — это вопросы кооперации в энергетике, сельском хозяйстве, лесной и рыбной промышленности, транспорте, медицине, а также в сфере развития городской среды и туризма.

В 1990-е гг. формирование договорных институтов сотрудничества постепенно набирало обороты. Создание межправительственной комиссии показало, что Россия и Япония способны учитывать интересы друг друга при обсуждении повестки долгосрочного сотрудничества, и также в состоянии вполне эффективно взаимодействовать на уровне министерств и ведомств. Несомненно, данный опыт имел принципиальное значения для перехода к следующему этапу, связанному с реализацией уже конкретных совместных проектов.

⁴ Меморандум о деятельности российско-японской межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. Январь 2022 г. <https://docs.cntd.ru/document/901773304>

⁵ Главу МИД Японии подвергли критике за участие в заседании межправкомиссии с Россией. *Общество «Россия-Япония»*. 17 февраля 2022 г. <https://russijajapansociety.ru/?p=35708>

Важную роль для укрепления двусторонних связей сыграло Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о поощрении и защите капиталовложений, подписанное в 1998 г.⁶ Это был знаковый документ, формирующий именно экономическую повестку дня, и декларировавший стремление к установлению благоприятного режима для инвестиций и деловой активности японских компаний в России и российских в Японии.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. неоднократно организовывались встречи официальных лиц, в том числе и руководителей государств, было подписано несколько соглашений, подтверждающих приверженность сторон принципам взаимоуважения на международной арене. Рост российской экономики, набравшей обороты с начала 2000-х гг., привёл к осторожной заинтересованности Японии в некоторых сегментах российского рынка.

В марте 2001 г. в Иркутске состоялась встреча российского президента и японского премьер-министра, на которой обсуждались перспективы расширения взаимной торговли. Благодаря этой и другим встречам в 2005 г. на базе существующей ещё с 1967 г. японской ROTOBO (Ассоциация по торговле с Россией и новыми независимыми государствами) заработала Организация по содействию торговле и инвестициям, целью которой стала интенсификация контактов между деловыми кругами двух стран, а также создание устойчивого положительного образа российского бизнеса в глазах японских партнёров⁷.

Данную Организацию следует отнести к числу ярких примеров того, как проявила себя «институциональная вертикаль». Ряд переговоров с участием лидеров государств привёл к запуску рабочего процесса на министерском уровне (первый блок), который был впоследствии расширен и на бизнес-сообщество (второй блок), чья задача заключалась в непосредственном исполнении договорённостей. По сути, это очень весомое начинание, если рассматривать его именно через призму формирования институциональной среды. Был согла-

⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о поощрении и защите капиталовложений. *Министерство экономического развития Российской Федерации*. 13 ноября 1998 г. https://www.economy.gov.ru/material/file/59276cff8d93792b2f6ce80ed3cc96ab/Japan_1998_ru.pdf

⁷ Японская ассоциация по торговле с Россией и новыми независимыми государствами ROTOBO. <http://www.rotobo.or.jp/main/russian.pdf>

сован и подписан двусторонний Меморандум о создании Российско-японской организации по содействию торговле и инвестициям⁸, определяющий направления деятельности и структуру Организации. Представителем России становился руководитель Департамента инвестиционной политики Минэкономразвития России, а представителями Японии — заместитель Генерального директора Департамента Европы Министерства иностранных дел Японии, а также заместитель Генерального директора Департамента торговой политики Министерства экономики, торговли и промышленности. Важным результатом внедрения этих институтов стало укрепление деловых контактов между странами, что впоследствии привело к реализации крупных инвестиционных проектов в энергетике на о. Сахалин. Однако в настоящий момент значение Организации для современных российско-японских экономических отношений невелико.

Несомненно, любому частному инвестору необходимо не только понимать, куда инвестировать средства, но и как это сделать. Требуется знание законодательно-правовых основ страны-реципиента, нужна информация о масштабах и характере транзакционных издержек при заключении сделок и контрактов, данные о принципах и системе санкций за различные правонарушения, понимание общей экономической ситуации и механизмов принятия решений. Работу в этом направлении успешно ведёт Торговое представительство Российской Федерации в Японии, действующее в составе российской дипломатической миссии. Торгпредство нацелено, главным образом, на создание эффективного механизма продвижения экономических интересов России в Японии и является правопреемником Торгового представительства СССР, созданного в 1957 г.⁹.

К числу структур, входящих во второй институциональный блок, следует отнести Российско-Японский Деловой Совет, сформированный в 2004 г. по инициативе российской Торгово-промышленной палаты и прошедший реорганизацию в 2014 г. Функции совета заключаются в поддержке различных видов делового, торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между Россией

⁸ Меморандум о создании Российско-Японской организации по содействию торговле и инвестициям. *Российско-японская организация по содействию торговле и инвестициям*. 16 декабря 2003 г. <https://www.jp-ru.org/about/oboegakirogo/>

⁹ О торговом представительстве. *Торговое представительство Российской Федерации в Японии*. Апрель 2022 г. <https://jpn.minpromtorg.gov.ru/trade-mission/functions/>

и Японией, а также в проведении бизнес-миссий с целью информирования японских деловых кругов и органов власти о возможных областях торгово-инвестиционного взаимодействия. Партнёры совета — влиятельные национальные объединения (например, Российский союз промышленников и предпринимателей и японская бизнес-федерация Кэйданрэн). За годы своей работы Деловой Совет совместно с Японской ассоциацией по торговле с Россией и новыми независимыми государствами организовали более 200 мероприятий, серьёзно способствовавших сближению российского и японского бизнеса¹⁰.

С целью формирования более прозрачного представления о правилах управления российской экономикой для заинтересованного бизнеса под эгидой Российского союза промышленников и предпринимателей с начала 2000-х гг. действовали два комитета: по российско-японскому и японо-российскому экономическому сотрудничеству — также хорошие примеры активности по второму институциональному блоку. Задача этих комитетов заключалась в обсуждении совместно с японской стороной текущих задач экономического сотрудничества, обмен информацией по различным направлениям бизнес-коммуникации, организация поездок российских специалистов в Японию и наоборот, предварительное обсуждение инфраструктурных проектов, усилия по улучшению общего бизнес-климата и партнёрства. Заседания проводились на регулярной основе; последняя по состоянию на сегодня встреча состоялась в феврале 2020 г. в Москве¹¹.

Ещё один важный инструмент в рамках второго институционального блока — Российско-японская инвестиционная платформа, запущенная в 2018 г. Фондом развития Дальнего Востока и Арктики в кооперации с Японским банком международного сотрудничества (JBIC) и Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта. Изначально предполагалось привлечь около 85 млрд руб. в течение пяти лет с целью повышения благосостояния жителей Дальнего Востока России и улучшения экономического состояния

¹⁰ Наша история. *Российско-Японский Деловой Совет*. Апрель 2022 г. <https://russia-japan.info/about/history/>

¹¹ Состоялось XVI совместное заседание Российско-японского и Японо-российского комитетов по экономическому сотрудничеству. *РСПП*. 19 февраля 2020. <http://www.rspp.ru/events/news/sostoyalos-xvi-sovmestnoe-zasedanie-rossiysko-yaponskogo-i-yapono-rossiyskogo-komitetov-po-ekonomich/>

региона¹². Основное направление деятельности Платформы — все-стороннее сопровождение проектов Свободного порта Владивосток (СПВ), включая территории опережающего развития (ТОР) на Дальнем Востоке, где задействованы российские и японские инвестиции. К 2019 г. Платформа уже имела суммарный портфель из более чем 25 проектов, по которым оказывала широкий набор консультационных услуг в области управления, финансов и законодательно-правовых вопросов¹³.

Возвращаясь к первому блоку институтов, следует уделить внимание следующим. В мае 2009 г. в Токио прошёл экономический форум, посвящённый поиску новых возможностей российско-японской кооперации на этапе преодоления кризиса и в посткризисный период; в ноябре 2010 г. состоялось заседание Российско-японского консультативного совета по вопросам модернизации экономики России; начиная с 2016 г., регулярно проводятся заседания Российско-японского консультационного энергетического совета под председательством профильных министров¹⁴. Все эти мероприятия причисляются к министерскому (ведомственному) уровню и, главным образом, носят характер дискуссии по заранее обозначенному кругу вопросов, затрагивающих актуальные тенденции в энергетике. Конечно, выпускаемые по итогам таких встреч коммюнике больше относятся к типу протоколов о намерениях, но тут необходимо отметить, что количество рано или поздно переходит в качество, поэтому данный формат общения способствует укреплению существующих и созданию новых институтов.

2010-е гг. оказались насыщены и встречами на высшем уровне. В ноябре 2014 г., несмотря на формальное присоединение Японии к антироссийским санкциям, была организована встреча президента России и премьер-министра Японии в рамках АТЭС. Аналогичная по значимости встреча была проведена во время работы II Восточного экономического форума в сентябре 2016 г. Также в 2016 г. российский президент совершил официальную поездку в Японию, а в 2017 г.

¹² Японский бизнес инвестирует в российский Дальний Восток 85 млрд руб. *Финансовая газета*. 13 сентября 2018 г. <https://fingazeta.ru/ekonomika/world/450970>

¹³ Ход реализации Плана сотрудничества из 8 пунктов. *Посольство Японии в России*. 10 января 2021 г. <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/common/file/8-point-plan-ru.pdf>

¹⁴ РФ и Япония обсудят на энергосовете сотрудничество в ТЭК и экспорт углеводородов. *Прайм*. 21 апреля 2017 г. <https://lprime.ru/INDUSTRY/20170421/827388236.html>

прибыл с ответным визитом и японский премьер-министр¹⁵. В общей сложности лидеры России и Японии встречались между собой более 20 раз на различных площадках с начала XXI в., что говорит о несомненной вовлечённости сторон в обсуждение актуальных вопросов. Абэ Синдзо (премьер-министр Японии в 2006–2007 гг. и 2012–2020 гг.) не раз заявлял, что намерен решить «проблему северных территорий» и заключить официальный мирный договор с Россией до истечения срока своих полномочий¹⁶. Однако пришедший ему на смену Суга Ёсихидэ не демонстрировал аналогичного желания выстраивать диалог с Россией, а пришедший в 2021 г. к власти премьер-министр Кисида Фумио ещё больше настроен на решительное укрепление союзнических отношений с США.

В 2012 г. была образована Российско-японская рабочая группа по транспорту с целью регулярного обмена мнениями по актуальным вопросам двустороннего сотрудничества России и Японии на базе Министерства транспорта Российской Федерации и Министерства земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии¹⁷. Заседания этой рабочей группы проходили ежегодно, в декабре 2021 г. состоялось восьмое по счёту. На протяжении периода 2012–2021 гг. стороны неоднократно обсуждали вопросы железнодорожного сообщения между двумя странами, организацию контейнерных перевозок по Транссибирской магистрали, а также проводили консультации по более чем 10 проектам в области транспортной инфраструктуры на территории Дальнего Востока России. Благодаря работе Российско-японской рабочей группы по транспорту удалось успешно осуществить три этапа тестовых перевозок грузов из Японии в Европу через Транссиб¹⁸.

Наиболее плодотворным с точки зрения развития институтов сотрудничества следует считать 2016 год. В результате нескольких

¹⁵ Межгосударственные отношения Японии и России. *РИА Новости*. 03 марта 2020 г. <https://ria.ru/20190629/1555926705.html>

¹⁶ Мисник Л. «Острова дружбы»: в Японии отметили День северных территорий. *Газета.ru*. 7 февраля 2020 г. <https://www.gazeta.ru/army/2020/02/07/12948781.shtml>

¹⁷ Распоряжение об образовании Российско-японской рабочей группы по транспорту. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. Май 2022 г. <https://docs.cntd.ru/document/902339241>

¹⁸ Восьмое заседание российско-японской рабочей группы по транспорту. *Министерство транспорта Российской Федерации*. 23 декабря 2021 г. <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10144>

мероприятий на высшем уровне были анонсированы масштабные проекты и предложения в экономической сфере. Прежде всего, необходимо упомянуть создание Российско-японского инвестиционного фонда (РЯИФ). Его учредители — Российский фонд прямых инвестиций и Японский банк международного сотрудничества (JBIC). Они объявили о планах по привлечению в структуру только что созданного фонда в течение ближайших двух лет инвестиций на сумму до 1 млрд долл., которые пойдут на различные инфраструктурные проекты (в сельском хозяйстве, транспортной сфере, энергетике), преимущественно на российской территории¹⁹. Благодаря поддержке фонда в 2018 г. японская компания Prospect Co Ltd и российская группа компаний RFP заключили соглашение о совместных инвестициях в предприятие по производству пеллет (экологически чистого топлива, получаемого из древесных отходов) мощностью до 90 тыс. тонн в год. Осенью 2020 г. было завершено строительство завода в г. Амурске Хабаровского края, в 2022 г. планировалось начать поставки в Японию²⁰. По состоянию на март 2022 г. дальнейшая работа этого совместного предприятия, наряду со многими другими, находилась под вопросом.

Также в 2016 г. появился важный институт выстраивания последовательных экономических отношений, основанных на чётком представлении потенциально выгодных направлений кооперации. Это План сотрудничества из 8 пунктов, предложенный японской стороной в 2016 г. в ходе встречи на высшем уровне в Сочи. Российская сторона по итогам переговоров с данной программой в целом согласилась и признала её перспективной.

План включает в себя следующие пункты²¹:

1. Сотрудничество, способствующее увеличению продолжительности здоровой жизни российских граждан за счет повышения уровня медицинского обслуживания;
2. Градостроительство с целью создания комфортной и чистой среды, обеспечивающей уютную и активную жизнь;

¹⁹ About RJIF. *Russia-Japan Investment Fund*. <http://rjif.org/>

²⁰ Константинов В. Точки взаимодействия. *Российская газета*. 30 марта 2021 г. <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html>

²¹ План сотрудничества из 8 пунктов. *Посольство Японии в России*. 10 января 2021 г. <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html>

3. Существенное увеличение обменов и сотрудничества между японскими и российскими предприятиями малого и среднего бизнеса;

4. Сотрудничество в области развития энергетики (нефтегазового сектора), расширение производственных мощностей;

5. Поощрение диверсификации производственной структуры России и повышение уровня производительности;

6. Развитие промышленности на Дальнем Востоке, формирование в этом регионе экспортной базы на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона;

7. Сотрудничество в области передовых технологий (промышленных, информационных и др.) с объединением знаний Японии и России;

8. Поступательное расширение двусторонних гуманитарных обменов, организация и проведение совместных культурных мероприятий.

По каждому пункту необходимо было подписание дополнительных регулирующих документов, и бюрократические препоны, возникающие из-за этого, вели к недостаточному и зачастую декларативному воплощению положений плана. Однако по состоянию на январь 2021 г. определённые успехи всё же были достигнуты (указываются проекты в области энергетики и экономики). Например, запуск производства и начало экспорта сжиженного природного газа в декабре 2018 г. на всех трёх технологических линиях проекта «Ямал СПГ» потенциальной мощностью 16,5 млн тонн в год. Реализация проекта осуществлялась совместно с японскими компаниями JVIC, Mitsui и др. Необходимо сказать и о завершении тестирования ВЭС (ветроэнергетической станции) для холодных климатических условий в посёлке Усть-Камчатск Камчатского края (совместный проект японской NEDO и РАО ЕС Востока). Помимо этого, было заключено соглашение о сотрудничестве с Федеральным центром компетенций в сфере повышения производительности труда (ФЦК) с целью привлечения японского опыта и подписан ряд межбанковских соглашений²², большинство из которых оказались аннулированы в течение февраля-мая 2022 г. Также в марте 2022 г. с сайта посольства Японии в России исчезла актуальная информация об успехах реализации Плана, что фактически можно считать приостановкой его выполнения со стороны Японии.

²² Ход реализации Плана сотрудничества из 8 пунктов. *Посольство Японии в России*. 10 января 2021 г. <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/common/file/8-point-plan-ru.pdf>

2016 г. выделяется ещё одной инициативой — а именно, обсуждением планов по совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах. Эта инициатива была озвучена на саммите лидеров двух стран в декабре, однако какого-либо заметного продолжения не получила — сторонам так и не удалось окончательно договориться ни о характере подобной деятельности, ни о потенциальных её участниках от России и Японии, ни о привлекаемых объёмах инвестиций²³. Скорее всего, основной причиной неудачи этой в общем-то разумной инициативы стали разногласия политического характера и разное видение сторонами хозяйственного статуса островов Курильской гряды. Получается, что переговоры в качестве институционального механизма слишком сильно зависят от внешнеполитической повестки, в то время как договорённости, достигаемые экономическими субъектами на основе полной информации о затратах на проект и потенциальной прибыли в случае его успешной реализации, гораздо лучше способствуют формированию устойчивых институтов сотрудничества.

Значимый вклад в формирование общего институционального пространства внёс III Восточный экономический форум, прошедший в сентябре 2017 г. во Владивостоке. Была принята Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии об устранении двойного налогообложения в отношении налогов на доходы от совместной коммерческой деятельности. Этот документ в определённом смысле упрощал работу немногих российско-японских предприятий в рамках консорциумов. Обсуждались и перспективы реализации новых проектов в таких сферах, как энергетика, спутниковая связь, нефтехимия, сельское хозяйство, пищевая промышленность и другие. Всего на Форуме были анонсированы более 50 совместных документов, включая соглашения между отдельными компаниями, однако все они относятся к числу меморандумов, планов действий и дорожных карт. Аналогичная ситуация была присуща и последующим Форумам²⁴.

Например, на полях VI Восточного экономического форума, прошедшего 2–4 сентября 2021 г. во Владивостоке, в рамках Российско-японского консультационного энергетического совета (о котором

²³ Совместное хозяйство: о чём Путин и Абэ договорились в первый день визита. *RBC*. 15 декабря 2016 г. <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2016/5852946a9a7947056297a9a6>

²⁴ Российско-японские документы, подписанные в ходе III Восточного экономического форума. *Сайт Президента России*. 07 сентября 2017. <http://kremlin.ru/supplement/5230>

говорилось выше) было решено создать Рабочую группу по сотрудничеству в области водорода, топливного аммиака и переработки углерода (WG on Hydrogen, Fuel-Ammonia, CCS, CCU/Carbon Recycling)²⁵. Эти договорённости отражены в Заявлении о намерениях по сотрудничеству в области устойчивой энергетики, подписанном Министром энергетики Российской Федерации и Министром экономики, торговли и промышленности Японии. В настоящее время практические шаги по организации первой встречи рабочей группы отложены на неопределённый срок, хотя сама по себе водородная повестка является очень перспективной и отвечает интересам передового технологического развития как Японии, так и России²⁶. Следует отметить вклад ещё одного международного института — Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ). В 2019 г. японская делегация посетила ПМЭФ, в результате чего было официально согласовано приобретение консорциумом японских компании 10% проекта «Арктик СПГ-2» на сумму более 3 млрд долл (разработку ведёт ПАО «Новатэк») [Киреева 2019].

Несмотря на важность такого международного института, как экономический форум, следует признать, что его эффективность невысока. За годы проведения Восточного экономического форума (с 2015 г.) на уровне лидеров государств, министров и отдельных экономических субъектов (то есть с вовлечением всех институциональных блоков) между Россией и Японией было заключено около 200 соглашений об экономическом партнёрстве, большинство из которых так и осталось на бумаге — до практического воплощения довели едва ли четвертую часть данных соглашений. Если же посчитать примерный экономический эффект от реализации хотя бы половины этих предварительных договорённостей, то российско-японский суммарный торговый оборот мог бы увеличиться до 40 млрд долл. США в год.

²⁵ Kumagai T., Griffin R. Japan, Russia sign agreements for hydrogen, ammonia cooperation, Kamchatka LNG reloading. *S&P Global Commodity Insights*. 02 September 2021. <https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/energy-transition/090221-japan-russia-sign-agreements-for-hydrogen-ammonia-cooperation-kamchatka-lng-reloading>

²⁶ Joint Statement of Intent between the Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan and the Ministry of Energy of the Russian Federation on Cooperation in the field of Sustainable Energy. *Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan*. 2 September 2021. <https://www.meti.go.jp/press/2021/09/20210903002/20210903002-1.pdf>

Необходимо признать, что, невзирая на неплохо развитую за 30 лет институциональную базу торгово-экономического сотрудничества между Россией и Японией, на практической стороне вопроса это сказывается слабо. Беспрецедентное санкционное давление на нашу страну никак не способствуют укреплению российско-японских экономических институтов, особенно после присоединения Японии к антироссийским санкциям в 2022 г. Однако заложенные сейчас договорные и правовые основы, несомненно, дадут результат в перспективе, когда более-менее нормализуется обстановка и двусторонние отношения получат новый импульс к развитию.

Большим шагом вперёд для России стало бы подписание соглашения об экономическом партнёрстве (СЭП) с Японией. Около 60% суммарного торгового оборота Японии приходится на государства, с которыми подписаны подобные СЭП. Тем не менее, перспектива заключения СЭП между сторонами не просматривалась и ранее; сейчас же говорить об этом всерьёз вообще не представляется возможным. Предварительно требуется достичь совершенно иного уровня доверия в российско-японских отношениях, на пути к чему не обойтись без расширения и углубления институтов торгово-экономического сотрудничества, значимость которых просматривается на нескольких уровнях. При этом доминирует всё же государственная повестка, в то время как инициатива, исходящая от экономических субъектов, не так заметна — и здесь есть хорошие перспективы для углубления институционального взаимодействия с учётом интересов бизнес-сообщества.

Заключение

После февраля 2022 г. премьер-министр Японии Кисида Фумио неоднократно заявлял о расширении антироссийских санкций. Основные пункты — Япония отменяет для России режим наибольшего благоприятствования в торговле, усиливает ограничения против ряда банков, вводит эмбарго на импорт передовых технологий, которые могут иметь двойное назначение, и полностью запрещает поставки продукции российским компаниям, связанным с военно-промышленным комплексом. Также ограничения на ввоз из России включают древесину и изделий из неё, автомобили, мотоциклы, детали двигателей для кораблей и самолетов, и ещё более

30 наименований. В Россию из Японии теперь нельзя поставлять полупроводники, радары, сенсоры, лазеры и другую сложную технику, а также предметы роскоши. Суммарно санкции затрагивают порядка 2% взаимной торговли и пока не касаются наиболее значимых направлений. Отмена режима наибольшего благоприятствования является символическим шагом, поскольку для Японии Россия не имела ключевого значения в торговле, а энергоресурсы, составляющие подавляющую часть российского импорта, вообще не облагаются налогами. Тем не менее, по итогам 2022 г. в связи с санкциями ожидается резкий спад взаимной торговли, особенно по причине частичного эмбарго на импорт российской нефти, приостановки производства автомобилей в России со стороны ведущих японских автопроизводителей, поставляющих на свои заводы в России комплектующие для сборки, и значительного сокращения поставок энергетического оборудования.

Сложившийся негативный фон, к большому сожалению, отодвигает на неопределённый срок осуществление некоторых совместных проектов. В такой обстановке появляется необходимость переосмыслить институциональное наполнение двустороннего экономического сотрудничества, отличающегося высокой степенью фрагментированности. Хотя институтов насчитывается внушительное количество (меморандумы, договоры, соглашения, двусторонние комиссии и комитеты, документы, регулирующие деятельность совместных предприятий, и так далее), они не складываются в общую институциональную структуру, всякий раз работая только на уровне частного случая сотрудничества. Если рассматривать конкретные проекты кооперации в контексте созданных институтов, выясняется, что эти институты оказываются недостаточно эффективными, так как Россию и Японию сложно отнести к партнёрам с высокой степенью взаимного доверия.

Перечисленные в статье институты классифицированы на двух уровнях — политическом уровне (переговоры глав государств, разработка конкретных предложений на уровне министров, смысловое наполнение договорённостей, достигнутых лидерами стран) и уровне прямого взаимодействия экономических субъектов и отраслевых ассоциаций в целях реализации проектов сотрудничества. Однако на каждом из уровней достаточно силён эффект колеи, когда значительно проще и дешевле придерживаться устаревшей, привычной парадигмы

сотрудничества, нежели создавать новые направления, которые требуют серьёзных вложений с невысокими гарантиями окупаемости. Между тем, как показывает опыт передовых стран, именно такие, иногда очень рискованные, вложения и являются главным двигателем экономической кооперации, в авангарде которой идёт прочная институциональная структура, в наибольшей степени отвечающая текущим вызовам.

Развитие институциональных связей в экономике между Россией и Японией в перспективе ближайших 10–15 лет вряд ли по своему характеру будет существенно отличаться от модели, сложившейся с начала 1990-х гг., даже несмотря на текущую санкционную реальность. Т. н. «восточный вектор» экономической политики России в большей степени направлен в сторону Китая; есть стремление углублять кооперацию с Республикой Корея, Индией и странами Юго-Восточной Азии. Япония же остаётся для России очень непросмым партнёром, который к тому же имеет другие взгляды на будущее геоэкономического пространства азиатского макрорегиона.

Очевидно, что фундаментальным препятствием к расширению взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Японией является территориальная проблема, взаимоприемлемого решения которой пока не выработано. Как обязательное условие для увеличения японских инвестиций в российскую экономику официальный Токио видит изменение статуса Южных Курил в свою пользу, однако на практике реализация такого сценария маловероятна. Даже поверхностный анализ некоторых документов (дорожных карт) по развитию японской внешней торговли и приоритетным инвестиционным проектам говорит о том, что Россия в принципе не входит в список перспективных для Японии партнёров.

Кроме территориальных противоречий и присоединения Японии к существующим антироссийским санкциям, взаимовыгодному торгово-экономическому сотрудничеству препятствуют и другие факторы. Среди них — разные подходы к правовому регулированию деятельности иностранного бизнеса, разные стандарты материально-технического обеспечения производственного процесса, неразвитость транспортной и промышленной инфраструктуры на Дальнем Востоке России, малонаселённость и отдалённость этого региона от экономического центра страны. Впрочем, на практике эти сложности вполне преодолимы, главное — наличие обоюдного желания

и создание возможностей для активного хозяйственного освоения территорий Дальнего Востока, который при должных усилиях может стать экономическими воротами России в Северо-Восточную Азию. Дальнейшее развитие институциональной базы российско-японского сотрудничества, без сомнения, необходимо в качестве инструмента для решения этих задач.

Библиографический список

Алферова Т. В. (2012) Понятие «институт» в контексте управления экономическим развитием. *Российское предпринимательство*. Том 13. № 10. С. 30–33.

Киреева А. А. (2019) Россия и Япония: тернистый путь к новым отношениям. *Российский совет по международным делам*. 22.09.2019. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-yaponiya-ternistyuy-put-k-novym-otnosheniyam/>

Махова О. А., Шадрин И. А. (2019) Торгово-экономические отношения РФ и Японии: тенденции и перспективы развития. *Россия: тенденции и перспективы развития*. Москва: ИНИОН РАН. С. 150–159.

Стрельцов Д. В. (2020) Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития. *Вестник МГИМО-Университета*. № 13(3). С. 68–85.

Цзюньдун. Я. (2016) Российско-японские торгово-экономические отношения: положения и перспективы. *Управленческое консультирование*. № 9. С. 114–126.

References

Alferova, T. (2012). Ponyatie “institut” v kontekste upravleniya ekonomicheskim razvitiem [The Concept of Institution in the Context of Stable Economic Development Management]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 13 (10), 30–33. (In Russian).

Jundong, Y. (2016). Rossiisko-yaponskie torгово-economicheskie otnosheniya: polozheniya i perspektivy [Russian-Japanese Trade and Economic Relations: Provision and Prospects]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 9, 114–126. (In Russian).

Kireeva, A. A. (2019). Rossiya I Yaponiya: ternistyi put' k novym otnosheniyam [Russia and Japan: A Thorny Path to a New Relationship].

Russian International Affairs Council. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-yaponiya-ternisty-put-k-novym-otnosheniyam/> (In Russian).

Mahova, O., Shadrin, I. (2019). Torgovo-economichekieskie otnosheniya RF I Yaponii: tendentsii I perspektivy razvitiya [Trade and Economic Relations between Russia and Japan: Tendencies and Prospects for Development]. In *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Tendencies and Prospects for Development] (pp. 150–159). Moscow: INION RAN. (In Russian).

Panov, A., Kazakov, O., Kistanov, V., (2012). Current State of Russia's Relations with Japan and Prospects for their Development. *Russian International Affairs Council Bulletin*, 6, 5–29.

Popov, S., Korneev, K. (2017). A “Green Option” for Japanese Power Industry: Sakhalin-Hokkaido Interconnector. *Geopolitics of Energy*, 39 (9), 12–16.

Streltsov, D. (2020). Rossiisko-yaponskie otnosheniya: dolgosrochnye faktory razvitiya [Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors]. *MGIMO Review of International Relations*, 13 (3), 68–85. (In Russian).

Ежегодник Японии 2022. Т. 51. С. 122—136

Yearbook Japan 2022. Vol. 51, pp. 122—136

DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-122-136

Японские военнопленные русско-японской войны в Аракчеевских казармах Новгородской губернии

Д. В. Стрельцов

Аннотация

Русско-японская война была фактически первой войной, в ходе которой прошла апробацию Гагская *Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны*. Россия в тот период, как и Япония, была озабочена международной репутацией страны и стремилась создать впечатление цивилизованной державы, и после начала русско-японской войны прилагала большие усилия к тому, чтобы содержание военнопленных соответствовало международным требованиям.

Японских военнопленных в России было чуть более 2 тыс. чел. Основная их часть содержалась в Аракчеевских казармах села Медведь Новгородской губернии. В статье показано, что военнопленные имели хорошее финансовое обеспечение и пользовались свободой передвижения по селу. Российская сторона старалась учесть в пищевом рационе вкусы японцев. Приводятся данные миссии американского вице-консула Т. Смита, предпринятой для исследования вопроса о положении военнопленных, в соответствии с которыми содержание японцев не вызывало больших нареканий.

Автор также повествует о том, что сегодня память о японских военнопленных бережно сохраняется жителями села, в местном доме культуры имеется постоянная музейная экспозиция, а надгробные памятники, оставшиеся после погребения умерших военнопленных, являются частью мемориала в их честь.

Ключевые слова: Русско-японская война, военнопленные, рацион питания, свобода передвижения, село Медведь, миссия Томаса Смита, мемориал, надгробные камни.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий Кафедрой востоковедения МГИМО-университета (119454, Москва, Проспект Вернадского д. 76), ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (117997, Москва, Нахимовский проспект, 32)

ORCID: 0000-0001-7177-2831

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Japanese Prisoners of the Russo-Japanese War in the Arakcheev Barracks of the Novgorod Province

D. V. Streltsov

Abstract

The Russo-Japanese War was essentially the first war during which the Hague Convention With Respect to the Laws and Customs of War on Land was tested. At that time, Russia, like Japan, was concerned about the country's international reputation and sought to create the impression of a civilized power. After the outbreak of the Russo-Japanese War, it made great efforts to ensure that the detention of prisoners of war met international requirements.

There were a little more than 2,000 Japanese prisoners of war in Russia. Most of them were kept in the Arakcheev Barracks of the village of Medved, Novgorod Province. The article shows that the prisoners of war had good financial provision and enjoyed freedom of movement in the village. The Russian side tried to take into account the dietary tastes of the Japanese. The article presents the results of the mission of the American Vice-Consul Thomas Smith, undertaken to study the situation of the prisoners of war, according to which the treatment of the Japanese POWs did not cause any criticism.

The author also shows that, today, the memory of the Japanese prisoners of war is carefully preserved by the villagers. There is a permanent museum exposition in the local house of culture, and the tombstones left after the burial of the deceased prisoners of war are part of the memorial in their honor.

Keywords: Russo-Japanese War, prisoners of war, food ration, freedom of movement, the village of Medved, Thomas Smith mission, memorial, tombstones.

Author: *Streltsov Dmitriy V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of Afro-Asian Studies, MGIMO-University (76, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russian Federation, 119454); Leading Researcher, Centre for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117997, Russian Federation).

ORCID: 0000-0001-7177-2831

E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Русско-японская война стала первой войной, которая велась с соблюдением Гаагской Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (1899 г.). Обе страны ратифицировали эту конвенцию сразу после ее принятия. Россия сделала это в 1899 г., Япония — в 1900 г. Конвенция предписывала, что с военнопленными «надлежит обращаться человеколюбиво».

Для Японии проявление принципа человеколюбия в отношении военнопленных было важно с той точки зрения, что она, стремясь попасть в число великих держав, делала все возможное, чтобы избежать обвинений в варварстве и доказать свой статус цивилизованной нации. Что касается России, свою роль, помимо соображений государственного престижа, играло то обстоятельство, что первая мирная конференция в Гааге, на которой была принята эта международная конвенция и которая заложила основу комплекса норм международного гуманитарного права, была созвана в 1899 г. именно по ее инициативе. На конференции был также заключен договор о применении к морской войне начал Женевской конвенции об обращении с больными и ранеными на поле боя.

Руководствуясь этими документами, Россия специальным императорским указом приняла 13 мая 1904 г. правила обращения с военнопленными войны с Японией [Hirose 1988, p. 144]. Для сбора списков военнопленных и информации об их нуждах, передачи их японской стороне, организации переписки с родиной, отправки посылок с предметами помощи в августе 1904 г. был создан Российский

Красный крест. Списки военнопленных направлялась им напрямую через посольство Японии в Берлине — хотя и нерегулярно, но все же достаточно часто [Tachikawa, Shuku 2009, p. 105–106]. Медицинские работники Красного креста сопровождали военнопленных в дороге и оказывали при необходимости раненым и больным медицинскую помощь — как при их транспортировке к лагерю, так и при репатриации после окончания войны (их на границе с Германией передали на попечение Германскому Красному кресту). Именно через Красный крест производилась переписка военнопленных с родиной.

Вопрос о русских военнопленных русско-японской войны, которых было в лагерях Японии более 70 тыс., хорошо изучен, чего не скажешь о японских военнопленных. Их в России было чуть более 2 тыс. чел. — в основном из числа служащих сухопутной армии. Известно, что помимо японцев, среди взятых в ходе русско-японской войны пленных находилось несколько китайцев, более ста корейцев, которые выполняли техническую работу на японских военных судах, и даже несколько офицеров английской армии. Великобритания, для которой Россия была главным соперником на азиатском материке, в тот период занималась вооружением и обучением японской армии и флота в рамках своих обязательств по союзу, заключенному в 1902 г. Помимо военных, в плену содержалось несколько медработников, служащих торговых компаний и иных гражданских лиц, интернированных в различных обстоятельствах сразу после объявления войны Японией.

Основная часть японских военнопленных — 1777 чел. — была направлена в село Медведь, расположенное в Новгородской губернии, примерно в 50 км к юго-западу от Новгорода. Выбор этого села в качестве лагеря для содержания военнопленных был не случаен. Россия в тот период, как и Япония, была озабочена своей международной репутацией и стремилась создать впечатление цивилизованной державы. Пленным нужно было продемонстрировать достаточный уровень экономического и культурного развития страны, а это можно было сделать только в европейской части России, но никак не в Сибири. При доставке на место заключения пленным пришлось проехать по железной дороге через всю Россию. Ее просторы поражали воображение и в какой-то степени создавали видимость величия страны, с которой японцам пришлось воевать. Военнопленных везли около двух месяцев с задержками, связанными с первоочередным

пропуском техники и людей, движущихся им навстречу — на войну. Важна была и относительная близость лагеря к обеим столицам — в случае необходимости там можно было быстро принять иностранных наблюдателей, оперативно организовать визит представителей иностранных посольств, а также продемонстрировать пленным высокий уровень культурности страны — до Петербурга от села было лишь 180 км.

Для содержания военнопленных были определены т. н. Аракчеевские казармы, в которых должны были жить крестьяне, переведенные в военные поселения (отсюда и название по имени организатора системы военных поселений А. Аракчеева). Казармы были спроектированы архитектором Стасовым в 1823 г. и построены из красного кирпича, глина для производства которого добывалась недалеко от села Медведь¹. Казармы были приспособлены к тому, чтобы принять сразу большое количество пленных. При этом ранее — после русско-турецкой войны 1877–78 гг. — в казармах содержались военнопленные Османской империи, т. е. уже имелся соответствующий опыт их использования в качестве лагеря для военнопленных.

При этом из лагеря бежать было невозможно: село окружено лесами, никакого подходящего транспорта для побега не имелось, к тому же это было бессмысленно в силу удаленности от Японии, расстояние до которой составляло многие тысячи километров. Поэтому для охраны такого количества пленных было достаточно лишь роты солдат. Изолированность и удаленность лагеря от крупных городов были важны также и с учетом революционной ситуации 1904–1905 гг.

Об условиях, в которых содержались японские военнопленные, свидетельствуют данные отчета, опубликованного по итогам миссии вице-консула американского посольства в Москве Томаса Смита в январе 1905 г. [Hirose 1988, p. 153]. В этой связи стоит отметить, что США в условиях войны представляли интересы Японии в России, и поручение американскому дипломату обследовать условия содержания японцев потому было не случайным. Имеются также иные документальные материалы — данные дипломатической переписки, дневники японцев, содержащихся в казармах, а также фотографии — среди пленных оказался фотограф Ито Кюкитиро, издавший

¹ Медведевские казармы. Портал «Исторический багаж»: <https://historical-baggage.ru/post/medvedevskie-kazarmy-222>

в 1907 г., уже после возвращения в Японию, альбом *Луна над ссылкой*. Значительная часть этих материалов издана и введена в научный оборот в Японии. В России же научные публикации на данную тему практически отсутствуют, в связи с чем данная статья ставит своей целью заполнить имеющуюся лакуну.

Материальное и финансовое обеспечение военнопленных

Большой интерес вызывает то, в каких условиях содержались японские военнопленные и соответствовали ли эти условия международным требованиям. Согласно ст. 7 Гаагской конвенции, их надлежало обеспечить всем необходимым в материальном и бытовом отношении в соответствии с их рангом и военным званием. Конвенцией предусматривалось достойное материальное обеспечение военнопленных, включая питание, постельные принадлежности и одежду, запрещалось негуманное к ним отношение. Кроме того, они должны были получать ежемесячное денежное довольствие, соответствующее жалованию военнослужащих соответствующего ранга армии страны, их пленившей.

В соответствии с этим правилом, нижним чинам платили 2,5 руб. в месяц (14 копеек в день) — в тот период это была незначительная сумма, которой хватало только на карманные расходы. Что касается офицеров, они имели право получать столько же, сколько получали офицеры их ранга в русской армии: генералы — 125 рублей, старшие офицеры — 75 рублей, младшие офицеры — 60 рублей. Следует учесть, что для пленных японских офицеров такой уровень материального обеспечения в реальности обеспечивал им даже более высокий уровень материального благосостояния, чем для русских офицеров действующей армии, так как, в отличие от последних, им не нужно было тратить на еду и отопление [Hirose 1988, p. 154]. Об этом свидетельствует, например, то, что многие офицеры, нанимали себе местных жителей, выплачивая им за работу по 15 руб. в месяц².

После того, как пленным японским офицерам без указания причин уменьшили сумму содержания, японское правительство в ноябре 1904 г. выступило в адрес русского правительства с протестом,

² Нитиро сэно: но нихонхорё [Японские военнопленные русско-японской войны]. *Netage*. <http://www.rose.ne.jp/~ooha/horyo.htm>

в котором предлагалось привести нормы обеспечения офицеров в соответствии с Гаагской конвенцией, т. е. сделать их равными жалованью российских офицеров, а также повысить нормы обеспечения нижних чинов, которых не хватало на покупку необходимых предметов повседневного обихода. В ноте протеста приводился тот факт, что русские военнопленные получали из расчета 1 иены в месяц, нижние чины — 50 сэн в день, что соответствовало условиям содержания в японской армии. Нота была подготовлена японским министром сухопутной армии М. Тэраути и передана российскому правительству через США, которые представляли японские интересы, и Францию, представлявшую российские. Нота подействовала, и проблема была решена³.

Помимо финансового довольствия, относительно хорошими были и условия содержания японцев. Согласно отчету, составленному миссией А. Смита [Hirose 1988, pp. 153–154], японские военнопленные (нижние чины) проживали в хорошо освещенных, вентилируемых, красивых кирпичных казармах «без украшений» с высокими потолками. Каждый нижний чин получал от российских властей железную кровать, соломенный матрац, подушку, шерстяное одеяло, два полотенца, по несколько наволочек и простыней, а также в достаточном количестве (по несколько комплектов) нижнего белья. Все пленные находились «в добром здравии и хорошем расположении духа».

Что касается офицеров, которых на момент приезда Смита насчитывалось 68 чел., для проживания им были выделены два корпуса, в которых ранее жили русские офицеры. Офицеры жили в небольших комнатах и могли выбирать себе соседа. Как и у солдат, у всех офицеров была железная кровать с матрацем, в каждой комнате имелся небольшой столик, причем, как отмечал Смит, по просьбе офицеров в комнатах были установлены столы большего размера, чем это было первоначально.

Удовлетворительным было и качество питания. Смит высоко оценил рацион нижних чинов, лично попробовав предлагаемую им пищу. В день его приезда на обед давали рисовый суп с овощами и мясом, а также гречневую кашу. В отчете приводилось недельное меню: на обед в один из дней подавался пшеничный суп с овощами и мясом

³ Нитиро сэно: но нихонхорё [Японские военнопленные русско-японской войны]. *Netage*. <http://www.rose.ne.jp/~ooha/horyo.htm>

и гречневая каша, на ужин манная каша. В другой день на обед был вермишелевый суп с овощами и мясом и гречневая каша, на ужин пшенная каша. В третий день в обед подавался рисовый суп с овощами и мясом и гречневая каша, на ужин вновь манная каша. На завтрак был положен черный хлеб и чай.

С позиций сегодняшнего дня такой рацион кажется достаточно скудным, однако по калорийности он соответствовал потребностям и отчасти вкусам солдатам русской армии. Другое дело, что традиционный рацион японцев сильно отличался, что было поводом для претензий с их стороны. Например, в день на русского солдата было положено 3 фунта хлеба (1 кг 200 г.), причем это был именно черный хлеб из ржаной муки. Конечно, японцы не съедали такого количества хлеба, и в результате переговоров пленные стали получать на руки денежный эквивалент полфунта хлеба (1,5 копейки в день), который могли тратить на овощи, составлявшие неперменный атрибут японской диеты. В японских документах приводится пример появления в лагере случаев цинги, связанной с недостатком витаминов, и возможность дополнительного получения овощей была для военнопленных очень важна⁴.

Были и иные случаи, когда русские власти прислушивались к пожеланиям японцев. Например, специальным приказом черный хлеб был заменен на пшеничный белый хлеб из муки грубого помола. Прессованный чай, принятый в русской армии и непопулярный среди японцев, заменили на обычный. Манную кашу на ужин разрешалось заменить на пшенную, а перловый суп — на рисовый, расходы разрешалось перевести на счет военного фонда. В целом недовольства по поводу рациона питания среди японцев не наблюдалось, что отмечал посетивший лагерь Максим Горький, который писал: «Хорошо живут, ни на что не жалуются, едят булку и рис» [Иванов 2018].

Что касается спиртного, солдатам оно было не положено, небольшие послабления разрешались только на праздники (например, 3 ноября — день рождения императора Мэйдзи). Однако пленные часто, передав деньги, неофициально просили русских солдат из роты охраны купить им спиртное. Офицеры же практически не имели никаких ограничений, как минимум, на покупку пива⁵.

⁴ Нитиро сэно: но нихонхорё [Японские военнопленные русско-японской войны]. *Netage*. <http://www.rose.ne.jp/~ooha/horyo.htm>

⁵ Там же.

Бытовые условия

Японские военнопленные были освобождены от каких-либо обязательных работ. Кроме обязанностей по самообеспечению, связанных с заготовкой дров, уборкой помещений, растопкой печи и т.д., физической работой не занимались не только офицеры, но и нижние чины [Hirose 1988, p. 153].

В соответствии с правилами русской армии, пленные дважды в месяц посещали баню. Этого для чистоплотных японцев было недостаточно, и не случайно право мыться хотя бы раз в неделю было одним из пожеланий, зафиксированных миссией А. Смита.

Военнопленные имели возможность выходить за пределы лагеря и пользовались свободой передвижения по селу. Имеющиеся фотоматериалы свидетельствуют, что офицеры свободно прогуливались с тросточками, могли (и любили) кататься по селу на велосипедах. Зимой они катались с ледяной горки, занимались в манеже гимнастической, играли на плацу в бейсбол, который местные крестьяне ошибочно принимали за лапту. Офицеры регулярно посещали трактир Белова — единственное питейное заведение села [Hirose 1988, p. 153].

Что касается нижних чинов, то они в свободное время, которого было в избытке, занимались поделками — мастерили украшения, модели кораблей, фигуры животных, птиц, а также куклы, зонты, веера, колечки, брелоки. Некоторые искусные поделки создавались из конского волоса. Игрушки продавались, половина выручки шла самому пленному, половина — в фонд улучшения питания. Местные мальчишки запускали подаренных японцами воздушных змеев.

Японцы изготавливали даже струнные музыкальные инструменты, включая флейты, лунную гитару (гэккин), сямисэн и сякухати. На одной из дошедших до нас фотографий видна сцена концерта японской национальной музыки, который пленные устроили для местных жителей. Сами же эти инструменты дожили до наших дней, став экспонатами коллекции Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Интересно, что подобной же практикой занимались и русские военнопленные, находившиеся в Японии, различие было лишь в материале: японцы использовали брезу, русские — бамбук.

Свобода передвижения была такой, что в отдельных случаях, связанных с необходимостью закупки продуктов (на похороны,

праздники т. д.) представителям военнопленных (до 5 человек) разрешалось ездить за покупками в Новгород — 16 км на подводе до ближайшей станции, а затем на поезде⁶.

Завязывались контакты с местным населением. Имеется даже свидетельство о романтических отношениях, завязавшихся между молодым японским офицером Хигаки Масакадзу и местной девушкой Надеждой Карповой, которой тогда было 16 лет. В музейной экспозиции местного дома культуры до сих пор хранится фотография веера, подаренного им на прощание, с памятной надписью по-русски «Не забудьте меня. Г-же Наде на добрую память». После репатриации в Японию молодые люди еще год продолжали переписываться. В 1906 г. Надежда окончила гимназию в Петербурге и переехала в Медведь, где начала учительствовать. С этого момента переписка оборвалась.

Для обеспечения прав военнопленных на переписку российское правительство уведомило японскую сторону в сентябре 1904 г. о готовности передавать японцам письма с родины, написанные катаканой (т. к. в цензуре не было возможности проверять письма, написанные иероглифами), а также посылки. Однако почтовые отправления шли из Японии около 3 месяцев, что даже в то время считалось непозволительно долгим сроком.

В лагерь допускались репортеры, в том числе корреспонденты русских и иностранных газет. Именно в качестве журналиста в августе 1904 г. лагерь посетил проходивший тогда в Старой Руссе лечение на водах Максим Горький. В своем памфлете он заклеил самодержавие, которое «бездарно проигрывает войну»⁷.

Конечно, пленных в лагерном распорядке устраивало далеко не все. В докладе миссии Смита обозначены те претензии, которые выдвигали пленные: нет возможности читать газеты и журналы; в аптечном ларьке нет определенных лекарств; письма на родину идут слишком долго; в лагере нет переводчика со знанием японского и английского языков; без объяснения причин были уменьшены нормы разрешенного спиртного; баня положена слишком редко [Hirose 1988, p. 154] После заключения 5 сентября 1905 г. Портсмутского мира пленные

⁶ Нитиро сэсо: но нихонхорё [Японские военнопленные русско-японской войны]. *Netage*. <http://www.rose.ne.jp/~ooha/horyo.htm>

⁷ Самурайские могилы в Новгородском селе. 10 камней в селе Медведь. 2012.06.12. *Кириллица*: <https://cyrillitsa.ru/posts/641-samurayskie-mogily-v-novgorodskom-sele.html>

были освобождены не сразу — это случилось только в декабре 1905 г. Они были направлены на родину не через Сибирь, а через Европу: поездом в Германию (для этого воспользовались услугами Германского Красного креста), далее морским путем через Средиземное море и Индийский океан на британском пароходе «Ванкувер». Одной из причин такого кругового пути послужила русская революция: в Чите и Красноярске были провозглашены «республики», и направлять военнопленных поездом через Сибирь было небезопасно.

По приезде военнопленные были вынуждены пройти достаточно тяжелый и неприятный карантин, в ходе которого все они подвергались допросам специальной комиссии, призванной определить обстоятельства сдачи в плен и вынести решение, не являлась ли сдача в плен предательством или нарушением воинского устава.

Вернувшихся домой японских военнопленных, основная часть которых жила в деревнях, ждали не сочувствие и поддержка, а зачастую холодное отношение их земляков. Причина этого заключалась в том, что многие потеряли на войне своих детей и родственников, а кто-то из родственников вернулся с войны инвалидом, и свою обиду и злость они стали вымещать на бывших военнопленных, которые благополучно вернулись домой целыми и невредимыми. Работал психологический стереотип: «Мой сын погиб в бою, а этот трус сдался врагу», «Он вернулся живым, потому что ел с руки врагов»⁸. Следует отметить, однако, что в тот период само по себе пребывание в плену пока еще не служило нестираемым социальным клеймом. Идея о том, что лучше умереть, чем сдать в плен, стала распространяться позже, когда Япония вступила на путь милитаризма.

Память

В русском плену от болезней и последствий ран умерли 23 пленных (один офицер и 22 солдата), или около 1% от общего их числа. Из них 19 японцев умерли в селе Медведь, еще двое в окрестностях Петербурга, двое — в окрестностях Москвы. Такой процент даже с современных позиций считается крайне низким, особенно учитывая ужасающие цифры смертности среди военнопленных в войнах

⁸ Нитиро сэно: но нихонхорё [Японские военнопленные русско-японской войны]. *Netage*. <http://www.rose.ne.jp/~ooha/horyo.htm>

XX в. Все японские военнопленные были похоронены неподалеку от казарм.

Нужно отметить, что в России тогда не было традиции кремации, распространенной в Японии. В 1908 г. из Японии в село Медведь прибыла специальная делегация, 28 сентября тела эксгумированы и отправлены для кремации в Гамбург. После кремации прах в урнах направлен в Японию⁹. На церемонию отправки на родину тел умерших был направлен почетный караул для оказания почестей, возложены венки. На церемонии с японской стороны присутствовал заместитель временного поверенного в делах Японии в России Отиаи, а также А. Ю. Станкевич, командир 199-го Свирского полка, расквартированного в селе Медведь. Через министра иностранных дел Комура в адрес российского посланника в этой связи была направлена благодарность [Hirose 1988, p. 160]. На церемонии присутствовал японский писатель и известный русист Фтабатэй Симэй, который, будучи внештатным корреспондентом газеты «Асахи», специально посетил по этому поводу село Медведь [Miyanaga 2019, p. 32].

В 1965 г. поисковым отрядом под руководством Н. Н. Ильиной в селе были найдены 6 надгробных камней. Всего же было обнаружено 12 надгробных камней¹⁰. С японской стороны инициатором поисковой работы стал Мори Ёсихиро, профессор Токийского института русского языка родом из города Мацуяма (преф. Айти), где в период русско-японской войны содержалось около 6 тыс. русских военнопленных. Ровно через 100 лет после церемонии перезахоронения, в 2008 г., профессор Мори установил в селе Медведь памятный знак с надписью «За дружбу» с именами умерших пленных. Вокруг него положили камни, перенесённые с кладбища. Памятное место находится на центральной улице бывшего военного городка между казармами. Сельская администрация ухаживает за мемориалом, там иногда проходят мероприятия с участием учащихся Медведской школы. Например, члены созданного при школе лесничества в мае 2013 г. посадили по периметру мемориала молодые сосенки [Иванов 2018].

⁹ В этом отличие от праха русских военнопленных, которые нашли последний приют в могилах на японской земле.

¹⁰ Фуруки о тадзунэтэ атарасики о сиру. Тайко но Мэдобэ:дзи муро то Нихон о мусубу моно [«Согрей старое и познай новое». Что связывает древнюю деревню Медведь и Японию] 20.06.2019. *Sputnik Nihon*. <https://jp.sputniknews.com/20190620/6376705.html>

Сегодня в сельском доме культуры имеется небольшая музейная экспозиция, посвященная этой странице российско-японских отношений. Там выставлены документы, фотографии и личные принадлежности, включая складной веер, открытки, книги, японские бумажные деньги. С помощью гостей из Японии удалось прочитать японские имена и фамилии, которые вырезаны на надгробных плитах.

В экспозиции имеются отрывки дневника военнопленного Исибаси Кандзи, который писал: «Военнопленным давали белый хлеб, который среди русских ели только дворяне и офицеры. Общее питание было очень хорошим... Одна рота русских солдат на всякий случай стояла возле лагеря. Однако солдаты и офицеры относились к японцам приветливо».

Большинство российских и японских военнопленных не испытывали серьезных проблем, связанных с негативным обращением к себе со стороны пленившего их государства. В памяти осталось дружелюбное отношение местного населения — простые люди, как в России, так и в Японии, в целом сочувственно и доброжелательно относились к чужеземцам [Шулатов 2008, с. 37]. Помнят в Японии и о том, что русские власти демонстрировали внимательное отношение к просьбам военнопленных [Hirose 1988, p. 161]. Сын бывшего военнопленного Сайто в письме, написанном в 1965 г., рассказал: «Русские заботливо относились к моему батюшке. Пленных хорошо питали, они свободно ходили по селу и общались с местными жителями жестами, грея при этом руки на солнце» [Иванов 2018]. Сами же японские военнопленные понимали, что имеются определенные права, установленные международной конвенцией, не являются изгоями, могут сохранять достоинство в качестве военнослужащих. Отсутствие каких-либо претензий по поводу содержания военнопленных было зафиксировано на официальном уровне. При встрече с Николаем II полковник Оои Кикудзиро, курировавший возвращение военнопленных на родину, даже поблагодарил российские власти «за теплое отношение» к японским пленным [Шулатов 2008, с. 37].

Японские военнопленные в селе Медведь составили одну из малоизвестных страниц в истории российско-японских отношений. Именно гуманное отношение к пленным дает основание считать Русско-японскую войну «джентльменской войной» XX в. Эта история не закончилась с окончанием войны — в селе осталась зримая память об этих событиях, которая и сегодня проявляет себя в музейной

экспозиции, мемориале, регулярном посещении этого села гостями из далекой Японии.

Есть при посещении этого села еще один повод вспомнить о российско-японских отношениях. Именно в этом селе в 1906 г. родилась Александра Петровна Орлова, которая выбрала себе путь профессионального японоведа. Находясь под впечатлением от японской страницы истории родного села, она поехала учиться в Ленинградский университет на японское отделение Восточного факультета. Учителем Александры стал известнейший российский и советский японовед Николай Иосифович Конрад. А. П. Орлова вышла замуж за однокурсника Петра Топеху, который также выбрал стезю профессионального японоведа, став специалистом по рабочему движению Японии.

В 1931 г. А. П. Орлова переезжает с мужем в Москву, где успешно заканчивает аспирантуру, после чего становится преподавателем в Московском институте востоковедения и преподает японский язык, подготовив несколько поколений советских японоведов. Дочь Александры Петровны Татьяна Петровна Григорьева также посвятила свою жизнь Японии, став крупнейшим в СССР и России культурологом-японоведом, автором масштабных исследований по искусству и литературе Японии.

Библиографический список

Иванов В. (2018) Любимое село. Исторические сведения о селе Медведе и его жителях. <https://proza.ru/2018/01/07/2080>

Шулатов Я. А. (2008) *На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг.* — Хабаровск-Москва: Институт востоковедения РАН.

References

Hirose, T. (1988). Nichiro sensō ni okeru nihonhei horyo ni tsuite no ikkōsatsu [A Closer Look at the Japanese Prisoners of War in the Russo-Japanese War]. *Shinshu daigaku jinbun kagaku ronshu* [Studies in Humanities], 22, 1988–03, March 15, 143–165. (In Japanese).

Ivanov, V. (2018). *Lyubimoe selo. Istoricheskiye svedeniya o sele Medved' i yego zhitelyakh* [My Dear Village. Historical Information About the Village of Medved and Its Inhabitants]. <https://proza.ru/2018/01/07/2080> (In Russian).

Miyanaga, T. (2019). Sankuto Peteruburugu no Futabatei Shimei [The Saint Petersburg of Futabatei Shimei]. *Shakai Shirin. Hosei Journal of Sociology and Social Sciences*, 2, 1–63. doi/10.15002/00022343. <https://core.ac.uk/download/pdf/233058763.pdf> (In Japanese).

Shulatov, Ya. A. (2008). *Na puti k sotrudnichestvu: rossiisko-yaponskiye otnosheniya v 1905–1914 gg.* [On the Way to Cooperation: Russian-Japanese Relations in 1905–1914]. Khabarovsk, Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Tachikawa, K., Shuku, H. (2009). Seifu oyobi gun to ICRC nado to no kankei. Nisshin sensō kara Taiheiyō sensō made (zenhan). [Relations Between the Government and the Military and the ICRC, etc. From the Japan-China War to the Pacific War (Part 1)]. *National Institute for Defense Studies*, 11 (2), January 2009, 69–125. http://www.nids.mod.go.jp/publication/kiyo/pdf/bulletin_j11_1_4.pdf (In Japanese).

Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (Часть первая)

В. Э. Молодяков

Аннотация

Работа посвящена малоизученным аспектам Индокитайского кризиса 1940 г. в японо-французских отношениях — притязаниям Японии на контроль и военное присутствие во Французском Индокитае летом и осенью 1940 г. Обеспечение безопасности и стабильности Индокитае лежало в основе французской политики в отношении Японии все предвоенные годы. Она характеризовалась готовностью идти на компромиссы и поэтому часто подвергалась критике как «умиротворение агрессора».

Начало войны в Европе в сентябре 1939 г. подтолкнуло японские военные круги к разработке новых планов экспансии в условиях ослабления позиций Франции в Восточной Азии. Военное поражение Франции в июне 1940 г. побудило Японию усилить давление на нее с целью полностью прекратить поставки военных материалов Китаю и взять исполнение этого под свое наблюдение. Стратегической целью Японии было установление контроля над Индокитаем.

Новый авторитарный режим Французского государства (режим Виши), сменивший парламентский режим ликвидированной Третьей Республики, пошел на компромисс с Японией, учитывая неравенство сил в регионе, поэтому его политику называют политикой уступок. Автор рассматривает процесс выработки французской политики и действия ее руководителей и основных исполнителей: главы государства маршала Филиппа Петэна, министра иностранных дел Поля Бодуэна, министров колоний Альбера Ривьера и Анри Лемери, генерал-губернаторов Индокитае Жоржа Катру

и Жана Дэку. В основу работы положены дневники, воспоминания и другие свидетельства действующих лиц в сочетании с новейшими работами историков.

Ключевые слова: Япония, Франция, режим Виши, Индокитай, дипломатия, колония, экспансия, безопасность.

Автор: Молодяков Василий Элигархович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку (Япония, 112-0012, Токио, Бункё-ку, Оцука 1-7-1, G-210).

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Continental Policy of Japan as Seen from France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part One)

V. E. Molodiakov

Abstract

This article deals with little-known aspects of the Indochina crisis of 1940 in Japanese–French relations — Japan’s claims to control and military presence in French Indochina in the summer and autumn of 1940. Ensuring the security and stability of Indochina was at the heart of the French policy towards Japan during all the pre-war years. It was characterized by a willingness to make concessions and compromises, so it was often criticized for “appeasing the aggressor.”

The beginning of the war in Europe in September 1939 prompted Japanese military circles to develop new expansion plans in the face of France’s weakening position in East Asia. The military defeat of France in June 1940 prompted Japan to increase pressure on it in order to completely stop the supply of military materials to China and to take control of the execution of these measures. Japan’s strategic goal was to establish control over Indochina.

The new authoritarian regime of the French state (the Vichy regime), which replaced the parliamentary regime of the defunct Third Republic, compromised with Japan, taking into account the inequality of forces in the region; therefore, its policy is called the policy of concessions. The author examines the process of shaping French policy and the actions of its main performers: Head of State Philippe Pétain, Minister of Foreign Affairs Paul Baudouin, Ministers of Colonies Albert Rivière and Henri Lémery, Governors-General of Indochina Georges Catroux and Jean Decoux. The article is based on diaries, memoirs, and other testimonies of the actors in combination with the latest research works.

Key words: Japan, France, Vichy regime, Indochina, diplomacy, colony, expansion, security.

Author: *Molodiakov Vassili E.*, Doctor of Sciences (Political Science), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS, Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies

Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Введение

Индокитайский кризис 1940 г. — попытка Японии включить Французский Индокитай (Индокитайский союз)¹ в сферу своего влияния и поставить его под контроль — не обойден вниманием историков, однако автор недавней работы справедливо назвал его «одновременно столь много и столь мало изученным» [Michelin 2019, p. 19].

Действия Японии в Индокитае рассматривались в контексте истории внешней и военной политики Токио. Японских авторов в основном интересовали военные аспекты, особенно место интервенции в Индокитай в сентябре 1940 г. (仏印進駐, *Фуцу-Ин синтю:*) в планах «продвижения на юг». Эти вопросы, включая дискуссии при выборе направлений и форм экспансии, изучены И. Хата в рамках коллективного труда *Дорога к войне на Тихом океане* [Hata 1963] (частичный перевод [Morley 1980, pp. 155–208]). М. Ёсидзава подробно описал споры военных о путях экспансии [Yoshizawa 1986], Р. Тобэ показал

¹ Включал колонию Кохинхина, протектораты Аннам, Тонкин, Камбоджа, Лаос и арендованную у Китая территорию Гуанчжоувань. Во главе объединенной администрации стоял генерал-губернатор, резиденция которого находилась в Ханое.

размах ее планов [Tobe 1978]. В работе С. Мураками [Murakami 1984] рассмотрен выбор южного направления в контексте ухудшения японо-американских отношений.

Военную политику Японии в отношении Индокитая можно считать изученной. Деятельность японской дипломатии, которая здесь не играла самостоятельной роли, описал С. Нагаока [Nagaoka 1963; Nagaoka 1973]; фактическая полнота его работ сочетается с неглубоким анализом. Ряд статей посвящен экономическим аспектам, включая японские планы колонизации Индокитая [Tabuchi 1980; Tabuchi 1981]. Японские авторы придерживаются японоцентричного подхода, отводя действиям Франции второстепенную роль.

В трудах французских историков дипломатии об Индокитае написано мало, ибо акцент делался на событиях в Европе. В литературе об Индокитае как части колониальной империи главное внимание уделялось сопротивлению японской экспансии — военной [Michelin 2019], политической [Valette 1993; Verney 2012], экономической [Poujade 2007], культурной [Namba 2012]. Ученые других стран, в том числе советские, рассматривали события в Индокитае в рамках японской экспансии [Левинсон 1952; Гольдберг 1959, с. 38–42, 50–56] или в связи с японо-китайской войной [Сапожников 1977, с. 133–144], т. е. с «японского угла» и с минимальным обращением к французским источникам.

Япония перешла к политике ультиматумов после военного поражения Франции в июне 1940 г., причины которого остаются предметом споров. В недавней работе [Вершинин, Наумова 2022] удачно рассмотрены военные аспекты проблемы, но анализ ее политической стороны весьма неубедителен из-за следования идеологемам. В ходе Индокитайского кризиса Япония имела дело не с партийными кабинетами Третьей Республики, зависевшими от парламента, но с авторитарным режимом Французского государства (режим Виши). Политические противники — голлисты и коммунисты — называли его «коллаборационистским» и «прогерманским». Эта тенденциозная и неверная трактовка укоренилась в советской и российской литературе и лишь недавно подвергнута убедительной критике [Бурлаков 2022]. Японо-французские отношения 1940 г., кульминацией которых стал Индокитайский кризис, необходимо рассмотреть с «французского угла» и без идеологических клише.

Этой теме можно посвятить целую книгу, однако задача нашей статьи скромнее. В ней рассмотрена реакция на действия Японии ключевых фигур режима Виши — главы государства маршала Филиппа Петэна, министра иностранных дел Поля Бодуэна, министров колоний Альбера Ривьера и Анри Лемери, министра обороны генерала Максима Вейгана, генерал-губернатора Индокитая вице-адмирала Жана Дэку. Акцент сделан не на официальных документах, которые публиковались или сообщались в Токио и Ханой, но на ходе выработки решений и на позициях политиков. В основу работы положены опубликованные дневники и мемуары действующих лиц (дневник Ривьера не издан, воспоминаний он не оставил), не введенные в научный оборот российского японоведения. Эгодокументы, особенно написанные в свое оправдание, требуют критического подхода, но их ценность повышается при отсутствии специальных исследований о таких фигурах, как Бодуэн и Лемери.

Реакция Франции на японскую экспансию и проблема безопасности Индокитая

Для адекватного понимания событий лета-осени 1940 г. надо вспомнить характер франко-японских отношений перед началом и во время Второй мировой войны. Французская элита, как отметил экс-премьер П.-Э. Фланден, «смотрела на дальневосточные события исключительно под углом индокитайских интересов» [Flandin 1947, p. 131]. Франция всегда была «обеспокоена судьбой своих индокитайских владений ввиду усиления Японии» [Мещеряков 2006, с. 602]. Выразив Китаю «моральную поддержку» в связи с японской агрессией 1937 г., Париж проявлял «исключительную любезность» в ответ на требования Токио о пресечении поставок ему оружия через Индокитай [Lévy 1939, p. 105–106]. После смены правительства в апреле 1938 г. политику «любезности» продолжали новый министр иностранных дел Ж. Боннэ и работавший в Токио с марта 1937 г. посол Ш. Арсен-Анри, считавшийся японофилом [Молодяков 2021a].

Анализируя экономическое присутствие Франции в регионе, видный эксперт, генеральный секретарь Комитета по изучению тихоокеанских проблем Р. Леви писал: «Экономические отношения

Индокитай с Японией прямо не затронуты ее растущей торговой экспансией. <...> Франция занимает лишь тринадцатое место среди клиентов Японии и десятое среди ее поставщиков» [Lévy 1935, p. 167, 171]. В книге *Французская политика на Дальнем Востоке, 1936–1938*, изданной в начале 1939 г., Леви определил ее как «политику сдержанности и умеренности, продиктованную стремлением обезопасить Индокитай и сохранить хорошие отношения как с Китаем, так и с Японией» [Lévy 1939, p. 8]. Результаты франко-японской торговли, несмотря на рост объема, аналитик оценил как «очень посредственные», обратив внимание на отрицательный для Франции баланс: 177,2 млн франков в 1937 г. Он рекомендовал выстраивать экономические отношения в масштабе империи, а не только метрополии, поскольку баланс торговли между Японией и Индокитаем в 1938 г. составил 30 млн франков в пользу последнего [Lévy 1939, p. 62–66]. Леви считал недостаточной обороноспособность Индокитая на случай международного конфликта и указал на «национальный подъем» в Сиаме (Таиланде), поддержанный Японией, как на потенциальную угрозу Франции [Lévy 1939, p. 110–118].

Индокитай привлекал Японию как источник сырья (каучук, олово, уголь, железная руда) [Lévy 1939, p. 64–65], хотя и не сравнимый с Британской империей и США, и как путь снабжения режима Чан Кайши, который она хотела пресечь [Morley 1980, p. 155–158]. Париж и Ханой не раз удовлетворяли требования Токио. В феврале 1938 г. губернатор Тонкина запретил торговлю между протекторатом и Китаем; ранее запрет распространялся лишь на оружие и снаряжение. «Франция избрала наилучший способ отдалить Китай от себя, — сетовал работавший в южном Китае в 1937–1939 гг. инженер А. Мо [Молодяков 2021b]. — <...> Из-за близости Индокитая у Франции был главный козырь, который она рисковала потерять» [Maux-Robert 1999, p. 82–83]. Когда режим Чан Кайши, укрепившись в Чунцине в ноябре 1938 г., готовился к затяжной войне и искал союзников, Мо «полагал, что ситуация дает реальную возможность для французской (экономической — В. М.) экспансии. Следовало брать пример с Англии, которая оказывала Китаю широкомасштабную помощь через Гонконг и через Бирму. <...> А Франция лишь сохраняла запрет на провоз китайских товаров через Индокитай» [Maux-Robert 1999, p. 138]. Однако Боннэ, исполняя обещание, данное японцам в июле 1938 г., запретил доставку в Китай по желез-

ной дороге Хайфон–Лаокай–Куньмин любых материалов, имеющих военное значение. Советские авторы трактовали это как политику «умиротворения агрессора», адептом которой считался Боннэ [Левинсон 1952, с. 165–166].

Выход книги Леви *Французская политика на Дальнем Востоке* совпал с актами японской агрессии, угрожавшими Индокитаю. В нарушение обещания, данного Франции в октябре 1937 г., японский десант 10 февраля 1939 г. захватил остров Хайнань — китайскую территорию, занимавшую ключевую позицию в Тонкинском заливе. Боннэ призвал Лондон и Вашингтон сделать совместное «внушение» Японии, но не получил поддержки. Тогда он предписал послу в Токио Арсену-Анри «выступить с энергичным протестом» и добился временного снятия ограничений на провоз товаров в Китай через Индокитай [Bonnet 1948, p. 105–106]. Эту политику поддержал министр колоний Ж. Мандель, политический враг Боннэ. 31 марта японцы оккупировали не имевшие постоянного населения острова Спратли (Франция в 1933 г. включила их в состав Кохинхины, что было оспорено Японией), затем Парасельские острова в юго-западной части Южно-Китайского моря. Французский посол в США «привлек внимание washingtonского правительства к серьезности инцидента на перспективу. Однако мы не смогли добиться эффективной поддержки от наших американских друзей, — отметил Боннэ, — Они отлично понимали ситуацию; от них требовалось лишь помочь нам и поддержать нас. Однако они дали нам понять, что хотят предотвратить конфликт, решиться на который им не позволяет состояние вооружений» [Bonnet 1948, p. 106].

К 1939 г. французы, несмотря на действия коммунистов, поддерживаемых СССР и китайскими «левыми», добились внутренней стабильности в Индокитае, хотя реформы, проведенные после политического кризиса 1928–1931 гг., остались недостаточными [Devèze 1948, p. 97–103]. Главным вызовом стала японская экспансия. Назначение 23 августа 1939 г. генерал-губернатором ветерана колониальных войск генерала Ж. Катру — первого кадрового военного на посту, который с 1887 г. занимали гражданские чиновники или политики, — выглядело предупреждением, что время «кисло-сладких нот и протокольных улыбок» [Desoux 1949, p. 5] заканчивается. 30 августа он прилетел в Ханой — времени на путешествие морем не было. 13 января 1939 г. командующим морскими силами Дальнего Восто-

ка — немногочисленными, но решавшими важные стратегические задачи — был назначен 54-летний Ж. Дэку, произведенный в вице-адмиралы: 5 мая он прибыл в Сайгон. «Азия уже была в огне и вдали от Европы жила в постоянной тревоге: что завтра?» [Decoux 1949, p. 7]. Единственным реальным союзником были англичане, с которыми адмирал летом 1939 г. постарался наладить рабочий контакт [Decoux 1949, p. 17–23].

На начало войны в Европе Япония отреагировала 4 сентября 1939 г. заявлением о «невмешательстве в европейскую войну». Гораздо большим шоком для Токио стало заключение 23 августа советско-германского пакта о ненападении, что оставило ее без союзников в конфликте с СССР на Халхин-Голе и вызвало смену кабинета. Япония прервала переговоры с Берлином и Римом о заключении политического пакта и дистанцировалась от обеих воюющих сторон, заявив, что направит усилия на урегулирование «Китайского инцидента» и нормализацию отношений с СССР. Пресса уделяла Франции мало внимания, сосредоточившись на противостоянии Германии и Великобритании. Парижу тоже было не до Японии, пока самолеты последней не разбомбили 1 февраля 1940 г. на китайской территории поезд с французскими пассажирами. Арсен-Анри протестовал и требовал возмещения убытков, но получил отказ. Этот акт агрессии считали «разведкой боем», поскольку 29 февраля премьер Э. Даладье дал большое интервью газете «Нити-Нити»: он заявил, что «жаждет установления дружественных отношений» с Токио и не поддерживает Китай, выразил надежду на успех переговоров о признании Маньчжоу-го в ответ на признание французских прав на Хайнань, неодобрительно высказался о сближении Японии с СССР [Левинсон 1952, с. 167]. Однако уже 21 марта Даладье ушел в отставку.

Позицию Японии в отношении французских владений в Восточной Азии Дэку назвал «загадочной и даже угрожающей», отметив частые «инциденты» на море [Decoux 1949, p. 26–27]. Кабинеты Н. Абэ (сентябрь 1939 — январь 1940) и М. Ёнаи (январь–июль 1940) следовали курсом на неучастие в глобальном противостоянии, однако в военных кругах обсуждали, как можно использовать ситуацию для расширения экспансии, в том числе в сторону Индокитая. Генерал-губернатор Катру выказывал готовность идти навстречу пожеланиям Токио о прекращении поставок Китаю и о снабжении японской армии, но дальше разговоров дело не шло [Morley 1980, p. 158; Michelin 2019, p. 34].

Ситуация радикально изменилась после того, как 10 мая 1940 г. вермахт вторгся в Нидерланды и Бельгию. «Странная война» на Западе Европы закончилась.

Военное поражение Франции и ее новое международное положение

Военное поражение Франции в мае-июне 1940 г. оказалось полным [Вершинин, Наумова 2022, с. 450–468] и явилось следствием системного кризиса Третьей республики. Остро встала проблема личной ответственности: «Тот факт, что она потерпела сокрушительное поражение, объясняется конкретными ошибками людей, принимавших стратегические решения в 1939–1940 гг.» [Вершинин, Наумова 2022, с. 606]. В критический момент премьер П. Рейно 18 мая призвал на пост вице-премьера 84-летнего маршала Петэна, овеянного славой Великой войны, и вернул на пост главнокомандующего 73-летнего Вейгана вместо М. Гамелена, который не справился с ситуацией. Однако «положение вещей было слишком безнадежным, чтобы исправить его заклинанием магических имен» [Huddleston 1955, p. 29]. 12 июня на заседании Совета министров, бежавшего из Парижа, Вейган потребовал запросить перемирие у немцев ввиду отчаянной военной ситуации и с целью сохранить власть над как можно большей частью национальной территории. Петэн поддержал его. Оба категорически отвергли идею капитуляции армии. Вечером 16 июня Рейно известил президента республики А. Лебрена об отставке и предложил в преемники Петэна. Председатели Сената и Палаты депутатов дали согласие, и последнее при Третьей Республике назначение главы правительства состоялось по правилам. В 1945 г. Петэн заявил на суде: «В самый трагический момент своей истории Франция обратилась ко мне. Я ничего не просил. Но меня молили прийти — и я пришел. И в наследство мне досталась катастрофа, в которой я был неповинен. Виновные спрятались за моей спиной, чтобы оградить себя от народного гнева» (цит. по [Бурлаков 2022, с. 132]).

Утром 17 июня кабинет одобрил речь Петэна, который по радио сообщил французам, что запросил перемирие. 22 июня оно было подписано и 25 июня вступило в силу. По лондонскому радио лидер «Свободной Франции» Ш. де Голль объявил его «предательством», а власть Петэна нелегитимной. Абсолютное большинство французов

встретило окончание войны с облегчением. Условия перемирия были тяжелыми, однако оно, как отметил глава МИД Бодуэн, «позволило избежать полной оккупации страны и сохранило правительство, долгом которого было защищать французский народ от врага; оно спасло Северную Африку и оставило в наших руках колонии и флот» [Baudoin 1948, p. 144]. «Заключение перемирия в сложившихся условиях можно рассматривать как блестящий дипломатический ход. <...> Благодаря перемирию, Франция оказалась в уникальном положении, которого не имела ни одна из побежденных стран. <...> Франция сохранила свой военно-морской флот и колониальную империю. <...> Маршал умело сыграл на опасениях Гитлера относительно того, что эти козыри перейдут к англичанам» [Бурлаков 2022, с. 136, 139–140].

По предложению вице-премьера П. Лаваль 10 июля 1940 г. Национальное собрание (Сенат и Палата депутатов) на совместном заседании большинством голосов (85% присутствующих и 67% списочного состава) приняло закон, давший правительству право составить новую конституцию, что хоронило режим Третьей республики. На основании закона Петэн 11 июля издал три конституционных акта. Первый провозгласил его главой Французского государства, второй дал ему самые широкие полномочия, третий прервал работу Сената и Палаты депутатов до нового созыва главой государства. «Обладая полной легитимностью <...> режим, созданный маршалом Петэном, не являлся фашистской диктатурой, хотя и имел определенную авторитарную окраску. Это был переходный режим военного времени, вызванный к жизни чрезвычайными обстоятельствами» [Бурлаков 2022, с. 184].

16 июля к работе приступил новый кабинет во главе с Петэном; Лаваль де-факто получил полномочия премьера. В Третьей республике Совет министров коллегиально вырабатывал решение, а президент закреплял его декретом. Маршал собирался принимать решения единолично. Он видел в министрах не коллег, а подчиненных, которые, как в армии, не дискутируют, но докладывают и отвечают на его вопросы, а свое мнение высказывают, только если их спросят. Это следует учитывать при анализе реакции Виши на действия Японии в Индокитае.

Курс на «защиту империи»

Официальная позиция в отношении империи была изложена в первом радиообращении Петэна 3 сентября 1940 г.: «Франция проиграла войну. <...> Но ее единство, выкованное тысячей лет усилий и жертв, остается неприкосновенным. Оно не может быть поставлено под сомнение. Никакое покушение, откуда бы оно ни исходило и каким бы идеалом ни вдохновлялось, не сможет взять верх над ним. Сегодня первый долг — повиноваться. Второй долг — помогать правительству в его трудах, помогать без задних мыслей и оговорок. На зов родины империя, самая прекрасная жемчужина французской короны, ответит: Есть!» [Pétain 1974, p. 459]. Проводить в жизнь эту политику должны были министр колоний А. Лемери (12 июля — 6 сентября 1940), министр иностранных дел П. Бодуэн (16 июня — 28 октября 1940), генерал-губернаторы на местах, абсолютное большинство которых осталось верно правительству.

Первым министром колоний, столкнувшимся с японскими притязаниями на Индокитай, оказался А. Ривьер — случайный человек на этом посту (16 июня — 11 июля 1940). Депутат-социалист и министр пенсий в кабинете Рейно, он перешел в правительство Петэна с санкции партийного вождя Л. Блюма. Следуя практике коалиционных кабинетов, Петэн предложил социалистам два места, предоставив им выбор кандидатов. Блюм направил к нему Ривьера и А. Феврие как представителей партии, а не как специалистов в какой-либо области. Понимая это, премьер предложил Ривьеру пост, на который не претендовал никто из «тяжеловесов» и который в тот момент не считался важным.

Японцы еще не приняли окончательное решение о повороте экспансии на юг, когда Петэн запросил немцев о перемирии и новости об этом достигли Токио. Момент казался идеальным для предъявления ультиматума относительно Индокитая, но лишь «горячие головы» в армии и среди штатских националистов призывали ввести туда войска. Действуя на основании решения глав МИД, военного и морского ведомств, вице-министр иностранных дел М. Тани (который в 1938 г. обвинил Францию в поставках оружия Китаю и не получил агреман для назначения послом в Париж [Michelin 2019, p. 26]) 19 июня потребовал от Арсена-Анри прекратить транзит всех военных грузов в Китай из Тонкина и принять японскую миссию для проверки

исполнения этого. Не имея прямой связи с министром, который находился в Бордо и был занят подготовкой перемирия, Арсен-Анри вступил в переговоры с целью выиграть время. Генерал-губернатор Индокитая Катру получил сведения о возможном вторжении японцев и, не дожидаясь решения правительства, своей властью запретил провоз горючего через границу. Одновременно он по собственной инициативе обратился за помощью к англичанам и американцам, но не получил ее [Desoux 1949, p. 44–49, 65–67]. Желая скрыть от японцев самоуправство Катру, посол уверил их, что тот действовал по его совету [Michelin 2019, p. 37–40]. 22 июня, в день подписания перемирия, Тани и Арсен-Анри уладили вопрос о японской миссии, которая 29 июня прибыла в Ханой. 25 июня Катру полностью запретил транзит грузов в Китай. Дэку призвал продолжать войну за пределами метрополии в союзе с англичанами, но морской министр Ф. Дарлан известил его, что это невозможно, и тот с неохотой согласился. Катру сообщил Дэку и Арсену-Анри, что не признает перемирие, но не заявит об этом открыто, дабы не дать японцам повод к вторжению в Индокитай [Desoux 1949, p. 33–39]. Посол в Токио остался верен правительству, которое представлял.

Совет министров *впервые* узнал о новой ситуации в Индокитае 25 июня, поэтому утверждения о том, что японский ультиматум от 19 июня был принят «правительством Виши» [Гольдберг 1959, с. 39; Сапожников 1977, с. 134], неверны. Согласно записи Бодуэна, министр колоний доложил об ультиматуме и действиях Катру. «Ривьер очень огорчен поступком генерала Катру, который без согласия французского правительства частично отдал японцам нашу власть над Тонкином. Министр известил нас об обмене телеграммами между ним и генералом Катру, из которых видно, что последний требовал себе право действовать независимо. Ривьер предложил немедленно заменить генерала Катру, но встал вопрос о том, кто займет его пост. Адмирал Дарлан предложил адмирала Дэку <...> который по счастью находится на месте и повиновение которого он гарантирует. Совет согласился с предложением, полагая, что смена губернатора хоть на время умерит японские притязания» [Baudoin 1948, p. 146]. Аналогичное свидетельство оставил министр обороны Вейган [Weygand 1950, p. 336]. 27 июня Дэку получил телеграмму Дарлана с извещением о назначении, три дня спустя — официальный указ за подписью Ривьера. Он велел Катру немедленно передать

дела и вернуться во Францию, но генерал проигнорировал приказ министра [Desoux 1949, pp. 55–56, 67–68].

Правительство вернулось к ситуации в Индокитае 4 июля, на следующий день после нападения британского флота на французский в Мерс-эль-Кебуре, что вызвало шок во Франции: Дарлан призвал объявить войну бывшему союзнику. «Министр колоний сообщил нам, что 29 июня в Тонкине начала работу японская миссия с согласия генерала Катру, который отказался передать должность адмиралу Дэку, назначенному больше недели назад. Я заявил Совету, что очень встревожен позицией Японии и попросил посла Савада² прояснить меня насчет требований его правительства. Японское правительство должно вести дела не с генерал-губернатором Индокитая, но с правительством Франции. Савада должен передать сказанное в Токио» [Baudoin 1948, p. 158; Weygand 1950, p. 336–337].

Бодуэн, которому в момент назначения главой МИД было 45 лет, с 1938 г. служил генеральным директором Индокитайского банка и президентом Дальневосточного финансового союза, так что хорошо знал ситуацию в регионе, где неоднократно бывал, и понимал интересы Франции (а также собственные — в качестве акционера и члена правления нескольких действовавших там компаний). Как представитель делового мира он свысока относился к политикам, но в марте 1940 г. принял предложение Рейно занять посты государственного вице-секретаря при премьере и секретаря Военного кабинета, на которых показал себя хорошим организатором. В июне Бодуэн выступил за скорейшее перемирие с Германией, и Петэн поставил его во главе МИД, чтобы не допустить на этот пост Лавалля, делавшего ставку на сотрудничество с немцами. Исполнительный и компетентный банкир соответствовал авторитарному стилю правления маршала, поддержка которого стала залогом его пребывания в правительстве.

По словам Дэку, «генерал Катру одновременно играл на всех столах: Виши, диссидентство («Свободная Франция» — В. М.), союз с англичанами, Япония — готовый отдался или скорее продаться тому, кто даст больше» [Lémery 1964, p. 327]. Это сказано после войны, когда Катру был голлистским нотаблем, чей патриотизм не полагалось ставить под сомнение, а Дэку, которого чуть не убили

² Роль Савада Рэндзо (1888–1970) в истории японской дипломатии заслуживает отдельного исследования.

коммунисты, оказался под судом как «вишист», но был оправдан. Не имея на то полномочий, Катру 30 июня начал переговоры с главой японской миссии генерал-майором И. Нисихара, который был подчеркнуто корректен и миролюбив. 4 июля генерал предложил японцам оборонительный союз против Чан Кайши с возможностью транзита их войск через Индокитай (о чем позже предпочитал не вспоминать) в обмен на гарантии территориальной целостности колонии. 7 июля Катру закрыл границу с Китаем для перевозок в обе стороны сроком на один месяц, причем у Лаоса были разобраны пути. Размещение японских войск в Индокитае генерал назвал недопустимым, но 9 июля согласился снабжать их продовольствием и принимать на лечение раненых, о чем известил Арсена-Анри, а тот сообщил это в Виши [Decoux 1949, p. 68–70; Morley 1980, p. 162–164; Michelin 2019, p. 37–46].

14 июля Бодуэн доложил новости Петэну, который «задал много вопросов о нашей политике в Индокитае и о нашем отношении к Китаю и Японии». «Маршал полностью согласился, когда я сказал ему, что Франция не должна заключать никакого союза с Японией, даже оборонительного, поскольку это быстро втянет нас в войну в Китае. Я не скрыл от маршала, — записал глава МИД, — исключительную слабость нашей позиции в Индокитае, где численность наших войск была сильно сокращена и где мы не можем полагаться на вмешательство США в нашу пользу. <...> Наша слабость объясняет поведение генерала Катру, который, возможно, прав в том, что не ответил на японские требования резким отказом, но неправ в том, каким образом это сделал, ведя себя как полномочный представитель французского правительства» [Baudoin 1948, p. 169]. Похожим образом оценил действия Катру и Вейган [Weygand 1950, p. 337]. Дэку описал недостаточную обороноспособность Индокитая, возложив ответственность на «политику, точнее, ее отсутствие» предвоенных правительств, и ее зависимость от помощи Великобритании и США [Decoux 1949, p. 73–90]. Так что дело было отнюдь не в стремлении правящих кругов Франции «умиротворять агрессора».

Петэн беседовал с Бодуэном в процессе формирования кабинета для долгосрочной реализации задуманных реформ. Министром колоний он выбрал 65-летнего сенатора Лемери, «единственного парламентария, которому маршал доверял» [Aron 1954, p. 31], сказав ему: «Настал час управлять» [Ragache 2014, p. 43]. Уроженец Мартиники

с примесью «цветной» крови Лемери представлял остров в Палате депутатов в 1914–1919 гг. и в Сенате с 1924 г., выступал как эксперт по колониальным вопросам, пропагандировал политику ассимиляции [Lémery 1964, p. 260–262]. Назначение на министерский пост «цветного», ветерана Вердена, патриота и германофоба вызвало негодование немцев. Петэн полагался на Лемери не только как на давнего знакомого и опытного политика, но как на человека с четкой позицией: «Сейчас опасность исходит от лондонского радио и призывов генерала де Голля к мятежу. <...> Я без послаблений отзыва и заменяю всех, кто будет колебаться в исполнении моих приказов» [Lémery 1964, p. 251]. В первой же телеграмме министр предписал Дэку «мирное решение имеющихся или могущих возникнуть проблем» [Desoux 1949, p. 57].

«Выбрать мир с Японией»: политика уступок в лицах

Политику Франции в отношении японских требований к Индокитаю вне зависимости от ее оценки называют политикой уступок. Предметом споров стало то, кто именно на какие уступки шел и почему.

Дни пребывания Катру у власти были сочтены. Зная, что он официально отрешен от должности, японцы решили сыграть на опережение. 12 июля Нисихара вручил ему проект соглашения о совместных военных операциях против Чан Кайши с гарантиями независимости Индокитая. Генерал заявил, что это лежит вне пределов его полномочий, но переговоры не прервал и с должности не ушел. 15 июля посол Савада сказал Бодуэну, что лишь «очень в общем» знает о происходящем и «не придает большого значения переговорам, поскольку местом для обсуждения франко-японских проблем является Виши, а не Ханой». Разговор о двусторонних отношениях министр-банкир начал с экономики: «вопрос о включении Индокитая в замкнутую экономическую систему Японии не стоит», но та может получить режим наибольшего благоприятствования. Перейдя к политике, он сказал, что «о союзе нет и речи, но можно дойти до подписания соглашения, которое четко определит франко-японские отношения в Индокитае» [Baudoin 1948, p. 170–171]. Двумя днями позже он обсуждал с Петэном и Лемери неповиновение Катру и записал: «Я совершенно убежден, что японцы никогда не откажутся ни от одного из преимуществ,

которые им дал Катру; когда они выжмут из Ханоя всё, что смогут, то обратятся к Виши» [Baudoin 1948, p. 173]. Министр был прав: если МИД Японии предпочитал решать вопрос по традиционным дипломатическим каналам, то военные рассчитывали «выжать всё, что смогут» именно на месте [Michelin 2019, p. 47–48].

Лемери снова приказал Катру сдать дела и вернуться, но генерал в ответ поинтересовался, какую должность ему дадут, чем возмутил и шефа, и военного министра Вейгана [Lémery 1964, p. 252–253; Weygand 1950, p. 337]. 19 июля Дэку, наконец, добрался до Ханоя. В письме к Лемери от 11 ноября 1951 г., уже после выхода мемуаров, адмирал назвал причинами задержки «проблемы со связью», «желание получить четкие и приемлемые [для себя] инструкции» (он переходил из подчинения морскому министру в подчинение министру колоний) и «злую волю» Катру [Lémery 1964, p. 327]. Во время встречи тет-а-тет в резиденции генерал-губернатора 19 июля Катру оправдывал сделанные им уступки желанием получить гарантии неприкосновенности Индокитая от японского правительства, заметив, что теперь этим предстоит заниматься его преемнику [Desoux 1949, p. 71–72]. Дэку, по его словам, принял «Индокитай, практически отрезанный от побежденной Франции, предоставленный самому себе на другом конце света и схваченный за горло японцами» [Desoux 1949, p. 73]. 23 июля Лемери доложил кабинету, что официальная передача полномочий состоялась [Baudoin 1948, p. 178]. Катру покинул Ханой, но «вместо того, чтобы вернуться во Францию, отчитаться о своих действиях и проинформировать правительство, приземлился в Сингапуре и перешел к диссидентам» [Lémery 1964, p. 253].

В условиях фактического бессилия Франции важную роль в судьбе Индокитая сыграла смена кабинета в Токио. Под давлением экспансионистских кругов, которые после побед Вермахта в Европе призывали «не опоздать на автобус», намекая на колонии побежденных стран, «умеренный» премьер Ёнаи 21 июля подал в отставку. Новый кабинет сформировал Ф. Коноэ, в бытность которого премьером в 1937 г. началась японо-китайская война и который стал центром притяжения сторонников «активной» политики. МИД вместо Х. Арита, искусно затягивавшего переговоры с Берлином и Римом и затем прервавшего их, возглавил Ё. Мацуока, бывший специальным представителем в Лиге Наций, когда в 1933 г. Япония покинула эту организацию, а ныне призывавший к союзу с Германией и Италией.

Он сразу известил Арсена-Анри, что намерен вести с ним переговоры о военном союзе. Французам предстояло выдержать новый, куда более мощный натиск.

Нисихара был отозван из Ханоя, не успев завершить работу. Его преемник полковник (позднее генерал) К. Сато потребовал принять японские требования, но натолкнулся на сопротивление Дэку, который отказался вести переговоры с ним и заявил, что вопрос о военно-политическом союзе лежит вне его компетенции. В первом докладе министру Дэку назвал «прискорбными» уступки, сделанные Катру, предложил частично открыть границу с Китаем и ограничить японский контроль. 27 июля кабинет одобрил его предложения, но Бодуэн посоветовал «действовать осмотрительно, потому что японцы не откажутся ни от одного преимущества, полученного от Катру» [Baudoin 1948, p. 184]. Авторы, желающие оправдать Катру — первого генерала, перешедшего на сторону де Голля, — указывают, в каких трудных условиях ему приходилось действовать и с каким уважением отзывались о нем японские военные. Однако политику уступок, как бы их ни объяснять, начал именно Катру, причем по собственной инициативе, а «вишист» Дэку занял, по крайней мере сначала, куда более твердую позицию, что произвело впечатление на японцев [Michelin 2019, p. 48–56; Descoux 1949, p. 92–94].

Гром грянул 1 августа, когда в Токио Мацуока вручил Арсену-Анри меморандум, точнее — ультиматум: потребовал впустить японские войска в Тонкин и позволить им использовать аэродромы Индокитая. Угрожающе прозвучало пожелание, чтобы Индокитай участвовал в урегулировании «Китайского инцидента», т.е. в войне против Чан Кайши, и в создании Сферы процветания Великой Восточной Азии, о которой широкообещательно объявил премьер Коноэ. «Японское правительство дало понять, что если требования не будут немедленно удовлетворены, армии прикажут сделать это силой. Посол считает, что ситуация очень серьезна и что японцы полны решимости исполнить задуманное», — записал днем позже получивший его телеграмму Бодуэн и добавил: «Увы, все мои опасения оправдались. Таковы последствия нашего поражения и уступок, сделанных генералом Катру. Если мы согласимся на ультиматум, Индокитай будет полностью потерян» [Baudoin 1948, p. 187]. 2 августа Сато вручил аналогичный ультиматум Дэку. Известив об этом министра колоний, адмирал решил строго следовать указаниям правительства и заявил

японцам, что те не дождутся от него никаких уступок, пока он не получит соответствующий приказ из Виши [Desoux 1949, p. 91–96].

История японо-французских переговоров в Токио и Ханое, к которым сразу подключились военные, хорошо описана по материалам японских архивов [Morley 1980, p. 172–193; Michelin 2019, p. 67–95], так что нет нужды ее пересказывать. Умерший в 1943 г. на своем посту Арсен-Анри не оставил мемуаров; вел ли он дневник, неизвестно. Рассмотрим принятие решений в Виши по дневнику Бодуэна и попробуем ответить на вопрос, справедливы ли обвинения в «недопустимых уступках», которые против него выдвинул Лемери в мемуарах.

3 августа кабинет отверг японский ультиматум, дав указания Дэку оказать сопротивление в случае вторжения. Петэн, Вейган и Лемери заняли решительную позицию, видя в японцах не только агрессоров, но и союзников ненавистных «бошей», как они называли немцев. «Моя точка зрения была предельно проста, — вспоминал Лемери, — Позволить Бодуэну действовать так, чтобы избежать разрыва, но не поддаваться никаким угрозам и шантажу и отвечать силой на силу, если японские войска осмелятся что-то предпринять на нашей территории» [Lémery 1964, p. 254]. Дэку поддержал своего министра [Desoux 1949, p. 97–99]. Бодуэн предложил компромисс: Франция отвергает ультиматум как неприемлемый по форме, но готова к продолжению переговоров и к уступкам в обмен на официальные гарантии ее суверенитета в Индокитае, — и убедил коллег [Weygand 1950, p. 337]. В тот же день он откровенно объяснил это японскому послу, заметив, что сохранение видимости дружественных отношений пойдет на пользу обеим странам — намек на рост немецкого влияния в Токио, противником которого был Савада [Baudoin 1948, p. 187–189].

«Сохранение лица» или «хорошая мина при плохой игре»? Бодуэн был озабочен национальным престижем меньше, чем солдаты Великой войны — Петэн, Вейган и Лемери — и стремился сохранить экономические и политические позиции Франции в условиях ее слабости перед японским нажимом. Легко говорить, что он «продался» японцам, но предложенный компромисс возымел действие. 7 августа Арсен-Анри сообщил в Виши разъяснения Мацуока, что об «ультиматуме» речь не шла: японский министр тоже «спасал лицо», но пришло время приступать к переговорам по конкретным вопросам. Посол ответил ему, что готов выслушать японские предложения. Бодуэн пос-

пешил с новостями к Петэну, который «был доволен и одобрил проект ответа в Токио». Новости из Вашингтона, куда министр сообщил о японских требованиях и попросил передать информацию англичанам, были неутешительными. «Правительство Соединенных Штатов остается твердым сторонником сохранения статус-кво на Дальнем Востоке, особенно в Индокитае, но не примет никаких конкретных мер в его поддержку. От англичан никакого ответа. В этих условиях я, — записал Бодуэн, — не могу питать никаких иллюзий относительно американской помощи нам против японских притязаний» [Baudoin 1948, p. 193–194; Weygand 1950, p. 338]. 10 августа китайский посол Веллингтон Ку (Гу Вэйцзюань) вручил ему меморандум «с угрозой действий в том случае, если французское правительство позволит японским войскам пересечь территорию Индокитая» [Baudoin 1948, p. 196].

«Момент истины» наступил 12 августа. Получив сообщение Арсена-Анри о том, что японцы настаивают на праве провести войска через Тонкин, сроков не выставляют, но просят ответить поскорее, Бодуэн суммировал: «Дать положительный ответ нельзя, ибо это будет означать признание нашей полной слабости и вызовет волнения в Индокитае, а возможно, и в других колониях. <...> Мы должны не отвечать прямым отказом, но пытаться найти основу для соглашения». На заседании кабинета «Вейган сказал, что лучше сопротивляться и сражаться, чем принять японский диктат. (Глава МВД — В. М.) Марке поддержал его, напомнив о силе китайских армий, которые придут нам на помощь. Я (Бодуэн — В. М.) ответил, что не тешу себя иллюзиями насчет способности Китая оказать нам эффективную и быструю помощь. <...> Мы можем спасти Индокитай только в согласии с Японией. К несчастью, ситуация очень проста. Если мы ответим отказом, Япония нападает на Индокитай, который не способен защититься. Он будет потерян на сто процентов. Если мы вступим в переговоры с Японией, то избежим худшего, а именно полной потери колонии, и сохраним шанс, который будущее может нам дать» [Baudoin 1948, p. 198–199].

Выработка решения, которое предстояло сообщить в Токио, потребовала нового совещания с участием военного руководства. Оно состоялось в тот же день в министерстве колоний и прошло «в грозовой атмосфере». «Министр колоний выступил в поддержку сопротивления японской агрессии, добавив, что малейшая уступка будет

иметь катастрофические последствия для Индокитая и других колоний» [Baudoin 1948, p. 199]. «Я говорил со страстью, — вспоминал Лемери, — Утверждал, что лучше быть разбитым, чем не биться, что, защищаясь, мы покажем всей империи, что Франция не сдается». Своего оппонента Бодуэна он считал не политиком, а «банкиром», который «в силу профессии не беспокоился о последствиях уступок Франции перед лицом японских угроз для Индокитая и всех наших заморских владений» [Lémeury 1964, p. 255–258]. Начальник штаба колониальных войск Ж.-А. Бюрер уверял, что Индокитай надежно защищен, но это вызвало веские конкретные возражения Бодуэна. Вейган, слово которого было решающим для военных, «выступил за отказ от японских предложений», но в итоге уступил аргументам главы МИД [Weygand 1950, p. 337–338]. Тот снова говорил о «сто-процентной потере колонии в случае любой попытки вооруженного сопротивления», о доминировании Японии на Дальнем Востоке, об отсутствии надежд на помощь со стороны. Были произнесены слова, которые тогда часто звучали в Виши: «Спасти то, что еще можно спасти» [Baudoin 1948, p. 199–201].

Линия Бодуэна возобладала. Отвергая «требования», Франция разрешала проход японских войск через Тонкин, соглашалась снабжать их и предложила начать переговоры о выработке соответствующей конвенции. На следующий день, прочитав написанный главой МИД проект телеграммы в Токио, Лемери неожиданно согласился. Это было еще не окончательное решение, но важный шаг к нему [Baudoin 1948, p. 201]. Арсен-Анри ответил, что новая встреча с Мацуока прошла «в оживленной и весьма неприятной атмосфере» и что японцы вступят в Индокитай «с нашего согласия или без него». Передав эти новости кабинету и повторив прежние аргументы, Бодуэн 16 августа прямо попросил коллег «выбрать мир с Японией», хотя добавил, что «не закрывает глаза ни на какие возможные последствия», включая волнения в Индокитае или китайское вторжение. Петэн и большинство министров, включая Вейгана, поддержали его; Лемери уступил воле большинства [Baudoin 1948, p. 203–204]. В японо-французских отношениях начался новый этап, которому посвящена вторая часть нашей работы.

Библиографический список

Бурлаков А. Н. (2022). *Петэн. Последний великий француз*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Вершинин А. А., Наумова Н. Н. (2022). *От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Гольдберг Д. И. (1959). *Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.)*. Москва: Издательство восточной литературы.

Левинсон Г. (1952). *Захват Японией Индо-Китая. Сборник статей по истории стран Дальнего Востока*. Москва: Издательство Московского университета.

Мещеряков А. Н. (2006). *Император Мэйдзи и его Япония*. Москва: Наталис.

Молодяков В. Э. (2021a). Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: японская экспансия в Китае и политический мир Франции. *Ежегодник Японии*. Т. 50. С. 163–183.

Молодяков В. Э. (2021b). Франция и Японо-китайская война: миссия Анри Мо в Китае, 1937–1939 гг. *Уральское востоковедение*. Вып 11. С. 81–89.

Сапожников Б. Г. (1977). *Китай в огне войны (1931–1950)*. Москва: Наука.

References

Aron, R. (1954). *Histoire de Vichy. 1940–1944*. Paris: Arthème Fayard. (In French).

Baudouin, P. (1948). *The Private Diaries (March 1940 to January 1941)*. London: Eyre & Spottiswoode.

Bonnet, G. (1948). *Fin d'une Europe. De Munich à la guerre*. Genève: Les éditions du cheval ailé. (In French).

Burlakov, A. N. (2022). *Peten. Poslednyi velikyi frantsuz* [Pétain. The Last Great Frenchman]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

Decoux, [J.] Amiral (1949). *À la barre de l'Indochine. Histoire de mon Gouvernement Général (1940–1945)*. Paris: Plon. (In French).

Devèze, M. (1948). *La France d'Outre-Mer. De l'Empire colonial à l'Union Française 1938–1947*. Paris: Hachette. (In French).

Flandin, P.-E. (1947). *Politique française. 1919–1940*. Paris: Les Editions Nouvelles. (In French).

Gol'dberg, D. I. (1959). *Vneshnyaya politika Yaponii (sentyabr' 1939 g. — dekabr' 1941 g.)* [Japan's Foreign Policy (September 1939 — December 1941)]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).

Hata, I. (1963). *Futsu-In shinchū to gun no nanshin seisaku, 1940–1941*. [The thrust into Indochina and the military's policy of southern advance, 1940–1941]. In: Nihon kokusai seiji gakkai (Ed.). *Taiheiyō sensō e no michi* [The Road to the Pacific War]. Tokyo: Asahi shinbunsha. Vol. 6 (pp. 143–274) (In Japanese).

Huddleston, S. (1955) France. *The Tragic Years, 1939–1947*. New York: Devin-Adair.

Lémery, H. (1964). *D'une République à l'autre. Souvenirs de la mêlée politique, 1894–1944*. Paris: La table ronde. (In French).

Levinson, G. (1952). *Zahvat Yaponiei Indo-Kitaya* [Japanese Capture of Indochina]. *Sbornik statei po istorii stran Dal'nego Vostoka*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Lévy, R. (1935). *Extrême-Orient et Pacifique*. Paris: Armand Coline. (In French).

Lévy, R. (1939). *La politique française en Extrême-Orient, 1936–1938*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Maux-Robert, A. (1999). *Le dragon de l'Est. Henri Maux en mission dans la Chine en guerre, 1937–1939*. Marly-le-Roi: Éditions Champflour. (In French).

Mescheryakov, A. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Michelin, F. (2019). *La guerre du Pacifique a commencé à l'Indochine, 1940–1941*. Paris: Passés Composés. (In French).

Molodiakov, V. E. (2021a). *Kontinental'naya politika Yaponii — vzglyad iz Frantsii: yaponskaya ekspansiya v Kitae i politicheskyi mir Frantsii* [Japanese Continental Policy as Seen from France: Japanese Expansion in China and French Political World]. *Yearbook Japan*, 50, 163–183. (In Russian).

Molodiakov, V. E. (2021b). *Frantsiya i Yapono-kitaiskaya voina: missiya Anri Mo v Kitae, 1937–1939 gg.* [France and the Sino-Japanese War: Henri Maux's Mission in China, 1937–1939]. *Ural'skoe vostokovedeniye*, 11, 81–89. (In Russian).

Morley, J. M. (Ed.) (1980). *The Fateful Choice: Japan's Advance into Southeast Asia, 1939–1941*. New York: Columbia University Press.

Murakami, S. (1984). *Futsu-In shinchū, 1940–1945* [(Japan's) Thrust into Indochina, 1940–1945]. [Tokyo: Privately Printed]. (In Japanese).

Nagaoka, S. (1963). Nanpō shisaku no gaikōteki tenkai (1937–1941 nen). [Diplomatic development of Southern policy (1937–1941)]. In: Nihon kokusai seiji gakkai (Ed.). *Taiheiyō sensō e no michi* [The Road to the Pacific War]. Tokyo: Asahi shinbunsha. Vol. 6 (pp. 3–140). (In Japanese).

Nagaoka, S. (1973). Nanshin mondai. [Problem of Southern Advance]. In: Kajima heiwa kenkyujo (Ed.). *Nihon gaikōshi*. [History of Japanese Diplomacy]. Vol. 22. Tokyo: Kajima heiwa kenkyujo. (In Japanese).

Namba, Ch. (2012). *Français et Japonais en Indochine (1940–1945). Colonisation, propagande et rivalité culturelle*. Paris: Karthala. (In French).

Pétain, Ph. (1974). *Actes et écrits*. Paris: Flammarion. (In French).

Poujade, R. J. (2007). *L'Indochine dans la sphère de la coprosperité japonaise : De 1940 à 1945*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Ragache, G. (2014). *L'Outre-Mer français dans la guerre (1939–1945)*. Paris: Economica. (In French).

Sapozhnikov, B. G. (1977). *Kitai v ognе voiny (1931–1950)* [China at War (1931–1950)]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Tabuchi, Y. (1980). Nihon no tai-Indoshina shokuminchika puran to sono jittai. [Japanese plan of Indochina's colonization and its realization]. In *Tōnan Ajia. Rekishi to bunka*, vol. 9 (pp. 103–133). (In Japanese).

Tabuchi, Y. (1981). Daitōa Kyōeiken to Indoshina: shokuryō kakutoku no tame no senryaku. [Great East Asia sphere of co-prosperity and Indochina: strategy for getting food]. In *Tōnan Ajia. Rekishi to bunka*, vol. 10 (pp. 39–68). (In Japanese).

Tobe, R. (1978). Hokubu Futsu-In shinchū: Nanshin no ichi danmen to shite no kōsatsu. [(Japan's) thrust into northern Indochina: An aspect of the southward advance]. In *Bōei Daigakkō kiyō. Shakai kagaku hen* (November 1978), No. 37 (pp. 37–88). (In Japanese).

Valette, J. (1993). *Indochine 1940–1945. Français contre Japonais*. Paris: SEDES. (In French).

Verney, S. (2012). *L'Indochine sous Vichy: entre Révolution nationale, collaboration et identités nationales, 1940–1945*. Paris: Riveneuve. (In French).

Vershinin, A. A., Naumova, N. N. (2022). *Ot triumfa k katastrofe: voenno-politicheskoe porazhenie Frantsii 1940 g. i ego istoki* [From Triumph to Disaster: Military-Political defeat of France in 1940 and Its Origins]. Sankt-Peterburg: Aleteya. (In Russian).

Weygand, [M.] (1950). *Mémoires. T. III. Rappelé au service*. Paris: Flammarion. (In French).

Yoshizawa, M. (1986). *Sensō kakudai no kōzu: Nihongun no Futsu-In shinchū* [The scenario of the expansion of the war: The Japanese army's entry into French Indochina]. Tokyo: Aoki shoten. (In Japanese).

История японоведения в Новосибирске во 2-й половине XX в.

В. Г. Дацышен

Аннотация

Статья посвящена проблемам становления и развития японоведения в Новосибирске во 2-й половине XX в. В работе показаны предпосылки появления японоведческого образования и введение курса японского языка в Новосибирском государственном университете. Появление японоведения в Новосибирске было обусловлено развитием в 1960-х гг. советско-японского сотрудничества, становлением Сибирского отделения Академии наук и развитием восточного языкознания в Новосибирском государственном университете. Особое внимание уделено вкладу в становление и развитие новосибирского японоведения Ольги Павловны Фроловой, которая стала первым и до конца советского периода истории оставалась единственным профессиональным японоведом в Новосибирске.

Первая научная статья по японскому языкознанию в Новосибирске была опубликована в 1970 г., в 1971 г. было введено преподавание японского языка для студентов гуманитарного факультета НГУ. С конца 1980-х гг. новосибирское японоведение вышло за пределы университета, японский язык стали изучать студенты разных вузов и ученики средних школ. В 1995 г. на гуманитарном факультете было открыто отделение востоковедения со специализацией по японскому языку, а в 1999 г. в НГУ была создана и кафедра востоковедения. В Новосибирске наряду с японским языкознанием развитие получило изучение археологии, литературы, искусства и традиционной культуры Японии. В начале XXI в. многие воспитанники новосибирского востоковедения стали ведущими российскими японоведами.

Ключевые слова: японоведение, советско-японское сотрудничество, О. П. Фролова, Новосибирский государственный университет.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор. Институт востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12); Сибирский федеральный университет (660041, Российская Федерация, Красноярск, пр. Свободный, 79)

ORCID 0000-0001-6471-8327

E-mail: dazishen@maail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

History of Japanese Studies in Novosibirsk in the 2nd half of the 20th century

V. G. Datsyshen

Abstract

This article focuses on the problems of the formation and development of Japanese studies in Novosibirsk in the 2nd half of the 20th century. The paper shows the prerequisites for the emergence of Japanese studies education and the introduction of a Japanese language course at Novosibirsk State University. The emergence of Japanese studies in Novosibirsk was due to the development of Soviet-Japanese cooperation in the 1960s, the formation of the Siberian Branch of the Academy of Sciences, and the development of Oriental linguistics at Novosibirsk State University. Special attention is paid to the contribution to the formation and development of Novosibirsk Japanese studies by Olga Pavlovna Frolova, who became the first and, until the end of the Soviet period, remained the only professional Japanese studies scholar in Novosibirsk.

The first scientific article on Japanese linguistics in Novosibirsk was published in 1970; in 1971, the teaching of the Japanese language for students of the humanities at the NSU was introduced. Since the late 1980s, Novosibirsk Japanese studies have gone beyond the boundaries of the NSU, as students at various universities and secondary schools began to study Japanese. In 1995, a department of Oriental studies with a specialization in Japanese was opened at the Faculty of Humanities, and, in 1999, the Department of Oriental Studies was established at NSU. In Novosibirsk, along with Japanese linguistics, the study of archeology, literature, art, and traditional culture of Japan has been developed. At the beginning of the 21st century, many students of Oriental studies from Novosibirsk became leading Russian Japanese studies scholars.

Keywords: Japanese studies, Soviet-Japanese cooperation, O. P. Frolova, Novosibirsk State University.

Author: *Datsyshen Vladimir G.*, Doctor of Sciences (History), Professor. Institute of Oriental Studies of RAS, Siberian Federal University (79, Svobodnyi pr., Krasnoyarsk, Russia, 660041).

ORCID 0000-0001-6471-8327

E-mail: dazishen@mail.ru

Новосибирск является одним из ведущих региональных центров российского японоведения. История становления и развития японистики в этом сибирском городе имеет большие отличия от других научных и образовательных центров в России. Университетское японоведение в НГУ начало развиваться с начала 1970-х гг., и долгое время было единственным в Сибири.

Становление новосибирского японоведения началось в 1970-х гг. Однако, появлению первого в Сибири японоведческого центра способствовали определённые предпосылки и факторы. Новосибирск, в отличие от Томска, Иркутска и других крупных сибирских центров, не имел многовековой истории и старых университетов. Но уже в первой половине XX в. этот город вырос до экономического и административного центра Сибири, стал самым большим на востоке России. После окончания Великой Отечественной войны Новосибирск, будучи крупнейшим промышленным и важным научно-образовательным центром на востоке Советского Союза, был вовлечен в сотрудничество с зарубежными странами. В конце 1950-х гг. в Новосибирске началось создание Сибирского отделения Академии наук (СО АН) СССР и был основан университет. Знакомство и сотрудничество с ведущим и самым популярным в СССР региональным академическим центром стало крайне привлекательным для иностранцев. После разрыва отношений с Китайской Народной Республикой в 1960-х гг. Япония фактически стала самым востребованным партнером Советского Союза на Дальнем Востоке, с ней активно развивались связи, как в сфере экономики, так и в сфере науки, культуры и образования. Не случайно Новосибирск, будучи промышленным и научным центром Сибири, был вовлечен в сотрудничество с одной из самых технологически развитых стран мира — Японией.

Целью нашей работы является восстановление исторической картины развития японоведения в Новосибирске во второй половине XX в., рассмотрение проблем, связанных с развитием японоведческого образования в этом городе.

История новосибирского японоведения до настоящего времени изучена недостаточно. В последние годы этот вопрос был затронут в работах по разным проблемам. Например, музыковед М. Ю. Дубровская осветила исторический опыт создания и работы Центра японской музыкальной культуры при Новосибирской консерватории [Дубровская 2020]. До настоящего времени вышла лишь одна работа, специально посвященная проблемам японоведения в Новосибирске. Лидер современного новосибирского японоведения Е. Э. Войтишек в своей статье кратко представила основные этапы становления японоведческого образования в Новосибирском государственном университете. Она отметила, что в 1969 г. началась история «преподавания студентам гуманитарного факультета китайского и японского языков в качестве иностранного... На протяжении последующих десятилетий преподавание в основном осуществлялось известным филологом-японоведом, проф. О. П. Фроловой» [Войтишек 2015, с. 145]. Однако большая часть указанной статьи «Японоведение в Новосибирске» была посвящена проблемам современного востоковедного образования и развития кафедры востоковедения НГУ.

Для восстановления исторической картины новосибирского японоведения мы обратились к документам и материалам, хранящимся в фондах новосибирских архивов. В Государственном архиве Новосибирской области (ГАО), в фонде «Новосибирский государственный университет», имеется «Личное дело. Фролова Ольга Павловна (профессор кафедры общего языкознания). 01 февраля 1968 — 03 ноября 1997»¹. В этом фонде хранятся также Протоколы ГЭКа гуманитарного факультета², рабочие учебные планы гуманитарного факультета НГУ. Таким образом, в фонде «НГУ» ГАО имеются документы, отражающие развитие японоведения в НГУ в 1970-х–1990-х гг. Кроме того, в фондах Государственного архива Новосибирской области и Новосибирского городского архива (НГА) хранятся документы, отражающие связи и сотрудничество Новосибирска с Японией. Можно отме-

¹ ГАО. Ф. Р-1848. Оп.2. Д. 1124, 1125.

² ГАО. Ф. Р-1848. Оп. 5. Д. 772.

тить фонды «Комитет по международному сотрудничеству мэрии г. Новосибирска»³, «Комитет по внешнеэкономическим и межрегиональным связям администрации Новосибирской области»⁴ и др. Кроме того, в качестве источников были привлечены материалы периодической печати и труды новосибирских японоведов.

Сотрудничество Новосибирска с Японией начало активно развиваться в 1960-х гг. Уже в начале этого десятилетия были установлены связи между японским посольством и властями города Новосибирска. В телеграмме, полученной в Новосибирском горисполкоме из Москвы за подписью «Посол Японии Ямада», говорилось: «По случаю пребывания в СССР японской экономической делегации посол Японии в СССР Хисанари Ямада просит следующих господ новосибирского горисполкома пожаловать на прием 20-го августа, понедельник 1962 г., в 18.00 час., в посольстве Японии...»⁵. В ноябре 1968 г. в Новосибирск с трёхдневным визитом приезжала делегация посольства Японии в СССР во главе с послом Накагава Тору. В письме японского посла Т. Накагава на имя председателя Горисполкома Новосибирска И. П. Севастьянова от 27 ноября 1968 г. говорилось: «Я очень благодарен Вам за гостеприимство, оказанное мне во время моего пребывания в городе Новосибирске. Благодаря усилиям заинтересованных лиц Вашего города мы смогли успешно провести кинофестиваль... У меня осталось сильное впечатление от посещений Дома Ученых, научной библиотеки и завода имени Ефремова»⁶.

Препятствием для развития советско-японского сотрудничества в Сибири в 1960-х гг. было почти полное отсутствие специалистов-японоведов. И здесь огромную роль сыграла реэмигрантка из Харбина О. П. Фролова, очевидно, единственная из имевших высшее образование жителей Новосибирска, владевшая японским языком. О. П. Фролова, в девичестве Черных, родилась в Маньчжурии и училась в японских школах в Шаньхайгуане и Харбине. В интервью, данном газете «Наука в Сибири», она так описала свое «вхождение в японистику»: «в 6 лет пошла учиться в японскую гимназию, где была единственной русской девочкой. Восемь лет проучилась там...»⁷.

³ НГА. Ф. 703.

⁴ ГАНО. Ф. Р-2196.

⁵ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2274. Л. 19.

⁶ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2274. Л. 28.

⁷ Наука в Сибири. 2010. № 30-31. 5 августа. С. 5.

Переехав в 1954 г. в СССР, в 1955 г. она поступила на факультет иностранных языков Новосибирского государственного педагогического института, который успешно окончила в 1960 г. Правда, в Харбинском политехе О. П. Фролова изучала китайский язык, а в НГПИ получила специальность «преподаватель английского и немецкого языков». Но благодаря тому, что в детстве она училась в японских школах, О. П. Фролова продолжала работать и с языком японским. Устроившись в 1961 г. в качестве младшего научного сотрудника Института цитологии и генетики СО АН СССР, она, вероятно, занималась переводами с японского языка. По крайней мере, шесть сотрудников этого института осенью 1968 г. ездили в Токио на XII международный генетический конгресс⁸. Японцы в это время также посещали Новосибирск. Например, в начале 1967 г. в столицу Сибири приезжали артисты японской эстрады⁹.

Здесь необходимо отметить, что пример О. П. Фроловой не был уникальным, а скорее типичным для восточных районов России второй половины XX в. Подобный случай имел место в Свердловске, когда резидент из Китая Б. А. Караев, владевший японским языком, приехав из Китая и получив высшее образование в Советском Союзе, оказался единственным переводчиком японского языка в городе и стал первым преподавателем японского языка в местном университете [Кузьмин 2013].

Отсутствие японоведческой базы в столице Сибири создавало трудности для переводчиков, и новосибирский японист обратилась за помощью к послу Японии Ямада Хисанари. О. П. Фролова вспоминала: «В 1966 году состоялся визит посла Японии господина Ямада, а поскольку я была единственным человеком, учившим когда-то японский, меня пригласили в качестве переводчика. Правда, к тому времени я не говорила по-японски уже 17 лет и основательно подзабыла язык, и господин Ямада это заметил. Он отметил правильность моего произношения и сказал: «Чувствуется, что язык вы знаете, но грамматику, наверное, забыли. Ничего страшного, нужно немного позаниматься, и всё будет хорошо». Я ответила, что с радостью бы позанималась, но у меня нет учебной литературы, всё отобрали на границе. Он пообещал помочь и свое обещание сдержал — прислал

⁸ За науку в Сибири. 1968. № 47. 3 декабря. С. 8.

⁹ ГАНО. Ф. Р-2190. Оп. 1. Д. 8775 Л. 1.

учебники, словари, пластинки»¹⁰. Действительно, в 1966 г. в Новосибирск приезжала большая японская делегация, правда документов, подтверждающих приезд в ее составе посла Ямада Хисанари, нам найти не удалось. В документах о пребывании делегации в Новосибирске среди сопровождающих ее ответственных лиц фамилия О. П. Фроловой не встречается.

Говоря о предпосылках становления японоведения в Новосибирске, необходимо отметить, что в 1960-х гг. в Новосибирском университете активно развивались монголоведение и маньчжуристика. Студенты изучали восточные языки, в том числе и маньчжурский, писали научные работы, защищали дипломы. Но на рубеже 1960-х-1970-х гг. XX в. обновился профессорско-преподавательский состав гуманитарного факультета НГУ, изменился вектор развития новосибирского востоковедения. В 1968 г. оставил по состоянию здоровья должность декана факультета член-корреспондент АН СССР В. А. Аврорин. В 1970 г. гуманитарный факультет возглавил будущий организатор и энтузиаст развития востоковедения в НГУ И. А. Молетотов.

В начале 1968 г. на кафедру общего языкознания была принята китаевед и японист О. П. Фролова. В начале 1969 г. впервые для студентов гуманитарного факультета был организован факультатив китайского языка. В интервью О. П. Фроловой говорится: «Я стала первым преподавателем вначале китайского, а затем и японского языков»¹¹.

Введение восточных языков в НГУ было обусловлено, в первую очередь, необходимостью удовлетворения потребностей развития научно-исследовательских институтов СО АН СССР. В статье профессора К. А. Тимофеева «Наука и языкознание», опубликованной в конце 1970 г. в газете «За науку в Сибири», говорилось: «Возможности дальнейшего развития отделения языкознания определяются в первую очередь тем, в какой мере отделение сможет удовлетворить насущные потребности школы... и научных учреждений... Перспективным, на наш взгляд, представляется... также подготовка студентов по восточным языкам (в первую очередь по китайскому и японскому)»¹².

Декан гуманитарного факультета И. А. Молетотов в своих воспоминаниях дал следующую картину рождения японоведческого обра-

¹⁰ Наука в Сибири. 2010. № 30-31. 5 августа. С. 5.

¹¹ Наука в Сибири. 2010. № 30-31. 5 августа. С. 5.

¹² За науку в Сибири. 1970. 9 декабря.

зования в НГУ: «Будучи секретарем парткома, мне довелось принимать японскую делегацию. Переводчиком у них была О. П. Фролова. Я решил обратиться к ней за помощью в организации такого направления для ребят, желающих изучать восточный язык»¹³.

Говоря о становлении японоведения в Новосибирске, и роли в этом процессе О. П. Фроловой, необходимо отметить, что она занялась японским языкознанием еще до введения преподавания японского языка в университете. Уже в 1970 г. в сборнике научных статей, вышедшем в НГУ, была напечатана первая ее японоведческая статья «Об основных способах образования научно-технических терминов в современном японском языке» [Фролова 1970]. На следующий год О. П. Фролова представила на конференции в Новосибирске доклад «Некоторые способы выражения и отрицания в японской терминологической лексике» [Фролова 1971]. В 1971 г. она опубликовала в журнале «Сибирские огни» свои переводы стихов из книги японского поэта Ямамото Кадзуо «Вместе с тенью»¹⁴.

Первая группа студентов, которая наряду с западными и классическими языками, стала изучать японский язык, была набрана в Новосибирском государственном университете в 1971 г. На это указывают сохранившиеся в университетском архиве рабочие учебные планы. Кроме того, в опубликованной в газете «За науку в Сибири» заметке старшего преподавателя кафедры общего языкознания НГУ О. П. Фроловой говорилось: «В сентябре 1971 г. на гуманитарном факультете НГУ была организована группа японского языка. В настоящее время в ней обучается 8 студентов. Создание такой группы было вызвано тем, что у нас в Сибири за последнее время повышается интерес к своему 100-миллионному дальневосточному соседу. Не исключение в этом отношении и Новосибирский Академгородок, где в последние 4 года постоянно бывают японские ученые. Во все библиотеки Сибирского отделения поступает японская научная литература и, естественно, возникает потребность в ее переводе...»¹⁵.

Новосибирские востоковеды указывают: «Для студентов был разработан комплекс основных и специальных курсов в рамках существовавших тогда специальностей (история, филология), а с середины 1970-х гг. фактически уже велась научная специализация по востоко-

¹³ Академ-инфо <https://academ.info/news/7097>

¹⁴ Сибирские огни. 1971. № 6. С. 119–121.

¹⁵ За науку в Сибири. 1972. 28 июня.

ведению» [Комиссаров, Войтишек, Ожогин 2010, с. 162]. Японский язык не был основным предметом для студентов, объемы изучения японского языка и развитие специализации шли постепенно. В рабочих учебных планах за 1984/85 уч. год сохранилась выписка из решения методической комиссии гуманитарного факультета об изменениях в учебном плане специальности «История СССР», где указано, что студентов, специализирующихся по истории Японии, освободили от прослушивания курса «История Сибири». Тогда же методическая комиссия факультета приняла решение увеличить для студентов 3-го курса, специализирующихся по истории Японии, число часов японского языка до 8 в неделю в течение всего года.

О. П. Фролова стала первым и тогда единственным преподавателем японского языка в Новосибирске. В ноябре 1971 г. в НГУ она была переведена из ассистентов-преподавателей на должность старшего преподавателя. В 1978 г. О. П. Фролова защитила кандидатскую диссертацию в Институте востоковедения АН СССР, а в 1981 г. ей было присвоено ученое звание доцента¹⁶.

Постановка преподавания японского языка в тех условиях требовала больших усилий и поисков нестандартных решений. О. П. Фролова вспоминала: «Не знаю, как бы я смогла преподавать японский язык, если бы не учебники, присланные господином Ямадой. Сделала копии с них (на это нужно было получить разрешение в 1-м отделе), раздала первым восьми студенткам и таким образом начала преподавать»¹⁷. Знакомиться с азами японской культуры русским девушкам помогала жившая в Академгородке японка, которую называли Ёко-сан. Позднее японский язык и японоведческие предметы в НГУ стали преподавать выпускники университета, ученики О. П. Фроловой. В 1970-х–1980-х гг. О. П. Фролова подготовила и издала в НГУ несколько учебных пособий для студентов-японистов: «Фразеология современного японского языка» [Фролова 1979], «Вопросы научно-технического перевода с японского языка на русский» [Фролова 1984], а также программы и методические пособия [Фролова 1988b].

Преподавание японского языка в НГУ опиралось на научные исследования преподавателей и студентов. Отражением успешной научной

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 5. Д. 722. Л. 26.

¹⁷ Наука в Сибири. 2010. № 30-31. 5 августа. С. 5.

деятельности японистов стали выступления на конференциях и научные публикации. В 1973 г. была опубликована статья О. П. Фроловой «К вопросу о фразеологообразовании в японском языке» [Фролова 1973]. В 1987 г. новосибирский японист приняла участие в работе Международной конференции японоведов социалистических стран в Институте востоковедения АН СССР в Москве. Кроме того, О. П. Фролова неоднократно участвовала в работе конференций, проходивших в Институте языкознания АН СССР.

Становление японоведческого образования шло благодаря развивавшимся связям СО АН СССР и Новосибирска с Японией. Летом 1974 г. Академгородок посетила делегация Национального совета губернаторов Японии во главе с губернатором префектуры Нагано Нисидзава Гонъитиро. В заметке «Гости из Японии» говорилось: «Члены делегации были приняты председателем исполкома Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся В. А. Филатовым. Гости побывали на заводе имени Ефремова, ознакомились с деятельностью СО АН СССР, посетили Институт геологии и геофизики, геологический музей СО АН СССР»¹⁸. Весной 1977 г. Новосибирск посетили артисты японского театра живых кукол «Хикоссэн»¹⁹. В 1979 г. в Академгородок приезжала делегация, в составе которой были профессор Токийского и других японских университетов²⁰.

В 1974 г. О. П. Фролова впервые поехала в Японию со своим мужем. Старший научный сотрудник Института горного дела СО АН СССР Б. А. Фролов, будучи в отпуске воспользовался приглашением профессора Ямамура Рэйдзио. Новосибирцы провели в Японии больше месяца. Сама О. П. Фролова дала новосибирской газете большое интервью о поездке в Японию, но при этом не коснулась вопросов японоведения в НГУ²¹. В конце 1978 г. О. П. Фролова второй раз поехала в Японию, но уже в длительную командировку в качестве переводчика. Начиная с 1990 г. доцент кафедры общего языкознания О. П. Фролова ездила в командировки в Японию почти каждый год.

В 1980-х гг. связи между Новосибирском и Японией активизировались. Мэр Саппоро Т. Итагаки неоднократно приглашал председателя

¹⁸ Советская Сибирь. 1974. № 195. 21 августа. С. 1.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-2190. Оп. 1. Д. 9211, Л. 1.

²⁰ ГАНО Ф. Р-1675. Оп. 1. Д. 1257. Л. 8.

²¹ За науку в Сибири. 1974. 12 ноября.

Новосибирского горисполкома к участию в конференции северных городов²². В августе 1985 г. сам Т. Итагаки с супругой и в сопровождении двух чиновников посетили Новосибирск, он встретился с руководством города и общественностью. По возвращении домой «мэр Итагаки отметил, что во время указанных бесед был достигнут ряд договоренностей, направленных на установление дружественных связей между двумя городами. В качестве возможных первых шагов в этом направлении мэр назвал обмен стажерами между Саппоровским и Новосибирским университетами, а также обмен делегациями и тургруппами...»²³. 13 июня 1990 г. председатель горисполкома Новосибирска И. И. Индинок подписал с мэром Саппоро Итагаки Такэси договор о побратимстве между Новосибирском и Саппоро. Это событие придало новый импульс развитию советско-японских отношений на региональном уровне. Делегации Новосибирска и Новосибирской области стали регулярно выезжать в Японию. Члены официальных делегаций Новосибирска в Японии посещали университеты, например, в мае 1988 г. встречались с ректорами Хоккайдо дайгаку и Саппоро дайгаку²⁴.

Важной составляющей новосибирского японоведения было участие студентов в мероприятиях, где они демонстрировали свои умения и навыки исследовательской работы, представляли свои научные достижения. В качестве примера можно привести напечатанное в газете «За науку в Сибири» сообщение о прошедшем 20 ноября 1979 г. в Малом зале Дома ученых Новосибирска «вечере памяти Конрада, подготовленном студентами гуманитарного факультета НГУ под руководством Ольги Павловны Фроловой»²⁵. На этом мероприятии свои доклады представили студенты В. Ожогин (о переписке Н. И. Конрада с А. Тойнби), Т. Долгополова, Т. Заварылина, Т. Кобрина. В газете отмечалось: «Лена Швецова читала наизусть отрывки из повестей... Глубокое впечатление оставил и рассказ Лены Тырышкиной о работе Конрада, связанной с творчеством Ками-но Тёмья [Камо-но Тэмэй — В. Д.], писателя... «Конрад и японский театр» — так называлось выступление Лизы Малининой»²⁶.

²² ГАНО Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 2146.

²³ ГАНО Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 2146. Л. 1.

²⁴ ГАНО Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 2146. Л. 3.

²⁵ За науку в Сибири. 1979. № 49. 29 декабря. С. 7.

²⁶ За науку в Сибири. 1979. № 49. 29 декабря. С. 7.

Японоведение в Новосибирске развивалось в условиях, когда сибирская общественность в подавляющем большинстве не имела представления о японской культуре. В качестве примера ограниченности знаний новосибирцев о японской культуре можно привести статью «"Коннитива" по-японски — "здравствуйте"», напечатанной в главной новосибирской газете осенью 1985 г. Рассказывая о том, как тепло в Японии принимали артистов Сузунского народного хора, автор статьи писала: «были моменты, когда советские люди особенно остро чувствовали значимость своей поездки. Испытывали они и другие ощущения. В одном из городов увидели надгробную плиту с фашистской свастикой, а на ней — живые цветы. Вряд ли тот, кто положил их, приветственно махал автобусу с надписью на ветровом стекле: «Новосибирский ансамбль». С такими, к счастью, встретиться не пришлось»²⁷. Автор, к сожалению, не знал, что увидел не фашистскую (правостороннюю) свастику, а свастику левостороннюю — благопожелательный буддийский символ.

Студенты НГУ писали и защищали дипломные работы по истории и литературе Японии. В 1970-х–1980-х гг. были защищены работы по таким темам: «Докерамические комплексы Сахалина и Хоккайдо», «Достоевский в литературном процессе Японии. Функционирование и периодизация», «Толстой в Японии», «Драматургия А. П. Чехова в Японии (в историко-культурном контексте новой японской драмы сингэки)», «И. С. Тургенев в Японии» и др. Будущий известный буддолог и тибетолог М. Н. Кожевникова в 1983 г. защитила дипломную работу «Русская романтическая поэзия в Японии. Проблема восприятия и перевода (японские переводы поэм А. С. Пушкина "Цыганы" и М. Ю. Лермонтова "Мцыри")». В том же году будущий известный новосибирский востоковед В. И. Ожогин защитил диплом «Проблемы философско-художественного влияния творческого наследия Льва Толстого на японскую литературу». Студенты также успешно защищали дипломы по японскому языкознанию. В качестве примера можно привести такие работы: «Описание зооморфных характеристик современного японского языка (с привлечением русских параллелей)» (Т. Ю. Долгополова (Сыренко), 1980), «Функции формы на -у японского глагола в свете основных положений общего языкознания» (Н. В. Кутафьева), «Подлежащие конструкции в японском языке»

²⁷ Советская Сибирь. 1985. № 232. 7 октября. С. 4.

(И. Г. Андреева, 1982), «Сравнительные конструкции в современном японском языке» (А. А. Битцева), «Временные конструкции современного японского языка» (Е. Г. Мосунова) и др. Большинство работ получили на защите высокую оценку, например Н. В. Кутафьева защитила диплом на «отлично» и получила рекомендацию в аспирантуру. Рецензентами дипломных работ новосибирских японистов выступали известные ученые, не только новосибирцы, но и представители других научных центров. Например, рецензентами работ М. Н. Кожевниковой и В. И. Ожогина были научные сотрудники Института востоковедения АН СССР. Научным руководителем или консультантом почти всех работ, связанных с японоведением, была О. П. Фролова.

Современные новосибирские востоковеды указывают на особенности становления своего научного центра: «В формировании нового центра неоценимую помощь оказали ведущие ученые Москвы и Ленинграда/Санкт-Петербурга. Выступление со спецкурсами и лекциями таких известных ученых, как С. А. Арутюнов, Р. Ф. Итс, П. М. Кожин, А. М. Решетов, Н. А. Симония, В. С. Стариков, М. Ф. Юрьев помогало сибирским студентам приобщиться к новейшим достижениям отечественной и мировой ориенталистики. Студенты-дипломники имели возможность работать в библиотеках главных востоковедных центров страны, проходить там стажировку. Значительная помощь оказывалась специалистами ИВ РАН, ИДВ РАН, СПбГУ при написании, обсуждении и защите диссертационных сочинений. Большое значение имели проводимые ИВ РАН школы молодых востоковедов» [Комиссаров, Войтишек, Ожогин 2010, с. 162].

Выпускники гуманитарного факультета НГУ готовили диссертации по разным направлениям японоведения. В 1988 г. В. И. Ожогин защитил в НГУ диссертацию по философии на тему «Методологический аспект исследования механизма взаимодействия традиций: (На материале освоения философско-художественного наследия Л. Н. Толстого японской культурой)». Выпускница НГУ 1982 г. Е. Е. Малинина (с 1988 г. начала работать на кафедре истории культуры) в 1989 г. защитила в ИВ РАН кандидатскую диссертацию по японскому языкознанию. С 1989 по 1992 гг. под руководством О. П. Фроловой в аспирантуре училась выпускница НГУ и будущий преподаватель японского языка на гуманитарном факультете (с 1995 г.) Н. В. Кутафьева.

В конце 1980-х гг. японоведение в Новосибирске распространилось за пределы НГУ. В 1990 г. в Новосибирске была создана Ассоциация

преподавателей японского языка, которую возглавила О. П. Фролова. Эта общественная организация объединила преподавателей китайского языка из разных вузов и средних школ Новосибирска.

Новый импульс для развития японоведения в Новосибирске был дан установлением побратимства с городом Саппоро. В документе под названием «Информация о работе и перспективах развития внешне-экономической деятельности горисполкома за 1991 год» говорилось: «Саппоровский филиал Хоккайдского госпединститута и Новосибирский госпединститут заключили соглашение об обмене студентами и преподавателями»²⁸.

Японоведческое образование в Новосибирске распространялось не только в университетах, но и в школах. В январе 1990 г. «Советская Сибирь» сообщала: «В этот день в новосибирской школе № 26, что в Калининском районе, звучала японская речь. Ребята звонко и дружно повторяли за своим гостем, студентом из Осака Джумпей Такахаши, самые популярные слова... Джумпей приехал к нам в Сибирь как посланец миротворческой организации «Никогда больше»...»²⁹. Вообще, в последний год существования СССР связи Новосибирска с Японией были тесными и разнообразными. В опубликованной в «Советской Сибири» 3 августа 1991 г. заметке «Здравствуй, Саппоро!» говорилось о визите в столицу Сибири с гастрольями юных музыкантов из Японии. Японские дети встречались со сверстниками, были на приеме у председателя городского Совета, выступали в большом зале консерватории и в Доме ученых Академгородка.

Некоторые итоги развития японоведения в Новосибирске в советской период истории России были представлены в документе «Рецензия из Японии на педагогическую деятельность профессора Фроловой Ольги Павловны», представленном за подписью декана Гуманитарного факультета НГУ Л. Г. Панина. В документе говорилось, что в «статье известного профессора японского языка из Токио Вада Минору... автор рассказывает подробности о педагогической деятельности О. П. Фроловой, где дает высокую оценку ее знаниям японского языка и мастерству преподавания... бесценный опыт О. П. Фроловой продолжили ее многочисленные ученики, которые в настоящее время преподают в НГУ и в более чем 10 школах г. Новосибирска»³⁰.

²⁸ НГА. Ф. 703. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁹ Советская Сибирь. 1990. 7 января.

³⁰ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 5. Д. 722. Л. 30.

Политические катаклизмы и начало нового этапа истории России в 1990-х гг. не привели к разрушению сложившихся связей и сотрудничества Новосибирска с Японией. В 1992 г. на базе бывшего отделения Общества «СССР — Япония» было создано Новосибирское Общество «Россия — Япония». В работе учредительного собрания приняло участие 85 человек, однако среди них не было ни одного из местных японоведов. В уставе Общества было указано, что оно должно содействовать изучению и распространению японского языка в Новосибирске и Новосибирской области³¹.

В интервью начальника отдела международных связей летом 1993 г. говорилось: «мэрия Новосибирска подписала договор с обществом культуры г. Саппоро «Хоккайдо — Россия». В результате строим вместе культурный центр в Новосибирске (в пойме реки Каменки, недалеко от облсовета). Надеемся, что в текущем году он будет возведен»³². На вопрос корреспондента газеты, что власти Новосибирска прежде всего хотят показать японским гостям начальник отдела международных связей В. Л. Сандаков отвечал: «Конечно Академгородок»³³.

В постсоветское время новосибирское японоведение продолжило успешное развитие. В 1995 г. на гуманитарном факультете было открыто «отделение востоковедения со специализацией по истории и двум основным восточным языкам — китайскому и японскому» [Войтишек 2015, с. 145]. В 1990-х гг. в НГУ продолжала успешно и плодотворно работать доцент кафедры общего языкознания О. П. Фролова. Она читала студентам курс «Страноведение Японии» (72 часа) и спецкурсы «Японский научно-технический перевод» (36 часов), «Фразеология японского языка» (36 часов) и «Лексикология современного японского языка» (36 часов)³⁴. В документах было указано, что к 1997 г. она «подготовила более 100 японистов различного профиля по индивидуальным планам и методикам»³⁵. Во второй половине 1990-х гг. на кафедре продолжали выходить учебно-методические пособия по японскому языку [Фролова 1996; Фролова 1997].

³¹ ГАНО. Ф. Р-1852. Оп. 4. Д. 446.

³² Советская Сибирь. 1993. 3 августа.

³³ Советская Сибирь. 1993. 3 августа.

³⁴ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 5. Д. 722. Л. 3-4.

³⁵ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 5. Д. 722. Л. 4.

В представлении к ученому званию профессора в 1997 г. говорилось: «О. П. Фролова — высококвалифицированный специалист в области японского и китайского языков. Она ведет занятия по этим языкам. Читает спецкурсы по литературе и культуре Японии и Китая, японской фразеологии... руководит курсовыми и дипломными работами, аспирантами... Ею подготовлено 150 человек, многие из которых преподают эти языки в вузах и школах, работают переводчиками. В настоящее время О. П. Фролова является зав. секцией восточных языков гуманитарного факультета НГУ... Пять ее работ опубликовано в Японии на японском языке... Под ее руководством ежегодно проходят научно-практические конференции преподавателей японского языка вузов и школ г. Новосибирска»³⁶.

С 1995 г. в должности старшего преподавателя на кафедре археологии и этнографии преподавала студентам японский язык воспитанница НГУ Н. В. Кутафьева. Практические задачи, диктуемые тесными связями с институтами СО РАН, определили выбор научных исследований — проблемы перевода научно-технических текстов [Кутафьева 1997]. С 2001 г. она стала штатным сотрудником на кафедре востоковедения.

В 1990-е гг. продолжали развиваться международные связи новосибирских японистов. В 1993 г. доцент НГУ Р. П. Фролова принимала участие в работе проходившего в 1993 г. в Токио Международного симпозиума по образованию, а также двух конференций по преподаванию иностранных языков в университете Васэда, в 1995 и 1996 гг. В 1996 г. в Японии было издано несколько статей О. П. Фроловой на японском языке о преподавании японского языка в НГУ³⁷.

В январе 1996 г. в Новосибирске был открыт Муниципальный культурный центр (МКЦ) «Сибирь — Хоккайдо», в числе основных направлений работы которого было «дополнительное внешкольное образование (изучение японского языка, культуры, искусства, истории и т. д.)»³⁸. В центре работали несколько преподавателей японского языка. В числе переводчиков «Сибирь — Хоккайдо» следует выделить япониста И. В. Пурик.

На базе МКЦ «Сибирь — Хоккайдо» в конце 1990-х гг. стали регулярно проводиться конкурсы японского языка для студентов

³⁶ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 5. Д. 722. Л. 84.

³⁷ ГАНО. Ф. Р-1848. Оп. 5. Д. 722. Л. 24-25.

³⁸ НГА. Ф. 703. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

и школьников, а также другие мероприятия для японистов. В отчетных документах указывалось: «С 1994 года ежегодно проводится конкурс по японскому языку среди школьников и студентов Новосибирска. Победители конкурса направляются на стажировку в Саппоро и представляют Новосибирск на Всероссийском конкурсе в Москве. Осуществляется сотрудничество с Институтом японского языка г. Саппоро. С 2000 г. победители городского конкурса по японскому языку Новосибирска направляются на летний интенсивный курс в данный Институт... затраты на обучение и дорогу берет на себя институт»³⁹. Летом 2001 г. МКЦ «Сибирь — Хоккайдо» отправил на летний интенсивный курс в международный институт японского языка в г. Саппоро двух человек⁴⁰.

В «Отчете о работе МКЦ «Сибирь — Хоккайдо» за 2001 год», в частности, говорилось: «В течение года продолжалось сотрудничество с ВУЗами города. На базе Центра проводились занятия для студентов ИФ НГПУ, изучающих мировую художественную культуру. Впервые в 2001 году Центр взял на себя ответственность за проведение практики студентов, обучающихся в Сибирском институте международных отношений»⁴¹. Новосибирские японисты принимали у себя японских преподавателей и студентов. В «Отчете о работе МКЦ «Сибирь — Хоккайдо» за 1999 год», в частности, говорилось: «В августе совместно со студентами НГУ принимали делегацию по студенческому обмену из Токио. Студенты провели в МКЦ семинары и дискуссии по проблемам японской экономики, социологии и культуры...»⁴².

В конце 1990-х гг. студенты и преподаватели НГУ были непременными участниками всех событий в Новосибирске, связанных с Японией. Например, в 1999 г., сообщая о приезде в Новосибирск делегации во главе с первым секретарем посольства Японии Ясухи-ро Юкимацу, газета «Советская Сибирь» отмечала: «Сегодня делегация посольства Японии встречается с учеными Академгородка, студентами и преподавателями НГУ»⁴³.

³⁹ НГА. Ф. 703. Оп. 1. Д. 126. Л. 75.

⁴⁰ НГА. Ф. 703. Оп. 1. Д. 78. Л. 20.

⁴¹ НГА. Ф. 703. Оп. 1. Д. 82. Л. 31.

⁴² НГА. Ф. 703. Оп. 1. Д. 82. Л. 3.

⁴³ Советская Сибирь. 1999. № 33. 23 февраля. С. 1.

В конце 1990-х гг. японоведение в НГУ было реорганизовано. В 1999 г. на гуманитарном факультете была открыта кафедра востоковедения, а О. П. Фролова перешла с гуманитарного факультета на факультет иностранных языков. Как пишет ведущий новосибирский японовед Е. Э. Войтишек: «В 1999 г. по инициативе проф. А. С. Зуева, декана гуманитарного факультета в 1998–2003 гг., была создана и кафедра востоковедения, курирующая данное отделение, первым руководителем которой стал канд. филос. наук, доц. В. И. Ожогин. Их совокупными усилиями были заданы все необходимые импульсы для успешного развития востоковедческих исследований в НГУ» [Войтишек, 2015, с. 146].

Отражением выхода новосибирского японоведения на качественно новый уровень стала защита уже в самом городе Новосибирске двух японоведческих диссертаций — «Место интеллектуальных карточных игр в традиционной духовной культуре Японии» (Е. Э. Войтишек, 2002) и «Данмоно: вопросы истории и теории» (Н. И. Чабовская, 2003). Выпускники НГУ успешно защищали диссертации в ведущих научных центрах России и за рубежом. Например, выпускник гуманитарного факультета 1987 г. П. Э. Подалко в 1991 г. уехал в Японию, закончил магистратуру и докторантуру в Осацком университете, где и защитил в 2002 г. докторскую диссертацию на японском языке «Общество русских эмигрантов в районе Хансин в период Тайсё-Сёва». Воспитанник и преподаватель НГУ Н. В. Кутафьева в 2005 г. защитила в Институте востоковедения РАН кандидатскую диссертацию по теме «Типовое строение фразы в японском научно-техническом тексте». С 2002 г. стал выходить ежегодный востоковедческий выпуск журнала «Вестник НГУ». В 2004 г. воспитанник новосибирской японоведческой школы Е. Э. Войтишек возглавила кафедру востоковедения в НГУ.

Таким образом, к концу XX в. в Новосибирске сложилось авторитетная школа японоведов. Воспитанники НГУ смогли организовать высокоэффективную систему подготовки японоведов по разным направлениям. В Новосибирске наряду с японским языкознанием развитие получило изучение археологии, искусства, литературы и культуры Японии. Научные достижения новосибирских японистов получили заслуженное признание во всем мире.

Библиографический список

Войтишек Е. Э., Комиссаров С. А. (2009) Центр востоковедного образования Сибири. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. Том 8, выпуск 4: Востоковедение. С. 3–19.

Войтишек Е. Э. (2015) Японоведение в Новосибирске. В сб.: *Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века* / под редакцией Д. В. Стрельцова. Москва: АИРО-XXI, 2015. С. 145–152

Дацышен В. Г. (2020) Новосибирск и советско-японское сотрудничество во второй половине XX века. *Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока*. — Новосибирск: ИПЦ НГУ. С. 28–36.

Деревянко А. П., Молодин В. И., Ларичев В. Е. и др. (1998) Востоковедение в Новосибирском научном центре. *Бюллетень Общества востоковедов*. Вып. 1. — Москва. С. 58–69.

Дубровская М. Ю. (2020) Центр японской музыкальной культуры» при НГК им. М. И. Глинки и «Хоккайдское общество по международным музыкальным связям»: опыт сотрудничества. *Россия — Япония — КНР — Республика Корея: история, теория, практика и современные перспективы культурного сотрудничества. Сборник материалов Международной конференции*. Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки. С. 5–14.

Комиссаров С. А., Войтишек Е. Э., Ожогин В. И. (2010) Кафедра востоковедения Новосибирского государственного университета. *Восток*. № 4, 162–167.

Кузьменко Н. А. (2020) Роль деятелей культуры в установлении побратимских связей между Новосибирском и Саппоро. *Востоковедение: Материалы 58-й Международной научной студенческой конференции 10–13 апреля 2020 г.* Новосибирск: ИПЦ НГУ. С. 100–101.

Кузьмин В. А. (2013) Старейшему преподавателю японского языка, выпускнику УПИ Б. А. Караеву — 85 лет. *Уральское востоковедение. Международный альманах* Вып. 5. Екатеринбург. С. 212–214.

Кутафьева Н. В. (1997) Способы оформления детерминантов в японском техническом тексте. *Известия Восточного института ДГУ. Япония. Специальный выпуск*. С. 77–84

Фролова О. П. (1970) Об основных способах образования научно-технических терминов в современном японском языке. *Вопросы языка и литературы. Тематический сборник*. Вып. IV. Ч. I. — Новосибирск: НГУ. С. 276–287.

Фролова О. П. (1971) Некоторые способы выражения и отрицания в японской терминологической лексике. *Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов 3-й лингвистической конференции Ч. 1.* — Новосибирск: НГУ. С. 62–63.

Фролова О. П. (1973) К вопросу о фразеологообразовании в японском языке. *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Сборник научных трудов. Вып. II.* — Новосибирск: НГУ. С. 100–103

Фролова О. П. (1979) *Фразеология современного японского языка. Учебное пособие.* — Новосибирск: НГУ.

Фролова О. П. (1980) Название животных и растений в составе фразеологизмов японского языка. *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / Сб. научн. трудов. Вып. IX.* — Новосибирск: НГУ. С. 100–109.

Фролова О. П. (1983) Эмоционально-оценочные существительные в лексике и фразеологии японского языка. *Экспрессивность лексики и фразеологии. Межвузовский сборник научных трудов.* — Новосибирск: НГУ. С. 114–122.

Фролова О. П. (1984) *Вопросы научно-технического перевода с японского языка на русский. Учебное пособие.* — Новосибирск: НГУ.

Фролова О. П. (1985) Системность терминов в японском языке. *Семантика и системность языковых единиц. Межвузовский сборник научных трудов.* — Новосибирск: НГУ. С. 153–160.

Фролова О. П. (1988а) Ономатопозитические слова японского языка в функции экспрессивной характеристики человека и их системные связи. *Системные отношения на разных уровнях языка. Межвузовский сборник научных трудов.* — Новосибирск: НГУ. С. 65–70.

Фролова О. П. (1988b) *Программа общего курса японского языка как иностранного.* — Новосибирск: НГУ.

Фролова О. П. (1991) Цветовые обозначения в японском языке. *Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Межвузовский сборник научных трудов.* — Новосибирск: НГУ. С. 71–87.

Фролова О. П. (1996) *Ономатопозитические слова в современном японском языке (методические рекомендации).* Новосибирск: НГУ.

Фролова О. П. (1997) *Японский речевой этикет (лингвистический аспект). Учебно-методическое пособие.* — Новосибирск: НГУ, 1997.

Фролова О. П. (1998) Преподавание восточных языков в НГУ. Актуальные проблемы преподавания языков в вузе. — Новосибирск: НГУ. С. 54–58.

References

Datsyshen, V. G. (2020). Novosibirsk i sovetско-yaponskoe sotrudnichestvo vo vtoroi polovine XX veka [Novosibirsk and Soviet-Japanese Cooperation in the Second Half of the 20th Century]. In *Aktual'nye voprosy izucheniya istorii, mezhdunarodnykh otnoshenii i kul'tur stran Vostoka: materialy konferentsii* [Current Issues of the Study of History, International Relations, and Culture of Oriental Countries: Proceedings of the Conference] (pp. 28–36). Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Derevyanko, A. P., Molodin, V. I., Larichev, V. E., et al. (1998). Vostokovedenie v Novosibirskom nauchnom tsentre [Oriental Studies in the Novosibirsk Academic Center]. In *Byulleten' Obshchestva vostokovedov* [Bulletin of the Society of Oriental Studies Scholars] (Is. 1, pp. 58–69). Moscow. (In Russian).

Dubrovskaya, M. Yu. (2020). «Tsentr yaponskoi muzykal'noi kul'tury» pri NGK im. M. I. Glinki i «Khokkaidskoe obshchestvo po mezhdunarodnym muzykal'nym svyazyam»: opyt sotrudnichestva [Center of Japanese Musical Culture at the M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory and the Hokkaido Society for International Musical Connections: Experience of Cooperation]. In *Rossiia — Yaponiya — KNR — Respublika Koreya: istoriya, teoriya, praktika i sovremennye perspektivy kul'turnogo sotrudnichestva. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferentsii* [Russia — Japan — PRC — Republic of Korea: History, Theory, Practice, and Current Prospects of Cultural Cooperation / International Conference Proceedings] (pp. 5–14). Novosibirsk: Novosibirskaya gosudarstvennaya konservatoriya im. M. I. Glinki [M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory]. (In Russian).

Frolova, O. P. (1970). Ob osnovnykh sposobakh obrazovaniya nauchno-tekhnicheskikh terminov v sovremennom yaponskom yazyke [On the Key Ways of Forming Scientific and Technical Terms in the Contemporary Japanese Language]. In *Voprosy yazyka i literatury. Tematicheskii sbornik* (Is. 4, Part 1, pp. 276–287). Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1971). Nekotorye sposoby vyrazheniya i otritsaniya v yaponskoi terminologicheskoi leksike [Some Ways of Expression and Negation in Japanese Terminological Vocabulary]. In *Aktual'nye problemy leksikologii. Tezisy dokladov 3-i lingvisticheskoi konferentsii* [Current Issues of Lexicology. Abstracts of the 3rd Linguistic Conference] (Part 1, pp. 62–63). Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1973). K voprosu o frazeologobrazovanii v yaponskom yazyke [On the Issue of Phraseology Formation in the Japanese Language]. In *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh trudov* [Current Issues of Lexicology and Word Formation. Collection of Academic Words] (Issue 2, pp. 100–103). Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1979). *Frazeologiya sovremennogo yaponskogo yazyka. Uchebnoe posobie* [Phraseology of Contemporary Japanese Language. Teaching Material]. Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1980). Nazvanie zhivotnykh i rastenii v sostave frazeologizmov yaponskogo yazyka [Names of Animals and Plants in the Phraseology of Japanese Language]. In *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh trudov* [Current Issues of Lexicology and Word Formation. Collection of Academic Words] (Issue 9, pp. 100–109). Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1983). Emotsional'no-otsenochnye sushchestvitel'nye v leksike i frazeologii yaponskogo yazyka [Emotional and Evaluative Nouns in the Vocabulary and Phraseology of Japanese Language]. In *Ekspressivnost' leksiki i frazeologii. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Expressiveness of Vocabulary and Phraseology. Inter-University Collection of Academic Works] (pp. 114–122). Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1984). *Voprosy nauchno-tekhnicheskogo perevoda s yaponskogo yazyka na russkii. Uchebnoe posobie* [Issues of Scientific and Technical Translation from Japanese Language Into Russian]. Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1985). Sistemnost' terminov v yaponskom yazyke [Systematicity of Terms in Japanese Language]. In *Semantika i sistemnost' yazykovykh edinit. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Semantics and Systematicity of Language Units. Inter-University Collection of Academic Works] (pp. 153–160). Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1988a). Onomatopoeicheskie slova yaponskogo yazyka v funktsii ekspressivnoi kharakteristiki cheloveka i ikh sistemnye svyazi [Onomatopoeic Words of Japanese Language in the Function of Expressive Characteristics of a Person and Their Systemic Connections]. In *Sistemnye otnosheniya na raznykh urovnyakh yazyka. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Systemic Relations on Different Levels of Language. Inter-University Collection of Academic Works] (pp. 65–70). Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1988b). Programma obshhego kursa yaponskogo yazyka kak inostrannogo [Program of the General Course of Japanese Language as a Foreign Language]. Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1991). Tsvetooboznacheniya v yaponskom yazyke [Color Naming in the Japanese Language]. In *Yazykovye kategorii v leksikologii I sintaksise. Mezhhuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Language Categories in Lexicology and Syntax. Inter-University Collection of Academic Works] (pp. 71–87). Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1996). *Onomatopoeicheskie slova v sovremennom yaponskom yazyke (metodicheskie rekomendatsii)* [Onomatopoeic Words in Contemporary Japanese Language (Methodic Recommendations)]. Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1997). *Yaponskii rechevoi etiket (lingvisticheskii aspekt) / Uchebno-metodicheskoe posobie* [Japanese Language Etiquette (Linguistic Aspect) / Teaching and Methodical Guidelines]. Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Frolova, O. P. (1998). *Prepodavanie vostochnykh yazykov v NGU* [Teaching Oriental Languages at the NSU]. In *Aktual'nye problemy prepodavaniya inostrannykh yazykov v vuze* [Current Issues of Teaching Foreign Languages at University] (pp. 54–58). Novosibirsk: NSU. (In Russian).

Komissarov, S. A., Voitishchek, E. E., Ozhogin, V. I. (2010). Kafedra vostoovedeniya Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta [Department of Oriental Studies of the Novosibirsk State University]. *Vostok (Oriens)*, 4, 162–167. (In Russian).

Kutaf'eva, N. V. (1997). Sposoby oformleniya determinantov v yaponskom tekhnicheskome tekste [Ways of Arrangement of Determinants in Japanese Technical Texts]. In *Izvestiya Vostochnogo instituta DGU. Yaponiya. Special'nyi vypusk* [Proceedings of the FEFU Oriental Institute. Japan. Special Issue] (pp. 77–84). (In Russian).

Kuz'menko, N. A. (2020). Rol' deyatelei kul'tury v ustanovlenii pobratimskikh svyazei mezhdu Novosibirskom i Sapporo [The Role of Workers of Culture in the Establishment of Sister City Relations Between Novosibirsk and Sapporo]. In *Vostokovedenie: Materialy 58-i Mezhdunarodnoy nauchnoy studencheskoy konferentsii 10–13 aprelya 2020 g.* [Oriental Studies: Proceedings of the 58th International Student Conference, April 10–13, 2020] (pp. 100–101). Novosibirsk: IPCz NGU. (In Russian).

Kuz'min, V. A. (2013). Stareishemu prepodavatelyu yaponskogo yazyka, vypuskniku UPI B. A. Karaevu — 85 let [The Oldest Teacher of

Japanese Language, Graduate of UPI B. A. Karaev Turns 85]. In *Ural'skoe vostokovedenie. Mezhdunarodnyi al'manakh* [Ural Oriental Studies. International Almanac] (Is. 5, pp. 212–214). Ekaterinburg. (In Russian).

Voitishek, E. E., Komissarov, S. A. (2009). Tsentр vostokovednogo obrazovaniya Sibiri [Center of Oriental Studies Education in Siberia]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [NSU Bulletin. Series: History, Philology], 8 (4: Vostokovedenie [Oriental Studies]), 3–19. (In Russian).

Voitishek, E. E. (2015). Yaponovedenie v Novosibirske [Japanese Studies in Novosibirsk]. In D. V. Streltsov (ed.), *Sovremennoe rossiiskoe yaponovedenie: oglyadyvayas' na put' dlinoyu v chetvert' veka* [Contemporary Russian Japanese Studies: Looking Back to the Way a Quarter Century Long] (pp. 145–152). Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Ольга Павлова Фролова. Автор фото Н. Новиков.
(Харбин. 1990. Октябрь. № 2. С. 3).

Новое в деле Зорге: взгляд из России (2017–2022)

А. Е. Куланов, А. Б. Шарова

Аннотация

В связи с истечением сроков засекречивания ряда материалов, имеющих отношение к деятельности советских спецслужб в годы Второй мировой войны, а также по причине высокого общественного интереса конкретно к «делу Зорге» в последние 5 лет военным историком д.и.н. М. А. Алексеевым в научный оборот введено большое количество ранее неизвестных документов, представляющих исключительно высокий интерес для исследователей. В частности, впервые опубликованы материалы, дающие окончательные ответы на вопросы о том, являлся ли Зорге двойным агентом, что послужило истинной причиной провала нелегальной резидентуры советской военной разведки в Японии в 1941 г., а также многие другие важные документальные свидетельства деятельности советских спецслужб в этой стране.

Кроме этого, в свет вышла книга «Другой Зорге. История Исии Ханако», в которой авторы настоящей статьи проанализировали воспоминания японской жены Зорге — Исии Ханако. Ее мемуары дают возможность по-новому взглянуть на личность Рихарда Зорге, на его цели в изучении Японии и подходы к этому вопросу, составить более личное и в то же время объективное представление о его характере. В совокупности с рассекреченным в 2020 г. делом «Особой папки» ЦК КПСС об увековечивании памяти Рихарда Зорге, эти материалы впервые позволяют также в полной мере оценить масштаб усилий Исии Ханако по сохранению памяти о Зорге в Японии в период с 1945 по 1964 гг.

В период 2017–2022 гг. в Японии был опубликован ряд новых материалов, посвященных данному делу и раскрывающих степень информированности по нему не только правительства и правоохранительных органов этой страны, но и лично императора, а также разделение полномочий спецслужб при осуществлении ликвидации резидентуры Зорге.

Ключевые слова: Рихард Зорге, Исии Ханако, советская разведка в Японии.

Авторы:

Куланов Александр Евгеньевич, лаборант-исследователь, Центр японских исследований Института востоковедения РАН (Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12).

E-mail: kodzin@mail.ru

Шарова Анна Борисовна, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6).

E-mail: anchyk90@yandex.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

New Aspects of “The Case of Richard Sorge”. View From Modern Russia (2017–2022)

A. E. Kulanov, A. B. Sharova

Abstract

Due to the expiration of a number of previously classified materials related to the activities of the Soviet special services during the Second World War, and also due to the especially high public interest to “the case of Richard Sorge” within the last 5 years, a military historian and Doctor of Historical Sciences Mikhail A. Alekseev introduced a large number of previously unknown Russian-language documents on this case into scientific circulation. These documents are of exceptionally high interest to researchers. For example, it is the first time the published materials definitively answer questions on whether Sorge was a double agent, whether he reported to Moscow the exact date of the attack of Nazi Germany on the Soviet Union, and also what the real reason for the failure of the network of Soviet military intelligence in Japan in 1941 was.

Soon after that, the authors of this article for the first time made a complete translation of the memoirs of Ishii Hanako, Sorge’s Japanese wife, which were analyzed in detail and commented on by the authors of the book *Another Sorge*.

The Story of Ishii Hanako. The memoirs of Ishii Hanako give a chance to take a fresh look at Richard Sorge's personality, his goals in studying Japan and his approaches to this issue, to form a more personal and, at the same time, objective picture of his character. Together with the case of the "Special Folder" of the Central Committee of the CPSU on perpetuating the memory of Richard Sorge, declassified in 2020, for the first time in history, these materials allow to fully estimate Ishii Hanako's effort to preserve the memory of Sorge in Japan during the period from 1945 to 1964. By comparing the memoirs, the documents of the Soviet side, and by carrying out the research and analytical work, the authors have reached a new level of understanding of "the case of Richard Sorge".

In addition, a number of new materials devoted to the same case and revealing the level of awareness of not only the government and law enforcement agencies of this country, but also the emperor himself, as well as the division of powers of special services in the liquidation of Sorge's intelligence network were published in Japan within the period of 2017–2022. However, for a number of reasons, in Russia, these documents remain poorly studied.

Key words: Richard Sorge, Ishii Hanako, Soviet intelligence in Japan.

Authors:

Kulanov Aleksandr E., research assistant, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 103031).
E-mail: kodzin@mail.ru

Sharova Anna B., assistant of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198).

ORCHID: 0000-0003-1072-9041

E-mail: anchyk90@yandex.ru

Conflict of interest

The authors declare the absence of the conflict of interest.

Несмотря на то, что со дня казни (7 ноября 1944 г.) выдающегося советского разведчика, журналиста и востоковеда Рихарда Зорге минуло уже 78 лет, интерес к его делу продолжает сохраняться не только среди многочисленных любителей шпионских саг, но и профессиональных историков. Последние не довольствуются перечитыванием уже известных материалов, а пытаются вести работу в области так называемого «зоргеведения» — многолетних, разной

степени кропотливости, направленности и активности исследований по делу Зорге, открывая всё новые и новые материалы, несмотря на возникающие трудности объективного характера. Так, например, в 2019 г. были опубликованы документы японской полиции относительно изменений в Законе об общественной безопасности, сделанные в мае 1941 г. в ожидании скорой войны, и представляющие несомненный интерес в свете нашей темы [Zoruge jiken shiryō shūsei 2019, p. 32–37]. Не менее важными представляются опубликованные тогда же материалы о докладе министра юстиции Ювамура Митиё по делу Зорге на имя императора Японии от 13 мая 1942 г., в котором четко говорилось о том, что германский журналист Рихард Зорге являлся сотрудником советской военной разведки, а Одзаки Хоцуми долгое время являлся советником кабинета министров Японии. Однако в сделанном 16 мая того же года заявлении газеты «Асахи» говорилось лишь об аресте неких «разведчиков Коминтерна», а Одзаки был обозначен как «сотрудник Южно-Маньчжурской железной дороги» [Shōwa Tennō jitsuroku 2019, p. 712]. Все это — очень важные и, видимо, не единственные материалы японской стороны, которые помогут еще лучше разобраться в деле советского разведчика, внесенного в Японии в список 100 людей, повлиявших на историю этой страны в XX веке.

К сожалению, в конце 2019 г. руководство японского Общества изучения дела Одзаки-Зорге¹ обратилось к своим членам с сообщением о прекращении работы после примерно полувекового существования, выпуска 50 письменных бюллетеней с публикацией докладов на соответствующую тему и проведения 10 симпозиумов в разных странах мира. Причиной самоликвидации был назван возраст большинства организации и, прежде всего, руководства, переваливший в среднем за 75 лет. Решение случайно совпало по времени с начавшейся в мире пандемией ковид-19, и до самого последнего времени не ожидалось никаких перемен в этой области. Однако, 7 ноября 2022 г. в годовщину казни Зорге, в Токио прошел симпозиум возрожденно-го Общества Одзаки-Зорге, на котором было заявлено, что с новым

¹ В японском дискурсе «дело Зорге» традиционно именуется «делом Одзаки-Зорге». На первое место ставится изучение судьбы и мировоззрения ближайшего помощника Рихарда Зорге японского журналиста и политолога Одзаки Хоцуми, что непривычно для российского читателя, но логично для японцев, прежде всего интересующихся изучением биографии своего соотечественника.

обновленным руководством оно намерено вернуться к исследованиям в области «зоргеведения» в полном объеме, включая проведение международных мероприятий, т. ч. с участием российской стороны.

К сожалению, одной из главных проблем «зоргеведения» вообще и японского, в частности, является крайне слабое коммуницирование с иностранными коллегами, что связано и с языковым барьером, и с некоторыми иными сложностями, включая узость круга «зоргеведов». В связи с этим, например, японским исследователям сразу после выхода на Западе стала известна книга британского журналиста Оуэна Мэтьюза «Безупречный шпион» [Matthews 2019], опубликованная на английском языке, но невостребованными остаются большинство публикаций на ту же тему, с завидным постоянством выходящие на русском языке. В итоге может складываться не вполне корректная картина исследований по делу Зорге: в России практически ничего не знают о продвижении в этой деятельности японских коллег, а те, в свою очередь, лишь фрагментарно ознакомлены с российскими работами, и лишь материалы, выходящие на английском языке, становятся общим достоянием.

Кроме того, из-за уже упомянутой узости круга «зоргеведов» и желания некоторых авторов транслировать свое видение вопроса в зависимости от конъюнктуры, серьезной проблемой на протяжении десятилетий остается активное мифотворчество при освещении биографии Зорге. Так, в опубликованной в Японии в марте 2021 г. статье известного советолога, профессора университета Такусёку Нагоси Кэнро под названием «Бюсты Зорге воздвигают один за другим. Администрация Путина стремится восстановить честь великого шпиона»² совершенно серьезно сообщалось о том, что в России сегодня наблюдается настоящий бум Зорге, и российские власти якобы используют это в качестве инструмента пропаганды в противостоянии с оппозицией. В качестве основного довода для такого умозаключения профессор Нагоси использовал обилие бюстов Зорге в России (авторам настоящей статьи удалось насчитать семь таковых по всей стране, причем, как минимум, два из них открыты на внутришкольных территориях) и присвоение в 2016 г. имени Зорге недавно открытой станции Московского центрального кольца железной дороги. Там

² Nagoshi Kenro. Zoruge no kyōzō o zokuzoku to konryū ano ōmono supai no meiyō kaifuku o isogu pūchin seiken no omowaku. 12.03.2021. *President online*. <https://president.jp/articles/-/44047?page=1>

же, где доводов для обоснования вывода явно не хватало, японский автор, которого недостаточно глубоко знакомый с темой читатель может принять за серьезного исследователя, с легкостью их выдумал, приписывая, в частности, одному из авторов настоящей статьи высказывания и цитаты, которые ему не принадлежат. Например, «Куланов [в книге “Зорге. Неудобный”] пишет о том, что Зорге “подвергал жестокой критике вредную и безответственную систему управления в советской разведке”» или «Александр Куланов... сказал на “круглом столе” на российском канале “Культура” в прошлом году: “В России... секретные документы о Зорге раскрываются один за другим, и его популярность стремительно растет”». Достаточно прочитать книгу, на которую ссылается Нагоси [Куланов 2018], и пересмотреть передачу, доступную в интернете³, чтобы убедиться, что эти слова — выдумка японского автора.

Подобного рода публикации выглядят особенно печально в связи с тем, что в последние пять лет в России появилось значительное количество новых материалов, в том числе вводящих в научный оборот множество важных, ранее неизвестных документов. Значительная их часть ранее хранилась под грифами разной степени секретности. Теперь они находятся в свободном доступе, что само по себе опровергает любимый многими авторами тезис о том, что в деле Зорге слишком много документов засекречено, и это не дает возможность объективно подойти к его изучению. В действительности же проблема заключается не в отсутствии документов — опубликованных уже достаточно для того, чтобы реконструировать большую часть его судьбы и особенности работы Зорге (в качестве и журналиста, и разведчика), а в нежелании эти документы изучать. Следует отметить, что наиболее значительный вклад в публикацию ранее неизвестных материалов по делу Зорге в последние пять лет внес историк военной разведки, доктор исторических наук, профессор М. А. Алексеев.

Работы М. А. Алексеева

После выхода в 2010 г. книги «“Ваш Рамзай“. Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930–1933 гг.» [Алексеев 2010], с неожиданной полнотой раскрывающей до той поры неизвестные

³ Наблюдатель. Рихард Зорге. Новая шпиономания. Эфир 11.11.2020. <https://www.youtube.com/watch?v=D2VaXBe1NFs>

и неизученные страницы биографии Зорге, относящиеся к его работе в шанхайской нелегальной резидентуре IV Управления Штаба РККА, М. А. Алексеевым были выпущены еще две книги, продолжающие, развивающие и углубляющие его предыдущее исследование. В 2017 г. были опубликованы два тома о японском периоде работы разведчика: «“Верный Вам Рамзай“. Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1933-1938 годы» [Алексеев 2017a] и «“Верный Вам Рамзай“. Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1939–1941 годы» [Алексеев 2017b].

Первый том содержит 863 страницы, в т. ч. 670 ссылок, несколько десятков биографических справок на сотрудников разведки и японоведов, имена и судьбы многих из которых ранее не были известны вообще или известны лишь фрагментарно. Фактически, даже только справочный раздел открывает неизвестную доселе страницу советского военного японоведения, и не только военного. Например, работавший в послевоенный период в Институте востоковедения АН СССР доктор исторических наук выдающийся японовед В. М. Константинов до сих пор был известен прежде всего как переводчик и исследователь материалов, посвященных путешествию Дайкокуя Кодаю в Россию. Теперь же мы располагаем сведениями и о его деятельности в качестве военного разведчика и одного из кураторов группы Зорге, что позволяет надеяться в будущем более полно восстановить биографию замечательного востоковеда.

Второй том, освещающий события последнего и наиболее напряженного этапа работы резидентуры «Рамзая»–«Инсона» в Токио в 1939–1941 гг., включает еще 687 страниц, в т. ч. 925 ссылок на документы, среди которых значительный объем занимают материалы, посвященные репрессиям в органах военной разведки и в РККА в целом, включая многостраничные протоколы допросов, дающие достаточно полную и внятную картину тяжелой обстановки, царившей тогда в советских спецслужбах и конкретно на японском направлении. В том числе, эти документы позволяют ясно понять один из самых сложных и непрерывно обсуждаемых моментов в биографии Зорге: отношения к нему и его донесениям из Токио со стороны советского военного руководства — от непосредственных кураторов в Разведупре до наркома обороны и Верховного Главнокомандующего — И. В. Сталина.

Опубликованные М. А. Алексеевым документы снимают многие спорные ранее вопросы. Широко распространена, например, вер-

сия о том, что, присвоив в мае 1941 г. токийскому резиденту новый позывной — «Инсон» на смену «Рамзай», под которым Зорге работал с 1930 г., Москва стремилась показать изменение своего отношения к агенту и передаваемой им информации [Георгиев 2000, с. 73]. Однако документы свидетельствуют, что в апреле-июне 1941 г. 5-е Управление Красной армии (так в тот период называлась военная разведка) проводило очередную масштабную организационную реформу. В ее ходе были сменены едва ли не все рабочие псевдонимы легальных и нелегальных разведчиков за рубежом. Все разведчики в Токио получили новые псевдонимы, начинающиеся на «И». Так, военный атташе Советского Союза в Японии, возглавлявший легальную резидентуру 5-го Управления, полковник И. В. Гущенко стал «Икаром», радист нелегальной резидентуры Макс Клаузен из «Фрица» превратился в «Изопа», основной японский источник Зорге — Одзаки Хоцуми был переименован из «Отто» в «Инвеста», а сам «Рамзай» стал «Инсоном» [Алексеев 2017b, с. 387].

Чрезвычайно высокая насыщенность документами всего трехтомника М. А. Алексеева делают эту публикацию не только самой полной, но и самой важной работой о Зорге. Причем под документами имеются в виду не только многочисленные телеграммы и шифрограммы из Москвы в Шанхай и Токио и обратно, часть из которых была опубликована прежде, но и целые пласты материалов, ранее вообще неизвестных исследователям. Так, например, в значительной мере в книгах раскрывается финансовое обеспечение резидентур Зорге в Китае и Японии. Это важно не только само по себе, но и позволяет проследить динамику отношения Центра к «Рамзаю», ибо каждое колебание этого отношения — от недоверия к расположению и обратно — немедленно отражалось в денежном эквиваленте. Если Зорге верили, то он и его резидентура получали финансирование в запрашиваемых объемах (что происходило крайне редко), если нет — поток наличности немедленно сокращался, заставляя разведчиков буквально изыскивать средства существования. Учитывая же, что в трехтомнике приведены документы не только эпохи работы Зорге на военную разведку, но и частично времен его службы в Коминтерне, в т. ч. в Отделе международных связей (фактически, всемирной коммунистической разведке), а там в отношении финансирования существовали точно такие же правила, то становится понятно, насколько сложно приходилось нашим разведчикам, если им по

какой-то причине не верили в Центре. Это в свою очередь приводило к некачественной работе некоторых резидентов, готовых сообщать любую информацию, включая просто выдуманную ими, лишь бы это устраивало Москву.

Одним из главных достоинств книги М. А. Алексеева является также возможность проследить особенности отношения к Зорге и его работе в Японии со стороны руководства советской военной разведки, вызванные сталинскими репрессиями 1937–1941 гг. М. А. Алексеев приводит не только материалы того периода, позволяющие наблюдать изменение этого отношения после каждой волны арестов в разведке, но коррелировать эти события со значительно более поздними (середины 1960-х гг.) показаниями тех, кто выжил во время чисток. Таким образом, создается значительно более объективное представление о происходивших вокруг деятельности нелегальной токийской резидентуры событиях.

С данной темой непосредственно связаны еще два вопроса, которые постоянно муссируются в связи с «делом Зорге»:

1. Являлся ли «Рамзай» двойным шпионом, работающим не только на СССР, но и на Германию?

2. Почему провалилась резидентура Зорге, и кто в этом виноват?

Давая ответ на первый вопрос, автор представляет множество документов, самыми важными из которых являются две шифрограммы, направленные в адрес Зорге заместителем начальника военной разведки А. Х. Артузовым 25 июля 1936 г. Вот отрывки из них: «И Кота, и друзей [военный атташе посольства Германии в Японии полковник Ойген Отт и сотрудники посольства — А. К, А. Ш.] Вы и Густав [разведчик Гюнтер Штайн, работавший в тот период с Зорге — А. К., А. Ш.] можете снабжать всевозможными статьями и прогнозами касательно положения в Ваших краях. И чем добросовестнее и аккуратнее Вы будете это делать, тем прочнее Вы свяжетесь с ними. Не дублируйте только полностью работы. А то может случиться, что Кот поделится с друзьями и обнаружится, что “ласковый теленок двух маток сосет”. Могут получиться неприятные осложнения» [Алексеев 2017а, с. 433]. И в тот же день во втором письме: «Помните, что самой основной Вашей задачей продолжает оставаться — сохранение и укрепление исключительных отношений, созданных Вами с Котом, наиболее глубокое вращение в немецкие круги, которые в моменты наиболее тяжелой обстановки окажутся Вашими единственными

источниками информации исключительной важности и обеспечат в то же время наиболее надежную для Вас крышу. Эту важнейшую и решающую задачу Вы всегда должны иметь перед собой» [Алексеев 2017а, с. 435]. Весь абзац в письме был подчеркнут самим А. Х. Артузовым.

Таким образом, руководство советской военной разведки дальновидно настаивало на глубоком внедрении Зорге в круги германского посольства в Токио в качестве специалиста по вопросам, связанным с политикой, экономикой и даже, как мы увидим далее, культурой Японии. При этом важно иметь в виду не только предостережение Артузова о необходимости делиться с немцами информацией крайне аккуратно, но и понимание того факта, что никаких интересных сведений секретного характера о Советском Союзе Зорге в Берлин передать не мог, даже если бы вдруг захотел — он такими сведениями просто не обладал. Когда же в ходе репрессий и Артузов, и другие его коллеги были арестованы, им предъявили бездоказательные обвинения в шпионаже (в том числе, в пользу Германии), и под пытками они назвали в числе своих «сообщников» практически всех известных им коллег, включая резидента в Токио — «Рамзая». Это стало официальным поводом для обвинения Зорге в работе на германскую разведку, которое, к сожалению, муссируется неосведомленными авторами по сей день.

Что касается второго вопроса — о причинах провала резидентуры Зорге в Токио и установлении виновных в этом, то М. А. Алексеев также приводит много ранее неизвестных документов. Они свидетельствуют, что основой для взятия советских разведчиков под жесткий контрразведывательный контроль со стороны японских спецслужб послужил вывод Зорге и Клаузена в декабре 1939 г. на прямую связь с сотрудниками легальной резидентуры, т. е. военного атташата полпредства СССР в Японии. За последними изначально было установлено непрерывное наружное наблюдение со стороны целого набора японских спецслужб: военной жандармерии кэмпэйтэй, полиции, иностранного отдела МВД Японии. Алексеев приводит в связи с этим мнение генерал-лейтенанта Службы внешней разведки РФ в отставке С. А. Кондрашова, в 1964 г. явившегося одним из авторов секретного тогда документа — Заключения по архивным материалам в отношении Рихарда Зорге: «Основной причиной провала резидентуры Р. Зорге явилась безответственная и порочная система руководства

резидентуры со стороны бывшего командования Разведуправления РККА, вытекавшая из сложившейся в период культа личности необоснованной оценки Зорге как японо-германского шпиона и дезинформатора» [Алексеев 2017а, с. 594].

Таким образом, следует особо отметить работы М. А. Алексеева, которые можно считать основой для развития «зоргеведения» не только на сегодняшний день, но и на долгие годы вперед, поскольку в них сосредоточен огромный массив информации, в том числе ранее неизвестной и рассекреченной специально для указанных публикаций.

«Другой Зорге» Исии Ханакو и материалы РГАНИ

В 2020 г. МИД РФ официально объявил о переуступке прав на могилу Рихарда Зорге на токийском кладбище Тама посольству Российской Федерации в Японии. Ранее эти права принадлежали наследницам племянницы Исии Ханако, которую в отечественной прессе принято было называть «японской женой Зорге». В то же время ее роль в биографии знаменитого разведчика либо игнорировалась вообще, либо, что особенно характерно для западных, а в последние годы и для некоторых российских авторов, ей приписывались не имеющие никакой связи с реальностью поступки, включая отношения с японской полицией. Существовавшая двойственная ситуация в отношении к Исии Ханако выглядела тем более странно, что захоронение Зорге в Тама было устроено исключительно по ее инициативе и ее личными усилиями в 1949 г. (напомним, что в СССР Зорге признан советским разведчиком лишь в 1964 г.), и в том же склепе захоронены останки самой Исии, скончавшейся в июле 2000 г. Таким образом, российское посольство получило права не только на захоронение Рихарда Зорге, но и на ее могилу, и теперь официально будет ухаживать и за ней. Возможно ли было бы такое, если бы эта японская женщина действительно была бы виновницей в гибели советской резидентуры? Конечно, в истории случается всякое, но думается, что упоминавшаяся выше работа М. А. Алексеева полностью снимает с Исии все обвинения. Удивительным тем не менее остается замалчивание ее роли в «Деле Зорге-Одзаки».

Особенно странной сложившаяся ситуация выглядит в связи с тем, что начиная с августа 1964 г. Исии дала десятки интервью советским,

а затем российским средствам массовой информации, в которых весьма подробно, со свойственными ее характеру прямоотой и откровенностью рассказывала и о Зорге, и о себе, и о событиях, которые свели их вместе. До этого времени, в период с 1949 по 1964 гг., она была не менее активна и в общении с японской прессой, а в случае возникновения интереса к теме, и с представителями СМИ других стран. Более того, Исии Ханакэ написала три небольшие книги воспоминаний о деле Зорге и своей судьбе. Они объединены в итоге в общее издание под названием «Нингэн Дзоргугэ», что можно перевести как «Зорге как человек». Последняя публикация трехтомника состоялась в 2003 г. [Ishii 2003, p. 364], что, вероятно, было связано с выходом на японские экраны двухсерийного художественного фильма режиссера Синода Масахиро «Шпион Зорге». Однако книга Исии никогда не переводилась с японского на какой-либо иной язык, хотя попытки перевода ее отдельных небольших фрагментов предпринимались.

Сама Исии Ханакэ при жизни надеялась, что ее мемуары будут переведены на английский, немецкий и — обязательно — на русский языки, и рассматривала русский перевод как дань памяти Рихарду Зорге, родившемуся в Российской империи и служившему Советскому Союзу. Это желание так и не исполнилось при ее жизни, а затем оказалось поздно: наследницы Исии не предоставили разрешения на публикацию рукописи в полном объеме. Тем не менее, авторами настоящей статьи недавно был выполнен полный перевод книги Исии Ханакэ и произведена его обработка. В результате в 2021 г. московское издательство «Молодая гвардия», где неоднократно выходили работы отечественных авторов о Зорге, включая неоднократные публикации его биографии в серии «Жизнь замечательных людей», как дань памяти выпустило новую книгу под названием «Другой Зорге. История Исии Ханакэ» [Делоне, Куланов 2021]. В ней выделяются несколько блоков вопросов.

Обращение к мемуарам Исии Ханакэ дало возможность глубже понять многие аспекты, связанные не только с сугубо личным отношением японской женщины к своему возлюбленному (что, безусловно, само по себе представляет интерес), но и восстановить общую картину работы и приватной жизни разведчика в Японии в 1936–1941 гг. (Рихард и Ханакэ познакомились и расстались навсегда в один день — 4 октября, в день рождения Зорге, но с разницей в 5 лет). Стали ясны некоторые, в том числе глубоко личные, аспекты их взаимоотноше-

ний, по неизвестной причине до сих пор замалчиваемые авторами произведений о Зорге. Следует учитывать, например, работу Ханако в качестве хостес. Понимание специфики этой японской профессии многое объясняет в отношениях этой женщины с Зорге, но только на первый взгляд они выглядят связью обычной хостес с обычным клиентом. Важность мемуаров Исии Ханако заключается, в том числе, в возможности проследить динамику этих отношений, со временем превращающихся из, если так можно выразиться, деловых, в настоящую романтическую связь, а затем в искреннюю и чистую любовь.

Ханако рассказывает о скрытом от посторонних глаз образе жизни человека, которого она до последнего момента искренне принимала за немецкого журналиста. Некоторые отрывки из этой части книги переводились и ранее — например, описание дома Зорге или типичного распорядка его рабочего дня [Георгиев 2000, с. 111], но никогда — полностью. Предпринимались отдельные попытки и воспроизвести на русском языке общение Рихарда и Ханако на японском⁴. При этом текст перевода подвергался значительной литературной обработке, что создавало совершенно неверное представление о блестящем владении Зорге японским языком, а, значит, о его рабочих возможностях как журналиста и разведчика⁵. В реальности же японский язык Зорге был далек от совершенства. Так, для пожилой горничной Зорге смысл его диалогов с Ханако оставался зачастую непонятен.

Своеобразное отношение Зорге к японскому языку, которое, пожалуй, можно назвать небрежным (Ханако пишет, что, достигнув определенного уровня, Рихард полностью потерял интерес к его изучению), резко контрастирует с интересом Зорге к Японии вообще. Не только к политике и экономике, что естественно, учитывая род его занятий, но и к истории и культуре этой страны.

Широко известно, что после ареста в доме Зорге обнаружили от 800 до 1000 книг — в основном, на европейских языках о Японии. Исии Ханако вспоминала, что испытала настоящее замешательство, когда Зорге спросил ее, читала ли она *«Кодзики»* («Записи о деяниях древности», произведение VIII в.), и принялся расхваливать роман *«Гэндзи моногатари»* («Повесть о Гэндзи», XI в.), о существовании

⁴ Овчинников В.В. Чем Рихард Зорге притягивал людей. *Российская газета*. 13.07.2007. <https://rg.ru/2007/07/13/zorge.html>.

⁵ Климов Д. «Разведчик Зорге» гонится за «матрицей». *BBC*. http://news.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_3007000/3007540.stm.

которого девушка на тот момент не имела ни малейшего понятия [Ishii 2003, p. 26]. Примерно такая же ситуация складывалась и в отношении знакомства Зорге с японской изобразительной культурой: «Когда у Зорге находилось свободное время, и он был дома, он читал, рассматривал коллекции укиё-э, открывал энциклопедию по истории японской культуры, занимался даже изучением музыки гагаку» [Ishii 2003, p. 74]. Это может показаться незначительным штрихом к личности японоведа-любителя, но, если вдуматься, он является чрезвычайно важным для понимания особенностей разведывательной работы Зорге. Дело в том, что большую часть периода командировки «Рамзая» в Токио (с 1933 по 1938 гг.) немецкую дипломатическую миссию в Японии возглавлял посол Герберт фон Дирксен — поклонник и блестящий знаток японского традиционного искусства, говоривший, что «по-настоящему утонченное или, иначе говоря, “сдержанное”, классическое искусство Японии приходилось усиленно изучать, совмещая эту страсть с привязанностью к самой стране» [Дирксен 2001, с. 127]. У себя на родине фон Дирксен завоевал признание востоковедов и был избран президентом германского *Общества восточно-азиатского искусства*, а Зорге оказался одним из немногих людей, кто мог поговорить с ним об этом искусстве едва ли не на равных, что позволяло советскому разведчику упрочивать позиции в посольстве, выполнять указания Центра.

Воспоминания Исии Ханako были написаны без оглядки на исторические события и обстановку тех лет. Так, мимолетное упоминание Ханako о полете Зорге в Маньчжурию в мае 1939 г. — как раз в начале советско-японского конфликта на реке Халхин-Гол и о привезенных оттуда безделушках, вкупе с упоминанием о личном знакомстве с женой Чан Кайши, позволяет восстановить еще одну малоизвестную страницу работы Зорге в Китае, и таких примеров в книге множество.

Особенно интересным представляется сопоставление дат воспоминаний с известными нам фрагментами рабочей переписки Центра и «Рамзая». Читая, например, в воспоминаниях о единственном совместном отпуске, всего в несколько дней продолжительностью, который Рихард и Ханako провели вместе в курортном городке Атами в конце 1936 г., мы узнаем, что их поездка туда 12 декабря был внезапной. Для Ханako причины внезапности так и остались неизвестны, но мы, исходя из переписки Зорге с Москвой, можем с высокой степенью вероятности предполагать, что таким образом он отмечал окончание

чрезвычайно важной разведывательной операции по информированию Москвы о шагах Японии и Германии к заключению Анτικο-минтерновского пакта, подписанного 25 ноября. Начальник военной разведки С. П. Урицкий представил тогда Зорге и Клаузена к награждению орденами (руководство страны эту инициативу не поддержало), а Зорге устроил себе отпуск — единственный за 6 лет [Делоне, Куланов 2021, с. 75, 81–82].

Несмотря на то, что в различных изданиях процедура приведения в исполнение смертного приговора для Зорге и Одзаки уже неоднократно описана, благодаря рассказу Ханако о встрече со свидетелем казни — бывшим прокурором Токийского городского суда Юда Тамон, раскрывается причина выбора дня казни Зорге — 7 ноября 1944 г. По поводу того, почему был выбран именно этот день, также высказано немало версий, но вот что засвидетельствовал участник событий:

«— 7 ноября — это день Октябрьской революции, он специально был выбран? — решила уточнить я сведения, прежде прочитанные мной в интервью с Юда.

— Будет неправдой сказать, что никакого умысла в этом не было. Мы подумали, что действительно этот день подходит для того, чтобы стать последним в его жизни, поэтому выбор этой даты, возможно, нес еще значение своего рода сострадания к Пути война. Ну и кроме того, казнь необходимо было привести в исполнение в течение пяти дней, и так как 8 число оказывалось последним, то решили это сделать 7 числа. Более того, воздушные налеты к тому времени стали очень мощными, и существовало опасение, что в случае отсрочки мы не сможем привести казнь в исполнение, — случайно выболтав истинное положение дел на тот момент, он добавил:

— В тот день, как и сегодня, стояла хорошая погода, и помню, в тот вечер тоже был воздушный налет» [Делоне, Куланов 2021, с. 336].

Важная оговорка Юда относительно необходимости проведения казни в течение 5 дней свидетельствует о том, что окончательное решение было принято 2 или 3 ноября 1944 г. Это означает крах популярной версии о том, что еще 6 ноября Япония пыталась вести переговоры с Советским Союзом об обмене Зорге⁶. Судьба разведчика

⁶ Рощупкин В. Неизвестный Зорге — часть III. *Военно-промышленный курьер*. <https://vpk-news.ru/articles/50562>

к тому времени уже была решена, и японцы ждали только дня без американских бомбежек, чтобы поскорее повесить Одзаки и Зорге.

Наконец, чрезвычайно важным в связи с распространяющимися в социальных сетях фейковыми сообщениями о том, что прах казненного Зорге нашли американские разведчики (!) и с воинскими почестями (!) перезахоронили на кладбище Тама, представляется подробнейший, с упоминанием мельчайших деталей, рассказ самой Исии Ханако о том, как она добивалась права узнать, где был похоронен Зорге после казни. Она подробно пишет, как настойчиво мешали ей японские власти и представители американского оккупационного командования в проведении эксгумации, и как счастливый случай в лице зрителя кладбища Дзосигая в последний момент помог ей найти захоронение возлюбленного — задержись она еще немного, и его прах был бы развеян по ветру. Останки Зорге, извлеченные из общей могилы 16 ноября 1949 г. и перенесенные в ящик, «напоминающий ящик для фруктов», были кремированы Исии в тот же день, но перезахоронить прах было негде, и первую ночь Ханако провела в обнимку с нагретшейся от только что сожженного праха урной. Еще год ушел у Исии Ханако на то, чтобы продажей в журналы воспоминаний о Зорге заработать на место для его могилы, и только 8 ноября 1950 г. он обрел вечный покой на кладбище Тама.

Изучение воспоминаний Исии Ханако позволяет раскрыть личности многих людей, которых она в своей книге упоминает лишь вскользь, иногда даже не догадываясь об их истинной роли в этой истории. Такова, например, ситуация с Каваи Тэйкити — бывшим субагентом резидентуры, работавшим на Одзаки Хоцуми в Маньчжурии под псевдонимом «Ронин». Каваи арестовывался японской полицией еще в 1930-е гг. в Китае, но сумел увести обвинение в сторону от советской разведки, получил небольшой срок и вторично попал в тюрьму уже во время провала группы в Японии. Несмотря на то, что он героически выдержал все эти злоключения, уже после войны Каваи был завербован американской разведкой и в том числе осуществлял наблюдение за Исии Ханако (о чем та, конечно, понятия не имела) в связи с ее обширными связями в левом движении Японии и попытками установить контакт с советскими властями.

Неоднократные попытки Исии убедить советских представителей обратить внимание на «дело Зорге», к тому времени широко известное в Японии, да и во всем мире (Ханако вспоминает о статьях, кни-

гах и даже художественном фильме, уже снятом о Зорге к тому времени) долгое время не приводили к успеху. Лишь спустя 20 лет после казни, в связи с тем, что вышел в свет новый фильм о Зорге, СССР согласился признать Зорге своим разведчиком, и одной из первых об этом узнала Исии Ханакко. О том, как и почему это произошло, становится понятно из недавно рассекреченного дела из «Особой папки» ЦК КПСС.

Материалы РГАНИ

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) рассекретил «Дело №34-А/2-б/7 Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (ГРУ ГШ ВС СССР) — о Р. Зорге», хранившееся в так называемой «Особой папке ЦК КПСС»⁷. Дело содержит значительный массив документов по истории признания подвига Рихарда Зорге в СССР — начиная с записки, направленной в ЦК главным редактором газеты «Правда» П. А. Сатюковым 1 октября 1964 г.⁸ о готовности опубликовать очерк «Товарищ Рихард Зорге», подготовленный обозревателем газеты В. В. Маевским. Из мемуаров же Исии Ханакко мы узнаем и о состоявшейся перед этим ее встрече с Маевским и их совместной, вместе с корреспондентом «Правды» в Токио В. В. Овчинниковым, поездки на кладбище Тама — это было первое официальное посещение могилы Зорге советскими гражданами. Из текста записки непонятно, когда точно и у кого именно родилась идея о признании подвига Зорге, но Сатюков упоминает, что «фактическая сторона этого вопроса проверена работниками КГБ. Товарищ Семичастный [в то время председатель КГБ при СМ СССР — А. К., А. Ш.] считает целесообразным опубликование материала, особенно в связи с тем, что в ближайшее время на экраны советских кинотеатров выйдет французский фильм о Зорге».

Из дела понятно также, что записке Сатюкова предшествовал сбор материалов не только по линии КГБ: 12 сентября 1964 г. Отдел административных органов и Международный отдел ЦК поддержали «предложение Министерства обороны СССР»⁹. Судя по всему, речь

⁷ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47.

⁸ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 1.

⁹ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 17.

идет о направленном 10 сентября в адрес секретаря ЦК Л. И. Брежнева, Председателя Комитета партийно-государственного контроля А. Н. Шелепина, Председателя КГБ В. Е. Семичастного и начальника ГРУ П. И. Ивашутина справки Министерства обороны (не рассекречена) и письма бывшего начальника ГРУ маршала Советского Союза Ф. И. Голикова¹⁰. Последний уже тогда предлагал «ускорить написание книги для массового читателя о советской военной разведке», очевидно, используя дело Зорге в качестве удобного повода и основы для публикации, а также «рассмотреть вопрос-предложение о переносе праха Рихарда Зорге в Москву с надлежащими почестями и с установлением памятника на его могиле». Таким образом, появившаяся в российских СМИ зимой 2021–2022 гг. новость о возможном переносе праха Зорге из Японии в Россию и комментарий МИД РФ по этому поводу¹¹ не являются новой идеей.

Что же касается самой справки, то она подписана Министром обороны СССР маршалом Р. Я. Малиновским и, помимо краткого изложения сути подвига Зорге, содержит два интересных пункта¹². Во-первых, это уже тогда задокументированное определение причин провала группы: «...главным образом, вследствие неправильно установленных связей с работниками Советского легального аппарата в Японии», из чего, впрочем, может сложиться неверное представление о том, что инициатива установления таких связей исходила от самого Зорге. Упомянувшиеся выше исследования М. А. Алексеева опровергают такой взгляд. Во-вторых, среди предложений Малиновского значились присвоение Зорге звания Героя Советского Союза, сооружение ему памятника в Москве и присвоение одной из улиц его имени, а также оказание материальной помощи родным и близким разведчика, «оставшимся в живых».

Предложение Голикова о переносе могилы принято не было. ЦК сосредоточился на проблеме награждения самого Зорге и его ближайших сподвижников, что оказалось не самой простой задачей. Только

¹⁰ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 3, 4.

¹¹ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на «правительственном часе» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 26 января 2022 г. https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1795942/

¹² РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 21-22.

формулировка о присвоении Зорге звания Героя Советского Союза пересматривалась трижды. Вот эти варианты:

1. «...за образцовое выполнение специальных заданий в интересах защиты Советского государства и дела социализма, за заслуги в борьбе с фашизмом и угрозой войны и проявленные при этом самоотверженность, стойкость и мужество» — сентябрь 1964 г.¹³;

2. «... за героизм и мужество, проявленные в интересах защиты Советского государства, великого дела социализма и мира» — сентябрь 1964 г.¹⁴;

3. «За активную и успешную разведывательную деятельность накануне и в период Великой Отечественной войны и проявленные при этом мужество и героизм...» — сентябрь 1964 г.¹⁵

4. «За выдающиеся заслуги перед Родиной и проявленные при этом мужество и героизм...» — 5 ноября 1964 г.¹⁶

Интересно, что Исии Ханако, не подозревавшая до осени 1941 г. об истинной цели пребывания Зорге в Японии, никогда — ни в годы войны, ни позже — не соотносила его деятельность с нанесением какого-либо вреда самой Японии. Не раз беседовавшая с ним о политике, она точно знала, что Зорге любил, знал и понимал Японию, искренне восхищался ее историей и культурой, осознавая, что страна переживает, возможно, самый кризисный период за время своего существования. Исии Ханако была убеждена, что главной целью всей жизни Зорге была борьба не против Японии, а за мир, и Токио стал лишь «полем битвы» в этом сражении. Узнав после ареста Зорге, что ее возлюбленный — советский разведчик, она сама для себя определяла смысл его нахождения в Японии практически точно так же, как это было сделано почти четверть века спустя в Москве, во втором варианте формулировки награждения Зорге: «защита Советского государства, великого дела социализма и мира».

В итоге, однако, принята была последняя формулировка, а 14 января 1965 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПСС, часть протокола которого под грифом «СТРОГО СЕКРЕТНО. ОСОБАЯ ПАПКА» была подшита в цитируемое дело. В нем было засекречено решение об оказании единовременной денежной помощи

¹³ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 16.

¹⁴ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 20, 24.

¹⁵ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 37.

¹⁶ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 14, 15.

семье агента Зорге — серба Бранко Вукелича на сумму 10 тысяч рублей, и «японской гражданке Исии Ханако» — 5 тысяч рублей. По тем временам это были серьезные средства, на которые можно было купить две или одну (соответственно) автомашину «Волга». Секретным протоколом Президиума ЦК КПСС от 27 марта 1965 г. определялся тайный способ передачи денег для Исии. Эквивалент 5 тысячам рублей составил 1.991.388 иен и «по соображениям конспирации» был вручен ей через «представителей Советского комитета ветеранов войны и друзей тов. Рихарда Зорге» в качестве компенсации за организацию захоронения останков разведчика и установку памятника на его могиле в Токио¹⁷.

Но главное, конечно заключалось не в сумме помощи и способах ее передачи, а в том, что зимой 1965 г. Исии Ханако фактически была признана выжившим членом семьи Зорге. 7 апреля того же года было принято решение о приглашении Исии Ханако в Советский Союз на лечение (она страдала застарелой формой туберкулеза с многочисленными осложнениями) с отнесением расходов на счет Министерства обороны СССР¹⁸.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что период 2017–2022 гг. стал временем новых важных открытий в деле Зорге, как минимум, с российской стороны. Рассекречен огромный массив информации, основывающийся на материалах архивов Министерства обороны РФ и Российского государственного архива новейшей истории. Это позволило устранить многие имевшиеся ранее лакуны в деле Зорге и взглянуть на это дело всесторонне и значительно более объективно и широко. Этой же цели послужил и анализ воспоминаний о Зорге его «японской жены» Исии Ханако. Ее работа, изначально казавшаяся субъективной и глубоко личной, при проекции на исторический фон и новые полученные сведения о деле Зорге, оказалась чрезвычайно важной для понимания системы работы Зорге как разведчика, принципов его внедрения в германское посольство и глубины изучения Японии. Если ранее, на основе служебных документов, воспоминаний коллег Зорге, его собственных «Тюремных записок» и других материалов мы видели

¹⁷ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 44.

¹⁸ РГАНИ. Ф.3. Оп. 50. Ед. хр. 47. Л. 43.

результат работы разведчика, то теперь в нашем распоряжении имеется взгляд изнутри на то, как он готовился к этой деятельности и как жил в Японии, и это поистине «Другой Зорге».

Библиографический список

Алексеев М. А. (2010) *“Ваш Рамзай”. Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930–1933 гг.* — Москва: Кучково поле.

Алексеев М. А. (2017a) *“Верный Вам Рамзай”. Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1933–1938 годы.* — Москва: Кучково поле.

Алексеев М. А. (2017b) *“Верный Вам Рамзай”. Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии. 1939–1941 годы.* — Москва: Кучково поле.

Георгиев Ю. В. (2000) *Рихард Зорге: исследователь, разведчик, геополитик.* — Москва: Япония сегодня.

Делоне А. Б., Куланов А. Е. (2021) *Другой Зорге. История Исии Ханакко.* — Москва: Молодая гвардия.

Дирксен Г. (2001) *Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики.* — Москва: ОЛМА-ПРЕСС.

Куланов А. Е. (2018) *Зорге. Неудобный.* — Москва: Молодая гвардия.

References

Alekseyev, M. A. (2010). *“Vash Ramzai”. Rikhard Zorge i sovetskaya voyennaya razvedka v Kitaye. 1930–1933 gg.* [“Your Ramsay.” Richard Sorge and Soviet Military Intelligence in China. 1930–1933]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Alekseyev, M. A. (2017a). *“Vernyi Vam Ramzay”. Rikhard Zorge i sovetskaya voyennaya razvedka v Yaponii. 1933–1938 gody.* [“Loyal to You, Ramsay.” Richard Sorge and Soviet Military Intelligence in Japan. 1933–1938]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Alekseyev, M. A. (2017b). *“Vernyy Vam Ramzay”. Rikhard Zorge i sovetskaya voyennaya razvedka v Yaponii. 1939–1941 gody* [“Loyal to You, Ramsay.” Richard Sorge and Soviet Military Intelligence in Japan. 1939–1941]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Delone, A. B., Kulanov, A. E. (2021). *Drugoi Zorge. Istoriya Isii Khanako* [Another Sorge. History of Ishii Hanako]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).

Dirksen, G. (2001). *Moskva, Tokio, London. Dvadsat' let germanskoi vneshnei politiki* [Moscow, Tokyo, London: Twenty Years of German Foreign Policy]. Moscow: Olma-press. (In Russian).

Ishii, Hanako. (2003). *Ningen Zoruge* [Human Sorge]. Tokyo: Kadokawa publishing. (In Japanese).

Georgiyev, Yu. V. (2000). *Rikhard Zorge: issledovatel', razvedchik, geopolitik* [Richard Sorge: Researcher, Spy, Geopolitician]. Moscow: Yaponiya segodnya. (In Russian).

Kulanov, A. E. (2018). *Zorge. Neudobnyi* [Sorge. A Discordant Spy]. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russian).

Matthews O. (2019). *An Impeccable Spy: Richard Sorge, Stalin's Master Agent*. UK: Bloomsbury Publishing.

Shōwa Tennō jitsuroku. (2019). [Showa Emperor Hirohito Fact Record]. Vol. 8. Tokyo: Imperial Household Agency. (In Japanese).

Zoruge jiken shiryō shūsei: Ota Taiizō kankei bunsho. (2019). [Collection of Historical Materials on the Zorge Case: Documents Related to Ota Resistance]. Vol. 1. Tokyo: Fuji shuppan. (In Japanese).

Ежегодник Японии 2022. Т. 51. С. 206—225
Yearbook Japan 2022. Vol. 51, pp. 206—225
DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-206-225

Японо-буддийский канон изображения небесных государей

Ю. Л. Кужель, Т. И. Бреславец

Аннотация

В японо-буддийском каноне небесные государи относятся к четвертому классу буддийских божеств — после будд, бодхисаттв и светлых царей. Они являются наиболее многочисленной группой и обладают разнообразными иконографическими признаками. Скульптуры отличаются сложностью пластических форм, декоративностью и экспрессией. В японской иконографии происходило преобразование буддийских персонажей, их внешний облик трансформировался согласно этническим требованиям, изменялись свойственные им атрибуты, одеяния, позы. Небесные государи, мягкостью ликов напоминавшие бодхисаттв, в Японии были наделены грозными чертами лица. Светскую одежду они сменили на облачение воинов — доспехи, латы. Некоторые другие божества, считавшиеся воинственными, приобрели умиротворенный облик.

Следует выделить четырех небесных государей (*ситэнно*;) как наиболее значительных — Тамонтэн, Дзикокутэн, Дзо:тё:тэн, Ко:мокутэн. В руках они сжимают оружие. Для Ко:мокутэн в борьбе с невежеством оружием служит слово, поэтому в руках он держит свиток-сутру и кисточку. Кроме них, самыми признанными стали Бонтэн, Тайсякутэн, Бисямонтэн. Они обладают большой физической и духовной силой и предстают в величественных позах. Бисямонтэн выступает воином-защитником, но является и божеством, которое одаривает всех милостью. Появились и скульптуры богинь. Воинственная Бэндзайтэн обрела черты женственности, государыня Китидзё:тэн известна как богиня богатства и счастья.

Когорте небесных государей принадлежат также божества-охранители буддийского закона — Сю:конго:дзин и Конго:рикиси. Они как стражи располагаются в нишах храмовых ворот и являются гневными персонажами. Сакральные скульптуры демонстрируют воинственный дух могучим телосложением, мимикой лица, жестами рук и воинскими доспехами. Они

свидетельствуют о непоколебимости вероучения. Статические скульптуры обретали выразительность движения благодаря положению рук, согнутых в локтях, поднятых вверх, лежащих на поясице, и ног, словно танцующих. В статье предлагается рассмотреть художественно наиболее значимые скульптуры, проследить процесс совершенствования стилистических средств ваяния японо-буддийских изображений, раскрыть особенности гротескных произведений с целью расширения знаний о буддийской храмовой скульптуре.

Ключевые слова: буддизм, будда, бодхисаттва, иконография, храмовая скульптура, небесные государи, стражи врат.

Авторы:

Кузель Юрий Леонидович, доктор искусствоведения, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного университета спорта и туризма (125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 43-а).

ORCID: 0000-0002-7908-8978

E-mail: korkyr@yandex.ru

Бреславец Татьяна Иосифовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (690922, Владивосток, Русский остров, Аякс, 10, 20D)

ORCID: 0000-0001-5836-1747

E-mail: breslavets.ti@dvfu.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Japanese Buddhist Canon Depicting Heavenly Sovereigns

Yu. L. Kuzhel, T. I. Breslavets

Abstract

In the Japanese Buddhist canon, the heavenly sovereigns belong to the fourth class of Buddhist deities — after the Buddhas, bodhisattvas, and light kings. They are the largest group. Sculptures are distinguished by the complexity of plastic forms, decorativeness, and expression. In Japanese iconography, the appearance of Buddhist characters was transformed according to ethnic requirements; their

attributes, costumes, and poses changed. The heavenly sovereigns, with soft faces reminiscent of bodhisattvas, were endowed with formidable features in Japan; secular attire was changed to the attire of warriors. Other deities, initially considered warlike, acquired a peaceful appearance.

Four heavenly sovereigns (*shitennō*) should be singled out as the most famous — Tamonten, Jikokuten, Zōchōten, Kōmokuten. They hold weapons in their hands. For Kōmokuten, in his fight against ignorance, the word serves as a weapon, and he holds a scroll-sutra and a brush. In addition to them, Bonten, Taishakuten, Bishamonten became recognized. They have great physical and spiritual strength and appear in majestic poses. Bishamonten acts as a warrior-protector but is also a deity who bestows mercy on everyone. The warrior Benzaiten took on the traits of femininity. Kichijōten is known as the goddess of wealth and happiness.

The cohort of heavenly sovereigns belong to the guardian deities of Buddhist law — Shūkongōjin and Kongōrikishi. They are akin to guards located in the niches of temple gates. Sacred sculptures demonstrate the martial spirit with a powerful physique, facial expressions, hand gestures, military armor. Initially static, the sculptures acquired expressiveness of movement due to the position of arms and legs. The article considers the most artistically significant sculptures to trace the process of improving the stylistic means of sculpting Japanese-Buddhist images, to reveal the features of grotesque works, and to expand knowledge about Buddhist temple sculpture.

Keywords: Buddhism, Buddha, bodhisattva, iconography, temple sculpture, celestial sovereigns, gatekeepers.

Authors:

Kuzhel' Yuriy L., Doctor of Sciences (Art History), Professor, Department of Foreign Languages, Moscow State University for Sports and Tourism
43-a, Kronshtadtsky Boulevard, Moscow, Russian Federation 125499
ORCID: 0000-0002-7908-8978
E-mail: korkyr@yandex.ru

Breslavets Tatiana I., PhD (Philology), Professor, Japanese Studies Department, Oriental Institute — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University
20D, 10, Ayaks, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation 690922
ORCID:0000-0001-5836-1747
E-mail: breslavets.ti@dvfu.ru

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

Введение

Относящиеся после будд, будхисаттв и светлых царей к четвертому классу буддийских божеств, являясь самыми значительными и многочисленными, небесные государи (天 *тэн*, 天部 *тэмбу*, санскр. локапала) наделены разнообразными иконографическими признаками. Они пребывают на небесах, точнее на склонах горы Сумеру, олицетворяющей центр Вселенной, и охраняют стороны света, а также рьяно стоят на страже буддийского Закона, борясь со злом [Трубникова, Бачурин 2009, с. 187]. Среди них много персонажей, непосредственно представляющих небесных государей, в имена которых входит иероглиф 天 «тэн». Пришедшие из индуизма в буддизм, из Индии через Китай в Японию, в японской иконографии некоторые из этих персонажей частично утратили внешнее сходство со своими прародителями и приобрели местные этнические черты, а иногда иную атрибутику и облачения¹.

Японские скульпторы наделили этих представителей буддийского мира силой, мужеством, порой гипертрофированной мощью, проявившихся в передаче натуралистически рельефных торсов, напряженных мышц, вздувшихся вен. Такой облик персонажей придал японской скульптуре дополнительные оттенки, добавив, в соответствии со временем, идеи защиты людей и государства, охраны миропорядка, подвига. Но среди персонажей, относящихся традиционно к небесным государям, есть герои и героини с чувственными добрыми ликами,

¹ Если Идатэн, предводитель войск, бог войны, сын Шивы, в индийской иконографии изображался шестигловым и шестируким (есть и другие варианты) с луком, копьем, знаменем с петухом, верхом на павлине, то в японской версии это красивый юноша, на запястьях двух рук которого, сложенных в молитве 合掌 *гассэ**, лежит меч. На Идатэн яркие, отливающиеся золотом доспехи, перевязанные кушаком с изображением звериной морды, единственный устрашающий элемент (храм Со:фукудзи, зал Гохо:до:, г. Нагасаки) [Yamamoto (ed.) 2013, p. 103, 104–105]. Подобные метаморфозы произошли и с Дайкокутэн. Он первоначально считался воинственным божеством, а в Японии, среди народа, воспринимался как один из богов счастья. Он обрел разнообразную иконографию: изображался толстым добряком с мешком за спиной и молоточком в правой руке, стоящим на мешках с рисом, с капюшоном на голове [Tanaka 2008, p. 132–133]. Но есть и скульптурный вариант в рост, со строгим, но не злобным выражением лица, с мешком, перекинутым через левое плечо (храм Кандзэон, преф. Фукуока, пер. Хэйан, 171.8 см). Известен также трехголовый, но по-прежнему добродушный, улыбающийся толстячок из храма Ко:дайдзи Энтокуин (округ Киото), которого фланкируют Бисямонтэн и Бэндзайтэн — все трое воплощение божеств счастья. Он сидит, поджав ноги, на мешках с рисом [Yamamoto (ed.) 2013, p. 100–101].

обращенные к людям, облаченные не в военное обмундирование, а в светские одеяния.

Усложнился язык скульптуры, обогатились средства художественной выразительности за счет передачи подвижной мимики лица, активной экспрессии поз. Фигуры выстраивались в многоликую свиту, гармонично располагавшуюся вокруг основной святыни, образуя символическую композицию. Привлечение различных исходных материалов, каждый из которых имел свои пластические свойства, способствовало расширению круга божеств, а также их спутников и воинов-стражников.

Скульптуры небесных государей обладают чертами декоративности, картинности, яркости. Таинственность эзотерического буддизма Сингон, распространившегося в Японии в эпоху Хэйан (781–1191), когда были созданы лучшие образцы этих скульптур, способствовала усложнению пластических форм, замысловатости ритмических линий, насыщению одеяний и сопутствующих элементов орнаментальностью, что не могло не вызвать эмоциональный отклик, который усиливала и сама атмосфера храма, где они размещались.

Цель данного исследования состоит в расширении знаний о буддийской храмовой скульптуре, одними из героев которой являются небесные государи. В задачи входит описание и изучение их иконографических особенностей. Отправным материалом послужили работы японских искусствоведов: Мори Хисаси, Сава Такааки, Кумада Юмико, Нисимура Ко:дзо:, Огава Ко:тё: и др. Использовалась система методов, позволившая конкретизировать детали этого вида изобразительного искусства: исторический, сравнительно-типологический, аналитический, иконологический. В статье раскрываются специфические черты японо-буддийских изображений, прослеживаются пути трансформации буддийских божеств в системе новых этнокультурных требований, исторических факторов и эстетических законов, чем определяется новизна исследования.

Из почти тридцати персонажей [Кужель 2018, с. 452], относящихся к классу небесных царей, а также их свите, основные — это четыре небесных государя 四天王 *ситэнно:*, иконография которых обширна и многогранна.

Четыре небесных государя

Четыре небесных государя (Тамонтэн, Дзикокутэн, Дзо:тё:тэн, Ко:мокутэн) были предметом внимания скульпторов с периода Асука (538–710) до конца периода Эдо (1600–1867). Часто для них возводили храмы Ситтэнно:дзи, а постройка самого первого в Нанива (Осака), по преданию, относится к 587 г. Он сооружался в честь победы рода Сога над противником буддизма Мононобэ Мория (убит в 587 г.). Много скульптур ситэнно: было создано по указанию государственного деятеля принца Сё:току Тайси (574–621), возносившего им, защитникам страны, молитвы о победах. Построенные повсеместно храмы 国分寺 *кокубундзи*,² охраняющие покой государства, известны как 四天王護国の寺 *ситэнно:гококу но тэра*.

Лики небесных государей, изначально отличавшиеся мягкостью линий, доброжелательностью и открытостью взглядов, напоминали образы бодхисаттв и рассматривались в качестве божеств, наиболее близких к людям. Но, пройдя путь через Азиатский континент, они в основном утратили прежний облик, отличались манерой изображения лиц и стилем одежды, которая обрела военный крой и стала похожа на одеяние-доспехи.

Небесные цари, сопровождавшие Будду и появлявшиеся в местах его проповеди, ассоциируются с четырьмя сторонами света и, обозначив границы, находят свое место у храмовых ворот, защищая территорию от злых сил, а также в угловых пространствах внутри храма: Дзикокутэн и Тамонтэн — с востока, а Дзо:тё:тэн и Ко:мокутэн — с запада [Kumada 2006, p. 76]. В период Хэйан их сгруппировали вокруг трона 須弥座 *сюмидза*, символизирующего гору Сумеру, на котором помещали основное храмовое божество «истинно-почитаемое» 本尊 *хондзон*.³ В кондо: храма Хо:рю:дзи [Mizuno 1974, p. 96–97] они вместе с триадой Будды Шакьямуни и скульптурой будды-целителя Якуси составляют гармоническую многофигурную группу, способствуя созданию в храмовом пространстве эмоционально значимой объемной композиции (дерево, 650 г., г. Нара).

Скульптуры *ситэнно:* часто вырезались из единого ствола дерева, и это придавало их монументальным позам большую устойчивость,

² Сооружены по указу императора Сё:му (701–756) в 741 г. в 66 провинциях Японии.

³ Скульптура Дзикокутэн помещалась на восточной стороне, Ко:мокутэн — западной, Дзо:тё:тэн — южной, Тамонтэн — северной.

свидетельствуя о непоколебимости убеждений. Сложившийся к тому времени для них особый тип одеяния-доспехов в нижней части костюма напоминает юбку-брюки с задрапированными складками, плечи покрывает «пелерина», а вокруг мощной шеи смоделирован воротстойка. У Тамонтэн (131.2 см) в правой руке находится ступа с красивым навершием, в левой, как и у Дзикокутэн и Дзё:тё:тэн, — пика для борьбы с иноверцами. Ко:мокутэн не столь воинственен в противостоянии варварам, он предпочитает оружием слово, поэтому в руках держит свиток-сутру и кисточку⁴, голова украшена высокой ажурной короной, характерной для бодхисаттв, завершающейся в верхнем сегменте полумесяцем с лежащим шаром (132.7 см). Считается, что у Ко:мокутэн более доброжелательный взгляд, чем у остальных героев, но образ того же персонажа из храма Таимадэра (глина, 217 см. период Асука, г. Нара) решен иначе: его широко открытые глаза сверкают в гневе.

В храме Кандзэондзи (преф. Фукуока) *ситэнно*: выступают в роли предстоящих будды Амида и располагаются впереди справа — Дзикокутэн, справа в глубине — Тамонтэн, там же, но слева — Ко:мокутэн и слева на переднем плане — Дзё:тё:тэн [Yamamoto (ed.) 2013, p. 38–39]. У первого и последнего в левых руках не традиционные пики, а ваджры. Ногами они попирают поверженных, гротескно изображенных демонов, символов языческого невежества.

Созданные в период Нара (710–781) лаковые с раскраской скульптуры *ситэнно*: из храма То:дайдзи (зал Сангацудо:) признаются одними из лучших изображений этих персонажей (363.3 см, 757–764 гг.) [Kobayashi 1975, p. 70–73]. Если вышеупомянутые скульптуры из храма Хо:рю:дзи почти лишены движения, более статичны, а в фигурах из Таимадэра (ранний период Нара, г. Нара) едва намечается тенденция к динамике, то скульптуры тех же персонажей из храма То:дайдзи наполнены экспрессией, о чем свидетельствуют положения рук и ног. Об изменении динамики говорят и скульптуры из храма Дайандзи в префектуре Нара, помещенные на пьедестал, напоминающий скалы, 岩座 *ивадза* (период Нара): Ко:мокутэн, Дзикокутэн и Дзё:тё:тэн изображены с согнутыми в локтях, поднятыми вверх правыми руками, левые лежат на поясницах, а у Ко:мокутэн

⁴ Традиционное изображение небесных государей с атрибутами: Дзикокутэн в левой руке держит меч, у Ко:мокутэн в левой руке — свиток, в правой — кисточка, у Дзё:тё:тэн в левой руке — меч, у Тамонтэн в левой — пика, в правой — ступа.

обе руки согнуты в локтях [Yamamoto (ed.) 2013, p. 40–41]. Фигуры *ситэнно*: из храма Сайдайдзи, г. Нара (765 г.), по замыслу вдохновительницы его строительства императрицы Сё:току (прав. 764–770 гг.), должны были символизировать неминуемую кару, которая падет на врагов трона в лице Фудзивара Накамаро: (706–764 гг.), поднявшего мятеж. Бронзовая отливка статуй после нескольких неудачных попыток завершилась в 767 г. Для придания скульптурам сакральности в них было вмонтировано около трехсот пятидесяти зеркал, что соответствовало китайской традиции⁵, которая чувствуется в нарсских небесных государях.

Хэйанские скульптуры [Yamamoto (ed.) 2013, p. 42–43] Дзо:тё:тэн (152.5 см) и Дзикокутэн (145.5 см) наполнены движением, даже как будто пританцовывают (храм Дзэнсуйдзи, преф. Сига). Позы Ко:мокутэн (150.6 см) и Тамонтэн (145 см) также не статичны. Воинская амуниция, в которой представлены *ситэнно*., удивляет разнообразием: доспехи и латы 甲冑 *каттю*: закрывают грудь, бедра, поясницу, руки, ноги, колени⁶ [Tanaka 2008, p. 123]. Но атрибуты в руках остаются неизменными. Отличительной особенностью костюмов *ситэнно*: являются пояса, украшенные в центре львиной головой. Пламя, вырывающееся из-за спины, в этих скульптурах трансформируется в ореол в виде колеса Закона 輪法光 *ринхо:ко*: с огненными сполохами по ободу. В обширной пластике небесных государей встречается изображение, например, Дзикокутэн с двумя боевыми атрибутами — палицей и мечом [Nishimura, Ogawa 2009, p. 49].

В период Камакура (1192–1333) Дзикокутэн и Дзо:тё:тэн (раскрашенное дерево, 207 см, 203.6 см, скульптор Ко:кэй, 1189 г., храм Ко:фукудзи, г. Нара) изображены в динамике: они не просто держат алебарды, а опираются на них (Рис. 1). Одежания-доспехи едва прикрывают колени, длинные шарфы со спускающимися концами свободно обернуты вокруг талий [Mori 1974, p. 14]. В камакурской пластике *ситэнно*: обрели более воинственные позы и соответствующую боевую амуницию, их черты лица стали отличаться жесткостью линий. У них отсутствуют короны, мандорлы, а волосы уложены в высокие прически 宝髻 *хо:кэй*.

⁵ От храмовых фигур остались только изображения поверженных демонов на пьедесталах.

⁶ Классификация лат и доспехов см.: [Кужель 2018, с. 439–451].

Другие небесные государи

В японо-буддийской иконографии, кроме *ситэнно*., самыми важными признаются Тайсякутэн, Бонтэн⁷ и Бисямонтэн. Согласно индийской легенде, живший, как и все небесные государи, на склонах г. Сумеру, Тайсякутэн, обладал огромной силой, которую ему давал неизменный атрибут — ваджра, ее взмах оказывал влияние на природные явления. В буддизме он противостоял бедам, устранял препятствия, сопровождал Будду во время его странствий. В ростовых скульптурах Тайсякутэн изображался в просторной одежде, характерной для сановных китайцев 唐腹 *карафуку*, под которую надевались кожаные доспехи, свидетельствующие о его предназначении — выполнять роль защитника [Tanaka 2008, p. 120]. Одежания свободного кроя, завершающиеся множеством складок, придавали фигурам объём и значительность. В эзотерической версии Тайсякутэн, как и Бонтэн, обладал множеством ликов и рук, держащих различные атрибуты. У Тайсякутэн и Бонтэн в японском варианте, в отличие от индийских прототипов, обнаруживаются похожие высокие прически *хо:кэй*, обрамленные обручами 天冠台 *тэнкандай*.

В *кондо*: храма То:сё:дайdzi Тайсякутэн и Бонтэн фланкируют будду Дайнити, что свидетельствует об их высоком положении среди других небесных государей (высота соответственно 188 см и 186 см, VIII в., национальные сокровища)⁸. Части их фигур отличаются материалами: дерево (голова, корпус тела), лак (прическа, одежда) [Kobayashi (ed.) 2013, p. 120–121]. Схожесть двух фигур удивительная, но есть и отличия, например, в мудрах: согнутая в локте левая рука Тайсякутэн открытой ладонью направлена вниз, ладонь правой руки смотрит на зрителей, положение рук у Бонтэн зеркально противоположно. Покрой одежаний различается вырезами на груди и складками одежаний.

В *ко:до*: киотоского храма Кё:о:гококудзи представлены изображения Тайсякутэн в величественной позе на белом слоне с согнутой в колене правой ногой и опущенной левой и Бонтэн в позе 半跏趺下 *ханка фумисагэ*, восседающего в лотосовой чаше, установленной на спинах четырех гусей [Sawa 1967, p. 67–81].левой рукой Тайсякутэн упирается в поясницу, правой держит непреременный атрибут — ваджру.

⁷ Другие имена — Дайбонтэн и Макабон.

⁸ Первоначально Бонтэн предстал бодхисаттве Каннон, а Тайсяку — бодхисаттве Конго:сю:.

Скульптуры имеют ряд сходств со своими индийскими прототипами. Бонтэн, как и Тайсякутэн, занимающий особое место в иерархии небесных государей, предстает с четырьмя ликами и таким же количеством рук. При всей схожести есть различие в деталях. Его три руки держат мухогонку, лотос, скипетр, четвертая ладонь повернута к зрителям. На нем классическое одеяние — оплечье 袈裟 *кэса*, оставляющее правую грудь открытой. Бонтэн в буддийском мире отводят роль проводника сокровенных мыслей Будды.

Среди известных работ скульптора Дзё:кэй I два неразлучных в храмах небесных государя — Тайсякутэн (1201 г., Ко:фукудзи) и Бонтэн (Дай Бонтэн, раскрашенное дерево, 166.5 см, 1202 г., Ко:фукудзи) — предстают в искусно вырезанных одеяниях, напоминающих церемониальную одежду богатых китайцев [Mori 1974, p. 94]. Инкорпорированные в японский пантеон главные индуистские божества Брахма (Бонтэн), Индра (Тайсякутэн) у Дзё:кэй I обретают местные этнические облики. Канонические фигуры Бонтэн и Тайсякутэн, на первый взгляд, очень похожи, их можно идентифицировать только по расположению относительно основной святыни — Будды Шакьямуни, которого они фланкируют: Бонтэн — слева, Тайсякутэн — справа. Изображению Бонтэн, приближенного к человеку, скульптора Дзё:кэй I предшествовала созданная в поздний Хэйан одноликая двурукая стоящая скульптура небесного государя. Нимб в виде круга и мудра левой руки 与願印 *ёганъин* подчеркивали божественность образа, но взгляд и облачение, скроенное в соответствии с придворной китайской модой, говорили об обращенности к людям. Одноликий двурукий небесный государь Бонтэн олицетворяет явное учение 顯教 *кэнкё*: в отличие от многорукого и многоголового, связанного с тайным — 密教 *миккё*.

Благодаря совместному творчеству самого известного скульптора Ункэй (1151–1223) и его старшего сына Танкэй (1173–1256) буддийская иконография обогатилась скульптурой четырехликого четырехрукого Бонтэн (106,5 см, 1201 г., преф. Аити, храм Такисандзи, предстоящей вместе с Тайсякутэн в триаде Святой Каннон), созданной по указу императора Тэмму (прав. 673–686 гг.). Бонтэн отличает пластичность формы, нежность ликов, умелое использование деталей костюма в виде лент 天衣 *тэннэ*, перевивающих оголенный торс, обилие драпировочных складок, картинность разноцветного рисунка нижней части одеяния. Круглый нимб обрамляют сквозные украшения золотого цвета, имитирующие языки пламени [Yamamoto (ed.) 2013, p. 6–7].

К важным небесным государям принадлежит и Бисямонтэн (Тамонтэн, когда не входит в группу *ситэнно*:), чьи скульптуры не редкость в пространстве буддийского храма. Из наиболее художественно значимых изображений небесного государя Бисямонтэн, у которого есть двойник — Тобацу Бисямонтэн, являются скульптуры из храмов Курамадзи (дерево, 175.7 см, период Хэйан, округ Киото) и Дзэнсуйдзи (преф. Сига). Почитание Бисямонтэн из Курамадзи связано с тем, что ему отводилась роль охранителя севера, а храм находился на севере столицы. Левая рука государя приставлена ко лбу, как будто он всматривается вдаль, находясь в дозоре, правая сжимает алебарду. Бисямонтэн как воин-защитник облачен в необычное по крою и орнаменту одеяние-доспехи, поверх которого повязан пояс, украшенный в центре изображением головы льва [Kobayashi (ed.) 2011, p. 12–13]. В руках у Тобацу Бисямонтэн находятся традиционные атрибуты — пагода и скипетр, на голову надет не шлем, а шестигранная корона, напоминающая венцы правителей Турфанского царства⁹. У его ног, справа и слева, смиренно расположились обитатели подземного мира — Нирамба и Бирамба, которые уже не могут представлять опасности, а между ступнями — богиня подземелья Титэннэ. По легенде, именно она помогла когда-то ему справиться с врагами и спасти страну от варваров [Yamamoto (ed.) 2013, p. 75–77]. Композиция напоминает о двух сферах — высшей, которую представляет Бисямонтэн как небесный государь, и низшей — подземного мира, где обитают демоны.

Скульптор Ункэй запечатлел в дереве Бисямонтэн [Mogi 1974, p. 54] с закрытым ртом, намекая на то, что его дыхание вызывало разрушения. Правая рука сжимает алебарду, а левой он держит ступу, из которой раздает богатства. Бисямонтэн сверкает светом «тысячи солнц» и предстает в ярком окрасе. Красные губы по бокам обрамлены нарисованными черными ниточками усов, в том же стиле начерчены вздернутые кверху брови (Рис.2). Он выступает хранителем мест, где проповедовал Будда, и стоит на страже его Закона. Бисямонтэн одновременно и божество, которое одаривает всех милостью, и воин-защитник. Поэтому он в доспехах, но без шлема. Бисямонтэн изображен в позе «танца», когда правая нога, согнутая в колене, высоко под-

⁹ Одно из Центрально-Азиатских государств в Средневековье. Существует легенда, что когда на Турфан напали враги, то Бисямонтэн при поддержке Нирамбы, Бирамбы и Титэннэ, появившихся из подземелья, спас страну.

нята над землей. В статуе, благодаря приданому фигуре движению, отсутствует архаичная неподвижность. В шестьдесят третьем храме Китидзё:дзи на паломническом пути по о. Сикоку в качестве основной святыни представлена живописная триада Бисямонтэн и фланкирующие его государыня Китидзё:тэн и спутник Дзэньнисидо:дзи. Бисямонтэн восседает на троне с опущенной левой ногой и лежащей на сидении правой, под которой хорошо просматривается поясное изображение совсем не злобного существа, лицом немного напоминающего самого основного персонажа (Рис. 3). Бисямонтэн изображен на фоне колеса Закона — с палицей в правой руке, шаром с навершием в левой. Все три фигуры ярко окрашены [Sakurai 2008, p. 142–143]. Образ Бисямонтэн, привлекающий внимание картинностью, один из самых зрелищных в японской пластической культуре.

Богини

В период Нара в японской пластике появляются персонажи, связанные с женским началом — богини 女神 *мэгами*, в том числе Бэндзайтэн (Сарасвати), покровительница удачной судьбы и музыки, которая изображала игру на лютне (раскрашенное дерево, 96 см, 1266 г., г. Камакура, святилище Цуругаока Хатимангу:, храм музыки Бугакуин). Чувственные изображения женских персонажей на оградах из камня, обрамляющих индийские ступы, явились прообразами женских изображений в скульптуре Японии во второй половине периода Нара. Упоминание об этой богине есть в седьмой главе «*Сутры золотого света*», где она в восьми руках держит лук, стрелу, меч, алебарду, топорик, ваджру, колесо, силки, а также драгоценность *мани*. Тогда она считалась воинственной богиней. Бэндзайтэн в японской иконографии предстает в двух ипостасях — восьмирукая и двурукая. Необычность восьмирукой Бэндзайтэн усиливается изображением белой змеи, обвивающей ее голову [Mori 1974, p. 167]. Скульптура (дерево хиноки, ранний период Камакура) несколько раз меняла свое местоположение и сейчас находится в святилище Эносима дзиндзя (преф. Канагава)¹⁰ [Yamamoto (ed.) 2013, p. 89]. Помещение скульптуры в синтоистское святилище связано с тем, что она также считалась одной из трех синтоистских богинь — Мунаката Сандзё:син.

¹⁰ Считается, что в середине VI в. Бэндзайтэн явилась с небес на о. Эносима, что и послужило поводом возведения там храма.

В японской иконографии Бэндзайтэн обычно изображается сидящей, обнаженной по пояс и с неприкрытыми ногами. В особых случаях монахини облачают ее в кимоно, завязанное поясом с бантом. Японские скульпторы отошли от индийской традиции, признававшей Бэндзайтэн богиней войны, обладающей недюжинной силой, а придали ее одухотворенному, творческому образу черты женственности. Она увлечена игрой на музыкальном инструменте или ее имитацией. В отличие от божеств такого ранга в ней отсутствует торжественность и царственность, но три шейные складки выдают неземное происхождение. Отход от канонического изображения читается в пластике тела, свободном расположении рук и ног и передаче живого настроения (Рис. 4).

Еще один известный образ Бэндзайтэн — Мё:он Бэндзайтэн¹¹, издающая чарующие звуки (середина периода Камакура, святилище Эносимадзиндзя) — с бива в руках¹² [Yamamoto (ed.) 2013, p. 88]. Ее полностью оголенное тело лишь в районе лона прикрыто подушкой. Прическу, обрамленную обручем, венчает тиара золотого цвета. Первая фигура даже при отсутствии инструмента смотрится более естественно, в ней проявляется некоторая динамика, вторая изображена строго фронтально, без намека на движение.

Японские скульпторы со второй половины VIII в. не обходили вниманием богиню богатства и счастья Китидзё:тэн (Киссё:тэн, санскр. Лакшми, Срмахадеви). Она является супругой Бисямонтэн и матерью Дзэнънисидо:дзи, который часто ее фланкирует. Культ богини был распространен среди дворцовой аристократии и был не ведом простому народу. Согласно канону, Китидзё:тэн облачена в просторный наряд, который носили китайские придворные женщины, богато украшена ювелирными изделиями, голову венчает трехчастная корона. В левой руке у нее находится драгоценность *мани*, правая рука демонстрирует мудру 施無畏印 *сэмушин* или *ёганъин*. Лик излучает спокойствие и доброту. Верхнее одеяние, из-под которого видна юбка 裙 *кун*, повязано кушаком, чьи концы свободно ниспадают почти до лotosового трона, а их края фигурно вырезаны [Tanaka 2008, p. 128–129].

¹¹ О бодхисаттве Чудесный звук, но только в мужской ипостаси, говорится в 24 гл. «Сутры о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» (*Мё:хо:рэнгэкё:*).

¹² Согласно буддийскому взгляду, музыка вызывает вибрацию, которая изгоняет дурные силы и даже врачует.

Китидзё:тэн, известная своей красотой и кротостью, стала объектом вожделения одного монаха, о чем засвидетельствовано в образной форме в *«Слове о страсти любовной к статуе богини Китидзё: и о ее удивительном ответе»* (*«Нихон рё:ики»*): «Очарованный статуей, он [монах — Ю. К.] воспылал желанием, мысли о ней не оставляли монаха, и он по шесть раз в день молился статуе, говоря: “Дай мне женщину такую же красивую, как ты”» [Золотая книга легенд и мифов 2011, с. 452]. Другая история связана с бедной принцессой, которая, глубоко уверовав в силу и добродетель Китидзётэн, разбогатела и впредь не страдала (*«Слово о бедной принцессе, почитавшей статую богини Китидзё: и заслужившей награду в этой жизни»*) [Золотая книга легенд и мифов 2011, с. 453–454].

К периоду расцвета нарской пластики относится создание скульптуры Китидзё:тэн из глины¹³ (218.8 см, 772 г., Сангацудо:) [Kobayashi 1975, p. 140], которая вместе с Бэндзайтэн (218.8 см, 772 г., Сангацудо:) считалась основной святыней в храме Китидзё:до:, куда она была перенесена в 954 г. Внешне глиняная скульптура Китидзё:тэн с круглым лицом и маленьким ртом (166.3 см, первая пол. VIII в.) из храма Хо:рю:дзи в Нара вызывает ассоциации с китайскими придворными дамами, изображенными на ширме из сокровищницы Сё:со:ин (храм То:дайдзи). Овал круглого лица визуально несколько удлинён благодаря высокому пучку волос. Но в левой руке Китидзё:тэн держит не канонический атрибут — драгоценность *мани*, а цветок лотоса, правая рука традиционно демонстрирует мудру *ёганъин*. Глубокий вырез откровенно открывает грудь. Своим достойным спокойным видом она дает понять, что готова помочь каждому, кто не сомневается в ее возможностях: «Верно говорю — вера глубокая без ответа не останется» [Золотая книга легенд и мифов 2011, с. 452].

¹³ К периоду Нара относится обычай в январе в храме Якусидзи проводить специальный обряд, когда в кондо: храма поклоняются живописным изображениям Китидзё:тэн (национальное сокровище). Считается, что в качестве модели выступила супруга императора Сё:му — Ко:мэй (724–749). Это самая старая полихромная живопись. Подобный обряд проводился и с привлечением глиняной скульптуры Китидзё:тэн из храма То:дайдзи (Хоккэдо:). Обряд, посвященный богине красоты, богатства, благополучной судьбы Китидзё:тэн, впервые провели в Японии в 767 г., а торжественную службу в ее честь устроили в храме То:дайдзи в 772 г.

Образ Китидзё:тэн запечатлен и в скульптурах эпохи Камакура. В Зале девяти будд Амида (Кутай Амидадо:, хондо:)¹⁴ при храме Дзё:руридзи, в округе Киото, в специальном ковчеге хранится скульптура богини из дерева (90 см, XII в., важная культурная ценность) [Seki 2012, p. 189; Yamamoto (ed.) 2013, p. 31; Kumada 2006, p. 78]. Сияющая Китидзё:тэн производит радостное, светлое впечатление. На полноватом, словно фарфоровом лице четко прочерчены брови-дуги, пухлый маленький рот, хорошо просматривается рисунок раскосых глаз. Как 秘仏 *хибуцу* она доступна для обозрения только три раза в год — на Новый год, весной и осенью. Китидзё:тэн изображена стоящей на лотосовом троне, попирающей животных, среди которых — змея. На богине богато украшенное одеяние, которое носили хэйанские придворные дамы. В стиле эпохи выдержана прическа, обрамленная изысканной короной. На фоне такого роскошного убранства необычно скромно смотрится нимб-обруч. На ладони согнутой в локте левой руки покоится драгоценность *мани*, а правая, опущенная вдоль тела, открытой ладонью обращена к верующим, демонстрируя мудру *ёганъин*. Створки открытого ковчега расписаны изображениями придворных дам в роскошных одеждах¹⁵. Здесь слились декоративное и скульптурное начала (Рис. 5).

К скульптуре *хибуцу*, которая практически не доступна для обозрения, относится парная группа Кангитэн, изображавшая мужчину и женщину, детей бога Шивы. Придя из индуизма, где они воспринимались как избавители от бед, несущие добродетель, приносящие богатство, в Японии олицетворяли гармонию мужской и женской любви и считались чадоприносящими. Прижавшись, обнимают друг друга, положив на плечи головы, уподобленные слоновьим. Голые ступни женского божества наступают на ступни мужского, тем самым, полагают, что женщина предостерегает мужчину от опасности. Оба одеты в оплечье, оставляющее правую сторону торсов открытыми¹⁶ [Tanaka 2008, p. 136–137; Yamamoto (ed.) 2013, p. 120–121].

¹⁴ Согласно легенде, эта культовая постройка была сооружена по указанию императора Сё:му.

¹⁵ Похожая скульптура, но высотой 216 см, созданная во второй половине эпохи Хэйан, есть в храме Кандзэондзи в Дадзайфу, преф. Фукуока [Yamamoto (ed.) 2013, p. 80].

¹⁶ В храме То:дзин (округ Киото) есть другое, тоже относящееся к *хибуцу*, изображение высотой 150 см. — Дайсё:кангитэн, созданное в период Камакура. В отличие от вышеописанной скульптуры оба персонажа, обняв друг друга, смотрят фронтально на зрителей, и у каждого — по шесть бивней [Yamamoto (ed.) 2013, p. 122–123].

Стражи врат и другие боги-защитники

Японские ученые, в круг небесных государей, как в индуизме и буддизме, включают и богов-защитников, так называемых Конго:рикиси, которые свое происхождение ведут от Сю:конго:дзин, изначально охраняющего Будду Шакьямуни. Существует две их ипостаси. Одна — с открытым ртом 阿形 *агё:*. Это непосредственно Конго:рикиси, владеющий ваджрой 金剛杵 *конго:сё*. Другая — с закрытым ртом 咩形 *унгё:*. Это Миссякурикиси с палицей 宝棒 *хо:бо:*. Хотя они не являются центральными персонажами, но, образуя пару и находясь в нишах храмовых ворот, как их стражи, под именем 仁王 *нио:* (санскр. дварапала), первыми встречают прихожан, паломников, и поэтому в японском буддизме им отводится значительная роль [Tanaka 2008, p. 126–127].

Скульптуры *нио:* в период Нара, изваянные в глине, дошли до нашего времени со значительно утраченным красочным слоем (378,8 см, 711 г., Хо:рю:дзи, Тю:мон). Фигурам стражей врат придан особый динамизм, брутальность, поскольку они призваны защищать учение (Рис. 6). Необузданная ярость, направленная против врагов буддизма, проявляется в резких разворотах корпуса, сверкающих вытаращенных глазах, открытом в крике ртом. Им уже не свойственна иератическая статичность главных будд и бодхисаттв. Таким образом, выражается гнев против зла. Оголенные торсы перевиты лентами, смыкающимися на талии, подол нижнего одеяния в виде юбки развевается и оставляет ноги от колен открытыми. Считается, что эти скульптуры, напоминающие изображения из китайских пещер Майцзишаня провинции Каньсу, в будущем стали эталонными. Находящийся в левой нише страж ориентирован на запад, у него открыт рот (вдох) — первая буква санскритского алфавита «а». Это Миссяку Конго: (Гухяпада Ваджра). Правый, смотрящий на восток, изображен с сомкнутыми устами (выдох) — последняя буква «ум». Это Нараэн Конго: (Нараяна Ваджра). Таким образом, демонстрируется всеобъемлемость, универсальность буддийского учения [Kobayashi (ed.) 2011, p. 137].

У созданной в том же 711 г. для ворот Тю:мон храма Хоккэдо: скульптуры (раскрашенная глина, 330 см) отсутствует ваджра *конго:сё*, но в целом это почти копия вышеописанных, демонстрирующая силу, мощь, переданные через рельефный корпус, налитые мышцы, напря-

женные вены, по которым пульсирует кровь. Умиляет такая трогательная деталь, как лента, которая обрамляет пучок волос на крупной голове, что совсем не вяжется с гневным обликом персонажа.

В отличие от предыдущего персонажа Конго:рикиси из Хоккэдо: храма То:дайdzi (326 см, вторая половина VIII в.) представлен в доспехах, напоминая Сю:конго:дзин, который всегда был в военной амуниции. Подобное одеяние, безусловно, подчеркивало боевой характер героя, но не давало визуальное представление о его силе. Возможно, в этом изображении большая роль для подчеркивания образа яростного защитника веры отводится прическе в виде вздыбленных волос.

В знаменитых, почти восьмиметровых из наборного дерева скульптурах Конго:рикиси мастеров Ункэй (правая *унгё:*) и Кайкэй¹⁷ (левая *агё:*), помещенных в нишах ворот Минамимон храма То:дайdzi, тоже ощущается невероятная экспрессия и мощь, которые передаются через рельефные оголенные торсы, руки со вздувшимися от напряжения венами (период Камакура) (Рис. 7). Некоторую легкость фигурам придают развевающиеся шарфы и короткое одеяние с множеством складок [Nishimura, Ogawa 2009, p. 74].

Сю:конго:дзин, предтеча Конго:рикиси, стоящий в ряду самых яростных и воинственных защитников буддизма, держит в правой руке большую разящую палицу-ваджру (глина, 173 см, 733 г., То:дайdzi, Хоккэдо:) [Kobayashi 1975, p. 128]. Он изображен в воинском обмундировании, напоминающем китайские образцы, оно дополнено легкими шарфами, которые обвивают руки, поясницу и свисают по бедрам вдоль ног. Наплечные латы украшены изображениями львиных морд. Доспехи скрывают тело, но мощь героя все равно ощущается. Волосы перетянуты лентой, напоминающей о легенде, связанной со вторым патриархом буддийской школы Кэгон — Робэн, который особо почитал Сю:конго:дзин. По легенде, в 940 г. лента якобы превратилась в осу и ее укусы вызвали смерть мятежника Тайра-но Масакато [Mizuno 1974, p. 100]. Как *хибуцу* скульптуру можно обозреть шестого декабря. Сю:конго:дзин олицетворяет защитника, разрушающего оружием преграды на пути познания Закона Будды (Рис. 8).

Скульптуры Сю:конго:дзин в период Камакура выполнялись из дерева, и одна из них (раскрашенное дерево, 87 см, скульптор Кайкэй, конец XII в., преф. Киото, храм Конго:ин) по художественной значимости отнесена к важным культурным ценностям [Mori 1974, p. 113].

¹⁷ Жил в конце XII — начале XIII в.

Выполненная в технике наборного дерева, она производит довольно мощное впечатление. Прикрытые латами крепкие ноги впечатываются в постамент, тело заковано в доспехи. Не отходя от традиции, мастер придал злобное выражение лицу, наделив его сверкающими круглыми глазами и открытым в крике ртом.

Другой гневный персонаж Дзиндзя Тайсё:, в отличие от Сю:конго:дзин-воина, больше напоминает чудовище [Mori 1974, p. 112]. По преданию, он внезапно предстал в индийской пустыне перед совершавшим паломничество из Чанъани китайским монахом Гэндзё: Сандзо: (600/602–664) и стал его божеством-охранителем. Гэндзё:, вернувшись в Чанъань в 645 г., привез с собой много сутр и перевел их с санскрита, в том числе и самую известную, состоящую из 600 свитков *«Сутру о великой праджня-парамите»* (*«Дайханнякё:»*), где Дзиндзя Тайсё: признается божеством-защитником. Скульптор Кайкэй (раскрашенное дерево, 85.8 см, конец XII в., храм Конго:ин, округ Киото) изобразил Дзиндзя Тайсё:, пожалуй, самым страшным из всех божеств-охранителей, наделив его лицо гипертрофированными чертами, а также сверкающими круглыми глазами, ртом-пастью хищника (Рис. 9). Мощь его фигуры усиливают широкие плечи, крепкие руки, рельефный торс, а также хорошо просматриваются вздувшиеся вены. Поясницу прикрывает звериная шкура, из-под которой проглядывают изображения двух слоновьих голов с хоботами. Страшный облик усугубляет связка из семи черепов на груди и змеи, обвивающие руки. Его считают также воплощением одного из небесных государей — Тамонтэн. Одна из немногочисленных в японских храмах скульптура Дзиндзя Тайсё: в технике наборного дерева признается уникальной (подобная есть в храме Конго:будзи на г. Ко:я) и отнесена к важной культурной ценности [Yamamoto (ed.) 2013, p. 68–70].

Для создания мощных, монументальных скульптур страж врат *нио:* японские мастера не могли не обратиться к такому природному материалу, как камень, и изваять из него скульптуры 石仏 *исиботокэ*. На территории храма Мангаудзи до сих пор сохраняются эти важные артефакты, вырезанные из туфа по желанию богатого донатора Мана (середина XIV в.). Исполинские фигуры как будто вырастают из земли, куда они врыты по колено. Мастера не отошли от канонических образов, наделив их мускулистыми телами, гневными лицами, глазами навыкате, мощными напряженными руками, готовыми покачать врага, экспрессивными поворотами корпусов (Рис. 10).

В японской иконографии стражей врат и других яростных защитников веры последовательно прослеживается главный отличительный признак, характерный для этих скульптур — напор, динамизм, открытая готовность встать на защиту буддизма и смести все на своем пути. У них гипертрофированно мощные торсы, сильные руки и ноги, скорее квадратные, чем овальные лица, выпученные круглые глаза.

Заключение

В многоликой, разнообразной по стилю японской иконографии выразительные изображения небесных государей, стражей врат, ворвавшихся в храмовое пространство или расположившихся в нишах ворот, а также проявившихся в пещерной пластике или нашедших место в природном мире, поражают порывом к физическому движению, духовной напряженностью. Эмоционально наполненные, порой гротесково поданные фигуры излучают заряд энергии. Скульпторам удалось через пластику фигур, наполненных экспрессией, передать решительность персонажей к действиям, направленным на защиту Учения. В противовес умиротворенным, погруженным в себя буддам и бодхисаттвам они демонстрируют мощь, непреклонность, доказывая, что являются рьяными охранителями и проводниками идей Будды. Эзотерический мистицизм эпохи Хэйан, пришедший на смену нарскому реализму, также породил создание многоруких, многоликих необычных существ, стоящих на страже буддийского учения и призванных, как и другие божества, помогать людям. Индо-китайский канон воплощения образов этих персонажей на японской почве трансформировался в разные формы изображения, в том числе ликов, одеяний, поз, причесок и приобрел новое звучание.

В Японии материализовались различные образы небесных государей, стражей врат и других рьяных божеств, объединенных в многофигурные группы или представленных изолированно. В скульптуре был воссоздан удивительный мир, поражающий экспрессией движений, яркостью красок и фантастичностью. Иконографические типы буйных и милосердных божеств фиксировали узнаваемые и характерные черты, указывали на то, что лежит в основе этих образов. Национальный облик скульптуры был, в том числе, сформирован этими персонажами буддийского мира, расширив представления об иконографических возможностях японского изобразительного искусства.

Библиографический список

- Золотая книга легенд и мифов. (2011). — Ростов-на-Дону: Владис.
Кужель Ю. Л. (2018). *XII веков японской скульптуры*. — Москва: Прогресс-традиция.
Трубникова Н. Н., Бачурин А. С. (2009). *История религий Японии*. — Москва: Наталис.

References

- Kobayashi, T. (1975). *Nara Buddhist Art: Todaiji*. Vol. 5. New York, Tokyo: Heibonsha.
Kobayashi, Y. (Ed.). (2013) *Nyoraizō no subete* [All of the Buddha Statue]. Tokyo: Eishuppansha. (In Japanese).
Kobayashi, Y. (Ed.). (2011). *Butsuzō tambō* [Buddha State Exploration]. Tokyo: Eishuppansha. (In Japanese).
Kumada, Y. (2006). *Butsuzō no jiten* [Encyclopedia of Buddha Sculptures]. Tokyo: Seibidō. (In Japanese).
Kuzel', Yu. (2018). *XII vekov yaponskoi skul'ptury* [12 Centuries of Japanese Sculpture]. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
Mizuno, S. (1974). *Asuka Buddhist Art. Hōryū-ji*. Tokyo: Heibonsha.
Mori, H. (1974). *Sculpture of the Kamakura Period*. Tokyo: Heibonsha.
Nishimura, K., Ogawa, K. (2009). *Butsuzō no miwakekata* [How to Distinguish Buddha Statues]. Tōkyō: Shinchōsha. (In Japanese).
Sakurai, M. (2008). *Shikoku henro* [Shikoku Pilgrimage]. Tokyo: Nihon hōsō shuppan kyōkai. (In Japanese).
Sawa, T. (1967). *Mikkyōbijutsu* [Esoteric Art], Nihon no Bijutsu Series, Vol. 8. Tokyo: Heibonsha. (In Japanese).
Seki, Y. (2012). *Butsuzō to kodaishi* [Buddha Statue and Ancient History]. Tokyo: Bukmansha. (In Japanese).
Tanaka, Y. (2008). *Butsuzō no sekai* [The World of Buddha Sculptures]. Tokyo: Nihonbungeisha. (In Japanese).
Trubnikova, N. N., Bachurin, A. S. (2009). *Istoriya religii Yaponii IX — XII vv.* [History of Japanese Religions IX — XII centuries]. Moscow: Natalis. (In Russian).
Yamamoto, M. (Ed.) (2013). *Ten'nō butsuzō no subete* [All of the Emperor Buddha Statue]. Tokyo: Eishuppansha. (In Japanese).
Zolotaya kniga legend i mifov. (2011) [Golden Book of Legends and Myths]. Rostov-na-Donu: Vladis. (In Russian).

«Изящный вкус» и «решимость» в «Сборнике рассказов о пробуждении сердца» («Хоссинсю», XIII в.)

Н. Н. Трубникова

Аннотация

Цель данного исследования — рассмотреть два понятия, важных для японской буддийской мысли и для учений о словесности: *суки* («изящный вкус», преданность прекрасному) и *кокородзаси* («решимость», готовность сосредоточить на чем-то все силы). Важный источник для понимания этих многозначных терминов — «Сборник рассказов о пробуждении сердца» («Хоссинсю:», начало XIII в.). В сборниках поучительных историй *эцува* часто встречаются рассуждения о поэте и поэзии; они сопровождают подборки рассказов о чудесах, связанных с тем или иным знаменитым стихотворением, изменивших судьбу поэта и его близких.

Составители собраний *эцува* в общем следуют той традиции, где слово поэта ценится ниже слова Будды, — но тем важнее подобрать примеры, из которых было бы видно, что путь стихотворца может быть одновременно и путем буддийского подвижника. Один из изводов буддийского понимания поэзии можно найти в «Хоссинсю:». Здесь поэты с их особым образом жизни и мысли относятся к более широкой категории «ценителей прекрасного», «людей со вкусом», *сукимоно*. Эти люди способны ради стихов или музыки отрешиться от обычных людских забот, от славы и корысти, что сближает их с отшельниками. Важны при этом не столько свойства поэзии как таковой, сколько «решимость» самого человека, его выбор в пользу чего-то, что поглотит его силы целиком и станет для него опорой на пути.

Ключевые слова: японская поэзия, буддизм, Камо-но Тё:мэй, «Хоссинсю:», вкус, ценители прекрасного, решимость.

Сведения об авторе: Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС (119606, Москва, Проспект Вернадского, д. 82/2).

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID 0000-0001-6784-1793

<https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann>

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Suki and Kokorozashi in Hosshinshū

N. N. Trubnikova

Abstract

The purpose of the study is to consider two concepts important for Japanese Buddhist thought and for teachings about literature: *suki* (“elegant taste”, devotion to the beautiful) and *kokorozashi* (“determination”, willingness to focus all one’s forces on something). An important source for understanding these terms is the *Hosshinshū* collection of *setsuwa* (early 13th century). In collections of *setsuwa* tales, there are often reasonings about the poet and poetry; they accompany the stories about the miracles associated with famous poems changing the fate of the poet and his loved ones. The compilers of the collections, in general, follow the tradition where the word of the poet is valued below the word of the Buddha, but it is all the more important to choose examples from which it would be seen that the path of a poet can simultaneously be one of a Buddhist ascetic.

One of the versions of the Buddhist understanding of poetry can be found in *Hosshinshū*. Here, poets, with their special way of life and thoughts, belong to a wider category of “connoisseurs of the beautiful,” “people with taste,” *sukimono*. These people are able to renounce ordinary human worries, glory, and self-interest for the sake of poetry or music, which brings them closer to hermits. In this case, what is important are not so much the properties of poetry as such, but “determination” of the person themselves, their choice in favor of something that absorbs their strength and becomes their support on the way.

Keywords: Japanese poetry, Buddhism, Kamo no Chōmei, *Hosshinshū*, *suki*, *sukimono*, *kokorozashi*.

Author: Trubnikova Nadezhda N. Doctor of Sciences (Philosophy), leading researcher, SASH RANEPa (82/2, Vernadsky prospect, Moscow, Russian Federation, 119606).

E-mail: trubnikovann@mail.ru

ORCID 0000-0001-6784-1793

<https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann>

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предалась бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.

А. С. Пушкин, «Моцарт и Сальери»

Введение

Слова пушкинского Моцарта как нельзя лучше подходят для того, чтобы объяснить понятие 数寄人. Оно в японской словесности обозначает людей, презrevших «пользу и выгоду», выбравших для себя «вольное искусство» — отдавших «ветру и потоку» 風流, *фурю*.; вслед за китайскими предшественниками [Бежин 1982]. Разница в одном: эти подвижники «единого прекрасного» исходят из буддийского понимания мира, а потому не стали бы возражать: «Но нет...»; если бы перестал существовать этот мир, полный страданий, было бы только лучше. Однако мир не исчезнет, пока кому-то по закону воздаяния приходится рождаться людьми. Дело же *сукимоно* — поэзия, музыка, созерцание того прекрасного, что есть в этом скорбном мире, что позволяет отрешиться от «низкой жизни» хотя бы на время. Именно поэтому на ценителей прекрасного со вниманием смотрят буддийские наставники: это отрешение во многом похоже на «бегство от мира», *тонсэй*, а значит, может вести и к тому освобождению, о котором учил Будда.

Одно из хрестоматийных определений «ценительства», «изящного вкуса» 数寄, *суки*, дает поэт и знаток словесности Камо-но

Тё:мэй (1153/1155–1216). О конкретных видах творчества он ничего не говорит — только об отношении к миру и о том, к каким итогам оно ведет:

Не любить общение с людьми, не печалиться об одиночестве, жалеть цветы, что цветут и опадают, тосковать о луне, что всходит и заходит, всегда очищать сердце, взять за правило не погружаться в мирскую муть; при этом сами собою станут ясны основы рождений и смертей, исчерпаются ненужные привязанности к славе и выгоде. Это и должно стать вратами к удалению от мира, к освобождению¹.

人の交はりを好まず、身のしづめるをも愁へず、花の咲き散るを
あはれみ、月の出で入るを思ふにつけて、常に心を澄まして、世の濁
りにしまぬをこととすれば、おのづから生滅のことはりも顕れ、名
利の余執尽きぬべし。これ、出離解脱の門出に侍りべし。

Тому, как научиться ценить и понимать «японские песни», вака, Тё:мэй посвятил целую книгу — «Записки без названия» (無明抄, «Мумё:сё:»); о том, как сам он ушел от мира и обустроил себе отшельническую жизнь, он пишет в «Записках из кельи» (方丈記, «Хо:дзё:ки»). Однако отрывок о *сукимоно* мы находим не в этих сочинениях, а в другом: в «Сборнике рассказов о пробуждении сердца» (発心集, «Хоссинсю:», рассказ 6–9). Попробуем разобрать контексты этого отрывка: в традиции сборников поучительных рассказов XII–XIII вв. и в самом сборнике, который составил Тё:мэй.

Понятие *суки* и рассказы о поэтах в традиции *эцува*

Слово *суки* в том значении, которое обсуждает Тё:мэй, появилось в текстах XII в. М. В. Торопыгина указывает, что исходно оно записывалось как *好き* и связывалось с понятием *ирогономи* — «погруженностью в чувственную любовь, и, одновременно, умением выразить эту любовь через поэзию». Позже «термин стал утрачивать связь с чувственным наслаждением и оказался полностью в области художественного творчества, в первую очередь он связан с поэзией... Человек-*суки* должен обладать тонким эстетическим чувствованием

¹ Здесь и далее цитаты из «Хоссинсю:» даны в моем переводе по японскому изданию [Като no Chōmei 2016].

и выражать его в поэзии» [Камо-но Тё:мэй 2015, с. 150]. Три главных фигуры в истории японской словесности, соотносимых с *суки*, — это Ноин (988–1050), Сайгё (1118–1190) и сам Камо-но Тё:мэй. Все трое — поэты-монахи, отшельники или странники, чей образ жизни вдали от света важен для понимания их взгляда на поэзию. Ноин будто бы призывал собратьев: «Любите! Если любить, то сочиняются великолепные песни» (*сукиамаэ, сукинурэба сю:ка ва ёму*, перевод М. В. Торопыгиной) [Камо-но Тё:мэй 2015, с. 150]². Сайгё смотрел с другой стороны: «Вообще песни — источник вкуса, нужно их сочинять, любя всем сердцем» (*ооката ута ва суки-но гэн нари. Кокоро-но сукитэ ёмубэки нари*)³. Тё:мэй развивает дальше эти высказывания и отчасти спорит с ними [Kinoshita 2020].

Что значит «любить», «ценить» — сами песни или то, о чем они слагаются? Один из самых известных примеров приводит Тё:мэй в «*Записках без названия*» (эпизод 16): его друг, поэт Торэн, в беседе с другими стихотворцами услышал слово *масуо* (необычное название растения мисканта), тотчас попросил шляпу, плащ и под проливным дождем пустился в путь — чтобы найти того знатока, который, по словам собеседников, мог объяснить значение редкого слова. Его уговаривали повременить, пока погода наладится, но он отвечал: «Пустьяки. Что, если жизнь, моя или того человека, закончится, не дождавшись, пока закончится дождь?» (перевод М. В. Торопыгиной) [Камо-но Тё:мэй 2015, с. 69]. По словам Тё:мэй, это поступок настоящего *сукимоно*⁴. Другой пример из того же источника (эпизод 76) — поэт, моливший бога Сумиёси о том, чтобы сложить прекрасную песню, и готовый за это отдать пять лет своей жизни; позже он, заболев, снова просит бога о помощи, а тот отвечает: «Я позволил тебе сочинить эту замечательную песню, поскольку ты выказал преданность, говоря о своем стремлении. Так что на этот раз тебе помочь не могу» (перевод М. В. Торопыгиной) [Камо-но Тё:мэй 2015, с. 128–129]. «Стремление» здесь — *кокородзаси*, об этом понятии речь пойдет ниже.

² Слова эти приводятся в «*Карманных записках*» Фудзивара-но Киёсукэ (袋草紙, «*Фукуро-со:си*», 1150-е гг.).

³ Источник — «*Выборка из бесед досточтимого Сайгё*» (西行上人談抄, «*Сайгё:-сё:нин дансё:*», дата составления неизвестна).

⁴ В «*Записках на досуге*» Ёсида Канъёси (徒然草, «*Цурэдзурэгуса*», XIV в., эпизод 188) этот же случай приводится с иным выводом: «Как Торэн хотел поскорее узнать про мискант, так и мы должны поторопиться познать великую тайну просветления» (перевод А. Н. Мещерякова).

Сам Тё:мэй считается выдающимся «ценителем прекрасного» — об этом говорится, например, в «Сборнике наставлений в десяти разделах» (十訓抄, «Дзиккинсё:», середина XIII в., рассказ 9–7). В традиции сборников поучительных рассказов *сэцува*, к которой принадлежит «Дзиккинсё:», тема *суки* и *сукимоно* звучит постоянно — чаще всего в связи с поэзией и музыкой, но не только с ними.

На страницах *Ежегодника Японии* мне уже доводилось разбирать рассказы о поэтах и поэзии из двух памятников традиции *сэцува* — «Дзиккинсё:» [Трубникова 2017] и «Собрания песка и камней» (沙石集, «Сясэкисю:», конец XIII в.) [Трубникова 2013]. Впервые в этой традиции подборка историй о песнях *вака* и их сочинителях появляется в «Собрании стародавних повестей» (今昔物語集, «Кондзяку моногатари-сю:», начало XII в., свиток 24-й). Там поэты стоят в одном ряду с врачами, гадателями, музыкантами и другие мастерами своего дела; восхищение поэтическим искусством вполне звучит, но слова *суки* еще нет. Примерно в то время, когда появляется «Кондзяку», и несколько позже это слово начинают задействовать составители трактатов о поэзии, и между их сочинениями и сборниками *сэцува* не всегда можно провести четкую границу: в трактатах тоже встречается множество историй о поэтах.

Если же говорить о сборниках *сэцува*, где поэзия — лишь одна из многих тем, то картина получается примерно такая. Как правило, составители отталкиваются от определения поэзии, которое дал Бо Цзюй-и (772–846): «слова безумца, речи красная» 狂言綺語, яп. *кё:гэн киго*. Собиратели рассказов соглашались, что по сравнению с буддийскими книгами сочинения поэтов ближе к мирской суете, а потому ценятся ниже. Но затем рассказчики приводят примеры песен, имевших почти такую же чудесную силу, как и слова Будды. В «Дзиккинсё:» за основу берется знаменитый отрывок из предисловия Ки-но Цураюки к «Собранию старых и новых песен» (古今和歌集, «Кокинвакасю:», начало X в.): «Не что иное, как поэзия, без усилия приводит в движение Небо и Землю, пробуждает чувства невидимых взору богов и демонов, смягчает отношения между мужчиной и женщиной, умиротворяет сердца яростных воителей» (перевод А. А. Долина) [Кокинвакасю 2001, с. 43].

Рассказы подобраны как примеры ко всему перечисленному: песни вызывают отклик богов, трогают сердца людей, смягчают нравы;

такими же чудесными свойствами, по «Дзиккинсё:», обладает и музыка. В «Сясэкисю:» учение о поэзии излагается в буддийских терминах: песни *вака* — разновидность «уловов» 方便, *хо:бэн*, искусных способов подвести к пониманию Закона Будды тех людей, кто пока не готов воспринять его истины напрямую. Песни вызывают отклик будд, богов и людей, творят чудеса — и в этом они подобны «заклятиям», *дарани*; для Будды *дарани* не были таинственными, как для японцев, он составлял их из обычных слов того языка, на котором говорили его соплеменники, а если бы родился в Японии, то слагал бы песни *вака*. Но какое именно свойство песен делает их чудесными? По «Сясэкисю:» — это их способность «удерживать целое», останавливать внимание на чем-то одном. «Мы забываем о жажде славы и выгоды, глядя на листву под ветром, понимаем тщету здешнего мира, воспевая луну за облаками, постигаем чистую основу внутри своего сердца, и это может привести нас на Путь Будды, помочь понять его учение» (Va-11, перевод мой — Н. Т.). Составитель «Сясэкисю:» сравнивает песни с «примерами», *ко:ан*, над которыми работают ученики в традиции *дзэн*, и с «созерцанием знака А», *Адзикан*, в буддийском «тайном учении». Как и эти виды подвижничества, песни помогают сосредоточиться на одном мгновении, а значит, хотя бы ненадолго вынырнуть из потока обыденных чувств и мыслей. Но важно еще и другое: как и *ко:ан* и *Адзикан*, песни помогают человеку встроиться в традицию, занять место в ряду всех тех, кто прежде шел тем же путем. «Когда песня выражает думы сочинителя, правду его сердца, то мы читаем и слышим ее снова, переданную издалека, и наше сердце тоже очищается!» (Vб–9).

И для «Дзиккинсё:», и для «Сясэкисю:» сборник Камо-но Тё:мэй служит одним из почтенных образцов. При этом по сравнению с ними он ограничивается гораздо более узко очерченной темой — «пробуждением сердца». В предисловии к «Хоссинсю:» Тё:мэй обозначает главную мысль своей книги словами из «Сутры о нирване»: «Стань учителем своему сердцу, но не давай сердцу стать твоим учителем» (ТСД 12, № 374, 534а). Сердце легко склоняется и к хорошему, и к дурному, помыслы его одновременно и мелочны, и глубоки, постоянны только в своей изменчивости: «Так под ветром легко клонятся травы. А еще такова луна на волнах: трудно ей успокоиться!». Пробудить это сердце, если оно глухо к словам самого Будды, могут примеры других людей; их-то Тё:мэй и собирает в книгу. В нее вошло 102 рассказа, она

делится на восемь разделов. Заглавий разделы не имеют, но условно обозначить их темы можно. Вначале — истории о том, как люди уходят в отшельники (раздел 1-й); о том, как по-разному отшельники живут (2-й); к каким целям они стремятся в нынешней жизни и на какую участь надеются после смерти (3-й); как люди и боги помогают им (4-й), а прежние привязанности мешают (5-й); что помогает отрешиться от мирских связей (6-й); в ком или в чем отшельник находит опору (7-й); как он делает выбор: какие связи разорвать, а какие сохранить (8-й раздел).

Рассказы о ценителях прекрасного в «Хоссинсю:»

Впервые слово *суки* встречается в сборнике в рассказе 5–8. Его герой — Минамото-но Акимото (1000–1047), добродетельный чиновник и ценитель прекрасного, музыкант и поэт. Помыслы его обращены к Пути Будды, он постоянно повторяет строки Бо Цзюй-и: «Вот старая могила — каких веков человек тут лежит? Не знаю ни рода его, ни имени. Превратился он в землю у дороги, год за годом прорастает весенней травой». Самая известная в традиции *сэцува* черта Акимото — это его странная мечта: «в изгнание глядеть на луну, будучи обвиненным без вины» (до Тё:мэй об этом сообщает Ооэ-но Масафуса в «Сборнике бесед Ооэ» («Го:дансё:», 1107 г.)). Именно *сукимоно* способен мечтать сделаться жертвой клеветы — затем, чтобы, подобно славным поэтам прошлого, с особой тоской глядеть на луну из мест своего изгнания⁵. И не что иное как «изящный вкус» заставляет Акимото уйти в монахи после смерти государя Гоитидзё (1008–1036); поэт не в силах служить другому господину, но не столько из конфуцианской преданности, сколько из верности стилю прошлого правления; кроме того, отвратительно, как уже в скорбные дни прощания все во дворце принимаются хлопотать вокруг нового правителя.

Позже вдова государя справляется об Акимото, и тот отвечает песней:

⁵ История этого мотива в японской словесности подробно разобрана в статье [Matsumoto 2020]. Традиции *сэцува* Акимото особенно близок, возможно потому, что доводится братом одному из ее основателей — Минамото-но Такакуни (1004–1077), предполагаемому составителю «Кондзяку».

*Ё-о сутэтэ ядо-о идэниси ми нарёдомо
нао коисики-ва мукаси нарикэри*

Хотя я — тот,
Кто покинул мир,
Вышел из дому,
Но до сих пор мило
Мне прошлое⁶.

Позже Акимото тайно встречается с канцлером Фудзивара-но Ёримити (992–1074), беседует с ним о Законе Будды, а на прощанье говорит о своем сыне как о никчемном человеке. «Тогда канцлер не понял, что это значит. А на обратном пути задумался: это было неспроста. Никто о собственном сыне не сказал бы дурного слова. Должно быть, он имел в виду: пусть сын мой ничем не выдается, не выпускай его из виду, присмотри за ним. Хотя и отвратился от мира, а все же любовь и долг (恩愛, *он-ай*) отбросить трудно, вот и Акимото все еще полон дум о сыне! Так канцлер размышлял и был тронут, и позже при случае поддерживал этого человека, так что хотя он и остался без отца, но быстро дослужился до старшего советника».

Далее в разделе 6-м мы вначале находим истории о преданности ученика учителю, сироты — благодетелю, подданного — правителю, родичей — друг другу. Связи между людьми могут не только закабалить, но и освободить. Верный ученик решается пройти колдовской обряд и умереть, приняв на себя тяжкую болезнь наставника, причем матери своей говорит, что поступает так в том числе и ради нее, ибо «заслуги», благу карму от самопожертвования обратит на помощь ей; в итоге совершается чудо и все остаются живы (рассказ 6–1). Двоих братьев обвиняют в убийстве, каждый берет вину на себя, пытаясь оправдать другого, и в итоге обоих отпускают с миром (6–4). Почтительная дочь уже взрослой встречает своего родного отца, поэта Сайгё, бежит к нему из семьи, где ее воспитывали, и уходит в монахини (6–5). Мальчик в знатной семье болеет, обряды не помогают, родители собираются пригласить другого монаха вместо того, к которому обращались обычно; мальчик просит не прогонять прежнего наставника и в итоге выздоравливает (6–6). Герой этого рассказа Фудзивара-но Наримити (1097–1162) уже взрослым появляется в

⁶ Песня входит в антологию «Госю:исю:» (№ 1030).

других сборниках поучительных историй как пример исключительно чуткого, отзывчивого человека (например, в «Дзиккинсё:» 1–19, 1–51, 7–14, 10–17, 10–69). Тё:мэй называет его «замечательным ценителем прекрасного», *имидзики сукибито*, хотя и не рассказывает никаких историй о его увлечениях стихами или чем-либо еще. Но для юного Наримити обидеть монаха — не несправедливо, не опасно (если все-таки окажется, что будды на его стороне), а именно некрасиво с точки зрения «вкуса». С этого рассказа начинается серия историй о *суки*.

Некий монах беден, но помыслы его изящны, *kokoro сукэрикэри*, все время он посвящает игре на флейте. Однажды он приходит к своему родичу и покровителю и заводит разговор об острове Кюсю; покровитель ожидает, что монах попросит выделить ему доходы с одного из имений в тех краях, но монах лишь просит раздобыть на Кюсю растущий там бамбук особого сорта, подходящий для изготовления флейт. Эту просьбу покровитель охотно исполняет, а сверх того снабжает монаха припасами, и тот все их тратит на угощение собратьев-музыкантов. «Должно быть, подобные помыслы в каком угодно деле глубоко греховны» — говорит Тё:мэй о монахе, хотя и называет его настоящим *сукимоно* (6–7). Двое столичных чиновников так увлечены музыкой, что не прерывают игры, даже когда одного из них вызывают ко двору. Государь (вероятно, Хорикава (1079–1107), показанный у Тё:мэй как мудрый и мягкий правитель) не гневается, только сожалеет: «Досадно нести царский сан! Они играют, а я их не слышу!» (6–8). В этих двух историях *сукимоно* выглядят неоднозначно: флейтиста можно назвать дурным монахом, коль скоро вместо молитв или чтения сутр он занимается музыкой; друзья-музыканты явно ведут себя как негодные чиновники, но за *суки* их можно простить.

В следующем рассказе как раз и появляется определение *сукимоно*.

6–9. О том, как досточтимый Хонити подвижничал, слагая песни. О том, как досточтимый Рэннё посетил отрекшегося государя Сутоку в краю Сануки

В недавнюю пору жил отшельник по имени Хонити⁷. Его спросили: в каких делах вы усердствуете? Он ответил: творю обряд трижды в день. Его снова спросили: а какой обряд? И вот что он ответил.

⁷ В «Выборке избранных рассказов» («Сэндзю:сё:», 3–6) сказано, что монах Хонити принадлежал к общине храма Киёмидзу на восточной окраине столицы.

– Утром я читаю:

*Акэну нари Камо-но кавара-ни тидори наку
кэфу мо мунасику курэн то суран*

Светает,
На берегу реки Камо
Кричат ржанки.
Неужто и сегодня
День пройдет напрасно?

Днём читаю:

*Кэфу мо мата мума-но каи косо фукиникэрэ
хицудзи-но яюми тикадзукинуран*

И сегодня опять
В час Лошади
Протрубила раковина?
Неужто час Овцы
Уже близок?⁸

А вечером:

*Ямадзато-но югурэ-но канэ-но коэ-гото-ни
кэфу-мо курэну-то кiku дзо канасики*

В горном селении
Вечерний колокол:
Каждый удар –
Вот и сегодня день прошел –
Слышать так горько!

Эти три песни я повторяю каждую в свой час, так и подвижничаю день за днем, созерцая их!

⁸ На середину «часа Лошади» приходится полдень, «час Овцы» следует за ним (в обоих случаях речь идет об 1/12 части суток, то есть о двухчасовых в нашем понимании отрезках времени). «Раковина», *каи*, здесь — *хорагаи*, труба из раковины, обычно в японских источниках ею подают сигналы горные подвижники *ямабуси*.

Песни Хонити можно отнести к «песням об учении Будды», *сяккё:ка*, они напоминают о быстротечности жизни и побуждают не тратить напрасно недолгий человеческий век, спешить накапливать заслуги и т. п. Однако монах этим напоминаниям никак не следует, просто повторяет их.

Дальше Тё:мэй замечает:

Хоть и удивительно он подвижничал, но двинуться вперед людские сердца могут разными способами, так что и усердствуют не все одинаково. В краю Жунь отшельник Тань-жун строил мосты, и это было деянием ради Чистой земли; в краю Пу учитель Закона Мин-кан возил людей на лодке и достиг возрождения⁹.

И конечно, родные наши песни — это путь, могущий довести до предельных основ (*котовари-о кивамуру мити*), и потому мы, опираясь на них, очищаем сердце, созерцаем непостоянство мира, и оба эти дела должны быть полезны. Общинный старейшина Эсин презирал наши песни как «речи красная» и сам их не слагал. Но однажды на рассвете он поглядел на озеро Бива, увидел в тумане лодку на волнах, припомнил песню: «С чем сравнить могу тебя? Рано на заре...» — и тотчас помыслы его проявились, он задумался о печальном очаровании вещей (*моно-аварэ*) и с тех пор говорил: «Святое учение и родные песни на самом деле едины», и потом в подходящих случаях непременно слагал песни.

В рассказах и рассуждениях о песнях *вака* понятие *котовари* может обозначать то их содержание, которое, собственно, и делает песни чудотворными: то «основание», на котором строится песня-мольба («если вас, о боги, даром зовут небесными, то пошлите с неба дождь» и т. п.); см. [Kimbrough 2005]. У Тё:мэй здесь, как мне кажется, значение *котовари* более общее: поэтическое слово доходит до того предела истинности, до какого вообще может дойти человеческая речь, и поэтому очищает сердца.

⁹ Отсылка к «Преданиям о заповедях-жемчужинах и о возрождении в Чистой земле» (戒珠浄土往生伝, кит. «Цзечэжу Цзинту ваншэн-чжуань»), ТСД 51, № 2071, рассказы 30 и 38). Жунь — край в Китае на территории нынешней провинции Цзянсу; Пу — область на территории современной провинции Шаньси. Монах Тань-жун построил 48 мостов — по числу обетов будды Амиды; Мин-кан (он же Мин-ду) работал перевозчиком, как и некоторые японские монахи, на деле осуществляя частое в буддийских текстах сравнение учения с плотом или лодкой для переправы «на тот берег» через пучину рождений и смертей (в «Хоссинсю:» перевозчик — герой рассказа 1–1).

История обращения монаха Эсина, он же Гэнсин (942–1017), к пути «родных песен» пересказана также в «Сясэкисю:» (Vб–11). Отметим, что на этот путь, как и на Путь Будды, можно вступить по собственной воле. Эсин вспоминает песню *сяккё:ка* из «Собрания myriad листьев» («Манъё:сю:», № 351), принадлежащую поэту VIII в., известному как послушник Мансэй, — *Ё-но нака-о нани-ни татозму асахираки когинисифунэ-но ато наки ка кото*; в переводе А. Е. Глускиной: «Этот бренный мир, || С чем сравнить могу тебя? || Рано на заре || Так от берега ладья || Отплывает без следа...». Эсин осознаёт, что учение о непостоянстве можно выразить также и песней.

Порой сама по себе песня к буддийскому учению никак не отсылает, но кто-то из ценителей поэзии вчитывает в нее буддийский смысл.

В наши дни отшельник по имени Рэннэ вспоминал песню государыни Тэйси –

*Ёмосугара тигириси кото-о васурэдзува
кои-но намида-но иро дзо юкасики*

В чём ты клялся
Каждую ночь,
Я не забыла.
Слёзы твоей любви
Вижу и сейчас...

Эту песню государыня скрыла, чтобы государь не увидел, привязала к тесемке занавеса, и Рэннэ вспомнил о ней с бесконечной жалостью (*аварэ*), и сердце его очистилось; он повторял эту песню, в слезах возглашал «Победоносное заветие» и так молился о будущем веке. И снова читал песню, и опять возглашал заветие, и так не спал, пока зимняя ночь не сменится рассветом. Он был замечательным ценителем прекрасного.

Даты жизни монаха Рэннэ неизвестны; он вспоминает песню Фудзивара-но Тэйси (977–1001), супруги государя Итидзё. Песня входит в антологию «Госю:исю:» (№ 536); рассказы о том, как государыня оставила эти строки, а государь их прочел уже после ее смерти, встречаются во многих текстах, в том числе в «Повести о расцвете» («Эйга-моногоатари»), «Кондзяку» (24–41), «Дзиккинсё:» (1–11), и др.

«Победоносное заклятие» 尊勝陀羅尼, «Сонсё:-дарани», санскр. *Уишиша виджая-дхарани*, восходит к нескольким текстам буддийского канона (ТСД 19, №№ 967–974), оно призывает на помощь человеку благую силу света, исходящего от Будды. Рэннэ читает заклятие не ради какого-то конкретного чуда, а как молитву, подобно тому, как другие возглашают имя будды Амиды. И песню он, видимо, повторяет тоже как молитву, и не из-за каких-то ее особых свойств, а потому, что однажды она ему помогла войти в нужный настрой. По словам Р. Пандей, «поразило Рэннэ любовное признание императрицы, но глубочайшие его чувства вызвало выражение этой любви в форме *вака*... Стихи и *дарани* для него словно бы составляют пару. Он их читает по очереди, веря, что они помогут обеспечить государыне будущее спасение» [Pandey 1998, p. 129]. В отличие от «*Сясэкисю*:», здесь песни и заклятия объединяет не заложенная в них чудесная сила, а настрой человека, выбравшего их для своего подвижничества.

Заменять молитву может и музыка:

Сукэмита, заместитель наместника Западных земель, был мастером игры на лютне *бива*. Он был учителем Нобуаки и старшего советника Цунэнобу. Этот мастер вовсе никогда не радел о будущем веке. Только каждый день ходил в зал будды-хранителя и, ведя счет, играл напевы на лютне: заслуги от них он обращал к краю Высшей Радости.

Минамото-но Сукэмита (1005–1060) знаменит как музыкант; его ученики — Минамото-но Нобуаки (даты жизни неизвестны) и Минамото-но Цунэнобу (1016–1097). «Ведя счет» — то есть подсчитывая сыгранные пьесы, точно так же молящиеся подсчитывают молитвы (в «*Хоссинсю*:» в рассказе 2–2 герой даже покупает счетную доску, абак, для подсчета молитв).

Далее Тё:мэй объясняет: «Усердие (勤め, *цумэ*) — дело, зависящее и от заслуг (功, *ку*), и от решимости (志, *си/кокородзаси*), а потому я не думаю, что его труды были напрасны». Вслед за этими словами он пишет, что такое изящный вкус: «Не любить общение с людьми...» и т. д.

Завершающий эпизод рассказа относится к временам смуты 1156 г., разразившейся после кончины отрекшегося государя Тоба-ин; в итоге этой смуты отрекшийся государь Сутоку-ин (1119–1164) потерпел поражение и был сослан на остров Сикоку. Рассказ о страннике, посетившем бывшего государя в ссылке, входит в «*Повесть*

о смуте годов Хогэн» («Хо:гэн-моногатари») и другие памятники, в том числе и в сборники *сэцува*.

В годы Хогэн [1156–1159 гг.] в мире случилась беда, государя Сутоку сослали в край Сануки, и с тех пор высочайший приют был так жалок и убог, что невозможно описать. Местные воины с утра до вечера стояли на страже вокруг государева жилища, пройти туда просто так было нельзя; слухи об этом разошлись повсюду. Тот самый Рэннэ, отшельник и ценитель прекрасного (*суки-хидзири*), и прежде имел в сердце глубокое сострадание, думал об всем этом с большой болью, но поделиться было не с кем. Только от младшей сестры, близкой ко двору, узнавал он о том, что творится вокруг государя. А в прошлом Рэннэ был при дворе плясуном, и в ту пору во время плясок кагура ему изредка доводилось представлять перед государем. Пусть ему и не подобало теперь так глубоко скорбеть, он решился — и совсем один с дорожным коробом за плечами отправился в край Сануки.

Прибыл на место и увидел: жилище государя таково, что нельзя повесть глазам, еще более унылое на вид, чем по рассказам. Однако Рэннэ твердо решил пройти внутрь, решимость его была глубока, и он сквозь изгородь высматривал, не выдастся ли удобный случай. Но охрана была настороже, человеку спрятаться негде. Рэннэ понапрасну прождал весь день до вечера, а когда взошла луна, заиграл на флейте и, играя, стал ходить вокруг государева жилища.

Он думал: как же быть? А уже начало светать, и тут из домика вышел смуглый человек в простом кафтане *суйкан*. С великой радостью Рэннэ вслед за ним вошел во двор, осмотрелся — а там заросли травы в густой росе, совсем не слышно людских голосов. Пораженный, Рэннэ с тоской немного постоял там, потом на дощечке написал: «Могу ли я зайти и предстать перед вами?» — и передал всё тому же служителю.

*Асакура-я ки-но марудоно-ни иринагара
кими-ни сирарэдэ каэру канасиса*

В Асакура
В Бревенчатый дворец
Вошел я, и
Не повидавшись с государем
Уйти мне больно!

Служитель вскоре вернулся и сказал: вот, это вам. Рэннэ взял дощечку и при лунном свете прочел:

Асакура-я тада итадзура-ни каэсу ни мо
цури-суру ама-но коэ-номи дзо наку
 Из Асакуры
 Я понапрасну
 Тебя выпроваживаю
 И, как рыбак,
 Плакать могу лишь голосом.

Так написал государь. Сколь это изысканно! — подумал Рэннэ, спрятав дощечку в свой дорожный короб и в слезах пустился в обратный путь в столицу.

Обе песни здесь отсылают к старинной песне «Асакура», приписываемой государю Тэнти (626–672, правил в 668–672 гг.) и входящей в антологию «Синкокинсю:» (№ 1687). В месте под названием Асакура у Тэнти был дворец из нестроганных бревен, и каждый мог войти туда, лишь назвав свое имя. В память о тех простых временах похожее сооружение (точно не известно, какое именно) возводили на территории столичного дворца, а песню «Асакура» исполняли во время празднеств. В песне сказано: *Асакура я ки-но марудоно-ни вага орэба нанори-о сицуцу ику-ва тага ко дзо*, «В Асакура || В бревенчатом дворце || Я пребываю. || Называя свои имена, || Входят люди. Кто же на этот раз?» Рэннэ с тем старинным дворцом сравнивает приют Сутоку, а бывший государь в ответ говорит, что не может с ним увидеться и «плачет лишь голосом» — как рыбаки, чьи одежды всегда мокры, а потому слёз на них не видно.

В следующем рассказе (6–10) странник, путешествуя по реке, прибывает к месту, где красотки зазывают проезжих развлечься; на его удивление одна из девушек поет ему знаменитую песню Идзуми Сикибу из антологии 拾遺集, «Сю:исю:» (№ 1342) — *Кураки-ёри кураки мити-ни дзо иринубэки харука-ни тэрасэ яма-но ха-но цуки* — «Из тьмы выходя, || Во тьму погружаясь, блуждаю || Зыбкими тропами. || Освети же мне путь, далекая || Луна над горной вершиной!» (перевод Т. Л. Соколовой-Делюсиной) [Идзуми Сикибу 2004, с. 128]. Эта песня отсылает к «Лotosовой сутре» (ТСД 9, № 262, 22с). Девушка повторяет песню дважды или трижды, чтобы завязать благую связь со странником.

В рассказе 6–11 столичная дама приезжает на поклонение в храм Киёмидзу и там отдает оборванной нищенке одно из своих плать-

ев без подкладки; та оставляет платье там, где складывают прочие пожертвования храму, а вместе с платьем — песню:

*Коно киси-ни когиханарэтару ама нарэба
Оситэцукубэки ура мо обоздзу*

От здешнего берега
Я отчалила,
Ведь я — рыбачка,
Куда мне грести,
К которому заливу, — не помню.

Здесь *ама* — «рыбачка» и «монахиня», *ура* — «залив» и «подкладка». В «Дзиккинсё:» (3–6) этот же рассказ служит примером не к теме поэзии, а к теме уважительного отношения к людям.

Завершается раздел двумя рассказами, где о стихах речи уже нет. Странствуя в краю Мусаси, поэт Сайгё находит хижину отшельницы и узнаёт, что когда-то эта женщина служила в свите государыни Икухомон-ин (1076–1096, числилась супругой государя Хорикавы, хотя на самом деле была его сестрой). Теперь бывшая придворная дама читает «*Лотосовую сутру*» и радуется цветам и травам, прекрасным во всякое время года (6–12). В дальней глуши некий странник находит двух отшельниц: в прошлом они тоже служили при дворе, а потом избрали путь отшельничества. Тё:мэй рассуждает здесь о том, что человеческие сердца неодинаковы, а потому и пути подвижничества различны. И будды, и бодхисаттвы когда-то были обычными людьми, но дали обеты, исполнили их и пришли к освобождению. Мы связаны с ними в прежних жизнях, и потому они могут нам помочь, но нужно и самим подвижничать по примеру Будды, молиться, полагаясь на обет Амиды (6–13).

Еще один рассказ, 7–5, слова *суки* и производных от него не содержит. Но в нем, во-первых, действует ценитель музыки, он же мастер музыкальных инструментов; всю жизнь он мечтал о мелодиях, звучащих в Чистой земле, а после его кончины являются чудеса и подтверждают, что «музыка тоже может быть деянием ради возрождения для того, кто верит, что она — дело Чистой земли». Во-вторых, здесь же говорится о книжнике, знатоке мирской словесности: перед смертью он не может сосредоточиться на молитве, помыслы его заняты «ветром и луною», и поняв это, монах, сидящий у смертного одра,

заводит разговор о стихах и о знаменитых местах. «За много лет ты сложил множество превосходных строк, написал замечательные, знаменитые книги. А песни о Высшей Радости так и не составил. Досадно! Немало в здешнем мире таких красивых видов, с которыми трудно расстаться. Но в Чистой земле прекрасного гораздо больше!» — говорит монах, потом рассказывает о Чистой земле, и в итоге книжник начинает молиться и умирает с должными помыслами. Примечательно, что, в-третьих, в рассказе действует отшельник, избравший для себя необычный для японской общины путь: не отвлекаясь на тонкости учения, на обряды и на храмовые обыкновения, просто не делать того, что Будда запрещал, и делать то, к чему Будда побуждал. Кончина этого монаха также подтвердила, что он шел по правильному пути. В конце рассказа приводится противоположный пример: умирающего побуждали молиться, крича ему молитву прямо в ухо, он в итоге выжил и рассказывает, что этот крик не давал ему ни на чем сосредоточиться и только мучил.

Раджьяшри Пандей, обсудив рассказы 6-го раздела «Хоссинсю:», заключает: «Понятие *суки* — центральное у Тё:мэй в интерпретации религиозного идеала как такового. *Сукимоно* в рассказах “Хоссинсю:” всецело преданны своему искусству, и именно эта преданность делает их способными достичь духовной чистоты. Таким образом, в нескольких рассказах “Хоссинсю:” *суки* становится сущностным условием для *хоссин*» [Pandey 1998, p. 138]. Сравнивая два сочинения Тё:мэй, исследовательница показывает: в «Мумё:сё:» образ *сукимоно* включает в себя две составляющие: полную погруженность в поэзию и желание отклика в свете, признания собратьев по искусству. В «Хоссинсю:» эти два мотива разделяются, здешние *сукимоно* показаны как отшельники, вне придворного круга и вне сообщества поэтов. В первом случае цель — слагать прекрасные песни, во втором — пробудиться сердцем и пройти Путь Будды [Pandey 1992, p. 300–301]. Важно еще, где проходит грань между увлечением-подвижничеством и увлечением-страстью, таким, что не ведет к освобождению, а наоборот, привязывает к здешнему миру. Я согласна с Р. Пандей, что в «Хоссинсю:» нет простого ответа на этот вопрос. Есть примеры, когда из-за любви к цветам человек возрождался бабочкой или змеей (1–8); на взгляд читателя многие *сукимоно* выглядят, по словам М. Марра, как одержимые некой навязчивой идеей, *obsession* [Marra 2010]. Но почему вер-

ность искусству или прекрасному в каких-то случаях ведет к очищению и пробуждению сердца? Потому что искусство улучшает мир (ответ «Дзиккинсё:»), потому что прекрасное помогает сосредоточиться на нем одном (ответ «Сясэкисю:»), или дело в чем-то третьем?

Понятие *кокородзаси*

И Р. Пандей, и другой исследователь творчества Тё:мэй, Томас Хэр, предлагают расширить контекст для понимания рассказов о *сукимоно*, сопоставив их с еще двумя историями из сборника [Hare 1989, p. 213; Pandey 1998, p. 133]. Казалось бы, их героев никак нельзя назвать «ценителями прекрасного»: это нищие странники, настолько убогие, что не каждый в них опознает буддийских подвижников.

В рассказе 1–10 один такой нищий ходит в страшно грязном рубище, питается отбросами и постоянно повторяет два слога: «*Ру-ри*», все его так и зовут — Рури (瑠璃). Имеет ли нищий в виду Дзё:рури, Лазурную страну будды Якуси (Бхайшаджьягуру), или камень лазурит, или что-то еще, остается неизвестным. Но однажды некий ученый монах разрешает ему укрыться от дождя в храме — и всю ночь они проводят за беседой о трудных вопросах учения, Рури оказывается тонким знатоком канона, и собеседник даже предполагает, будто он — божество в измененном обличье 権者, *гондзя*. В этом же рассказе другой нищий повторяет лишь одну фразу: «Миряне, монахи, мужчины, женщины — все чисты!» — а на проверку тоже оказывается более сведущим, чем многие книжники. В обоих случаях Тё:мэй ведет речь не о каком-то внекнижном знании, доступном простецу, а именно об учености. Чудесное объяснение он не поддерживает, а говорит: «Так ведут себя люди из лучших чаятелей будущего века» 後世者, *госэмоно*, — то есть из тех, кто отбросил заботы о нынешней жизни и помышляет лишь о возрождении в Чистой земле.

В рассказе 3–1 еще один нищий постоянно повторяет присловье 増, *маситэ*, — «гораздо», «тем более»; его зовут «стариком Маситэ». В вещем сне некий монах получает указание: найти этого старика и «завязать связь» с ним, ибо старец непременно возродится в Чистой земле. Монах отправляется в путь, находит Маситэ, некоторое время наблюдает за ним и не понимает, в чем состоит его подвижничество. Затем старик признаётся, что при любых невзгодах думает: узникам

в аду гораздо хуже! А при любых радостях воображает себе Чистую землю и думает: там гораздо лучше! Это и позволяет ему стойко переносить страдания и не привязываться к здешнему миру. «Его дела приносят плоды не потому что слова, повторяемые им, чудотворны или священны в каком-либо смысле, а потому что он всего себя отдает этому повторению, что и освобождает его от земных привязанностей» [Nare 1989, p. 213]. Из рассказов о нищих следует, что единственно-достаточной опорой подвижника могут быть не молитвы, или заклания, или песни, или музыка, а просто словечки, ничего особенного не значащие, — если только человек почему-то выбрал их для себя. Как же работает такой выбор?

По словам Тё:мэй, дело здесь в «решимости», *кокородзаси* (пишется как 志 или 心ざし). Слово это встречается в сборнике 62 раза, можно считать его одним из самых важных понятий для «Хоссинсю:». «Из-за глубокой решимости люди являют непостижимые чудеса» (心ざし深くなるによりて、不思議をあらはす, *кокородзаси фукаку нару ни ёритэ, фукасиги-о аравасу*) — говорится в рассказе 5–4, где умершая жена является любимому и любящему мужу. Вообще *фукаки кокородзаси* в традиции поучительных рассказов и во многих других японских текстах обычно обозначает решимость быть вместе, взаимную привязанность влюбленных. У Тё:мэй можно встретить *кокородзаси* и в этом значении (5–1), и в других. Из-за «глубокой решимости» мать отстригает и продает свои прекрасные волосы, чтобы заплатить за доставку письма и гостинцев сыну-монаху на гору Хиэй — в пору снегопадов, когда посыльные особенно дорого берут за услуги. Похожую решимость можно видеть и у зверей и птиц, когда они, жертвуя собой, оберегают свое потомство (5–15). Решимость ведет дочь в изгнание следом за отцом, а потом помогает добиться, чтобы уже после его смерти его память почтили достойным образом (8–4). Решимость связывает ученика и учителя (6–1), прихожанина — и его наставника-монаха (1–9, 2–6, 6–7), особенно ценна решимость бедняка, пусть подношения его и скудны (2–6). Не всегда решимость связывает человека с другим человеком: это может быть стремление занять высокую должность (3–10) или заполучить чудесное облачение (2–7); чтобы читать сутру, полностью сосредоточившись на ней, тоже нужна решимость (3–12, 7–3).

В рассказе 8–5 Тё:мэй в дороге встречает странствующего слепого музыканта — и конечно, заводит с ним беседу, ведь и слепец, и сам

Тё:мэй принадлежат к вольному братству тех, кто играет на лютнях *бива*. Странник жалуется на дорожные тяготы, но потом говорит:

— Часто у людей есть в изобилии и лошади, и слуги, и припасы, но решимости нет, и они до сих пор не видели даже края Ооми, таким нет числа. И вот я: хоть мне и нелегко, я решился и вот, иду!

Тё:мэй соглашается: «На самом деле пуститься в путь — такое дело, где заранее никто не знает, что будет, но в любом деле всё зависит от решимости» (何ごとも志によるわざ, *нанигото мо кокородзаси-ни ёру вадза*), «а если решимость наша слаба, то никуда мы не дойдем» (心ざしは薄きことの、とにかくに取所なく, *кокородзаси усуки кото-но то-ни каку-ни торидокоро наку*). Таким образом, решимость — некое универсальное измерение всех поступков и всех занятий, именно то, за счет чего любое дело может стать подвижничеством. И разумеется, без решимости мирянину невозможно вступить на монашеский путь, а монаху — уйти в отшельники (1–1, 2–6, 3–7, 5–7 и др.).

В основном в «Хоссинсю:» действие происходит в Японии; один из немногих рассказов о китайских подвижниках посвящен как раз решимости:

2–13. О том, как наставник Шань-дао видел будду

Танский наставник Шань-дао был учеником Дао-чо. Однако учителя он превзошел, в сосредоточении видел будду Амиду, спрашивал о том, в чем сомневался, и обретал свидетельство.

Учитель его, Дао-чо, радовался и как-то раз сказал ему:

— Я с утра до вечера, как мне казалось, делаю то, что сообразно желанию возродиться в краю Высшей Радости. Но теперь меня одолели большие сомнения. Расспроси будду и Расскажи мне!

И тотчас Шань-дао вошел в сосредоточение и задал этот вопрос. Будда молвил:

— Когда рубят дерево, стучат топором. Когда возвращаются домой, не сетуют, что устали.

Эти два изречения Шань-дао выслушал и передал учителю.

Смысл сказанного вот в чем: когда рубят дерево, каким бы большим оно ни было, его в итоге все-таки срубают. Нужно только не лениться, рубить без отдыха. И когда возвращаются домой, не надо останавливаться по дороге, говоря: тяжело! И тогда шаг за шагом непременно дойдешь. Если решимость глубока и если не ленишься, можешь не сомневаться, —

вот чему учил будда. Это относится не только к Дао-чо. С любым подвижником, должно быть, так.

Дао-чо (562–645) и Шань-дао (613–681) почитаются как патриархи традиции Чистой земли. Казалось бы, ее наставления обращены как раз к тем, кто не находит в себе сил и способностей решиться на что-то большее, чем простая молитва «Слава будде Амиде» (об этом в «Хоссинсю:» говорит маловер в рассказе 7–12). В рассказе 7–3 сказано: «Амида дал великие и широкие клятвы-обеты и призвал всех живых постепенно двигаться к нему — с тем наследием прежних жизней, с теми привязанностями и с той решимостью, у кого какие есть. Это ведь он устроил в краю Высшей Радости девять уровней, и начиная с мудрых подвижников, накопивших заслуги, и вплоть до грешников, совершивших десять злодеяний и пять тягчайших грехов, Амида никого не отвергает. Поставив во главу всему молитву и чтение сутр, он принимает любые дела, даже пустые игры и шутки, если только люди обращают заслуги от них на возрождение». И все-таки в меру той решимости, какой обладает человек, стараться нужно — и при этом не отвлекаться и не терять из виду цели, ради которой стараешься.

Возможно ли на выбранном пути перестараться? Тё:мэй разбирает примеры людей, принявших самое отчаянное решение — покончить с собой, пока помыслы настроены на будущее возрождение, пока старость или болезнь не мешают встретить смерть с должными помыслами о будущей жизни (3–5, 3–7, 3–8). Самопожертвование, как его видит Тё:мэй, может быть угодно буддам, ведь телом своим человек дорожит больше всего, а значит, оно — самое ценное подношение. Однако сохранить решимость в миг самоубийства почти никому не удастся. Впрочем, «во всех делах всё зависит от решимости» — повторяет Тё:мэй в рассказе 3–7; подданный, добровольно ушедший из жизни в надежде воссоединиться после смерти со своим господином, может быть, достиг своей цели.

В нескольких рассказах Тё:мэй сравнивает решимость разных людей. Так, в рассказе 5–9 двое молодых друзей решаются вместе уйти в монахи: «Решимость у них была одна, но сердца пробудились по-разному» 心ざしは一つなれど、発心のおこりは異りけり, *кокородзаси ва хитоцу нарэддо, хоссин-но окори ва котонарикэри*. Оба юноши знатны, их могла бы ждать карьера при дворе, семьи не хотят их отпускать. Один является к монаху и настаивает, чтобы тот провел обряд пострига, другой пытается уговорить отца; когда и монах,

и отец соглашаются, то видят, что каждый из юношей уже срезал себе узел волос, *мотодори*, то есть решительный шаг сделал сам. В рассказе 6–13 странник говорит отшельникам: «У меня пробудились в сердце помыслы о просветлении, я бежал от мира, отбросил тело, скитаюсь по горам и лесам, так что наша с вами решимость одинакова, поэтому я с особенной радостью увидел вас». Здесь особая связь возникает между людьми, когда их решимость направлена не друг на друга, а в одну сторону, к общей цели.

Наконец, решимость свойственна не только людям, но и богам *ками* — «отпечаткам следов» будд и бодхисаттв. «Следуя способностям тех, кто живёт в последнем веке, они временно являются как боги, но на самом деле движет ими решимость обратить-переправить живые существа (化度衆生, *гэдо сюдзё*:). Должно быть, поэтому, если мы молимся только о делах здешнего мира, богам это не по сердцу» (8–11). Позже на этом будет настаивать и рассказчик «*Сясэкисю*:» — боги помогают в житейских делах только затем, чтобы направить человека на Путь Будды, а если отказывают в помощи, то тоже ради этого. «Решимость богов чтить Закон глубока и воистину трогает сердце» — этой фразой завершается последний рассказ в сборнике Тё:мэй (8–14). Отсюда понятно, почему Тё:мэй совсем не обсуждает чудотворных песен: если кому-то из поэтов отозвались боги, или будды, или другие люди, причина была не в песне, а в их настрое, в их «решимости».

Вместо заключения

В «*Хо:дзё:ки*» Тё:мэй рисует ставшую хрестоматийной картину «последнего века», эпохи «конца Закона». В «*Хоссинсю*:» он тоже обращается к этой теме, хотя и реже, чем можно было бы ожидать. И один из таких рассказов (8–7) имеет прямое отношение к вопросу о *кокородзаси*. Здесь вдова воина, узнав, что у нее пытаются отобрать выделенное ей имущество, внезапно умирает от гнева, а храмовый распорядитель так же скоропостижно — от горя, когда удар молнии разрушает пагоду его храма. Оба примера показывают, что и в «последнем веке», когда все способности слабнут, люди еще могут испытывать сильные чувства. «Стало быть, и в наш век сердца пробуждаются вот так: ко злу или ко благу». Тё:мэй приводит еще два примера:

Собираются люди, кого зовут игроками, садятся за «двойные шестерки» (*сугороку*), и как слышно, ночами не спят, целыми днями не встают, по семь или восемь суток ни получаса не отдыхают; всё это время тело страдает, сердце разрывается, не с чем сравнить! Но, если у них хватает сил отсесть помыслы о пище, питье и превосходстве над другими, стало быть, есть способ, каким сердца воспитываются сами по себе! И глаза не слепнут, и спина не затекает... А в пределе, кажется, решимость у игрока бывает такой, как у царевича Щедрейшего, когда тот отдал камень исполнения желаний¹⁰.

Если же говорить о накоплении заслуг и явлении непостижимых чудес, то среди лицедеев, что выступают на полевых плясках и обезьяньих игрищах¹¹, есть такие, кого зовут мечниками: они нарочно ставят на кон свою жизнь. На виду у зрителей трое лицедеев берут шесть мечей. Самый искусный стоит в середине; один перед ним, еще один позади, каждый из этих двоих держит три меча и спереди назад быстро их кидает — наперегонки с напарником — а тот, кто стоит в середине, ловит мечи, летящие от переднего, и перебрасывает назад, а мечи, летящие от заднего, кидает вперед. Всего он управляет одновременно с шестью мечами: не подумаешь, что такое проделывает обычный человек! Когда другие рассказывают, невозможно поверить.

Но и это тоже не непостижимо. Все дело в старательном накоплении опыта. Если ради заслуг они так же станут упражняться и у них пробудятся помыслы об отважном движении вперед, то в нынешнем теле смогут обрести и созерцание-самадхи¹², наяву увидеть и будд, и бодхисаттв.

Мастерство жонглеров Тё:мэй называет «накоплением опыта», используя то же слово 功, *ку*, которое обычно переводится как «заслуги» в буддийском смысле. Хотя и наступил «последний век», решимость у людей бывает достаточно крепкой — и чтобы поглотить все силы и придать новых сил, как в случае с игроками, и чтобы позволить сделать что-то выходящее за рамки обычных человеческих возможностей, как в случае с жонглерами. Всё это можно отнести и к *сукимоно* — истовым почитателям и создателям прекрасного.

¹⁰ Царевич Щедрейший, Тайсэ-тайси, — Будда в одной из прежних жизней, он отдал нищему чудесный камень исполнения желаний.

¹¹ *Дэнгаку* и *саругаку*, два вида зрелищных искусств; позже они дадут начало японскому театру, но в начале XIII в. они ближе к нынешнему цирку.

¹² «Отвага» 勇猛, *ю:мё:*, «движение вперед» 精進, *сё:дзин*, «созерцание-самадхи» 三昧, *саммай*, — ступени совершенствования бодхисаттвы.

Рассказы «Хоссинсю:» о решимости отчасти напоминают две похожих истории из более поздних текстов: «Сясэкисю:» (II–I) и «Цурэдзурэгуса» (68). В обеих речь идет о людях, которые верили в силу какого-то снадобья и усердно лечились им. И оба раза снадобье сработало не так, как ожидалось: в первом случае помогло найти пропавшую лошадь, во втором спасло от разбойников. Рассказчики заключают: такова сила «веры/доверия» 信, *син*, сами по себе лекарства чудесными не были. Вера, однако, предполагает, что человек, пусть и заблуждаясь, мыслит опору для себя где-то вовне. Для Тё:мэй решимость — нечто внутреннее, решиться каждый может только сам. И каждый может выбрать, на что решиться, и выбор важен, дальнейшие пути неравноценны, даже если решимость равно глубока. Выбор ценителя прекрасного, как и выбор простеца и отшельника, хорош тем, что для него почти ничего внешнего не нужно — или наоборот, внешний мир нужен весь и сразу, со всеми его временами года, со всеми печалью и радостями. Такова точка зрения Тё:мэй в долгом разговоре о поэзии и поэтах в традиции рассказов *эцува*.

Библиографический список

- Бежин Л. Е. (1982). Под знаком «ветра и потока». Образ жизни художника в Китае III–VI вв. — Москва: Наука.
- Идзуми Сикибу (2004). Собрание стихотворений. Дневник / пер. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. — Санкт-Петербург: Гиперион, 2004.
- Камо-но Тё:мэй (2015). Записки без названия. Беседы с Сётэцу / пер. М. В. Торопыгиной. — Санкт-Петербург: Гиперион, 2015.
- Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии (2001) / пер. А. А. Долина. — Санкт-Петербург: Гиперион.
- Трубникова Н. Н. (2013) «Путь песен» и «Путь Будды»: монашеский взгляд на японскую поэзию в «Собрании песка и камней». *Ежегодник Японии*. Т. 42. С. 290–311.
- Трубникова Н. Н. (2017) Еще раз о «благой силе песен»: поучительные рассказы о поэтах в «Сборнике наставлений в десяти разделах». *Ежегодник Японии*. Т. 46. С. 307–329.

References

- Bezhin, L. (1982). *Pod znakom "vetra i potoka"*. *Obraz zhizni khudozh-*

nika v Kitaye III–VI vv. [Under the Sign of “Wind and Flow”. Lifestyle of an Artist in China in the 3rd–6th Centuries]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Hare, Th. B. (1989). Reading Kamo no Chōmei. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 49/1, 173–228.

Izumi Shikibu (2004). *Sobranie stikhotvorenii. Dnevnik* [Izumi Shikibu-chū, Izumi Shikibu nikki] / transl. by T. L. Sokolova-Delyusina. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

Kamo no Chōmei (2015) *Zapiski bez nazvaniya* [Mumyōshō] / transl. by M. V. Toropygina. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

Kamo no Chōmei (2016). Hōjōki; Hosshinshū / ed. by Miki Sumito. Tokyo: Shinchosha. (In Japanese)

Kimbrough, R. K. (2005). Reading the Miraculous Powers of Japanese Poetry. Spells, Truth, Acts, and a Medieval Buddhist Poetics of the Supernatural. *Japanese Journal of Religious Studies*, 32/1, 1–33.

Kinoshita, H. (2020). Sukimono to chūsei bungaku [Relations of People Called Suki-Mono and the Japanese Medieval Literature]. *Study of Cultural Exchange*, 33, 11–19. (In Japanese).

Kokinwakashū (2001) / transl. by A. A. Dolin. Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).

Marra, M. (2010). *Essays on Japan: Between Aesthetics and Literature*. Leiden: Brill.

Matsumoto, A. (2020). Haisho no tsuki wo miru hito — Sugawara no Michizane no kyōchi Minamoto no Akimoto no omoi [A Man Looks the Moon in the Relegated Place — Sugawara no Michizane and Minamoto no Akimoto]. *Bulletin of the Faculty of Education, Mie University*, 71, 141–152. (In Japanese).

Pandey, R. (1992). Suki and Religious Awakening: Kamo no Chomei's Hosshinshu. *Monumenta Nipponica*, 47/3, 299–321.

Pandey, R. (1998) *Writing and Renunciation in Medieval Japan: The Works of the Poet-Priest Kamo No Chomei*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Trubnikova, N. (2013). “Put’ pesen” i “Put’ Buddy”: monasheskii vzglyad na yaponskuyu poeziyu v “Sobranii peska i kamney” [The “Way of Songs” and the “Way of Buddha”: a Monastic View of Japanese Poetry in the “Anthology of Sand and Stones”]. *Yearbook Japan*, 41, 290–311. (In Russian).

Trubnikova, N. (2017). Eshche raz o “blagoi sile pesen”: pouchitel’nye rasskazy o poetakh v “Sbornike nastavlenii v desyati razdelakh” [Once Again About the “Miraculous Power of Waka”: *Setsuwa* Tales About Poets in *Jikkinshō*]. *Yearbook Japan*, 45, 307–329. (In Russian).

«Нервное истощение» (*синкэй суйдзакү*) и писатель Танидзаки Дзюнъитиро

М. Г. Селимов

Аннотация

Статья посвящена распространению новомодной «болезни» (*синкэй суйдзакү*) среди японской творческой элиты XX в., частью которой был писатель Танидзаки Дзюнъитиро (谷崎潤一路, 1886–1965), чей художественный образ «болезненного гения» сформировался под непосредственным влиянием психиатра Сугита Наоки (杉田直樹, 1887–1949), трудов Р. Крафта-Эбинга (1840–1902) и Отто Вейнингера (1880–1903).

Прочная причинно-следственная связь между психикой и творчеством была обусловлена тем, что произведения европейской классики проникали в Японию одновременно с биографиями их авторов. Это формировало веру в зависимость литературы, скажем, Ф. Достоевского или Г. Мопассана от их «болезненности», благодаря чему «недуги» литераторов были актуализированы в Японии первой половины XX в., став ключевым элементом амплуа «современного» писателя. Широко распространившиеся идеи противопоставлялись нео-конфуцианской мысли прошлой эпохи — гениальность уже не зависела от образованности, а от психических патологий, дарующих их обладателям особое чутье и талант. Труды европейских философов, психиатров, биографии литераторов XIX в., позволили «новым» японским художникам создать для себя привилегированное положение на развивающемся рынке массовой культуры.

Синкэй суйдзакү стал маркером того, что интеллектual испытывает на себе всю тяжесть современной цивилизации, находится на передовом крае процесса модернизации. Образ болезненного гения-мазохиста, сконструированный литератором Танидзаки Дзюнъитиро, лег в основу практически всех его произведений.

Главным методом исследования является аналитический. Особое внимание уделяется специфике развития японской культуры первой четверти XX в., когда Танидзаки Дзюнъитиро включился в дискурс эпохи модер-

низма со своими представлениями об идеальной женщине, которая должна была изменить «генетический» код японской нации, преобразовав человека не только внешне, но и ментально. Произведения литератора — это серия «манифестов», направленных на переосмысление роли и образа женщины в современном обществе, поиск собственной идентичности, места японской нации в современном мире.

Ключевые слова: японская литература, история литературы, Танидзаки Дзюньитиро, *синкэй суйдзяку*, «болезненный гений», Крафт-Эбинг, Отто Вейнингер.

Автор: Селимов Мазай Гаджимагомедович, научный сотрудник и аспирант Отдела литератур стран Азии и Африки Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Россия, 121069, Москва, ул. Поварская 25а).

E-mail: mazay_sv@yahoo.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

“Neurasthenia” (*Shinkei Suijaku*) and Writer Tanizaki Jun’ichirō

M. G. Selimov

Abstract

This article is devoted to the spread of the vogue “disease” — *shinkei suijaku* (神経衰弱) among the Japanese creative elite of the 20th century. Part of it was writer Tanizaki Jun’ichirō (谷崎潤一郎, 1886–1965), whose artistic image of a “mad genius” was formed under the direct influence of psychiatrist Sugita Naoki (杉田直樹, 1887–1949) and the works of R. Krafft-Ebing and Otto Weininger. The strong causal relationship between “madness” and creativity was caused by the fact that European works of literature came to Japan simultaneously with biographies of their authors. This formed the belief that literature (Dostoevsky or Maupassant’s works, for instance) depended on “madness”. Due to this, the image of a “mad genius” was popularized in Japan in the first half of the 20th century, becoming a key element of the persona of a “modern” writer. These widespread ideas were opposed to the Neo-Confucian thought of the past, Tokugawa era. Genius no longer depended on education, but mental pathologies, giving their

owners a special flair and talent. The works of European philosophers and psychiatrists, biographies of writers of the 19th century allowed the “new” Japanese artists to create for themselves a privileged position in the developing market of mass culture. *Shinkei suiijaku* became a marker of the fact that an intellectual was experiencing the full weight of modern civilization; they were at the very edge of the modernization process. The image of a morbid masochist genius constructed by writer Tanizaki Jun’ichirō formed the basis of almost all of his works.

The main method of research is analytical. Special attention is paid to the specifics of the development of Japanese culture in the first quarter of the 20th century, when Tanizaki Jun’ichirō joined the discourse of the modernist era with his ideas about the ideal woman who had to change the “genetic” code of the Japanese nation, transforming a person both externally and internally. The works of the writer are a series of “manifestos”, aimed at rethinking the role and image of women in modern society, searching for one’s own identity and the place of the Japanese nation in the modern world.

Keywords: Japanese literature, literary history, Tanizaki Jun’ichirō, *shinkei suiijaku*, “mad genius”, Krafft-Ebing, Otto Weininger.

Author: *Selimov Mazay G.*, Research Fellow and PhD Student of the Department of Asia and Africa Literatures, A. M. Gorky Institute of World Literature of RAS (25a Povarskaya Street, Moscow, Russian Federation, 121069).

E-mail: mazay_sv@yahoo.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

В первой четверти XX в. современная японская культура получила значительное развитие, новизна воспевалась во всем (литературе, театре, живописи, философии и т. д.), деятели искусств уверенно шагали в новый модернистский мир.

В молодежной среде разгорелся интерес к европейской философии, психиатрии и будоражающему сознание современному искусству, благодаря чему в конце 1920-х гг. произошел всплеск оригинальной культуры *эро гуру нансэнсу*¹. Исследователь современной японской

¹ *Эро гуру нансэнсу* (エロ・グロ・ナンセンス) — термин, обозначающий главную характеристику японской массовой культуры конца 1920-х — начала 1920-х гг.: эротика, гротеск, абсурд. Отличительной особенностью периода явилось значительное увеличение литературы, глянцевого журналов, газетных статей, сосредоточенных вокруг эротического

культуры Мириам Сильверберг предполагает, что культура эротики, гротеска и абсурда начала зарождаться после Великого землетрясения Канто (関東大震災, 1 сентября 1923), разрушившего столичный регион [Silverberg 2006, pp. 7–30], а согласно доминирующей в настоящее время концепции японской модернистской литературы, «под термином “модернистская литература” понимаются различные движения авангарда и “искусства ради искусства”, действовавшие между 1924 и 1931 гг.» [Хронопуло 2015, с. 276]. Однако хотелось бы возразить и заметить, что в литературе это явление проявляется гораздо раньше — оно, как мне видится, охватывает конец периода Мэйдзи (明治時代, 1868–1912), прочно связанного с реакцией японских писателей на футуризм, поэтому с уверенностью можно сказать, что элементы культуры эротики, гротеска и абсурда, американизмы, проявление интереса к гедонистической жизни и гендерным проблемам начали появляться уже в начале XX в.

Так в 1909 г. свою заинтересованность модернизмом продемонстрировал известный японский писатель, сторонник немецкой романтической школы и переводчик «Фауста» Гёте Мори Огай (森鷗外, 1862–1922). На страницах влиятельнейшего литературного журнала «Субару» (すばる) он опубликовал свой перевод «Первого манифеста футуризма» Филиппо Томмазо Марринетти. Произведение было представлено японской публике уже через несколько недель после его появления во французской газете «Фигаро»: «Комментируя манифест, Мори Огай отметил, что Маринетти “добавил философию Ницше к мелодике Виктора Гюго”. После выхода перевода манифеста на японский язык и статьи Огая поэт-символист Такамура Котаро (高村小太郎, 1883–1956) из “Общества Пана” (パンの会, Пан-но кай), заинтересовавшись этим новым явлением в литературной жизни Запада, написал Маринетти письмо с просьбой подробно разъяснить содержание футуристических лозунгов. В ответ Маринетти прислал целую серию манифестов, статей, эссе своих соратников по футуристической группе — Боччони, Северини, Кара, Руссоло, Балла, а также свои собственные. Все эти материалы были переведены на японский язык, что послужило отправной точкой для возникновения авангарда на японской почве» [Мошняга 2005, с. 62–63].

Гротеска. Главным представителем культуры *эро гуру нансэнсу* можно назвать писателя Эдогава Рампо (江戸川乱歩, 1894–1965), после публикации его рассказа «Тень чудовища» (陰獣) и начался бум этой культуры.

Прогрессивная часть интеллигенции была очарована возможностями технического прогресса. В эссе «Настоящее и будущее кино» (活動写真の現在と将来, *Кацудо:сясин-но гэндзай то сё:рай*, 1917) Танидзаки Дзюньитиро крайне ясно выразил свое отношение к современным техническим возможностям — кинообъективам, камерам, возможностям монтажа и т.д. — и их влиянию на искусство [Tanizaki 1999b]. Грезы японцев о том, что самая безумная утопия может быть реализована благодаря прогрессу, вскружила головы писателям, художникам, артистам. Однако обращение к новым формам выражения, эксперименты были необходимы интеллектуальной элите для самопознания, самоопределения в новом мире.

Танидзаки Дзюньитиро

Жажда революционных изменений, которую демонстрировал писатель Танидзаки Дзюньитиро — попытки участия в модернизации общественного сознания, — во многом связаны с тем, что японский модернизм начинает заигрывать с европейской психиатрией. К 1910-м гг. формы психических и сексуальных девиаций начинают натурализоваться в японской словесности, становясь ее ключевой чертой. Не в последнюю очередь это происходит благодаря популяризации европейских психиатров и их биографий в Японии.

Танидзаки Дзюньитиро в этот период жизни находится в дружеских отношениях с психиатром Сугита Наоки (杉田直樹, 1887–1949), который стажировался в Германии и стал профессором Университета Нагоя. С Сугита Наоки писатель познакомился еще в старшей школе, вскоре они вместе начали работать над выпуском журнала «Ассоциация выпускников» (校友会雑誌, *Ко:ю:кай дзасси*). Сугита специализировался на психопатологиях, «изучал труды немецкого психиатра Крафта-Эбинга², Отто Вейнингера³, Чезаре Ломброзо⁴» [Chiba 2020, Лос. 445]. В последние годы жизни опубликовал множество книг, в том числе «Современная культура и интимная жизнь» (近代文化

² Рихард фон Крафт-Эббинг (1840–1902) — немецкий психиатр, один из основоположников сексологии.

³ Отто Вейнингер (1880–1903) — австрийский философ, исследователь человеческой сексуальности.

⁴ Чезаре Ломброзо (1835–1909) — итальянский психиатр, основоположник антропологического направления в криминологии, исследователь человеческой сексуальности.

と性生活, *Киндай бунка то сэйсэйкацу*, 1931). Отмечу, что статья Сугита, посвященная философу Отто Вейнингеру «*Отто Вейнингер с физиологической точки зрения*» (生理学上より見たるオットー、ワイニンゲル, *Сэйригаку уэёри митару отто вейнингэру*, 1910) вышла во втором выпуске журнала «Синситё» (新思潮), в котором, отмечу, состоялся дебют Танидзаки Дзюнъитиро — был напечатан рассказ «*Татуировка*»⁵. Сугита Наоки говорит о судьбе Отто Вейнингера, родившегося в Вене и опубликовавшего в 1902 г. труд под названием «*Пол и характер*». Спустя три месяца после этого события 33-летний философ снял комнату, в которой ушел из жизни Бетховен и застрелился в ней. «Сугита подходит с юмором и сочувствием к описанию портрета Отто Вейнингера» [Chiba, 2017, p. 12]. Дружба с Танидзаки продолжалась вплоть до смерти Сугиты в 1949 г. Исследователь Тиба Сюндзи отмечает, что Сугита Наоки стал «прообразом доктора Кусида, лечившего Эцуко от нервного срыва» [Chiba 2020, Loc. 753–754] в романе Танидзаки Дзюнъитиро «*Мелкий снег*» (細雪, *Самэюки*, 1943–1948).

Замечу, что имя философа Отто Вейнингера звучит в произведении Танидзаки Дзюнъитиро «*До тех пор, пока меня не бросят*» (捨てられる迄, *Сутэрарэру мадэ*, 1914): «Как поясняет Вейнингер, если в мире нет идеального юноши и идеальной девушки⁶, то в мире нет абсолютно никакой разницы между полами, соответственно, любое состояние может быть применимо к индивиду. Кокити как-то обнаружил, что время от времени его переполняют женские эмоции. В такие моменты он и в самом деле становился настоящей женщиной» [Tanizaki 1981, p. 232].

Нет также сомнений и в том, что Танидзаки Дзюнъитиро прекрасно был знаком с трудами австрийского психиатра Р. Крафта-Эбинга (1840–1902), по крайней мере с работой «*Половая психопатия*» (*Psychopathia Sexualis*, 1886), которую Танидзаки упоминает в романе «*Дзётаро*» (饒太郎, *Дзё:таро:*, 1914): «Юный Дзётаро был удивлен, восхищен и взволнован после того, как познакомился с книгой Крафта-Эбинга “Половая психопатия”» [Tanizaki 1999a, p. 27]. Японец, напуганный своими сексуальными фантазиями, которые традиционное общество может заклеить как «извращение», вдруг осознал,

⁵ Рассказ был переведен на русский язык А. А. Долиным.

⁶ В каждом человеке присутствуют как женское, так и мужское начала.

что в мире существуют десятки тысяч человек, ощущающих схожие желания.

Хотелось бы подчеркнуть, что персонажи Танидзаки Дзюньитиро в большей или меньшей степени наделены психиатрическими патологиями — большая часть героев — как художественных, так и автобиографических — произведений Танидзаки являются мазохистами, а героини садистками.

Впервые эти термины в психиатрию и сексопатологию ввел Р. Крафт-Эбинг для описания конкретных сексуальных девиаций человека. Мазохист испытывает удовольствие от физического и/или психического насилия, наносимого партнером — термин «мазохизм» получил название по имени австрийского писателя Л. Захера Мазоха (1836–1895), который писал о мужчинах, находящих очарование в том, чтобы быть униженными женщинами, в которых влюблены [Захер-Мазох 1993]. Садист испытывает удовольствие от физического и/или психологического насилия над своим партнером — термин «санизм» получил название по имени французского философа и писателя Маркиза де Сада (1740–1814).

В письме, отправленном другу по имени Онуки (大貫), Танидзаки сообщает, что влюблен в горничную, прислуживающую в доме Сасанума Гэносукэ (笹沼源之助): «Я ей еще ничего не говорил. Я совершенно не уверен в том, ответит ли она своей любовью на мою, если я ей откроюсь. Но я желаю, чтобы она стала моей женой, даже если не сможет полюбить меня. Она не обязана быть искренней со мной. Я позволю ей лгать мне, играть мной и даже убить меня. По неведомым мне причинам я просто хочу находиться рядом с ней. И если мне не удастся стать ее мужем, то я буду счастлив стать для нее собакой, лошадью, свиньей» [Tanizaki 1970, pp. 180–181]. Подобные заявления Танидзаки Дзюньитиро делал уже будучи знакомым с трудом Р. Крафта-Эбинга «*Половая психопатия*», намеренно акцентируя внимание адресата на своей «болезненности».

Искусство

Подчеркну, что понятие «искусство», которое появилось в Японии лишь во второй половине XIX в., породило идею о том, что литературные тексты обладают уникальной ценностью, не сводимой к моральному, религиозному или научному содержанию, как это было в эпоху

Токугава. А увлечение немецкими философами, психоанализом, сексуальными девиациями, приводит к изменению восприятия художника. Соответственно, возникает «миф» о том, что творить искусство может лишь человек «болезненный» — обладатель психических патологий.

Важно отметить, что в начале XX в. представление о писателях как о художниках являлось предметом споров. Такие понятия как «художник» (美術家, *бидзюцука*) и «искусство» (美術, *бидзюцу*) все еще были неоднозначными, поскольку впервые появились в японском языке лишь в начале 1870-х гг. как переводы западных понятий. «Любое обсуждение "искусства" в первые десятилетия современной Японии было творческим усилием, эффективно производящим и формирующим посредством критического дискурса объект, который он якобы описывал» [Suzuki 2006, pp. 151–152]. Именно в этом нестабильном контексте художественная проза стала рассматриваться как «искусство».

Очевидно, что художественная литература была не нова для Японии, которая достигла значительных высот по производству массовой развлекательной литературы *гэсаку* (戯作) еще в период Токугава (徳川時代, 1603–1868), но идею того, что она может являть собой искусство, обладать некой ценностью, а не быть лишь чтивом для приятного времяпрепровождения, поднял критик и шекспировед Цубоити Сёё (坪内逍遙, 1859–1935) в первых строках своего трактата «Сущность романа» (小説神髓, *Сё:сёцу синдзуй*, 1885), заявив, что роман — это «искусство» [Tsubouchi 1946, p. 14]. Он ссылается на лекцию «Истинное значение искусства» (美術真説, *Бидзюцу синсёцу*, 1882) американского философа, этнографа и преподавателя Токийского императорского университета Эрнеста Феноллозы (1853–1908) [Murakata 1983, p. 45]. Само же слово «*бидзюцу*» было впервые использовано в 1872 г. для перевода списка экспонатов, привезенных японцами на Всемирную выставку 1873 г. в Вене⁷.

«Безумный гений»

Литературный критик Ито Кэн (井東憲, 1895–1945) в труде под названием «История безумных литераторов» (変態作家史, *Хэнтай*

⁷ «Музыка, живопись, скульптура, поэзия и прочее были названы «искусством» на Западе». См. подробнее: [Kitazawa 2005, p. 9].

саккаси, 1926) утверждает, что «“гениальность” — это извращение, психическое заболевание, подвид безумия <...>. В наши дни никто не сомневается в том, что гений — это психически нездоровый человек (変質者)» [Ito 1926, pp. 3–4]. Действительно, писатели начала XX в. соглашались с этим утверждением, воспринимая идею «психического расстройства» (девиантного поведения, «безумия») как гениальность, вокруг которой конструировались художественный образ, литература.

Замечу, что профессия писателя в домодернистской Японии была напрямую связана с конфуцианской наукой, требовала от него знания конфуцианских канонических текстов и истории. Литераторы, не соответствовавшие этим стандартам, подвергались критике в виду отсутствия образования (学歴, *гакурэки*). По этой причине, создателям развлекательного чтива, чей талант (才子, *сайси*), подчеркну, не оспаривался, зачастую приходилось скрываться за псевдонимами. Образованность ставилась выше таланта.

Переосмысленная модернизацией Мэйдзи иерархия образованности и таланта привела к появлению таких идей как «внутренняя жизнь» (内部生命, *найбу сэймэй*) поэта Китамуры Тококу (北村透谷, 1868–1894) или «индивидуализм» (個人主義, *кодзинсуги*) литературного критика и писателя Такаямы Тёгю (高山樗牛, 1871–1902), которые уничтожили привилегированную связь словесности с конфуцианской образованностью, создали другую — прочную связь между литературой и авторской индивидуальностью [Suzuki 1996, pp. 32–41].

Публицист и переводчик на японский язык трудов русского анархиста-революционера П. А. Кропоткина (1842–1921) Котоку Сюсуй (幸徳秋水, 1871–1911) в статье «Три необходимых элемента композиции» 1907 г. поднимает вопрос о том, что аргументированное письмо (論文, *ромбун*) требует образованности, но «если дело касается поэзии и художественной литературы (美文, *бибун*), то и необразованный человек (無学な人, *мугакуна хито*) может создать отличное произведение» [Kotoku 1929, p. 81]. Это видение прямо противоположно взглядам на творчество эпохи Токугава. Литература начинает характеризоваться именно как деятельность, не требующая образованности, но зависящая от «болезненной гениальности».

Японский литературный критик Каратани Кодзин отмечает, что ценность литературы как нечто производное от уникального авторского «Я», новые идеи помогли распространению мысли о том, что гений — «психически нездоровый» человек, которого от прочих

отличает умение создавать произведения искусства. Более того, растущий интерес к исследованию потаенных уголков внутреннего мира человека посредством литературного выражения был вызван текстами европейских философов и психиатров XIX–XX вв. [Karatani 1993, pp. 45–75].

Это привело к распространению модной «болезни» под названием «нервное истощение» (神経衰弱, *синкэй суйдзяку*) — болезнь считалась неизбежным результатом того, что интеллектуалам пришлось испытать на себе всю тяжесть современной цивилизации. В начале XX в. нервное истощение стало настолько популярной темой для обсуждения, что эту «болезнь» называли «национальным заболеванием» — ее наличие свидетельствовало о том, что интеллектуал находится на передовом крае процесса модернизации [Cornyetz, Vincent 2009, pp. 241–258]. А в медицинском журнале «Синкэйгаку дзасси» (神経学雑誌) публиковались статьи, которые «определяли эту болезнь как недуг людей культуры» [Kitanaka 2012, p. 60].

Выдающийся писатель эпохи Нацумэ Сосэки (夏目漱石, 1867–1916) на лекции «Современная японская цивилизация» (現代日本の開化, *гэндай нихон-но кайка*, 1911) сказал: «<...> нервное истощение — это именно то, чем большая часть профессуры заканчивает после десяти лет напряженной работы» [Rubin, Rimer, Gessel 2005, p. 321]. Ментальное заболевание у литераторов стало почти необходимым условием для повышенной художественной чувствительности, поскольку «современность» и «психические патологии» стали отождествляться друг с другом.

Известные писатели Нагаи Кафу (永井荷風, 1879–1959) и Гото Суэо (後藤末雄, 1886–1967) писали о заболевании крупнейшего французского поэта Ги де Мопассана (1850–1893) как о цене, которую он заплатил за свой дар, пожертвовал всем ради искусства. Жизнь художника два литератора рассматривали как средство, не более [Miyanaga 2012, pp. 245–246]. А поэт и литературный критик Хироцу Кадзуо (広津和郎, 1891–1968) прямо связывал приступы психоза шведского писателя Августа Стриндберга (1849–1912) с его талантом: «Благодаря душевным заболеваниям, галлюцинациям и сумасшествию он достиг психического состояния, которое было выше гениальности, выше безумия» [Hirotsu 1919, pp. 127–128]. Внимание влиятельного литературного критика первой половины XX в. Синдзё Ваити (新庄和一, 1891–1952) было приковано к личности Ф. М. Достоевского,

заболевание которого (эпилепсия) он описывает как «священный недуг», даровавший ему особое художественное видение, чутье, недоступное обычным людям [Shinjo 1916, p. 195]. В биографиях литераторов первой половины XX в. проблема с ментальным здоровьем упоминается как центральная черта личности. Например, исследователь творчества Нацумэ Сосэки Акаги Кохэй (赤木桁平, 1891–1949) писал, что в «сравнении с такими великими гениями как Федор Достоевский и Ги де Мопассан, чьи “сложные и извилистые” жизни являли собой “материнскую утробу их великого искусства”, жизнь Нацумэ Сосэки была посредственной и скучной» [Akagi 1917, p. 10]. Акаги признает, что Ф. М. Достоевский и Г. Мопассан создали свои произведения искусства благодаря проблемам со здоровьем.

Биографическая литература укрепила понимание того, что гениальность прочно связана с психологическими проблемами, сделав «болезненность» неотъемлемой частью творческих способностей многих литераторов. Эти прочные причинно-следственные связи между психикой и творчеством были обусловлены тем, что произведения европейской классики проникали в Японию одновременно с биографиями их авторов, тогда как европейская аудитория XIX в. сначала знакомилась с творениями, а с биографиями авторов произведений уже сильно позже.

Японское видение литературного гения и растущий общественный интерес к сексуальным девиациям привели к появлению известного журнала периода Тайсё «Хэнтай синри» (変態心理, «Извращенная психика»), издававшегося с 1917 по 1926 гг. Журнал пытался представить максимально полную панораму аномалий современного общества — особенно писателей. В издании журнала, например, участвовали литературный критик, поэт *танка* и психиатр Сайто Мокити (斎藤茂吉, 1882–1953) и писатель Кода Рохан (幸田露伴, 1867–1947).

Издание периодически ссылалось на японских и западных литераторов в дискуссиях об актуальности различных патологий для анализа современной культуры [Takeuchi 2014, pp. 80–81]. Выпуски регулярно включали колонку о современной поэзии и прозе — в феврале 1920 г. в пятом выпуске журнала вышел обзор произведения Танидзаки Дзюнъитиро «Русалочка» (鮫人, *ко:дзин*, 1920) [Jo 2007, pp. 109–110].

Заключение

В Японии первой половины XX в. «болезненность» литераторов была актуализирована, став ключевым элементом амплуа «современного» писателя. Широко распространилась вера в то, что гениальность напрямую связана с психическими патологиями, дарующими их обладателям особое чутье, талант, который никак не связан с образованием. Труды европейских философов, психиатров, биографии литераторов XIX в., позволили «новым» японским художникам создать для себя привилегированное положение на развивающемся рынке массовой культуры.

Танидзаки Дзюнъитиро можно назвать одним из крупнейших «болезненных гениев» XX в. Посредством медицинских теорий О. Вейнингера о гендерной дифференциации (о том, что не существует идеальной женщины и идеального мужчины), психопатологических особенностей, описанных Р. Крафтом-Эбингом, распространенных биографий западных литераторов, писатель создает концепцию болезненного эстета-мазохиста, находящегося в поисках или пытающегося создать свой женский идеал — садистку, жаждущую измываться над ним физически и/или морально. Эта концепция стала основой практически всех произведений Танидзаки Дзюнъитиро, его «орудием» борьбы с устаревшей общественной моралью.

Библиографический список

Мошняга П. А. (2005). Японская авангардная поэзия 20-х гг. XX в. Научные труды Московского гуманитарного университета 52. — Москва: Московский гуманитарный университет, 2005. С. 62–63.

Хронопуло Л. Ю. (2015). Первый Этап модернизма. Становление и развитие японского модернизма. *Модернизм в литературах Азии и Африки. Очерки*. — Санкт-Петербург: Студия НП-Принт. С. 270–298.

Захер-Мазох Л. (1993). Венера в мехах. Демонические женщины. — Москва: Республика.

References

Akagi, K. (1917). *Natsume Soseki*. Tokyo: Shinchōsha. p. 10. Retrieved October 1, 2022, from <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/954363> (In Japanese).

Chiba, S. (2017). *Sugita Naoki to Tanizaki Jun'ichirō — zenshū mishūroku shokan no shūkai o fukumu* [Sugita Naoki and Tanizaki Jun'ichirō — Acquaintance With Works not Included in the Complete Works]. Tokyo: Nihon kindai bungakukan. (In Japanese).

Chiba, S. (2020). *Tanizaki Jun'ichirō seiyoku to bungaku* [Tanizaki Jun'ichirō's Sexual Fantasies and Literature]. Tokyo: Shūeisha. Kindle Edition. (In Japanese).

Corneyetz, N., Vincent, K. (2009). *Perversion and Modern Japan: Experiments in Psychoanalysis*. London: Routledge.

Hirotsu, K. (1919). *Sutorinberugu hyōden* [Biography of August Strindberg]. Tokyo: Shyunyō. Retrieved October 1, 2022, from <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/956459> (In Japanese).

Ito, K. (1926). *Hentai sakkashi* [The History of Mad Writers]. Tokyo: Bungei shiryō kenkyūkai. Retrieved October 1, 2022, from <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/1880615> (In Japanese).

Jo, S. (2007). *Tanizaki Jun'ichirō no "watashi" to zasshi "hentaishinri" — "honta urashi-sa" to gensetsu no haichi-sei o megutte* [Tanizaki Jun'ichirō's "I" and the "Perverted Psyche" Magazine — About "Realism" and the Appearance of Comments]. Tokyo: Waseda daigaku kokubungakukai. (In Japanese).

Karatani, K. (1993). *Origins of Modern Japanese Literature*. Durham: Duke University Press.

Khronopulo, L. (2015). Pervyi Etap modernizma. Stanovlenie i razvitie yaponskogo modernizma [The First Stage of Modernism. Formation and Development of Japanese Modernism]. In: *Modernizm v literaturakh Azii i Afriki. Ocherki* [Modernism in the Literatures of Asia and Africa. Essays]. Saint-Petersburg: Studiya NP-Print. (In Russian).

Kitanaka, J. (2012). *Depression in Japan: Psychiatric Cures for a Society in Distress*. Princeton: Princeton University Press.

Kitazawa, N. (2005). *Kyōkai no bijutsu-shi: "Bijutsu" keisei-shi nōto* [The Boundaries of Art History: A Notebook of the History of Education "Art"]. Tokyo: Seiunsha. (In Japanese).

Kotoku, S. (1929). *Ronbun no san yōken* [Three Requirements of the Thesis]. Tokyo: Kazōsha. (In Japanese).

Sacher-Masoch, L. von. (1993). *Venera v mekhakh. Demonicheskie zhenshchiny* [Venus in Furs. Demonesses]. Moscow: Respublika. (In Russian).

Miyanağa, T. (2012). *Nagai Kafu to Mōpassan* [Nagai Kafu and Guy de Maupassant]. *Shakaishirin*, 58, 4, 245–246. (In Japanese).

Moshnyaga, P. (2005). *Yaponskaya avangardnaya poeziya 20-kh gg. XX v. Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta 52* [Japanese Avant-Garde Poetry of the 1920s. Academic Papers of the Moscow University of the Humanities 52]. Moscow: Moscow University of the Humanities. (In Russian).

Murakata, A. (1983). *Bijutsu shinsetsu to Fenorosa ikō* [The True Meaning of Art and the Literary Heritage of Fenollosa]. Tokyo: Eibungakuhyōron. (In Japanese).

Rubin, J., Rimer, T., Gessel. V. (2005). *The Columbia Anthology of Modern Japanese Literature: From Restoration to Occupation, 1868-1945*. New York: Columbia University Press.

Shinjo, V. (1916). *Dosutoiefusuki* [Dostoevsky]. Tokyo: Rakuyōdō. Retrieved July 29, 2021, from <https://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/954308> (In Japanese).

Silverberg, M. (2006). *Erotic Grotesque Nonsense: The Mass Culture of Japanese Modern Times*. Los Angeles: University of California Press.

Suzuki, S. (2006). *The Concept of "Literature" in Japan* / trans. by Royall Tyler. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies.

Suzuki, T. (1996). *Narrating the Self: Fictions of Japanese Modernity*. Stanford: Stanford University Press.

Takeuchi, M. (2014). "Hentai" to iu bunka — kindainihon no "chīsana kakumei" [The Culture Called "Perversion" Is a Modern Japanese "Micro Revolution"]. Tokyo: Hitsujishobo. (In Japanese).

Tanizaki, J. (1970). [Letter from Tanizaki Junichiro to Mr. Onuki dated May 18, 1910]. In: *The Complete Works of Tanizaki Junichiro*, Vol. 24. Tokyo: Chūōkōronshinsha. (In Japanese).

Tanizaki, J. (1981). *Suterareru made* [Until She Leaves Me]. In *Tanizaki Jun'ichirō zensyū dai 2 kan* [The Complete Works of Tanizaki Junichiro, Vol. 2]. Tokyo: Chūōkōronshinsha. (In Japanese).

Tanizaki, J. (1999a). Jotarō. In *Tanizaki rabirinsu II* [Tanizaki Jun'ichirō's Labyrinths, Vol. 2]. Tokyo: Chūōkōronshinsha. (In Japanese).

Tanizaki, J. (1999b). *Katsudō shashin no genzai to shyōrai* [Present and Future of Moving Pictures]. In *Tanizaki rabirinsu XI* [Tanizaki Jun'ichirō's Labyrinths, Vol. 11] (pp. 249–262). Tokyo: Chūōkōronshinsha. (In Japanese).

Tsubouchi, S. (1946). *Shōsetsu shinzui* [The Essence of the Novel]. Tokyo: Gendai Nihon bungaku taikai. (In Japanese).

Дзэн-буддийское влияние на учение Макуя, или Скинию Христа

М. В. Бабкова

Аннотация

Макуя, или Скиния Христа, — японское новое религиозное движение неохристианского типа с элементами сионизма. Предки его основателя, бизнесмена Тэсима Икуро: (1910–1973), были самураями, а сам он в юности принял крещение и примкнул к движению бесцерковников — японских христиан, отрицающих церковь и стремящихся обрести связь с Богом через тщательное изучение Священного Писания. Исследователи сходятся в том, что, во-первых, учение Макуя продолжает и развивает идеи Бесцерковного движения, а, во-вторых, в том, что как и другие японские христианские организации, Макуя испытывает на себе значительное влияние японской культуры и является прежде всего ее порождением.

Преемственность Макуя по отношению к Бесцерковному учению проявляется в том, что адепты Макуя считают главным занятием, позволяющим человеку прийти к Богу, толкование Писания. Так же, как бесцерковники, последователи Макуя признают гипотезу об общем происхождении японцев и евреев. Также они считают иудаизм более соответствующим изначальному учению Иисуса Христа, чем христианство, искаженное переводами Библии на греческий и другие языки и церковными институтами. Своеобразие учения Макуя, среди прочего, обуславливается такими практиками, как «говорение на иных языках», исцеление Божьей силой, хождение по огню и др.

Обзор жизненного пути Тэсима Икуро:, истории формирования его учения и движения Макуя, а также анализ проповедей Тэсима показывает, что в его мировоззрении и основанном на нем учении Макуя прослеживаются, в том числе, некоторые базовые идеи Дзэн-буддизма. Проанализированы две проповеди Тэсима Икуро:, где он толкует псалом 90 («*Молитва Моисея, человека Божия*»), а также стих из Евангелия от Иоанна и рассуждает о жизни, смерти, восприятии времени и о встрече человека с Богом. Так же, как дзэнские мыслители, Тэсима Икуро: считает целью верующего отбро-

силь иллюзии и обрести истинное видение. Согласно базовым постулатам Дзэн-буддизма, подвижник обретает просветление и тем самым выходит из бесконечного круга рождений и смертей, осознает недualность мира. Для Тэсима Икуро: аналогом просветления становится встреча человека с Богом, после которой человек точно так же перестает ощущать себя рабом времени и оказывается в вечности.

Ключевые слова: Тэсима Икуро:, Макуя, Дзэн-буддизм, японская культура, японские новые религиозные движения.

Автор: Бабкова Майя Владимировна, кандидат философских наук, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12).

ORCID: 0000-0002-9301-190X

E-mail: maya.babkova@gmail.com

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Zen Buddhist Influence on Makuya Teaching, or “Tabernacle of Christ”

M. V. Babkova

Abstract

Makuya, or “Tabernacle of Christ” is a Japanese new religious movement and a neo-Christian religion with some Zionist elements. Its founder, businessman Teshima Ikurō (1910–1973), had samurai ancestors. In his youth, he was baptized and joined the non-church movement — Japanese Christians who reject the church and seek to connect with God through a thorough study of the Holy Scriptures. Scholars agree that, firstly, the Makuya teaching continues and develops the ideas of the non-church movement, and secondly, that, like other Japanese Christian organizations, Makuya is significantly influenced by Japanese culture and is primarily its product.

Makuya continues the non-church movement as its adherents consider the interpretation of the Holy Scripture the main occupation that allows a person to come to God. Just like the non-church believers, Makuya followers accept the hypothesis of a common origin of the Japanese and the Jews. They also consider

Judaism more in line with the original teachings of Jesus Christ than Christianity, which has been distorted by translations of the Bible into Greek and other languages and church institutions. The originality of Makuya teaching, among other things, is determined by such practices as “speaking in tongues”, divine healing, walking on fire, etc.

An overview of the life of Teshima Ikurō, the history of the formation of his teaching and the Makuya movement, as well as an analysis of Teshima’s sermons show that some ideas of Zen Buddhism can be traced in his worldview and the Makuya teaching based on it. Two sermons by Teshima Ikurō are analyzed: one where he interprets Psalm 90 (*“The Prayer of Moses, the Man of God”*), as well as a verse from the Gospel of John. Teshima talks about life, death, the perception of time, and the meeting of person with God. Just like Zen authors, Teshima Ikurō considers the goal of the believer to cast aside illusions and gain true vision. According to the basic postulates of Zen Buddhism, the ascetic gains enlightenment and thereby leaves the endless circle of births and deaths, realizes the non-duality of the world. For Teshima Ikurō, the meeting of a person with God becomes an analogue of enlightenment, after which a person similarly ceases to feel enslaved by time and finds himself in eternity.

Keywords: Teshima Ikurō, Makuya, Zen Buddhism, Japanese culture, Japanese new religious movements.

Author: Babkova Maya V., Candidate of Philosophy, Research fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 103031).

ORCID: 0000-0002-9301-190X

E-mail: maya.babkova@gmail.com.

Conflict of Interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Важное явление японской культуры XX в. — так называемые «новые религиозные движения», или «новые религии» (新宗教, *синсю:кё:*)¹. Вероучения большинства из них синкретичны², но если

¹ Строго говоря, в Японии принято называть так все религиозные организации, зарегистрированные после середины XIX в., но их значение в XX в. несколько не уменьшилось, а возможно и увеличилось. Это же справедливо и для XXI в. Количество исследований, посвященных как новым религиям Японии в целом, так и отдельным движениям, велико; см. напр. работы Гарри Томсена [Thomsen 1963], Симадзono Сусуму [Shimazono 2001], Питера Кларка [Clarke 2000] и многих других.

² Так, Г. Е. Светлов отмечает, что это одна из их определяющих черт. [Светлов 1994, с. 62]

некоторые можно условно отнести к неосинтоизму, необуддизму или неохристианству, то другие представляют собой полностью оригинальные учения. Среди неохристианских японских новых религиозных движений выделяется основанное в 1948 г. японским бизнесменом Тэсима Икуро: (手島 郁郎, 1910–1973) движение Макуя, то есть «Скиния Христа» (об этом названии речь пойдет ниже). Его адепты имеют чрезвычайно тесные связи с Израилем. Они считают, что свое истинное учение Иисус Христос проповедовал древним евреям на Святой земле, и как следствие, современные евреи имеют больше возможностей, чем другие народы, соприкоснуться с неискаженной последующими веками и церковными институтами истиной. В отличие от других неохристианских религиозных движений Японии, последователи Макуя не признают крест, но среди их культовых предметов важное место занимает менора. Они совершают паломничества в Израиль, учат иврит, уделяют огромное внимание толкованию Священного Писания и, казалось бы, ориентированы на иудеохристианскую парадигму. При этом Б. Ирхарт и Э. Мита справедливо подчеркивают, что Макуя, как и другие японские новые религиозные движения, прежде всего является продуктом японской культуры [Earhart, Mita 1999, p. 399]. Внимательный взгляд на жизнь Тэсима Икуро: и на проповедуемое им учение, анализ его текстов подтверждают тезис о том, что для него характерен образ мышления носителя культуры Японии. В том числе, становится видно, что его мировоззрение включает опору на базовые установки Дзэн-буддизма. Личности Тэсима Икуро: учению Макуя, а также ответу на вопрос о том, в чем заключается влияние Дзэн на трактовку Тэсима Священного Писания, посвящена настоящая статья.

Жизненный путь Тэсима Икуро: : годы до Откровения

Будущий основатель движения Макуя родился в 1910 г. Тэсима Икуро: принадлежал к древнему самурайскому роду, обосновавшемуся в префектуре Кумамото на острове Кюсю. Его отца после окончания учебы в Кумамото отправили служить чиновником в городок Дайто в районе Охара префектуры Симанэ. Там и родился Тэсима Икуро:. О его отце также известно, что он был очень благочестив и ревностно соблюдал обычаи синто. Мать Тэсима Икуро: происхо-

дила из семьи Саката (坂田) и была выпускницей средней школы для девочек в Кумамото.

Значимое событие в жизни юного Тэсима Икуро: произошло, когда ему было 12 лет. Старшая сестра взяла его с собой в баптистскую церковь в Кумамото, и там он впервые открыл для себя Евангелие. Нужно сказать, что в Японии, как сейчас, так и в первой половине XX в., протестантизм был крупнейшим по количеству приверженцев направлением христианства³. В период активного распространения в стране (70-е гг. XIX вв.) протестантские деноминации позиционировали себя как единая «Церковь Христова» (キリストの教会), а в 1890 г. был образован Японский баптистский союз. Как и другие протестанты, баптисты создавали дома приюта, больницы и школы, где приобщали японских детей к своей вере. При этом баптисты убеждены, что принимать крещение следует сознательно и добровольно, уже во взрослом возрасте, и Тэсима Икуро: приветствовали как самого «правильного» новичка. Побывав раз на церковном собрании, Тэсима Икуро: получил такое сильное впечатление, что увлекся баптизмом и в 17 лет тайно крестился. Отец, узнав об этом, принял его решение достаточно благосклонно, рассудив, что в современной Японии «учение Иисуса» (耶蘇教, *Ясо кё*: — одно из японских названий христианства) не так уж плохо. В год крещения Тэсима Икуро: был студентом 4 года обучения коммерческого училища Кумамото. Туда он поступил по настоянию отца и был крайне недоволен этим, ведь предки Тэсима были самураями, и в роду торговля и бизнес считались презренными занятиями. С точки зрения Икуро:, его учеба в коммерческом училище знаменовала собой падение дома Тэсима. Однако, как отмечал впоследствии его сын, вполне вероятно, что именно благодаря среде, в которой оказался Тэсима Икуро:, он продолжил сближение с христианством и спустя несколько лет после поступления сам стал христианином [Teshima Jacob Yūrō 1999].

После обучения в Кумамото Тэсима Икуро: отправился в коммерческое училище в Нагасаки и там познакомился с ярким проповедником, автором множества текстов и лидером христианского движения «Облачный столп» (雲の柱, *Кумо-но хасира*) Кагава Тоёхико (賀川豊彦,

³ О христианстве в Японии вообще и в начале XX в. см. напр.: [Caldarola 1979], [Бертова 2017].

1888–1960)⁴. Тэсима Икуро: некоторое время был главой отделения «Облачного столпа» в Нагасаки. Также он вошел в исполнительный комитет соревнования бойскаутов, организованного Христианской ассоциацией молодых людей (Young Men's Christian Association, YMCA). И то, и другое дало ему опыт административной деятельности, на который он смог опираться позже, уже создавая свое собственное религиозное движение. Тогда же Тэсима Икуро: познакомился с Сато: Садакити (佐藤 定吉, 1887–1960), Асано Дзюнъити (浅野 順一, 1899–1981), Цукамото Торадзи (塚本 虎二, 1885–1973) и другими христианскими проповедниками Японии XX в. Цукамото Торадзи был адептом Бесцерковного учения Утимура Кандзо: (内村 鑑三, 1861–1930) и приобщил к нему Тэсима Икуро:. Утимура Кандзо: был одним из самых ярких христианских проповедников Японии рубежа XIX–XX вв. Основанное им Бесцерковное движение (無教会主義, *Мукё:кайсюги*, другой возможный перевод — «Нецерковное движение») ставило во главу угла внимательное изучение Библии как главное средство обретения религиозного опыта и налаживания контакта с Всевышним посредством личной веры⁵. Как отмечает А. Д. Бертова, Бесцерковное движение «стало протестом против снисходительного отношения к японским верующим западных миссионеров, навязывающих свои представления о церковной иерархии и собственном превосходстве. Основной целью Утимура было возвращение к апостольскому христианству и христианской духовности первых веков нашей эры» [Бертова 2019, с. 145]. Связь Тэсима Икуро: с бесцерковниками продолжалась много лет, и даже основав свое собственное религиозное движение, он в чем-то остался приверженцем их учения⁶.

⁴ Кагава Тоёхико родился в Кобэ, рано осиротел и уже в молодости отошел от буддизма, который исповедовали его родные. Он принял крещение и получил образование теолога. Занимал очень активную жизненную позицию, основывал больницы, школы, церкви, много писал. Кагава Тоёхико пытался найти решение проблем бедных слоев населения Японии (его книги «Перед зарей» и «Психология бедности» вызвали широкий общественный резонанс). Во время Второй мировой войны вел антивоенную пропаганду. Подробнее о его жизни и деятельности см. [Mullins 2007].

⁵ Сам Утимура Кандзо: был крещен как протестант-методист, но вскоре отошел от методизма. Поскольку бесцерковники не признают ни института церкви, ни таинств, включая крещение, их движение считают особым изводом христианства, не относящимся ни к католичеству, ни к протестантизму.

⁶ Прежде всего, это касается убежденности Тэсима Икуро: в приоритете чтения и толкования Библии перед всеми другими занятиями для христианина. Кроме того, Тэсима

В 21 год Тэсима Икуро: провалил вступительные экзамены в Токийский университет торговли⁷, и эта неудача повлияла на его дальнейшую жизнь. Во-первых, он был настолько огорчен, что оказался в состоянии психологического кризиса, который, в свою очередь, спровоцировал его на активные духовные поиски. Во-вторых, в доме профессора Асано, где Тэсима Икуро: останавливался, пока был в Токио, он начал изучать иврит. На следующий год он вернулся в Кумамото и начал преподавать в том самом коммерческом училище, которое закончил сам. Следуя примеру Кагава Тоёхико, он заботился о детях бедняков. Параллельно Тэсима Икуро: вел группу по изучению Библии. И если от первого ему вскоре пришлось отказаться (маленькая зарплата оставляла мало возможностей для благотворительности), то второе — толкование Писания — стало его основным занятием на протяжении всей дальнейшей жизни. В этот период Тэсима Икуро: встретил свою будущую жену, Тэруё (照世). Её отец, Судзуки Такаси (鈴木 高志), был пастором Японской Церкви Христа в южнокорейском Пусане⁸, а в Кумамото Тэруё попала по рабочим делам. Икуро: с Тэруё познакомились в церкви, и в 1935 г. они обвенчались.

Наступил 1937 г., и началась Японо-китайская война. В то время Тэсима Икуро: среди прочих дел возглавлял студенческий клуб по планеризму. Он получил удостоверение инструктора и собирался провести на горе Асо соревнования по планеризму в рамках Олимпийских игр в Токио 1940 г.⁹ В силу своих убеждений, воевать Тэсима Икуро: не хотел и, чтобы уклониться от солдатской службы, поступил в Токуму-ккан, особую военную организацию Японской армии, которая занималась разведкой, шпионажем и проводила различные тайные операции на оккупированных территориях и в районах ведения боевых действий. Тэсима Икуро: работал с местным населением Северного Китая, однако его мягкое и уважительное обращение с подопечными ему китайцами навлекло на него неудовольствие начальства. В 30 лет

Икуро: вслед за Утимура Кандзо: рассуждал о родстве японского и еврейского народов. Об этом см. ниже.

⁷ Ставший позже Университетом Хитоцубаси (一橋大学, Хитоцубаси дайгаку).

⁸ Японская Церковь Христа (日本基督教会, Нихон Кирисуто кё:кай) — крупная пресвитерианская организация в Японии.

⁹ Эти соревнования должны были стать первыми в истории соревнованиями по планеризму в рамках Олимпийских игр. Но в 1938 г. Япония отказалась от проведения игр, они были перенесены в Хельсинки и из-за Второй мировой войны так и не состоялись.

Тэсима Икуро: был отправлен на передовую в провинцию Шаньси, но не воевал, а просидел около трех недель в армейском изоляторе, после чего был выслан. В тюрьме он читал карманное Евангелие от Иоанна и находил в нем утешение. По мнению Тэсима Ю:ро:, все эти события также оказали большое влияние на судьбу и мировоззрение его отца [Teshima Jacob Yūrō 1999, p. 6].

К 1940 г. Тэсима Икуро: оказался в Пусане. Сначала он устроился на работу в небольшую контору под названием «Татэиси сё:кай» (立石商会), а в 1941 г. основал компанию «Тё:сэн кэйгокин» (朝鮮輕合金, «Легкие сплавы Чосона», т.е. Кореи), которая специализировалась на переработке и повторном использовании дюралюминия. Идея создания такой фирмы возникла еще раньше, когда Тэсима Икуро: имел дело с планерами и заинтересовался сплавами, из которых их делали. Четыре года Тэсима Икуро: развивал бизнес, а в 1945 г. основал другую компанию: «Мо:кё: киндзоку ко:гё:» (蒙疆金属工業, «Металлургический завод Мэнцзяна», где Мэнцзян — район Внутренней Монголии). Однако завод функционировал недолго: с окончанием войны Тэсима Икуро: вернулся в Японию. После этого он продолжил предпринимательскую деятельность и на деньги, которые он привез с собой из Монголии, открыл продовольственную фирму и ресторан, просуществовавший до 1950 г. Тогда Тэсима Икуро: был одним из богатейших жителей Кумамото и интересовался политикой. Он принадлежал к правому крылу Социалистической партии Японии и даже планировал баллотироваться на выборах, но его однопартийцев больше интересовали его деньги. Осенью 1949 г. Тэсима Икуро: был избит на собрании отделения Социалистической партии и больше не имел с ней дела.

Побег на гору Асо и начало движения Макуя

В 1947 г. оккупационные власти приказали закрыть начальную школу Кэйтоку (慶徳小学校, *Кэйтоку сё:гакко:*) в Кумамото с целью открыть на ее месте другую, среднюю, школу. Тэсима Икуро: выступил против этого решения. Началось противостояние, конфликт разросся и продолжался больше года. В конце концов был издан приказ об аресте Тэсима Икуро: как человека, неудобного американским военным. Тогда он бежал из дома и укрылся на горе Асо, той самой, где когда-то занимался планеризмом. Период отшельничества длился

недолго, вскоре Тэсима Икуро: вернулся домой. Но оттуда, из своего одиночного странствия, полного молитв и сосредоточенных размышлений, он вынес убеждение, что людям в Японии не хватает не земной пищи, но божественного слова. Это и стало главным Откровением в его жизни, раз и навсегда изменившим его чаяния и устремления. Тэсима Икуро: сосредоточил все свои помыслы на проповеднической деятельности. С октября 1948 г. Тэсима Икуро: начал выпускать журнал «Свет жизни» (生命の光, «Сэймэй-но хикари», англ. «Light of Life»), который община Макуя издает и по сей день¹⁰. Строго говоря, журнал выходил с декабря 1947 г. под названием «Жизнь» (生命, «Сэймэй») и позиционировал себя как печатное издание Бесцерковного движения на Кюсю.

Тэсима Икуро: собирал сотрудников своей фирмы на лекциях, где он, как адепт Бесцерковного движения, толковал Библию. Постепенно аудитория этих встреч расширялась. А 3 ноября 1950 г. произошло событие, сыгравшее ключевую роль в истории движения Макуя. Во время лекции Тэсима Икуро: пришел в крайне возбужденное эмоциональное состояние. Оно передалось его слушателям, и все собравшиеся испытали религиозный экстаз: люди плакали, говорили «на иных языках»¹¹ и испытывали глубокую эмоциональную связь с Богом, ощущая Его любовь. С тех пор Тэсима Икуро: убедился в важности не только рационального постижения смысла текста Библии, но и обретения верующими особого состояния сознания, в котором они могли бы чувствовать присутствие Святого Духа. В годовщину той лекции адепты Макуя до сих пор отмечают праздник Сошествия Святого Духа (幕屋ペンテコステ, Макуя пэнтэкосутэ).

Когда о религиозном опыте, переживаемом участниками собраний Тэсима Икуро:, узнал Цукамото Торадзи, его главный наставник среди бесцерковников, он сперва отнесся к этому положительно. Однако позже в общине бесцерковников поднялись горячие споры о том, является ли благословением свыше дар языков, и стоит

¹⁰ Сейчас он печатается тиражом приблизительно в 300 тысяч экземпляров, кроме того, многие материалы журнала вывешиваются на сайте Макуя.

¹¹ «Дар языков», он же «дар говорения на языках», или глоссолалия, — в целом бессмысленная речь, в которой могут присутствовать отдельные значащие слова и словосочетания. Ряд христианских деноминаций, в том числе, пятидесятники, считают ее одним из даров Святого Духа.

ли практиковать на встречах божественное исцеление¹². В конце концов, Тэсима Икуро: был вынужден объявить о независимости своего проповедничества от Бесцерковного движения. Около 1953 г. появилось название «Макуя». Слово «макуя» (幕屋) — японский перевод древнееврейского слова *мишкан* (מִשְׁכָּן), означающего «шатер, палатка». В греческом переводе Ветхого Завета используется слово *скэнэ* (σκηνή) с тем же значением, от которого происходит русское слово «скиния». Так назывался еврейский походный храм, где во времена Исхода совершали жертвоприношения и хранили ковчег завета¹³. Полностью религиозное движение, основанное Тэсима Икуро:, называется «Скиния Христа» (キリストの幕屋, *Кирисуто-но макуя*). На русском языке оно также известно как «Ковчег Завета». Кроме того, с 1958 г. появилось название «движение Изначального Евангелия» (原始福音運動, *гэнси фукуон ундо:*), потому что Тэсима Икуро: еще в 1950 г. провозгласил лозунг «Вернемся к изначальному Евангелию Иисуса Христа» (イエス時代の原始福音に帰れ, *Иэсу дзидай-но гэнси фукуон-но каэрэ*)¹⁴ [Teshima Jacob Yūgō 1999]. Этим он хотел сказать, что Иисус Христос принес людям благую весть о спасении, и теперь человечеству нужно вновь обратиться к его учению напрямую, минуя наслоения веков и народов, христианскую церковь как организацию. Таким образом, Тэсима Икуро: сохранил преемственность по отношению к бесцерковникам, а полное название основанного им нового религиозного движения — движение Изначального Евангелия: скиния Христа. Остается добавить, что официальное название зарегистрированной в Японии религиозной организации членов Макуя — «Курсы по изучению Священного Писания Христа» (キリスト聖書塾, *Кирисуто сэйсё дзюку*).

Первое время деятельность Макуя, то есть Тэсима Икуро: и его ближайших сподвижников, ограничивалась территорией Кумамото и близлежащих районов Кюсю¹⁵. В 1958 г. Тэсима Икуро: потратил 1 млн иен на то, чтобы напечатать специальный выпуск журнала

¹² Об этой практике Макуя см. ниже.

¹³ По образцу скинии собрания был построен Иерусалимский храм.

¹⁴ Makuya official website: <https://www.makuya.or.jp>

¹⁵ Тэсима Юро отмечает, что в Кумамото тогда было не больше 50 членов Макуя, а в Нагасаки и в целом по северным областям Кюсю — около 30. [Teshima Jacob Yūgō 1999, p. 14]

«Свет жизни» (это был 101-й его номер) и разослать его христианским организациям по всей стране¹⁶. После этого движение Макуя приобрело популярность, и вскоре были открыты многочисленные отделения, в том числе, в Токио, Осаке, Нагое и на Хоккайдо. Современная численность адептов Макуя не поддается точным подсчетам¹⁷, но по разным оценкам она составляет от 50 до 60 тысяч человек [Earhart, Mita 1999, p. 399].

В январе 1951 г. умерла Тэруё, а в 1953 г. Тэсима Икуро: женился на Коно Тиёко (河野 千代子), одной из своих учениц. А через пять лет, в 1958 г. он впервые совершил практику хождения по огню в буддийском храме близ Кумамото. Как христианин, Тэсима Икуро: отрицал возможность проверки Бога, но он решил проверить свою собственную веру. Травм и ожогов не было. С тех пор адепты Макуя практикуют хождение по огню.

В 1961 г. Тэсима Икуро: совершил кругосветное путешествие, в ходе которого впервые посетил Израиль, страну, которая так много значила для него. Тэсима Икуро: разделял с Утимура Кандзо: идею об особом родстве японцев и евреев — духовном, а возможно и генетическом. Гипотезу о том, что японцы — потомки потерянных колен Израилевых, высказывали некоторые христианские миссионеры¹⁸, и хотя ученые ее опровергли, она до сих пор имеет некоторый вес в отдельных общинах, в частности, в Макуя. После путешествия Тэсима Икуро: начались паломничества студентов Макуя на территорию Израиля: с 1962 г. их набралось более 1000 человек¹⁹. Подробное рассмотрение деятельности Макуя в Израиле не входит в рамки настоящей статьи, но необходимо отметить, что адепты Макуя сделали и делают до сих пор очень много для культурного обмена и развития сотрудничества между двумя странами. Широкий общественный резонанс получила организация демонстрации с участием 3000

¹⁶ Ibid.

¹⁷ В Макуя нет строгой процедуры включения в общину новых адептов, и непонятно, как проводить подсчеты. Считать ли, например, детей членов общины, которые посещают собрания вместе со старшими родственниками, но совершенно не вникают в суть учения и на собраниях преимущественно спят или утыкаются в гаджеты.

¹⁸ Среди них Николас Маклеод (по некоторым источникам, его звали Норман; годы его жизни неизвестны, раб. 1868–1889), Накада Дзюдзи (中田 重治, 1870–1939), Саэки Ёсиро (佐伯 好郎, 1871–1965) и др. О них и о теории единого происхождения японцев и евреев см. [Бертова 2019]

¹⁹ Makuya official website. <https://www.makuya.or.jp>

человек в поддержку Израиля, которую организовал Тэсима Икуро: в 1973 г., когда началась арабо-израильская Война Судного дня²⁰. Тэсима Икуро: был болен циррозом печени, и участие в шествии усугубило тяжесть его состояния. Тем не менее, он продолжал проводить собрания членов Макуя. Свою последнюю проповедь он произнес для ближайших учеников перед самой смертью, 25 декабря 1973 г.

Учение и образ жизни Макуя

Самый надежный источник для изучения основ веры Макуя — журнал «Свет жизни». С 1948 г. до самой смерти Тэсима Икуро: лично редактировал материалы для него. По словам его сына, Тэсима Якоба Ю:ро: (手島ヤコブ 佑郎р. 1942), все номера до 280-го (1974 г.) могут служить надежным источником информации о том, каких взглядов придерживался сам Тэсима Икуро:, а все, что было издано позже, отражает точку зрения других членов Макуя, авторов и редакторов журнала [Teshima Jacob Yūrō 1999, p. 4]. Помимо этого издано множество книг Тэсима Икуро:. Среди них Тэсима Якоб Ю:ро: выделяет три: «Любовь Святого Духа» (聖霊の愛, «Сэйрэй-но ай», 1950, первая книга Тэсима Икуро:), «Мост в будущую жизнь» (来世への架け橋, «Райсэ-э-но какэхаси», 1954) и «Невинная любовь» (無垢の愛, «Муку-но ай», 1959) — как те, из которых лучше всего можно понять мировоззрение его отца [Teshima Jacob Yūrō 1999, p. 19].

Учение Макуя продолжает и развивает доктрину японских бесцерковников и полагает главной задачей каждого человека обретение личного религиозного опыта встречи с Богом. Такой опыт, с их точки зрения, можно обрести где угодно и в любой момент, но по воскресеньям они проводят общинные собрания, где читают лекции, толкующие Священное Писание, молятся, входят в особое состояние религиозного экстаза, обсуждают насущные проблемы друг друга и оказывают друг другу посильную помощь. При этом они чрезвычайно дружелюбны и открыты для всех людей, независимо от их пола, возраста, происхождения и социального статуса²¹. На собрания Макуя можно прийти, можно просто посидеть послушать, можно

²⁰ Официально Япония тогда была на стороне арабов из-за их нефти.

²¹ В настоящее время, помимо Японии и Израиля, есть общины Макуя в США, Канаде, Дании, Франции, Бразилии, Испании, Китае, Южной Корее и в некоторых других странах.

рассказать о себе, можно заявить о желании вступить в общину. Во многом именно поэтому невозможно точно подсчитать численность членов Макуя. Поскольку церкви отрицаются, собрания Макуя проходят в арендованных помещениях или частных домах. Сперва, когда Тэсима Икуро: только начинал свою оригинальную проповедническую деятельность, участники сидели на европейских стульях. Однако когда в Макуя появились такие религиозные практики, как мелкая тряска, во время которой молящиеся входили в измененное состояние сознания и, по мнению Тэсима Икуро:, ощущали присутствие Святого Духа, люди стали падать с этих стульев. И в последние годы его жизни он проводил встречи в помещениях, где люди либо стояли, либо сидели на подушках на полу. В наше время на том собрании, на котором довелось побывать мне (в 2019 г.), члены общины сидели на стульях, но во время песнопений и молитв, включающих движения и тряску, все вставали.

Среди всех занятий Изучение Писания стоит на первом месте для адептов Макуя, поскольку оно позволяет постичь истинный смысл изначального Евангелия Иисуса Христа. С точки зрения приверженцев Макуя, для раскрытия истины, которую проповедовал Иисус Христос, необходимо обратиться к версии Писания, существовавшей до перевода на греческий (и тем более латинский) язык. Поэтому они очень усердно изучают иврит, публикуют словари и исследования по иудаике. Появление государства Израиль члены Макуя вслед за Тэсима Икуро: считают исполнением древних библейских пророчеств и ежегодно совершают паломничества в Иерусалим. Кроме того, адепты Макуя принимают еврейские имена. Примечательно, что сам Тэсима Икуро: взял имя Авраам, тем самым заявив о преемственности по отношению к праотцу, заключившему Завет с Богом.

Одновременно Макуя с большим уважением относятся ко всему японскому. Тэсима Икуро: считал, что та форма христианства, которую он проповедует, является оригинальным японским христианством, позволяющим возродить «живой дух Ямато» (大和魂, *Ямато тамасий*). Обычаи, традиции и религиозные представления японцев допустимы и хороши (так же, как различные взгляды людей вообще).

Что касается повседневной жизни, то Макуя соблюдают субботу, зажигают свечи в пятницу вечером, едят халу и кошерную еду, хотя их правила несколько отличаются от классических иудейских. По праздникам и прочим важным для общины поводам Макуя устраивают

шествия. Они рисуют на флагах, стягах и прочих предметах менору, поскольку крест, по мнению Тэсима Икуро:, слишком живо напоминает о мучениях Иисуса Христа. Кроме того, обязательно присутствует японский флаг. Макуя поют песни, танцуют, и их демонстрации и празднества представляют собой очень яркое и запоминающееся зрелище.

Макуя и японская культура

Выше уже неоднократно встречались упоминания о влиянии того или иного аспекта японской культуры на мировоззрение Тэсима Икуро: и учения Макуя. Приведем еще несколько важных фактов.

Род Тэсима ведет свое происхождение от одного из самураев, жившего в период Намбокутё (1336–1392 гг.). Как и в любой другой японской семье, в семье отца Тэсима Икуро: к предкам относились чрезвычайно почтительно, и Икуро: воспитывали в духе самурайской этики. Кроме того, уже упоминалось, что его отец придавал большое значение почитанию родных богов. Приняв крещение, Тэсима Икуро: с одной стороны, стал христианином, то есть объявил о своей исключительной приверженности Иисусу Христу и недопустимости для себя языческих политеистических представлений. С другой стороны, он остался верным сыном своего отца и продолжателем рода, рассматривал свою миссию христианина как самурайское служение, только теперь Христу, а культурное наследие родной страны воспринимал как важнейшую основу для этого служения.

Вероучение бесцерковников, которые, как было сказано выше, ставили своей целью создание истинно японского христианства, оказало сильнейшее влияние на Тэсима Икуро:. Как одно из следствий стремления доказать совместимость традиционной японской культуры и христианства без посредничества европейских миссионеров, Тэсима Икуро: начал толковать Библию в кимоно. Японскую одежду он стал носить из соображений экономии в неблагоприятные годы после смерти первой жены. Однако начав проповедовать в ней, он понял, что такой непривычный для него облик созвучен его убеждениям. Затем, с тех пор как Тэсима Икуро: убедился, что европейские стулья и скамьи на манер церковных не подходят для проведения собраний его учеников, он стал проводить встречи в помещениях, убранных в японском стиле. Это тоже оказалось практическим решением, гармонизирующим с его мировоззрением.

По воспоминаниям Тэсима Якоба Ю:ро:, его отец был убежден, что истинно японское христианство возможно построить только на уважении к японским верованиям. Он рассматривал японскую религию (日本宗教, *нихон сю:кё:*) как Ветхий Завет, который нужно дополнить Новым Заветом — изначальным Евангелием Христа. Тэсима Икуро: обращался к хроникам «Кодзики» и «Нихон сёки», утверждая, что эти тексты вовсе не противоречат его призыву к современным японцам уповать на Духа Святого [Teshima Jacob Yūrō 1999, p. 24]

Поблизости от Кумамото, где жил и проповедовал Тэсима Икуро:, находился храм Кияма Фудо (木山不動). Каждый февраль все желающие могли приехать туда и пройти босиком по углям. Считалось, что это обеспечивает здоровье и благополучие в грядущем году. Как христианин Тэсима Икуро: не мог согласиться на то, чтобы испытывать Господа — обожжет он ему ступни или нет. Но ему пришла в голову идея проверить собственную веру, выяснить, насколько он готов, например, принять мученическую смерть. Он приехал в храм и прошел по углям, полностью уповав на божественную милость. Опыт оказался положительным, и с тех пор в Макуя практикуется хождение по углям.

Как уже было упомянуто выше, в Макуя практикуется также божественное исцеление. Божественное исцеление (на японском 神癒, *синъю*) — исцеление верующего силой Божией через возложение рук и молитву, в настоящее время оно считается одним из методов альтернативной медицины. Божественное исцеление есть в ряде христианских деноминаций, но одновременно эта практика сближает Макуя с другими японскими новыми религиозными движениями (например, она есть в неосинтоистском Тэнри-кё:, где исцеляет главное почитаемое божество — Тэнри О-но-микото)²². Тэсима Якоб Ю:ро: вспоминает, что в детстве отец однажды отвел его к синтоистскому целителю, чтобы тот помолился и помог ему избавиться от ярости, приводившей к истерикам. После визита к целителю истерики мальчика чудесным образом прекратились [Teshima Jacob Yūrō 1999, p. 26]. Это произошло в 1946 или 1947 г., и означает, что Тэсима Икуро:, тогда еще

²² Надо мной совершали эту практику и в общине Тэнри-кё:, где мне в 2005 г. лечили таким образом простуду, и в общине Макуя в 2019 г.: там моя знакомая, которая меня туда привела, провела руками над моей головой и плечами, читая при этом молитву о моем здоровье и исполнении моих желаний.

учитель-бесцерковник, видел в синтоистских молитвословиях канал связи со Всевышним.

А. Д. Бертова пишет: «Как и его предшественники, Тэсима полагал, что только японцы способны понять истинное содержание Священного Писания, скрытое от западных проповедников, причем должны сделать это через изучение иудаизма». [Бертова 2019, с. 149]. Поэтому адепты Макуя прилагают усилия к тому, чтобы побудить японцев сближаться с иудеями. На сайте Макуя есть видеозапись беседы иудейского раввина с представителем общины Макуя (от 13 мая 2021 г.), во время которой они обсуждают возможность распространения в Японии субботы. Ведущий передачи спрашивает, как совместить шаббат с японским трудолюбием, и раввин отвечает, что с учетом специфики японского мировосприятия, достаточно будет уделять мыслям о Боге и общению с семьей хотя бы два часа в течение субботного дня²³.

Таким образом, и при жизни Тэсима Икуро:, и сейчас движение Макуя было и остается тесно связанным с японской традиционной культурой и открыто признает ее значимость для своего вероучения и практического образа жизни.

Дзэнское влияние в проповедях Тэсима Икуро:

Известно, что Тэсима Икуро: высоко ценил состояние медитативного сосредоточения. Об этом также пишет Тэсима Якоб Ю:ро:. По его свидетельству, Тэсима Икуро: призывал своих учеников находить время на сосредоточение с закрытыми глазами (瞑想, *мэйсо:*) и поощрял их занятия медитацией. Кроме того, в проповедях Тэсима Икуро: обращался к наследию дзэнских подвижников: как говорит Тэсима Ю:ро:, особенно ему нравились Хакуин Экаку (白 隠 慧 鶴, 1686–1769) и Рё:кан Тайгу (良 寛 大 愚, 1758–1831) [Teshima Jacob Yūro 1999, p. 26]. Хакуин — пожалуй, один из самых влиятельных наставников японского Дзэн-буддизма, — принадлежал к традиции Риндзай. Он разработал метод обучения с помощью коанов²⁴, который до сих пор используется в дзэнских монастырях и в Японии, и по всему миру. Рё:кан — мыслитель, который воспринял линию пере-

²³ Makuya official website. <https://www.makuya.or.jp>

²⁴ Коан (公案, яп. ко:ан) — короткая парадоксальная история или даже одна фраза, сосредоточение на которой провоцирует дзэнского подвижника испытать просветление.

дачи учения Со:то:, восходящую к Эйхэй До:гэн (永平 道元, 1200–1253). Рё:кан был очень хорошо образован, знаком с трудами До:гэн и опирался на них в своих собственных сочинениях. Ниже следуют примеры из проповедей Тэсима Икуро:, где он, во-первых, прямо упоминает Хакуин, а во-вторых, трактует переход от жизни земной через смерть к жизни небесной очень похожим образом на то, как дзэнские наставники, в том числе До:гэн, рассуждают о просветлении, жизни и смерти.

Люди обречены вечно балансировать на грани между жизнью и смертью. Так Тэсима Икуро: учил в проповеди 1956 г., впоследствии опубликованной на английском языке под названием *«Вечно на грани между жизнью и смертью»* (*«Standing on the Eternal Shore between Life and Death»*)²⁵. Текст представляет собой толкование псалма 90 (89 в русском Синодальном переводе), *«Молитвы Моисея человека Божия»*. С точки зрения Тэсима Икуро:, речь в псалме идет о том, что только испытав смерть, человек может по-настоящему научиться жить. «Только познав вечность, — рассуждает дальше Тэсима Икуро:, — можно разобраться с вопросом о том, что такое время». Он уподобляет жизнь острову, на котором рождаются люди. Вокруг острова бушует неведомый им океан вечности. Постичь суть океана вечности с помощью человеческого разума невозможно. Но когда человек приходит к Богу, он обретает истинное видение. Тогда, будучи с Богом и в ведении Бога, человек спокойно перемещается между прошлым, настоящим и будущим, одновременно ощущая себя живущим в вечности. Далее Тэсима Икуро: опровергает столь важный для буддизма и всей японской культуры закон взаимозависимого возникновения вещей. Он пишет, что не нужно ограничивать себя его рамками, нужно понимать, что Бог выше прошлого и настоящего, Он может в одно мгновение отменить и изменить всю цепочку причин и следствий. Люди, которые верят в Бога, живут вне времени, поэтому они не страшатся будущего, а воспринимают его как источник вечной жизни.

Лекция Тэсима Икуро: по Священному Писанию 1964 г. называется *«Смерть и жизнь — одно»* (死と生は一つ). Тэсима Икуро: толкует слова Евангелия: «Иисус же сказал им в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам:

²⁵ Makuya official website. <https://www.makuya.or.jp>

если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную». (Иоанна 12:23-25)²⁶ Согласно толкованию Тэсима Икуро:, истинная, бьющая ключом, жизнь Иисуса Христа наиболее ярко проявилась в последние дни перед его мученической смертью. Человек же может прожить долгую жизнь, но так и не обрести веру, не встретить Бога, и такая жизнь останется нераскрытой, подобно не павшему в землю зерну; а может испытать смерть, прочувствовать ее, и возродиться духовно для жизни вечной. Тэсима Икуро: анализирует древнееврейские и греческие слова, которыми записан текст Библии, и пишет, что тот, кто будет привязан к своей земной жизни, в которой мы испытываем физические ощущения и эмоции (感覺的な命, *кан-какутэкина иноти*, букв. «чувственную жизнь»), погибнет для жизни вечной. Тэсима Икуро: пишет: «Дзэнский наставник Хакуин, живший в эпоху Эдо, говорил молодежи: “Молодые люди, если вам все равно предстоит умереть, умрите сейчас. Раз умерев, второй раз вы уже не умрете”. Те, кто однажды умер в этом мире, не боятся критики и преследований этого мира. Умершие не умирают повторно, поэтому им не о чем тревожиться или беспокоиться. Когда говорят, что умершие сильны, имеют в виду как раз это. Для тех, кто живет в вере, жизнь и смерть суть одно, они лицевая и изнаночная стороны одного и того же явления»²⁷.

В обеих проповедях Тэсима Икуро:, по сути, призывает отказаться от иллюзорного восприятия действительности, что крайне характерно для японского Дзэн-буддизма. Дзэнские наставники трактуют просветление как акт, в котором подвижник обретает способность видеть мир таким, каков он на самом деле. Для Тэсима Икуро: вместо просветления ту же роль выполняет приход человека к Богу.

Трактат До:гэн «Рождение и смерть» (生死, «Сё:дзи», XIII в.) начинается со слов: «Если в жизни и смерти есть Будда, жизни и смерти нет...» [цит. по: Бабкова 2016, с. 249]. До:гэн рассуждает о бесконечном круговороте рождений и смертей. Он говорит, что тот, кто забудет о своем теле и о своем «я», сумеет выйти из него. Точно так же и Тэсима Икуро: говорит о том, что нужно забыть о своей земной

²⁶ Здесь и далее цитаты из Библии даны по тексту [Библия WEB].

²⁷ Makuya official website. <https://www.makuya.or.jp>

жизни. Парадоксальным образом, когда Тэсима Икуро: критиковал буддийский закон воздаяния, он трактовал усилия человека, которые необходимы для того, чтобы прийти к Богу, так, как До:гэн трактовал усилия человека, которые необходимы для того, чтобы прийти к просветлению. Для До:гэн убеждение в том, что просветление недостижимо в силу каких-то причин, пагубно: человек должен не размышлять о том, суждено ему обрести просветление или нет, а подвижничать изо всех сил, и тогда исконно присущая ему природа Будды непременно проявится (ср. слова Тэсима Икуро: о том, что когда человек приходит к Богу, он обретает истинное видение ситуации, и понимает, что Бог всегда был с ним).

Наконец, с точки зрения дзэнских наставников, над просветленным человеком время больше не будет иметь власть, он выйдет из круга перерождений. Тэсима Икуро: ту же мысль формулирует как то, что человек, пришедший к Богу, больше не будет думать о прошлом, настоящем и будущем.

Заключение

Обращение к жизненному пути Тэсима Икуро: дает возможность наглядно продемонстрировать, что на его формирование как личности и религиозного лидера оказали влияние как родная для него японская культура, так и христианство. В процессе зарождения и оформления движения Макуя Тэсима Икуро: сыграл исключительную роль, будучи его основателем, бессменным лидером до последнего дня жизни и вдохновителем вплоть до нынешнего времени. Учение Макуя представляет собой религиозный синкретизм, где элементы традиционной японской культуры органично переплетены с положениями христианства и вкраплениями иудаизма. При этом в мировоззрении Тэсима Икуро можно проследить влияние дзэнских идей: оно хорошо заметно, если обратиться к его проповедям. Таким образом, японское новое религиозное движение Макуя можно воспринимать как интереснейший пример удачного взаимообогащения культур, когда на японской благодатной почве был привит и вырос росток христианской веры.

Библиографический список

Бабкова М. В. (2016) Наставник созерцания Догэн: жизнь и сочинения: Вместилище сути истинного закона. Москва: Кругъ.

Бертова А. Д. (2017) Христианство в Японии: опыт историко-религиоведческого анализа. Санкт-Петербург: Наука.

Бертова А. Д. (2019) Развитие идеи о духовном родстве японского и еврейского народов в японских христианских организациях. *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока*. №2. С. 141–158.

Светлов Г. Е. (1994) Новые религии Японии. *Этнографическое обозрение*. №2. С. 58–70.

References

Babkova, M. V. (2016). *Nastavnik sozertsaniya Dogen: zhizn' i sochineniya: Vmestilishche suti istinnogo zakona* [Dōgen Zenji: Life and Works: Shōbōgenzō]. Moscow: Krug. (In Russian).

Bertova, A. D. (2017). *Khristianstvo v Yaponii: opyt istoriko-religiovedcheskogo analiza* [Christianity in Japan: Attempt of Historical and Religious Analysis]. Sankt-Peterburg: Nauka. (In Russian).

Bertova, A. D. (2019). Razvitie idei o dukhovnom rodstve yaponskogo i evreiskogo narodov v yaponskikh khristianskikh organizatsiyakh [Development of the Idea of Spiritual Kinship Between the Japanese and Jewish Peoples in Japanese Christian Organizations]. *Asiatica: Trudy po filosofii i kul'turam Vostoka*, 2, 141–158. (In Russian).

Caldarola, C. (1979). *Christianity: The Japanese Way*. Leiden: Brill.

Clarke, P. B. (2000). *Japanese New Religions: In Global Perspective*. Richmond: Curzon.

Earhart, H. B., Mita, E. (1999). Makuya: Prayer, Receiving the Holy Spirit, and Bible Study. In Tanabe G. J. (Ed.), *Religions of Japan in Practice* (pp. 398–411). Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9780691214740>

Shimazono, S. (2001). *Posutomodan no shin shūkyō* [New Religions in Postmodern Japan]. Tokyo: Dōshuppan. (In Japanese).

Svetlov, G. E. (1994). Novye religii Yaponii [New Religions of Japan]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2, 58–70. (In Russian).

Teshima, Jacob Yūrō. (1999). Waga chichi. Teshima Ikurō ni tsuite kataru [My Father. Talking about Teshima Ikurō]. *Deai*, 2, 3–29. (In Japanese).

Thomsen, H. (1963). *The New Religions of Japan*. Rutland and Tokyo: Charles E. Tuttle Company.

Влияние микропрозы Роберта А. Блоха на сверхкороткие сказочные истории и психологический хоррор современных японских писателей: попытка сравнительного анализа

Л. Ю. Хронопуло

Аннотация

Среди сверхкоротких рассказов американских авторов, переведённых на японский язык в конце 1950-х – начале 1960-х гг. писателем Цудзуки Митио, впервые была представлена и микропроза Роберта Альберта Блоха (1917–1994): детективы, сказочные истории, психологические ужасы, фэнтези. Японские писатели, известные своими экспериментами в жанре сверхкоротких мистических и детективных историй, а также в жанре психологического хоррора, отмечают влияние Роберта А. Блоха на их творчество: это Атода Такаси (р. 1935), Акагава Дзиро (р. 1948) и Тамару Масатомо (р. 1987). Некоторые аллюзии можно обнаружить и в творчестве менее известных авторов современного сверхкороткого рассказа — например, Аояма Сёдзи (р. 1975).

В статье анализируются темы, идеи, приёмы, психологизм японской микропрозы, относящейся к таким жанрам, как сказки и ужасы; рассматривается метафоричность и образность произведений. Предлагается взгляд на *сё:то сё:то* современных японских писателей, принимая во внимание отсылки в их творчестве к произведениям указываемого ими предшественника — Роберта А. Блоха. Литературные параллели с сюжетами сверхкоротких историй Роберта А. Блоха обнаруживаются в рассказах сборника *сё:то сё:то* Тамару Масатомо «Тысяча и одна ночь» (*Сэнья ития*), опубликованного в 2016 г.; в сборниках микропрозы Акагава Дзиро «Прогулка» (*Сампомити*, 2002), «Танцующий мужчина» (*Одору отоко*, 1986) и «Болтливая женщина» (*Каттэ-ни сябэру онна*, 1986); а также в сборниках микропрозы Атода Такаси «Странный день» (*Кимё:на хирусагари*, 1996), «Съеденный мужчи-

на» (*Табэрарэта отоко*, 2008) и «Случай с кошкой» (*Нэко-но дзикэн*, 2010). В одном из рассказов Аояма Сёдзи из сборника «Площадь сё:то сё:то-1» (*Сё:то сё:то-но хироба-1*, 2007) также очевидно влияние Роберта А. Блоха. Вслед за американским писателем для японских авторов на первый план выходит иносказательность произведений, символизм, чёрный юмор, обращение к проблемам современного мира и свойствам человеческой натуры. Сравнительный анализ японских сё:то сё:то и сверхкороткой прозы Роберта А. Блоха проводится впервые.

Ключевые слова: психологический хоррор, фэнтези, микропроза, аллюзии, Роберт А. Блох, Акагава Дзиро, Атода Такаси, Тамару Масатомо.

Автор: *ХронопULO Лиала Юрьевна*, доцент кафедры японоведения, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9).

ORCID: 0000-0002-3734-3109

E-mail: l.khronopulo@spbu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности

Исследование выполнено в Университете Калифорнии в Лос-Анджелесе при поддержке Программы Фулбрайта для учёных.

The Influence of Robert A. Bloch's Micro Fiction on Short-Short Fantasy and Psychological Horror by Contemporary Japanese Writers: An Attempt of Comparative Analysis

L. Yu. Khronopulo

Abstract

Among the short-short stories by American authors translated by Japanese writer Tsuzuki Michio in the late 1950s — early 1960s, there were also extra-short stories by Robert Albert Bloch (1917–1994): detective stories, fantasy,

psychological horror. Japanese writers known by their experiments in the genres of extra-short mystic and detective stories, as well as in the genre of psychological horror, note that their creative activity was partly influenced by Robert A. Bloch: these are Atōda Takashi (b. 1935), Akagawa Jirō (b. 1948), and Tamaru Masatomo (b. 1987). Some allusions can also be seen in contemporary short-stories by less famous Japanese writers, for example, Aoyama Shōji (b. 1975).

This paper examines the topics, ideas, artistic devices, and psychologism of the Japanese micro fantasy and horror fiction, as well as its metaphorical meanings and the system of images. Allusions to Robert A. Bloch's micro fiction in the *shōto shōto* stories by contemporary Japanese authors are analyzed from a comparative perspective. Literary parallels to Robert A. Bloch's micro fiction can be found in the Tamaru Masatomo's collection of short-short stories *One Thousand Nights* (*Sen'ya ichiya*) published in 2016; in Akagawa Jirō's collections of short-short stories *The Walk* (*Sampomichi*, 2002), *The Dancing Man* (*Odoru otoko*, 1986), and *The Talkative Woman* (*Katte-ni shaberu onna*, 1986); in Atōda Takashi's collections of short-short stories *The Strange Day* (*Kimyōna hirusagari*, 1996), *The Eaten Man* (*Taberareta otoko*, 2008) and *The Cat Case* (*Neko-no jiken*, 2010). The influence of Robert A. Bloch's micro fiction can also be traced in one of Aoyama Shōji's short-stories from the collection of stories *The Square of Shōto Shōto-I* (*Shōto shōto-no hiroba-I*, 2007).

Following Robert A. Bloch's methods and techniques, the Japanese writers in their short-short stories demonstrate symbolism, allegory, and black humor, as well as probing into certain social problems and human nature. For the first time, Japanese *shōto shōto* stories and Robert A. Bloch's micro fiction are investigated from a comparative perspective.

Keywords: psychological horror, fantasy, micro fiction, allusions, Robert A. Bloch, Akagawa Jirō, Atōda Takashi, Tamaru Masatomo.

Author: *Khronopulo Liala Yu.*, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Saint Petersburg State University (7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation 199034).

ORCID: 0000-0002-3734-3109

E-mail: l.khronopulo@spbu.ru

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgement

The reported study was funded by the Fulbright Visiting Scholar Program at The University of California, Los Angeles.

Introduction

According to Matsushima Sayuri (who quotes the literary scholar Ikushima Jirō), the short-short story was first introduced by the Japanese writer Tsuzuki Michio, who, in the late 1950s — the early 1960s, familiarized the Japanese reader with extra-short science fiction, micro fantasy, and detective stories by four American authors: Fredric William Brown, Stanley Bernard Ellin, Henry Slesar, and Robert Albert Bloch [Matsushima 2003, p. 98]. In American literature, three major specific features of a short-short story were formulated on the basis of the creative writing of these authors:

- 1) a well-rounded plot;
- 2) a fresh idea;
- 3) an unexpected turn of events with an unpredictable, surprising ending.

These specific features can be traced in Japanese *shōto shōto* as well. The Japanese extra-short story has a special name — *shōto shōto*, from English “short-short”; with regard to the plot, a *shōto shōto* story most often refers to the genres of science fiction, fantasy, or detective fiction. Robert Oberfirst explains that, since a short-short story must come to a quick, surprising conclusion, it can be easily achieved in science fiction, detective fiction, or fantasy stories, because the nature of these genres implies creating unusual situations [Oberfirst 1960]. Arthur Gordon agrees with a remark that action short-shorts are the easiest to write: the suspense pulls the reader along, and the man-against-death theme has been a favorite since story-tellers lived in caves. But at the same time, Gordon adds that short-short fantasy is hard to write because the author has to persuade the reader to believe, for the moment, something that he knows is impossible [Gordon 1958, p. 26]. Nonetheless, Stewart Beach disputes some traditional formulae of a short-short story: for example, he suggests that short-shorts with a traditionally surprise ending should be discarded as outdated, though there was a time when they were highly successful; when a situation is disguised during the entire length of the story for an unpredictable ending, such a fool-the-reader story brings no sense of satisfaction to the reader, because it is a cheat from beginning to end [Beach 1958, pp. 373–374]. Dwayne Decker agrees that the short-short no longer has to have the trick ending; “if a trick ending

springs up naturally, almost inevitably, in a short-short that's fine; but a trick ending that is strained for is no good and neither is the story" [Decker 1958, p. 369]. Another interesting aspect pointed out by Oberfirst is that a good short-short must contain a single main character and a single main plot problem or situation leading to a single emotional effect. The short-short must move very rapidly: there is no room for detailed reminiscing, or meditation on a log [Oberfirst 1958, p. 358].

The short-short is one of the most difficult forms of literary composition because it must embody all the technique and consummate skill required in short-story construction "and then some". The short-short requires tremendous — and skillful — condensation and repression. It must not be synopsized. It must contain all the inherent drama in short-story form within a restricted length. According to Oberfirst, a good plot alone will not sell a short-short, — it must have a new idea, or an old idea and an old image freshly presented [Oberfirst 1960, p. 212]. Robert A. Bloch drew on recognizable images of folklore, myths, and urban legends in his fantasy stories, but used them in a new way; it will be discussed how these principles and canons were followed by contemporary Japanese short-shorts' writers Akagawa Jirō, Atōda Takashi, Tamaru Masatomo. The writers themselves admit the influence of the American micro fiction on their *shōto shōto* stories [Tamaru 2015, pp. 7–12; Atōda 2001; Atōda 2008, p. 284].

As a short-short story is distinguished by its increased semantic fullness and symbolism, there are often stories that have some parabolic content; besides, most stories have an ironic and satirical shade, which brings them close to fables. Fred Chappell, an American author of short-short stories, notes that unease, whether humorous or sad, is the effect the short-short aims at. Even if the story achieves resolution, it cannot be a simple resolution and it should not give the impression of permanence. The self-containment of the short-short is incomplete; this form does not create a world in the way that a poem or a short story may do; rather, it inhabits a larger world which it must take pains to imply [Chappell et al 1986, p. 227]. This can be seen as a reason for the popularity of a *shōto shōto* story in Japan, given that short prosaic and poetic forms are traditional in Japanese artistic culture; in some of the minor prosaic and poetic forms that became traditional for Japanese literature, Zen Buddhism served as the basis for certain artistic devices. This determined the specific features of poetics which is characteristic of some original minor genre forms, such as *tanka*, *haiku*, or *zuihitsu*, and later — of a short-short story: the

succinctness of expression, the use of allegory and allusions, a hint, the subtext based on image associations and wordplay, a fleeting mood full of understatement. The emergence of the short-short story — *shōto shōto* — in Japanese literature marked a new period of development of Japanese minor genre forms [Swann, Tsuruta (ed.) 1982, *i-x*].

The Japanese short-short story is very diverse; with a strong element of grotesque, it combines comedy and tragedy and uses various means and techniques, the main one being satire, in order to make one muse about the problems of contemporary society. In the English-language tradition, the volume of a text is usually determined by the number of words and short-short stories are considered to be texts of between 200 and 1,500 words, in some cases 2,000 words [Shapard, Thomas 1996, p. 12], while Japanese literature lacks a common point of view regarding the volume of a literary work. Japanese researchers usually consider the size of such stories to be from four to fourteen pages [Satō, Murai, Tokosumi 2009, pp. 133–134]. Pat Frank, a short-short story writer, remarks that there are some critics who see no art in the short-short. He argues that this is a true art form, as distinctive as the one-act play; “a good short-short is so compact, so intricately woven, that not a single word can be added or subtracted without damaging the structure, mood, or impact of the story, or warping its characters” [Frank 1958, p. 11].

Quite remarkable is the fact that the growing popularity of the short-short story has recently been observed not only in Japan and the United States, but all over the world. This is caused by the process of miniaturization of prosaic genres, which is noted in contemporary literature of many countries. The emergence of the Japanese *shōto shōto* may be related to the dashing pace of life in modern Japan that gave rise to the need for laconic literary works with a thrilling plot capable of capturing the reader and holding his or her attention at least for a short time. L. V. Zhilina wrote that one may also notice that, in *shōto shōto*, the writers’ attempt to “awaken” the readers and to make them think about the complexity of the world at least for a second [Zhilina].

Robert A. Bloch sold his first short stories to “*Weird Tales*” in the 1930s and, for a while, was a disciple of H.P. Lovecraft [Ashley 2002, p. 58]. In these early stories, introduced to the Japanese reader in the end of the 1950s, he drew upon the supernatural, and also branched into science fiction — expanding the genre boundaries of a short-short story, which was followed by both American and Japanese writers of short-shorts

[Pierce 1983]. Bloch is best known for his fantasy, horror, and mystery; in his works in these fields — consisting almost entirely of short and short-short stories — he emphasized social criticism with a particular concern for individuality, paradoxical perception, the outcast, and the existential concept that struggle gives meaning to life [Gunn (ed.) 1988, p. 56; Bloom 1995]. He wrote more than 400 short stories, often combining fantasy and horror with mystery and science fiction. Interestingly, many writers combine science fiction with mystery, detective, and horror [Murphy 1999]; for example, in a number of works by Akagawa Jirō and Atōda Takashi, both of whom are horror and fantasy writers of *shōto shōto*, it can be seen that they also double as science fiction and mystery authors. Other literary parallels to Bloch's micro fiction in Japanese writers' short-shorts can also be found — such as the structure of the stories; plots, topics and characters, psychologism, social criticism, paradox, and existential concepts.

Literary Parallels Between Robert A. Bloch's Micro Fiction and Akagawa Jirō's *Shōto Shōto*

Akagawa Jirō (born in 1948) is well-known in contemporary Japan for his detective fiction and adventure stories. It should be noted that Akagawa has continued and expanded the traditions of Hoshi Shin'ichi's (1926–1997) short-short story, but he has broken away from the science fiction genre choosing also other genres to implement the same *shōto shōto* form, its canons and ideas realized by Hoshi [Hoshi 1985]. Stories about miracles, meetings of common people with something or somebody unusual is what we see in medieval Japanese *otogizōshi*, and this is what was practiced by Hoshi who gave a new life to the short story in Japanese literature in the second half of the 20th century. With Akagawa, a short-short story also acquires another subject matter: this is not just fantasy, mystics, and miracles, but, to a considerable extent, the life of citizens presented as an anecdote, brief love stories, sketches from everyday life of common people: female secretaries, trade companies' employees, etc., who may or may not encounter something mysterious. In the stories of “*The Walk*” (“*Sampomichi*”) short-short stories' collection by Akagawa (27 short stories of no more than 10 pages each), the borderline between the reality and the imagined world of the characters appears to be blurred: while daydreaming, Akagawa's character is taken captive by his imagination which can both amuse the dreamer and teach him something as

well as destroy him. The works of imagination are the uniting motif of the "*The Walk*" collection. In Hoshi's short-shorts the protagonist is usually cheated by the evil spirit, a wizard, an inventor, a miracle-working drug, etc., while Akagawa's characters get obsessed by their own imagination which, like a fantasy creature or aliens in Hoshi's stories, eventually take them for a ride and confuse them, on the one hand, and, on the other hand, help the characters to become aware of themselves and the real state of affairs. Similarly to the miraculous creatures and magic objects in Hoshi's stories, the imagination in Akagawa's *shōto shōto* performs the function of a teacher, tutor, and punisher when it becomes a reality setting the dreamer free and showing them the real state of things. Like Hoshi and Bloch, Akagawa uses characters from fairytales and legends in some *shōto shōto* — for example, in "*The Stranger in the Mirror*" ("*Kagami-no naka-no tanin*"), a story about vampires [Akagawa 2002, pp. 236–244] to be discussed further. Therefore, Akagawa appears to be close to Natsume Sōseki's short-shorts and to Akutagawa Ryūnosuke's novelettes; Natsume, in his cycle of short-short stories "*Ten Nights of Dreams*" ("*Yume jūya*", 1908), approaches the blurred borderline between the reality and fantasy where truth can be found; Akutagawa, in his semi fairy historical novelettes, depicts the contemporary world and its vices by means of mythological characters. The stories written in the style of magic realism in Akagawa's short-short works are not so frequent, and the mystic element is always used so as to reveal a psychological problem to the maximum. Many of Bloch's and Akagawa's stories combine comic and tragic elements, making one muse about the problems of the contemporary society; nonetheless, in the afterword to Akagawa's collection "*The Talkative Woman*", Hoshi Shin'ichi pays attention also to the extra-short stories written just for fun, as an entertainment [Akagawa 1986a, p. 220].

Akagawa's "*The Stranger in the Mirror*" (*Kagami-no naka-no tanin*) is a story about three schoolgirls who never actually realized they were vampires before one night, when, only with the help of their imagination, seeking for new impressions, they occasionally find out their true nature, which long remained hidden. The most tender, weak, and modest girl struggles with the new entity inside her; on the contrary, one of her friends, having become a vampire, does not resist and reveals her worst qualities, while another one is strong enough to reason and reflect on what is happening to the three of them and tries to protect her weak friend from the newly born aggressive creature who used to be their friend before being

reborn. The same thing happens in Bloch's "*The Cloak*" story [Bloch 1995, pp. 32–43], where a man going to a costume party buys the cloak which gradually reveals his true nature as a vampire, scaring and, at the same time, amusing the protagonist. He tries to explore his new nature just like the principal character of Akagawa's "*The Stranger in the Mirror*" and is doing his best to gain control over his new vicious desires — while a vampire woman he meets at the party and falls in love with does not try to resist and attacks him. Both Akagawa and Bloch draw on an image of a vampire in their short-shorts; but, according to one of the important canons of micro fiction, they made this old image function in a new way, depicting human in a constant struggle with self and symbolizing the long-suppressed subconscious emotions and fears that bring out the worst parts of a person who allows them to take over — or, on the contrary, may suppress them by a force of will and with the help of self-reflection.

After Hoshi Shin'ichi's death in 1997, it is detective fiction, fantasy, and horror that became most popular in the *shōto shōto* form of both Akagawa Jirō and another famous follower of Hoshi — Atōda Takashi, to be discussed later on. In 1986, two collections of Akagawa's short-short stories were published — "*The Dancing Man*" ("*Odoru otoko*") and "*The Talkative Woman*" ("*Katte ni shaberu onna*"); most stories of the former do not exceed four or five pages, while, in the latter, the average size of a story is 12 pages. Most stories of "*The Dancing Man*" collection are crime fiction with elements of horror, black humor, grotesque, and irony. For example, in "*The Legacy*" ("*Isan*") story [Akagawa 1986b, pp. 17–20] of "*The Dancing Man*" collection by Akagawa, the protagonist was so proud and independent that he did not want "to prostrate" himself before his superiors to obtain leave; as a result, he worked himself to extreme exhaustion, both nervous and physical, and turned into a maniac: he started killing his relatives one after another when he wanted to have some rest because, in such cases, the employee in whose family there had been a disaster was entitled to a certain number of legitimate days-off (the closer the relationship of the victim, the more days off were given). This story satirizes both the proverbial workaholism of the Japanese and the traditional fear and awe of the superior reduced to an absurdity and grotesquely presented: it was easier for the hero to kill his relatives than to ask the superior for help. The pride is also presented in a grotesque manner: transformed into pridefulness, it drives the man crazy when he becomes a serial killer.

In 1943, Bloch wrote "*Yours Truly, Jack the Ripper*" [Bloch 1995, pp. 177–189], about the reincarnation of the infamous Victorian psychopath in response to modern society's problems and violent tendencies which create maniacs. In this story, Jack the Ripper is reborn and roams the streets of present-day Chicago; but, this time, his killings are necromantic sacrifices done to sustain his youth. The story blended an acute inquiry into the criminal mind with deft social criticism and was recognized as an instant classic. Bloch used a technique of allowing the reader to see the action through the mind of the maniac; the same technique, as well as social criticism, was used in Akagawa's "*The Legacy*".

The two maniacs meet in Bloch's short-short horror story "*A Toy for Juliette*" [Bloch 1995, pp. 196–200], when a young sadistic nymphomaniac Juliette receives new "present" — Jack the Ripper — from her psychopathic grandfather, a time-traveler in a post-apocalyptic world, who randomly abducts people with his time machine from various moments in history for his granddaughter so that she could torture and kill the "toys" in her sexual games. The last "toy" he gives her, however, turns out to be Jack the Ripper. In this case, we can see the combination of science fiction and horror, which is often characteristic of a short-short story, as was noted in the Introduction. Another Bloch's story about a maniac from the past who travels to the contemporary world is "*Slave of the Flames*", written in 1938 [Bloch 1987, pp. 138–146]: the Roman emperor Nero mysteriously arrives in Chicago in 1871 to burn it, as he did with Rome in July AD 64. In addition, Akagawa's "*The Boy from Leonding*" (*Reondingu-no shōnen*) [Akagawa 1986a, pp. 16–24] also combines science fiction and psychological horror, when a researcher travels in time to the end of the nineteenth century and saves an unknown drowning boy who later appears to be Adolf Hitler as a child. Bloch's and Akagawa's horror stories merged with science fiction pessimistically demonstrate the eternal evil traveling through centuries, carrying the idea that, no matter what is done, evil cannot be defeated, and the world cannot change for the better. As can be seen, the two writers are united by the fact that, in their short-short stories, they both succeed in showing human vices and depicting the problems of the contemporary world.

In fact, some researchers indicate that the genres of psychological horror and fantasy have become so popular with both American and Japanese short-shorts because, involving intertextuality, they used superb imagery and symbolism, could be read as an allegory, and seemed to be

the appropriate means to explore the chain of evil and violence in the post-war and contemporary society [Apter 1982, pp. 1–11; Nakamura 2015, pp. 131–132; Hutcheon 1988, pp. 124–140]. This may be regarded as one of the reasons why, in short-shorts, we can see the revived images of Hitler, Nero, Jack the Ripper, etc. as eternal evil brought to the modern and contemporary urban environment — because the evil never gives up and, as a legacy from the past, is a part of human nature; or the society with its rules and restrictions can produce new maniacs, like in Akagawa's "The Legacy" — and, in this case, the "legacy" can be regarded from the perspective of the psychological problems and unfairness inherited from the past experience. Bloch, while pointing out that fiction writers in every genre should pay more attention to social issues than to individual psychological dynamics, explained this phenomenon: "In the beginning my work was almost entirely in the field of fantasy, where the violent element was openly and obviously a product of imagination... The mass violence of World War II caused me to examine violence at its source — on the individual level. Still unwilling or unable to cope with its present reality, I retreated into history and recreated, as a prototype of apparently senseless violence, the infamously famous mass murderer who styled himself, *"Yours Truly, Jack the Ripper"*... Since that time, while still employing science fiction, fantasy and horror for satire and social criticism, I devoted many of my subsequent short stories to a direct examination of violence in our society... For the violence has come to its own now; the violence I examined, and at times projected and predicted, has become today's commonplace and accepted reality. This, to me, is far more terrifying than anything I could possibly imagine... I realized, as a result of what went on during World War II and of reading the more widely disseminated work in psychology, that the real horror is not in the shadows, but in that twisted world inside our own skulls" [Szumskyj 2009, p. 136, 154].

**The Short-Short Stories by Atōda Takashi,
Tamaru Masatomo, Aoyama Shōji, and Robert A. Bloch:
Literary Intersections**

Atōda Takashi (born in 1935) is mainly writing in the style of magic realism. Atōda has written action-packed or comic short-short stories continuing the traditions of Hoshi Shin'ichi, a number of mystic and psychological thrillers, and a series of essays. In addition, after the death

of Hoshi, since the late 1990s, Atōda has headed the annual All-Japan Literary Competition for authors of short-short stories, with collections of the best works published according to the results of the competition; Atōda has been the permanent chief editor of these collections for more than 20 years [Atōda 2001]. He has published four popular collections of *shōto shōto*: “*The Strange Day*” (“*Kimyōna hirusagari*”, 1996), “*The Eaten Man*” (“*Taberareta otoko*”, 2008), “*The Last Message*” (“*Saigo-no messēji*”, 2009), and “*The Cat Case*” (“*Neko-no jiken*”, 2010). In these collections, Atōda’s element of mystics is much stronger than that in Akagawa’s short stories; the characters often meet otherworldly forces: devils, ghosts of the dead people, mermaids; the action may be presented in the form of a fairytale with a plot taking place in a magic kingdom, or in the form of a sort of a fable. The mystics may quite unexpectedly emerge in the life of the characters far from witchcraft and the world of magic. Not all of Atōda’s *shōto shōto* carry a philosophical idea; some mystic stories are entertaining horror stories, their plots coming from folklore or urban legends.

“*The Hair*” (“*Kami*”) horror *shōto shōto* [Atōda 1996, pp. 22–28] may contain an allusion to Bloch’s horror story written in 1937, “*The Black Kiss*” [Bloch 1987, pp. 227–242]. “*The Hair*” is about a woman who committed suicide because of her unhappy love, but, having drowned, she turned into an evil creature living under the sea. The female character knew she was terminally ill but did not tell her beloved about that and persuaded him to commit suicide allegedly because of the impossibility of being together (their families were against their marriage). The man happens to avoid death through drowning, but he still experiences pangs of guilt that he survived; and, twenty years later, the dead woman comes up for her beloved from the sea bottom as a vindictive ghost, entangles him with her long hair, and fulfills her plan to deliver him to the afterlife. The same thing happens with the principal character of Bloch’s “*The Black Kiss*” short story, who is taken to the afterlife on the bottom of the sea by a vindictive woman ghost lusting for his love. Both writers depict lethal love as a destructive feeling.

Psychological horror and fantasy are the favorite genres of Atōda’s *shōto shōto*. Atōda’s characters are trade company employees, office workers, housewives, students; they unwittingly go beyond the limits of the common world and find themselves in transcendental reality, in the grip of myths and fairytales, often on the verge of insanity as it is not clear which is more illusory: their everyday life or the mystical experience. In this respect,

Atōda's *shōto shōto* approach micro fiction by Akagawa and Bloch, with imagination as one of the main plots of their short-short stories. In "*The Pisces Woman*" ("*Uoza no onna*") [Atōda 1996, pp. 69–77], a sterile man gradually starts going mad hearing constant assurances of his young wife that they will still have a child, "a big-eyed boy". The imagination of the man whose psyche is already broken after the death of his first wife in a car accident brings up to his mind an ugly "big-eyed" creature with a thousand little eyes that will become his son, and the man goes out of his mind. The same thing happens with the protagonists of Bloch's "*The Doll*" [Bloch 1987, pp. 52–63] and "*Enoch*" [Bloch 1995, pp. 74–84] short-short stories: the little evil creature — it's unclear whether imaginary or real — starts growing on or inside the character's body, gradually gaining more and more control over his mind and making him lose his sanity. Imagination and reality have a blurred borderline in some of Atōda's and Bloch's short-short stories: the protagonist can often hardly understand where the imagination and where the real life are, engaging in an unequal battle with his subconscious.

The human nature, a man striving for happiness and never content enough with what he has, is a source of the plots of Robert A. Bloch's "*That Hell-Bound Train*" [Bloch 1995, pp. 98–108], Atōda Takashi's "*The Horror Story*" ("*Kowai hanashi*") [Atōda 2010, pp. 255–258], and Aoyama Shōji's "*The Bottle*" ("*Bin*") [Aoyama 2007]. Martin, the protagonist of "*That Hell-Bound Train*", is a young hobo with a fondness for trains. One night, as he is considering whether to abandon crime, a large unmarked black train pulls up beside him. The train conductor (presumably the devil) offers Martin anything he wants, in return for which he will "ride that Hell-Bound Train" when he dies. Martin requests the power to stop time, which he plans to use at the happiest time of his life. The conductor accedes to this request; however, over the years that follow, Martin reaches welfare, experiences love, and enjoys being a father etc., — but discovers that he cannot choose which moment is his happiest. In the end, he dies, never having stopped time, and indeed boards the train which takes souls to hell. However, he likes the sinful look of the passengers and chooses to stop time then and there. The train never reaches the depot and Martin, now the brakeman, finally finds happiness — which appears to be not the achieved result, but a process toward one's final destination. The same idea underlies the plot of Aoyama's "*The Bottle*": the protagonist is waiting his whole life for

the moment to open the bottle with a genie inside — but is motivating himself to wait and tries to achieve welfare and to cope with problems without the help of the magic creature who is ready to fulfil his wishes; at the end of his life, the man just throws the bottle back to the sea without having chosen the appropriate moment to use the genie's power. Atōda deals with a similar plot in a different way: the main character of his "*The Horror Story*" manages to find the happiest moment of his lifetime he wants to stop in order to enjoy it forever; he dedicates his life to inventing a time machine and travels back to the past to reunite with his beloved one — but, due to the error in the time machine's mechanisms, he is brought to the unhappiest moment a few minutes before the encounter with the love of his life and is stuck in this most painful moment to suffer forever. These three short-shorts concentrate on the concept of happiness and the way humans act to achieve it, demonstrating that happiness is a fragile illusion that does not last long; it either cannot be achieved, or can bring satisfaction only in the process of striving for it — but not in the final result.

In Tamaru Masatomo's (born in 1987) *shōto shōto*, we find well-known creatures from the Japanese and other countries' legends, folk tales etc.; such images usually function in his extra-short stories in the metaphorical sense. Bloch's "*Sweets to the Sweet*" [Bloch 1995, pp. 87–93] horror short-short story and Tamaru's fantasy *shōto shōto* "*Saving the Mermaid*" ("*Ningyō sukui*") [Tamaru 2016, pp. 35–48] are metaphorically examining family issues that reflect on the children's future lives and their interactions with other people. Bloch's "*Sweets to the Sweet*" portrays a family conflict when a father suspects his little daughter Irma of being a witch; a loving, nice, and kind girl in the beginning, she gets more and more angry because father regularly punishes her without any grounds — and she turns into a wicked witch, full of hatred and killing people, just like her father had long inspired her. This story depicts a detrimental influence of the unfair parents on their children capable of ruining not only a child's life, but also the lives of other people interacting with a traumatized child.

The same thing happens in Tamaru's story "*Saving the Mermaid*". The protagonist took part in a fair attraction at a Shintō shrine for catching tiny mermaids; having caught one of the size of an aquarium fish, he took it to his home and raised it there until the mermaid became an adult and reached the standard parameters of a young girl. At the same time, it was obvious that the mermaid was fixated on one and the same situation: as a child, she

was greatly impressed by the traditional Shintō festival, when, according to an ancient ritual, palanquins were carried out, — and suddenly they crashed into the crowd, crushing a large number of people. The young mermaid, observing this as a child, connected the accident with the singing that sounded on the occasion of the holiday at the temple. When the mermaid grew up, the man realized that he could not cope with her, and took her to her natural habitat — to the sea, where he released his foster-daughter, believing that he was doing good by saving her. However, he did not take into account the serious impact that the event that had frightened her in her childhood had on the mermaid's psyche: as soon as she found herself in the sea, she began to subconsciously reproduce the situation again and again, singing songs and watching ships and other vessels crash into stones and shatter. Thus, the siren's thirst to kill, her murderous instincts, like that of Lorelei, acquire a metaphorical interpretation in Tamaru's story: it is easy to guess in the fate of a mermaid the fate of many people who, having experienced a traumatic situation in childhood and matured, cannot tear themselves away from the past; they subconsciously recreate a dangerous situation that once knocked them down, and turn from a victim into an offender, whose trauma grows with them, destroying the lives of innocent people. At the same time, the image of the mermaid's foster-father, who took care of her since childhood, can be interpreted as the image of a parent who did not bother to figure out what was happening with the child and released the traumatized child into the world, to the misfortune of the people who have to interact with them.

Tamaru's story "*The Night the Lion Dances*" (*Shishi mai-no yoru*) [Tamaru 2016, pp. 159–170] is dedicated to the traditional Japanese holiday — the lion dance, which is held once a year near a Shintō shrine: actors in masks and lion costumes dance a frantic ritual dance. During one of these holidays, the protagonist in his youth witnessed how the dancer killed the audience; no one was found under the lion's costume, and the case was closed for lack of evidence. The young man began to independently investigate what had happened and came to the supernatural version, having become acquainted with an ancient Indian legend: according to the legend, once lions of a certain breed ate people, but then began to absorb evil spirits, thus taking on the role of defenders of man. However, their passion for human blood still did not subside, and, since then, some peoples have sacrificed people to lions in order to appease their ferocious patrons. The young man believes that, on that fateful night, the

spirit of a lion-devourer of evil spirits moved into the dancer. When, after a few years, the hero marries, the same thing happens to his wife one day: he pays attention to her thorough preparation for the lion dance at the holiday, begins to suspect her of possession and realizes in fear that the spirit of the lion has taken possession of his wife and now the death is inevitable, but the man can do nothing to stop her. In this short-short story one can see an appeal to the hidden negative qualities of a person, in this case, a spouse who showed her “animal face” only after they got married. The rampage of the spouse as a furious lioness attacking her victim can be seen as an allegory of a family scandal, when the rage of a loved one is so frightening that the thoughts of madness involuntarily come to mind. “*The Night the Lion Dances*” symbolizes the dark moment in one’s family life when the worst, “animal” qualities reveal themselves.

Family life is allegorically depicted in the same way in two short-shorts by Bloch: “*The Bogey Man Will Get You*”, written in 1946 [Bloch 1987, pp. 23–28] and “*The Animal Fair*”, written in 1971 [Bloch 1995, pp. 143–153]. The protagonist of “*The Animal Fair*” tells a scary story about a girl trained by some wild tribe to become a lioness, revealing the wild nature inside human being: “She’s inside this lion skin... all alone in the dark, smelling that damn lion smell... all she can do is whine and growl... You know what happens to someone like that? They go crazy. And after a while they get to believing they really are a lion. The next step is for the witch doctor to take them out and train them to kill” [Bloch 1987, pp. 151–152]. This is a metaphorical story about betrayal and cruelty of the closest and most trusted ones, that are able to embitter and, allegorically, to turn a human into “an animal”. “*The Bogey Man Will Get You*” is also a story about the true essence of the loved one which stays hidden but can be revealed under some circumstances: the boyfriend of the main female character turns out to be a werewolf.

It is important to note that Atōda, Tamaru, and Bloch, being masters of the *social* as the dimension of horror and madness, portray the deranged and dangerous individual. The stories analyzed above display a corruption of human relationship, either metaphorically or straightly: love gone sour, families destroying their members; the characters from the short-shorts by the three writers, “*Sweets to the Sweet*”, “*Enoch*”, “*The Doll*”, “*The Hair*”, “*The Pisces Woman*”, “*Saving the Mermaid*”, “*The Night the Lion Dances*”, grow insane internalizing the madness of the family, distilling it to a lethal essence. The theme of damaged family relationship runs

through the key short-shorts of the three authors who portray the family as a microcosm of society, and the individual as a microcosm of the family. Conflict and ambivalence run deeply through the writers' perception of the human condition. This sense of human nature as something divided and unstable is what gives a short-short horror fiction its nervous edge and resonance.

Conclusion

The Japanese *shōto shōto* have borrowed a number of traditions from the American short-short form; the mandatory principles, i.e., an original idea, a completed plot, an unpredictable turn of events, and an unexpected ending, were used in Bloch's horror and fantasy short-shorts, as well as by Japanese writers who followed this trend in Japan. Bloch, Akagawa, Atōda, and Tamaru use grotesque technique, skillfully combining tragedy and comedy in their short-short stories, which enables them to show human vices and raise the problems of contemporary society. Bloch, explaining the importance of black humor and grotesque for horror and fantasy stories, as well as the importance of a comedy element for short-shorts, summed up his ideas that, as can be seen, were followed by Japanese writers of *shōto shōto*: "Comedy to me, as I have often remarked, is skin to horror in that both are opposite sides of the same coin... since both deal with the grotesque and unexpected, but in such a fashion as to provoke two entirely different reactions... Comedy is based on fantasy; comedy is fantasy usually... But we don't generally regard it as fantasy because it's designed to promote laughter rather than tension or fear. Again, the element of catharsis is common to both. Once that tension is relaxed in fantasy or is exploded by the resolution of a comic incident with laughter, we have obtained a catharsis" [Szumskyj 2009, p. 66]. As for characters, most, if not all, short-shorts by Bloch, Akagawa, Atōda, and Tamaru involve damaged people or creatures. They are abandoned by their world, left to find solace in unsavory redemption. Abnormality attracts its own, and so humanity's refuse finds value in the darker corridors of exploration. The protagonists of short-shorts written by Bloch and Japanese writers find comfort and delusional grandeur in satanic ritual and supernatural depravity (Juliette in Bloch's "*A Toy for Juliette*", reborn Nero in "*Slave of the Flames*", the main character of "*The Cloak*" and his beloved one, the protagonist of "*That Hell-Bound Train*", Akagawa's young vampires in "*The Stranger in*

the Mirror”, the insane employee in “*The Legacy*”, the foster-father of the mermaid in Tamaru’s “*Saving the Mermaid*”, the female character of “*The Night the Lion Dances*”, Atōda’s inventor from “*The Horror Story*”, etc.). Often, their rebellious rage threatens the very balance of sanity and reason; their decadence and deformity threaten to overcome the waking world, like night consumes the sun.

This research aimed at tracing what Japanese short-short horror and fantasy stories have borrowed from the American micro fiction. Since there are very few works dedicated to the Japanese short-short story, its American origins appear to be almost disregarded, and the phenomenon has been studied predominantly from the viewpoint of the literary culture of the East. The present research aimed to fill this gap and to examine the literary parallels to the American micro fiction in *shōto shōto*; yet a detailed comparative investigation from a variety of perspectives is still of great importance both for the history and the theory of Japanese modern and postmodern literature, as well as for other disciplines in the humanities studying literary micro forms. The integrated and comparative analysis encompassing both historical and contemporary perspectives of the Japanese short-short story with an emphasis on intertextuality — shaping of a text’s meaning by another text — is considered interesting and relevant. The represented results of the analysis show in what aspects Robert A. Bloch influenced the origination and formation of fantasy and psychological horror of the authors of the short-short stories in Japanese literature. This influence includes the textual interactions in their social, literary, and cultural contexts, artistic devices and techniques used in short-short stories. The interconnection of American and Japanese micro fiction was examined from a comparative perspective, revealing also social and psychological problems underlying the plot of such stories.

Библиографический список

Жилина Л. В. Короче! Short-Short story в современной японской литературе. *Окно в Японию. Электронный журнал*. http://ru-jp.org/zhilina_01.htm

References

Akagawa, J. (1986a). *Katte-ni shaberu onna* [The Talkative Woman]. Tokyo: Shūeisha. (In Japanese).

- Akagawa, J. (1986b). *Odoru otoko* [The Dancing Man]. Tokyo: Shinchōsha. (In Japanese).
- Akagawa, J. (2002). *Sampomichi* [The Walk]. Tokyo: Kōbunsha. (In Japanese).
- Aoyama, Sh. (2007). Bin [The Bottle]. In *Shōto shōto-no hiroba-1* [Square of *Shōto Shōto*, Vol. 1] (p. 192). Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).
- Apter, T. E. (1982). *Fantasy Literature. An Approach to Reality*. Bloomington: Indiana University Press.
- Ashley, M. (2002). Robert Bloch. In *The Mammoth Encyclopedia of Modern Crime Fiction* (pp. 58-60). New York: Carroll & Graf Publishers.
- Atōda, T. (1996). *Kimyōna hirusagari* [The Strange Day]. Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).
- Atōda, T. (2001). Atogaki to sempyō [Afterword and Selector's Comment]. In *Shōto shōto-no hiroba-12* [Square of *Shōto Shōto*, Vol. 12] (pp. 217–229). Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).
- Atōda, T. (2008). *Taberareta otoko* [The Eaten Man]. Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).
- Atōda, T. (2009). *Saigo-no messēji* [The Last Message]. Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).
- Atōda, T. (2010). *Neko-no jiken* [The Cat Case]. Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).
- Beach, S. (1958). What The Short-Short Story Demands. In *Anthology of Best Short-Short Stories* (Vol. 6, pp. 370–375). New York: Frederick Fell.
- Bloch, R. (1995). *Appreciations of the Master*. New York: A Tom Doherty Associates Book.
- Bloch, R. (1987). *Selected Stories of Robert Bloch*. Vol. 2: Bitter Ends. San Francisco: Underwood-Miller.
- Bloom, H. (ed.). (1995). Robert Bloch. In *Modern Crime and Suspense Writers* (pp. 1–15). New York: Chelsea House Publishers.
- Chappel, F., et al. (1986). Afterwords. The Tradition. In *Sudden Fiction. American Short-Short Stories* (pp. 227–258). Salt Lake City: Peregrine Smith Books.
- Decker, D. (1958). Story Without Shortcuts. In *Anthology of Best Short-Short Stories* (Vol. 6, pp. 367–369). New York: Frederick Fell.
- Frank, P. (1958). Evolution of the Short-Short Story. In *Anthology of Best Short-Short Stories* (Vol. 6, pp. 11–14). New York: Frederick Fell.
- Gordon, A. (1958). Technique of the Short-Short Story. In *Anthology of Best Short-Short Stories* (Vol. 6, pp. 23–27). New York: Frederick Fell.
- Gunn, J. (ed.). (1988). Bloch, Robert. In *The New Encyclopedia of Science Fiction*. (p. 56). New York: Viking.

Hoshi, Sh. (1985). Sempyō [Selector's Comment]. In *Shōto shōto-no hiroba-1* [Square of Shōto Shōto, Vol. 1] (pp. 297–323). Tokyo: Kōdansha. (In Japanese).

Hutcheon, L. (1988). *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. New York and London: Routledge.

Matsushima, S. (2003). Hoshi Shin'ichi and the Space-Age Fable. *New Zealand Journal of Asian Studies*, 5 (2), 94–114.

Murphy, B. F. (1999). Science Fiction Mysteries. In *The Encyclopedia of Murder and Mystery* (p. 442). New York: St. Martin's Minotaur.

Nakamura, M. (2015). *Monstrous Bodies. The Rise of the Uncanny in Modern Japan*. Cambridge and London: Harvard University Press.

Oberfirst, R. (1958). Cutting Sells a Short-Short. In *Anthology of Best Short-Short Stories* (Vol. 6, pp. 358–366). New York: Frederick Fell.

Oberfirst, R. (1960). Writing the Short-Short Story. In *Anthology of Best Short-Short Stories* (Vol. 8, pp. 210–214). New Jersey: Oberfirst Publications.

Pierce, H. B. (1983). *A Literary Symbiosis: Science Fiction/Fantasy/Mystery*. Westport: Greenwood Press.

Satō, Ch, Murai, H., Tokosumi, A. (2009). Bungaku sakuhin gun no tokuchōteki goi to gainen kategorī no chūshutsu. Hoshi Shin'ichi: shōto shōto no keiryō bunseki [Extracting Distinctive Vocabularies and Conceptual Categories from a Literary Text: A Quantitative Analysis of Hoshi Shin'ichi's Short-Short Stories]. *Jōhō chishiki gakkaiishi*, 19 (2), 132–137. (In Japanese).

Shapard, R., Thomas, J. (1996). A Note from The Editors. In *Sudden Fiction (Continued)* (pp. 11–13). New York, London: W. W. Norton & Company.

Swann, T. E., Tsuruta, K. (ed.). (1982). *Approaches To the Modern Japanese Short Story*. Tokyo: Waseda University Press.

Szumskyj, B. (ed.). (2009). *The Man Who Collected Psychos. Critical Essays on Robert Bloch*. Jefferson, North Carolina, and London: McFarland & Company Publishers.

Tamaru, M. (2015). *Tatta yonjuppun de daredemo kanarazu shōsetsu ga kakeru. Chō shōto shōto kōza* [Anyone Can Write Micro Fiction in Forty Minutes. Lectures on Short-Short Story]. Tokyo: Kinobukkusu. (In Japanese).

Tamaru, M. (2016). *Sen'ya ichiya* [One Thousand and One Nights]. Tokyo: Shōgakkān. (In Japanese).

Zhilina, L. V. Koroche! Short-short story v sovremennoy yaponskoy literature [Shorter! Short-Short Story in Contemporary Japanese Literature]. In *Okno v Yaponiyu. Elektronnyy zhurnal* [Window to Japan. Electronic Journal]. Retrieved June 13, 2022, from http://ru-jp.org/zhilina_01.htm. (In Russian).

Оскар — 2022: Хамагути Рюсукэ

Е. Л. Катасонова

Аннотация

Статья посвящена творчеству известного японского режиссера Хамагути Рюсукэ, представителю нового поколения японских кинематографистов. Он является обладателем многих престижных наград крупнейших международных кинофестивалей в Локарно, в Каннах и т.д. Его фильм *«Сядь за руль моей машины»* получил в 2022 г. высшую премию американской Киноакадемии — Оскар за лучший иностранный фильм.

Фильм необычен и интересен многими своими особенностями, о которых подробно рассказывается в исследовании. Но, прежде всего, автор обращает внимание на то, что в основу сюжета этой картины положен одноименный рассказ прославленного японского прозаика Мураками Харуки. И одновременно с этим режиссер много почерпнул из пьесы *«Дядя Ваня»* классика русской литературы А. П. Чехова, влияние которого со всей отчетливостью прослеживается во всех его последних работах.

Другой ключевой фигурой, определившей основной вектор развития творчества Хамагути, является Андрей Тарковский. Знакомством с его работами он во многом обязан своему учителю — мэтру современного японского кино Куросава Киёси. Так что русская тема — одна из самых интересных сторон творчества режиссера. Одновременно с этим автор статьи стремится подробно проанализировать и другие литературные и кинематографические истоки в режиссерской карьере Хамагути и приходит к выводу о том, что его творчество представляет собой сложный, но гармоничный синтез западной и японской культуры с ее ярко выраженными национальными традициями.

Ключевые слова: японское кино, русская тема, Хамагути Рюсукэ, А. П. Чехов, А. Тарковский, Куросава Киёси, *«Сядь за руль моей машины»*, *«Счастливые часы»*, *«Случайность и догадка»*, *«Асако I и II»*.

Автор: Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН, (Россия, 103031, Москва, Рождественка, д. 12).

E-mail: katasonova@rambler.ru

Oscar — 2022: Hamaguchi Ryūsuke

E. L. Katasonova

Abstract

The article is devoted to the work of the famous Japanese film director Hamaguchi Ryūsuke — a representative of the new generation of Japanese cinematographers. He is the winner of many prestigious awards of the international film festivals in Locarno, Cannes, etc. His film *Drive My Car* received the prize of the American Film Academy, Oscar — 2022, as the best foreign film.

The film is unusual and interesting in many of its features, which are described in detail in this paper. But, first of all, the author draws attention to the fact that the plot of this picture is based on the eponymous story by the popular Japanese novelist Murakami Haruki. At the same time, the director borrowed a lot from the play “*Uncle Vanya*”, written by Russian classic A. P. Chekhov, whose influence is quite evident in all the director’s recent works.

Another key figure who determined the main vector of creativity of Hamaguchi is Andrei Tarkovsky. The Japanese director owes his acquaintance with Tarkovsky’s films to his teacher — a master of modern Japanese cinema Kurosawa Kiyoshi. Thus, the Russian theme is one of the most interesting aspects of his work. At the same time, the author seeks to analyze in details other literary and cinematic origins of Hamaguchi’s directorial career and comes to the conclusion that his work is a complex but harmonious synthesis of Western and Japanese culture with the latter’s pronounced national traditions.

Keywords: Japanese cinema, Russian theme, Hamaguchi Ryūsuke, A. P. Chekhov, Kurosawa Kiyoshi, Tarkovsky, *Drive My Car*, *Happy Hour*, *Wheel of Fortune and Fantasy*, *Asako I & II*.

Author: Katasonova Elena L., Doctor of Sciences (History), Head of the Center of Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 103031)

E-mail: katasonova@rambler.ru

Введение. Умирает ли японское кино?

Не так давно на страницах Интернета мне случайно попала статья с шокирующим названием «Как родился и умер японский кинематограф». Может быть, именно поэтому она сразу же привлекла мое внимание как японоведа, хорошо знакомого с последними работами по японскому кино, вышедшими у нас в стране и за рубежом [Теракопян М. Л. 2016; Катасонова Е. Л. 2020]. При этом ее автор Илья Саламов скромно заявляет о том, что его исследование, а оно, надо признать, достаточно глубокое и штудированное, — это всего лишь «эксперимент», и, что он «хотел бы создать своеобразную мини-энциклопедию, посвященную ярким моментам истории»¹. Я думаю, что он с этой задачей неплохо справился: у него получилась весьма информативная обзорная статья, охватывающая практически 120 лет истории японского кино. Само по себе такое новаторство замечательно, но удручает другое: статья завершается грустным выводом о том, что «несмотря на небольшие успехи последние три года японский кинематограф находится в коме, и нет признаков, что он из нее выходит. Конечно, это не смерть, как я написал в заголовке, но жизнью назвать такое состояние очень сложно», — старается хоть как-то успокоить читателя автор. И далее: «Лично у меня большие надежды на Рюсукэ Хамагути...»².

Я не буду вступать в долгую дискуссию на этот счет. Ограничусь лишь пришедшей на память крылатой фразой Марка Твена о том, что «слухи о моей смерти сильно преувеличены», взятой из телеграммы, опубликованной в журнале «New York Journal» от 2 июня 1897 г. В данном случае эти слова точно попадают в цель. Японский кинематограф не только жив, но и успешно развивается в последние годы, свидетельством чему служат престижные награды японских режиссеров и актеров на самых крупных международных кинофестивалях и киносмотрях. И последние из них — Золотая Пальмовая ветвь в Каннах в 2018 г., которую завоевал Корээда Хирокадзу за свой фильм «Магазинные воришки» (*Манбики кадзоку*, 2018) в жесткой борьбе с Хамагути Рюсукэ, впервые представившем тогда свою ленту «Асако I и II». А далее — Оскар за лучший иностранный фильм, при-

¹ Саламов И. Как родился и умер японский кинематограф. 21.01.2022. DTF <https://dtf.ru/cinema/1034896-kak-rodilsya-i-umer-yaponskiy-kinematograf>

² Там же

сужденный в 2022 г. картине теперь уже Хамагути Рюсукэ «*Сядь за руль моей машины*» (*Дорайбу маи ка?* 2021). Именно об этом режиссере, недавно взошедшем на мировой кинематографический Олимп, и пойдет речь в данной статье.

Это происходило в ночь с 27 на 28 марта 2022 г. на 94-й церемонии вручения Оскара. Впервые за всю историю премии в главной категории «лучший фильм» была представлена картина японского режиссера «*Сядь за руль моей машины*», мировая премьера которой состоялась на кинофестивале в Каннах в 2021 г. Одновременно с этим лента вошла сразу еще в три оскаровские номинации: за лучшую режиссуру, лучший адаптированный сценарий и лучший иностранный художественный фильм. Япония буквально замерла в ожидании решения Американской Киноакадемии из Лос-Анджелеса. И академики не заставили себя долго ждать, правда на сей раз жюри киносмотр ограничилось вручением представителю Японии лишь одного Оскара — за лучший иностранный фильм, который по существующей традиции считается наградой для целой страны, хотя и принимается, как правило, лично режиссером на сцене. И это была первая по-настоящему большая победа молодого японского режиссера.

Напомню, что последним из японских кинематографистов в этой конкурсной категории побеждал в 2008 г. Такита Ёдзиро со своим фильмом «*Ушедшие*» (*Окурибито*, 2008). Иногда его название переводят как «*Проводы*», и в этом есть свой смысл. Но только в данном случае речь идет не о встрече и проводах в бытовом понимании этого слова, а о тяжелом процессе расставания с близкими людьми, уходящими в мир иной, о подготовке умерших к погребению и о мучительных попытках родственников примириться с утратой. Эта, определенно, непривычная, пронзительная тема не может оставить никого равнодушными. И это случилось с членами строгого и взыскательного жюри американской Киноакадемии, которые были единодушными в своем решении.

В последние годы тематика большого числа фильмов, номинированных на высшие кинематографические награды, весьма нетрадиционна для нашего устоявшегося представления о шедеврах классического кино. Взять хотя бы южнокорейскую картину «*Паразиты*». Отчасти это относится и к фильму Хамагути Рюсукэ «*Сядь за руль моей машины*», в котором необычно буквально все, начиная с хронометража ленты продолжительностью в три часа без одной мину-

ты и кончая сложным переплетением сюжетных линий, объединенных общим психологическим и морально-нравственным подтекстом. Я уже не говорю о многослойной литературной основе самого сценария, состоящего из самых разных литературных источников, начиная с модного японского писателя Мураками Харуки и кончая русским классиком А. П. Чеховым и т.д. В общем, фильм стоит того, чтобы его посмотреть и о нем порассуждать.

Он, она и красный Сааб

Невольно вспоминается постер к фильму Хамагути Рюсукэ *«Сядь за руль моей машины»*, где изображены его главные герои. Он — молодой симпатичный мужчина, одетый во все черное, стоит на фоне старенького красного Saab Turbo 900, весь погруженный в свои тяжелые мысли и переживания. Это — Кафуку Юсукэ, известный актер и режиссер (Нисидзима Хидэтоси). Два года назад у него скоропостижно скончалась жена от кровоизлияния в мозг, и он, потеряв смысл жизни и всякие стимулы к творчеству, после продолжительного перерыва пытается вернуться в профессию. Неожиданно Юсукэ получает приглашение из Хиросимы поставить на международном театральном фестивале современную интерпретацию чеховского *«Дяди Вани»* с участием артистов из разных стран и отправляется туда на своей старенькой машине.

Далее на постере, перед нами предстает молодая девушка по имени Мисаки Ватари (Миура Токо), сидящая за рулем как раз этого автомобиля. На ней — просторный мужской пиджак, бейсболка на голове, что делает ее похожей на мальчишку-сорванца, если бы не ее очень грустные взрослые глаза. У нее недавно погибла мать, которую она, как кажется ей теперь, не смогла или просто не захотела спасти. Девушка — личный водитель Юсукэ, она приставлена к нему на все время его пребывания в Хиросиме, поскольку по условиям контракта сам режиссер не имеет права управлять транспортным средством.

И, наконец, третий полноправный персонаж этой истории — это все тот же старенький красный Сааб, который стал хранителем личных тайн героя и одновременно его творческой мастерской. На нем он проехал с женой тысячи километров, обсуждая свои сценические планы и репетируя вместе с ней новые роли, порой сердясь на нее из-за лихачества за рулем. Сколько раз после ее ухода из жизни он

прослушивал в машине пленку с ее голосом, ну а теперь он делает это вместе с Мисаки. В силу обстоятельств эти двое, оказавшись в замкнутом пространстве одной машины, начинают делиться друг с другом самым сокровенным, тяжелым и наболевшим. За этими задушевными беседами Юсукэ начинает переосмысливать свою жизнь, свои отношения с женой. А Мисаки пытается разобраться в собственной тяжелой судьбе, в непростых отношениях с матерью. Так этих двоих постепенно стало объединять нечто большее, чем ежедневные поездки в автомашине: это — их прошлое, наполненное утратами, и мучительные поиски путей для выживания. Это делает их похожими на героев чеховского *«Дяди Вани»* — пьесы, которую Кафуку репетирует на фестивальной сцене. В этом идеалистическом и романтическом кадре, который размещен на постере, заложена, по существу, вся драматургия фильма.

Но это не начало картины. Первые кадры начинаются с событий двухлетней давности — с рассказа о благополучной, на первый взгляд, семейной жизни Юсукэ. Они с женой Ото (Кирисима Рэйка), как казалось тогда, были единомышленниками и в жизни, и в искусстве. Она — в прошлом актриса, теперь работающая сценаристом на телевидении. Ото помогает мужу во всем и даже разучивает с ним роли, записывая на пленку реплики других действующих лиц. Эту пленку он частенько прослушивал в кабине автомобиля по дороге в театр. А иногда они вдвоем просто катались на своем любимом авто и обсуждали последние новости театральной жизни и сценарии будущих постановок. Чаще всего оригинальные и неожиданные сюжеты для будущих пьес Юсукэ приходили к ней в голову в минуты их физической близости, о чем женщина потом без всякого стеснения рассказывала мужу. Запретной у супругов оставалась только одна тема, связанная с неожиданной смертью четырехлетней дочери. Но и с этой потерей они, казалось, уже почти смирились и старались в разговорах не касаться никогда темы детей.

И вот происходит неожиданное. Кафуку отправляется в аэропорт, чтобы вылететь по своим театральным делам во Владивосток, но рейс переносят на следующий день. Он возвращается домой и застаёт жену с молодым любовником. Мужчина буквально не верит своим глазам, но, совладав с эмоциями, моментально выскакивает из квартиры, оставшись незамеченным. Так что его жена, вроде бы, даже не подозревает о случившемся. Да и сам Кафуку по приезде предпочита-

ет молчать об этом, не решаясь на откровенный разговор. Он вообще всегда старался избегать каких-либо выяснений отношений с женой в особенности после смерти дочери. Но на этот раз его терпению все-таки приходит конец, и он ищет подходящего повода, чтобы, наконец, узнать всю правду об ее изменах, слухи о которых доходили порой и до него. И Ото вскоре представила ему такой шанс, сославшись на то, что вечером хочет поговорить с супругом о чем-то крайне важном для них обоих. Юсукэ ждет и одновременно страшится возможного признания, а посему по дороге придумывает разные предлоги, чтобы затянуть свое возвращение домой. Но когда он, наконец, открывает входную дверь, то обнаруживает бездыханное тело жены. У героя случается нервный срыв, и он навсегда остается с этой незаживающей раной в сердце.

Такова первая часть картины, снятая в стиле триллера. Это — предыстория жизни главного героя, которая объясняет все дальнейшие события фильма. Она продолжается примерно 40 минут, после чего идут титры, а вслед за этим повествование резко меняет тональность и место действия. И с этих пор параллельно разворачиваются два самостоятельных, но тесно связанных между собой сюжета, сочетающих в себе, по существу, несочетаемое — драматургию Чехова и кинетику роуд-муви.

Одна из самых интересных частей фильма, занимающая больше половины оставшегося метража, — это сцены читок и репетиций «Дяди Вани». Мы становимся сторонними наблюдателями, даже скорее зрителями каждодневной кропотливой работы режиссера на театральной площадке, начиная с кастинга актеров для этой необычной многонациональной постановки. На сцене герои одновременно говорят на японском, китайском корейском и других языках, а две ключевые сцены и вовсе разыгрываются на языке жестов. И, таким образом, русский писатель Чехов и его пьеса «Дядя Ваня» становятся универсальным ключом к достижению понимания и установлению контактов между представителями разных стран. Как эта мысль важна для сегодняшнего времени!

Но вернемся к главному герою, который неожиданно для всех окружающих отдает свою коронную роль Дяди Вани бывшему любовнику своей жены Такацуки, чей возраст, типаж и другие параметры никак не соответствуют этому персонажу пьесы. Тот так же был крайне удивлен этому выбору режиссера, ведь, отправляясь на

кастинг в Хиросиму, никак не рассчитывал на такую милость со стороны своего бывшего соперника. Максимум, на что он надеялся, — это поговорить с ним по душам о его бывшей жене, которую продолжал любить. Сам же Юсукэ, идя на эту творческую жертву, преследует своей целью не только преодолеть свою гордыню, но и лучше узнать этого человека и, наконец, понять, почему Ото изменяла ему именно с ним. Правда, в дальнейшем обстоятельства все-таки возвращают все на круги своя. Такацуки в драке по неосторожности убивает человека, после чего Юсукэ вынужден срочно заменить его в спектакле, чтобы избежать срыва проекта.

А параллельно с этими событиями в театре перед нашими глазами разворачивается разговорная мелодрама двух людей — Юсукэ и Мисаки, большая часть которой разыгрывается в крошечном пространстве красного Сааба. Это все те же чеховские мотивы: повседневная жизнь обыкновенных людей с их радостями, горестями и утратами, трудным поиском смысла жизни и с лучиком надежды на лучшее будущее. Ну, а финал картины — простой и неожиданный, хотя несколько загадочный и неопределенный. Перед нами вновь предстает Мисаки, которая оказывается в Южной Корее, где повсюду бушует Ковид-19. По-видимому, это — отголоски событий годовой давности: именно здесь, а не в Хиросиме первоначально планировались съемки фильма. Она приезжает в супермаркет за продуктами все на том же стареньком красном Саабе, который, судя по всему, ей подарил Юсукэ. Загрузив покупки в багажник, она уверенно садится за руль и отправляется в путь. Название фильма как бы раскрывает смысл его финала: теперь старенький красный автомобиль находится в крепких руках Мисаки. Жизнь продолжается...

Соединяя Мураками с Чеховым...

«Сядь за руль мой машины» — произведение эклектичное, словно собранное из разных смысловых и художественных составляющих. Это одновременно интимная и лирическая драма о природе искусства, о парадоксах близости и современном отчуждении людей. В ее основе лежат как будто сразу два первоисточника — одноименный рассказ Мураками Харуки и пьеса А. П. Чехова «Дядя Ваня», над постановкой которой работает герой фильма. И что является преобладающим моментом в успехе фильма, трудно сказать. Некоторые критики,

да и сами зрители связывают его, прежде всего, с именем Мураками Харуки — популярного современного японского писателя, переводы которого издаются во всем мире миллионными тиражами. Дело в том, что в основу сценария картины положен его одноименный рассказ из книги *«Мужчины без женщин»* (*Онна но инай отокотати*, 2014), повествующей о мужчинах, потерявших женщин в своей жизни. В свою очередь, это название автор позаимствовал из литературного сборника знаменитого Эрнеста Хемингуэя. И хотя творчество великого американца также наполнено трагическим мироощущением, и его герои стремятся стойчески преодолеть отчуждение, замкнутость, обособленность от общества, они существуют и действуют совершенно в иных, нежели у Мураками обстоятельствах. Здесь иное время, иной дух, иной колорит, другие нравы и обычаи. Так что японского писателя, по-видимому, привлекла к себе, прежде всего, сама идея этого произведения.

А следующие ассоциации возникают в связи с легендарной группой «The Beatles», вернее с их популярной песней *«Drive my car»*, которая в общем-то и дала название рассказу *«Сядь за руль моей машины»*. В ней героиня предлагала своему парню стать ее водителем, хотя у нее не было машины. Но, как потом пояснил Маккартни, это было всего лишь ее приглашением заняться с ней любовью. Но, может быть, дело обстоит иначе: просто сам Хамагути обожает снимать в своих картинах транспортные средства. «Мой давний интерес к автомобилю проистекает из стремления передать движение, но при ограниченных ресурсах, — поясняет он. — Где еще можно снять насыщенную кинематографическую сцену, не имея достаточно денег, кроме как в машине. Когда герои едут в автомобиле, хоть они сами и остаются на одном и том же месте, создается подвижная сцена, поскольку движется автомобиль. Это одна из причин. Другая заключается в том, что диалоги вместе с поездкой на транспортном средстве — очень удачное сочетание. Есть что-то общее между разговором и ощущением движения...»³

Но все эти рассуждения больше касаются необычного названия фильма. Еще больше вопросов вызывает сам сценарий ленты, при

³ Хамагути Рюсукэ: «Не считаю свои фильмы литературными — в них просто много слова» (текст и подготовка интервью Михаил Захаров). 6.09.2021. *Афиша Daily*. <https://daily.afisha.ru/cinema/20879-ne-schitayu-svoi-filmy-literaturnymi-v-nih-prosto-mnogo-slov-intervyu-ryusuke-hamaguti/>

написании которого использовано сразу несколько литературных источников, вплоть до трагикомедии Сэмюэля Беккета «*В ожидании Годо*». В постановке этого спектакля когда-то принимал участие герой картины. Именно тогда на премьере жена впервые познакомила его со своим любовником Такацуки Коси (Окада Масаки), сказав, что тот часто работал с ней вместе.

Рассказ Мураками «*Сядь за руль моей машины*», который создал своего рода каркас сценария, состоит всего примерно из 40 страниц текста. Поэтому нетрудно представить себе, что, чтобы довести его до почти 3 часов экранного времени, потребовалось дополнительное наполнение и развитие основных сюжетных линий. «Нам нужно было придумать, как развернуть, раскрыть эти темы» — поясняет свой замысел сам Хамагути⁴ — любитель законченных, красивых и сложных историй. И способ для этого вскоре был им найден. Режиссер обратился к другим сюжетам все той же книги Мураками. В частности, речь идет о главе под названием «*Вчера*», где описывается история странных взаимоотношений одной молодой пары: она изменяет ему, а он, зная об этом, никак не реагирует на происходящее, будто, вовсе не замечая ее неверности. Схожую жизненную ситуацию мы потом встретим и в рассказе о семейной жизни главного героя, который во многом походит на своего литературного прототипа. Или же обратимся к другой истории под названием «*Шехерезада*», рассказывающей о женщине, которая всегда после занятия сексом рассказывала своему любовнику новую, только что придуманную эротическую историю. И тут становится понятным, откуда взялась такая же странная привычка у жены Юсукэ проговаривать в супружеской постели сюжеты новых постановок и т. д. Кое-что для своей картины Хамагути подсмотрел и в рассказе «*Кино*». Словом, режиссер буквально по крупицам собирает образы своих героев сразу же из нескольких рассказов и гармонично соединяет их между собой.

Причем, среди главных соавторов картины каким-то неожиданным, но гармоничным способом оказываются Мураками и А. П. Чехов. Достаточно сказать, что здесь чеховскому «*Дяде Ване*» отводится в общей сложности чуть ли не половина сюжета, а чеховские мотивы — любовь, человеческие потери, горе, сожаление

⁴ Хамагути Рюсюкэ: «Чехов нам невероятно помог» (интервьюер Рона Суари). 2.04.2022. *Lenta.ru*. <https://lenta.ru/articles/2022/04/02/hamaguchi/>

и принятие судьбы, — звучат в качестве лейтмотива ко всему фильму. И это не было оригинальной находкой авторов фильма, «Дядя Ваня» уже изначально присутствовал в рассказе Мураками, но там этой пьесе было отведено не так много места, и режиссеру показалось это совсем недостаточным. Хамагути даже сравнивает Мураками с Чеховым, отмечая общие черты характеров их героев при полном внешнем несовпадении. Казалось бы, совершенно невообразимая связь двух столь разных писателей! Однако их героев, несмотря на отдаленность и несхожесть эпох, объединяет вечные проблемы любви, потери близких, отчуждения человека, ставшие основной темой фильма. Как пояснил Хамагути: «Сам я познакомился с Чеховым сравнительно недавно, примерно шесть лет назад. Внутренний мир его героев очень созвучен с моим. По-моему, у Чехова много общего с Мураками: оба писали про людей, чья внутренняя сила превышает ее внешние проявления»⁵.

Режиссер открыто рассказывает об основных этапах создания ленты: «А уже для изображения жизни персонажей в настоящем пригодился «Дядя Ваня», Чехов невероятно, неоценимо нам помог»⁶. Именно у А. П. Чехова Хамагути в последние годы постоянно черпает вдохновение и творческие посылы. Впервые русский классик появился в его фильме «Асако I и II». В этой картине одна из ключевых сцен происходит во время просмотра телеспектакля по мотивам чеховских «Трех сестер». Но не только этот эпизод, но буквально весь фильм насыщен чеховскими мотивами, впрочем, как и другие фильмы Хамагути. Его герои, как и персонажи чеховских пьес, часто пытаются отыскать в своем прошлом тот момент, когда была допущена или просто произошла сама по себе какая-то роковая ошибка в их жизни, нарушившая логичный и привычный ход вещей. Но так и не могут распознать и понять ее, и уж тем более исправить.

Для героя фильма пьеса «Дядя Ваня» — Кафуку Юсукэ это — своеобразная вершина его творчества и как режиссера-постановщика, и как актера, участвовавшего во многих ее инсценировках, да и вся его жизнь разворачивается словно бы по Чехову. Теперь перед ним стоит совершенно новая задача — создать спектакль с участием актеров из разных стран и говорящих на разных языках. Но он успешно

⁵ Хамагути Рюсукэ: «У Чехова много общего с Мураками» (интервьюер Марат Шабатов). 4.09.2022. Кинопоиск. <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4005951/>

⁶ Там же.

справляется и с этим, ведь Чехов не требует много слов: все в его пьесе основано на тонких нюансах чувств, понимании и сострадании, свойственным всем людям. Но что особенно интересно и значимо в фильме — это чеховские настроения, которые постоянно присутствуют и в личной жизни героя, и в его отношениях с Мисаки, и в ее воспоминаниях и раздумьях о прошлом и т.д. И именно они делают финал фильма в целом оптимистичным, вселяя, пусть и слабую, но все-таки надежду на светлое будущее.

Заключение: Феномен Хамагути Рюсукэ

На сегодняшний день Хамагути Рюсукэ по праву признан одним из самых узнаваемых и популярных японских режиссеров, облаканных киноманами многих стран. Его творчество, как, впрочем, и многих других современных японских создателей фильмов, сформировалось под влиянием двух несхожих кинотрадиций XX в. С одной стороны, — западной, с другой — восточной и, прежде всего, своей национальной, которая, в свою очередь, оказала большое влияние на кинематографию соседних с Японией государств — Китая, Кореи, занявших за последние годы лидирующие позиции в мировом кино. И нет ничего удивительного в том, что сразу же после триумфальных показов фильмов Хамагути за рубежом критики начали сравнивать его с популярным корейским режиссером Хон Сан-су, имя которого буквально не сходит с фестивальных афиш. В действительности, на первый взгляд, их роднит много общего: драматургия, построенная на тексте, статичная камера, обилие общих планов, пристальное внимание к обыденности и быту.

Однако сам Хамагути располагает свой последний фильм *«Сядь за руль моей машины»* в системе совсем других координат: где-то между меланхолией роуд-муви Вима Вендерса и картинами Аббаса Киаростами.⁷ А еще Хамагути в последнее время называют одним из самых одаренных азиатских учеников французских режиссеров Эрика Ромера и Франсуа Трюффо, ярких представителей французской «Новой волны». Одновременно с этим в его картинах зачастую усматривают

⁷ Hamaguchi Ryusuke: “You Never Know When You Will Have a Great Image”: on the Oscar-Winning Drive My Car (by Nikolas Rapold). 28.03.2022. *Filmmaker*. <https://filmmakermagazine.com/112007-you-never-know-when-you-will-have-a-great-image-ryusuke-hamaguchi-on-drive-my-car/#.Yxc1CXbP2Uk>

большое влияние знаменитого итальянца Микеланджио Антониони, классика европейского авторского кино. И, конечно же, много пишут об увлечении японского дарования американским реализмом конца 1960-х — 1970-х гг. и, в первую очередь, лентами Джона Кассаветиса. Но это отнюдь не мешает самому Хамагути называть среди своих любимых фильмов также такие работы, как *«Все, что дозволено небесами»* крупнейшего мастера голливудской мелодрамы Дугласа Сирка и *«Стромболи. Земля Божья»* итальянского неореалиста Роберто Росселлини и т.д. И это далеко не все, что пишут на этот счет в японской и зарубежной прессе.

Не так давно американская компания «Criterion Collection» предложила режиссеру составить свою десятку фильмов, которые его неизменно вдохновляют⁸. Список оказался куда более обширным. Но назовем лишь несколько позиций. Под первыми номерами значатся три картины французского классика Жана Ренуара, объединенные общим названием *«Сцена и спектакль»* — *«Золотая карета»*, *«Французский канкан»*, *«Елена и мужчины»*. Далее идут три фильма Жана Гремийона времен оккупации — *«Буксиры»*, *«Летний свет»*, *«Небо принадлежит вам»*, три немых фильма Джозефа фон Штернберга — *«Подполье»*, *«Последний приказ»* и *«Пристани Нью-Йорка»*, которые явились для Хамагути своеобразным мастер-классом по работе с освещением в кино и т.д. В его рекомендациях упомянута и тайваньская драма *«Шанхайские цветы»* режиссера Хоу Сяосянь, которую Хамагути высоко ценит за идеальную композицию кадра и т. д.

И, конечно же, дело не обошлось без упоминания японских картин. Выбор, к удивлению для многих, пал на пять немых фильмов классика японского кино Нарусэ Микио, причем, практически неизвестных широкой аудитории. Они относятся к его раннему периоду, который представляется Хамагути наиболее ярким и динамичным. Это — *«Маленький человек, старайся»* (*Косибэн, гамбарэ*, 1931), *«С тобой мы в разлуке»* (*Кими то вакарэтэ*, 1933) и др. Почему-то в данном опросе японская знаменитость даже не упомянул имя патриарха японского кино Одзу Ясудзиро, о преклонении перед которым он часто заявляет в своих интервью. Ведь при всем сходстве с кино

⁸ 10 любимых фильмов Рюсукэ Хамагути — обладателя «Оскара» в номинации «Лучший иностранный фильм» за экранизацию Мураками. 15.05.2022. Яндекс. Дзен: <https://dzen.ru/media/kinoah/10-liubimyh-filmov-riusuke-hamaguti--obladatelja-oskara-v-nominacii-luchshii-inostrannyi-film-za-ekranizaciiu-murakami-6247510e0d93f6543dced26e>

разных стран и разных исторических периодов, творчество Хамагути все-таки лежит в русле традиций национального жанра *сёмингэки*. Это — фильмы о простых людях, в создании которых Одзу не знал себе равных. Неслучайно его знаменитая «Токийская повесть» (*Токё моногатари*, 1953), посвященная конфликту отцов и детей, навсегда вошла в первые строчки списка мировых шедевров.

Мне, конечно, могут возразить, что подобного рода картины можно найти в фильмографии практически любого крупного японского режиссера, а тема семьи сегодня находит все новые и новые свои преломления. И я соглашусь и даже приведу в качестве примера имя еще одной мировой знаменитости — Корээда Хирокадзу, который является достойным преемником дела Одзу [Ричи 2014]. Как и для Одзу, для Корээда в центре большей части историй оказывается семья. Но, если первого волновали скорее микрособытия, жизнь ячейки общества, как она есть, ее закономерности вне больших потрясений, то у Корээда в центре сюжета всегда оказывается какое-то чрезвычайное происшествие, которое заставляет всех героев по-новому посмотреть на устоявшийся семейный уклад. Но жизнь и искусство стремительно движутся вперед. И на сегодняшний день серьезную конкуренцию Корээда уже начинает представлять лидер нового творческого поколения — Хамагути Рюсукэ, который всегда отличался тем, что «никогда не заигрывал с западным зрителем», представляя на суд публики, как пишут некоторые киноведы, «локальный, невестернизированный продукт»⁹.

Соглашусь, что Хамагути никогда не снимал свои картины специально для показа на Западе или в расчете на зарубежные фестивальные награды, и, возможно, в этом смысле их можно назвать «невестернизированным продуктом». Однако эти слова можно расценить и так, что, мол, все творчество Хамагути построено исключительно на отечественном материале и на, хоть и богатом, но в целом узконациональном кинематографическом опыте своих предшественников. Но возможно ли такое в наши дни? И как воспринимать в таком случае многочисленные признания самого мастера о его давнем увлечении мировым кинематографом, фундаментальные познания которого не могут не удивлять? Или же, как расценить тогда неоднократно

⁹ Сенченко А. Китано, Корээда и Хамагути: 10 современных японских фильмов от 10 прекрасных режиссеров. 16.07.2022. *ОККО Блог*. blog.okko.tv/10-sovremennyh-yaponskih-filmov-ot-10-prekrasnyh-rezhisserov,

ные ссылки Хамагути на своих западных учителей и его рассуждения об уроках, которые он извлек из их творчества, а в ряде случаев и прямые художественные цитаты из их картин?

Среди них особо следует отметить два русских имени, без которых, возможно, никогда бы не состоялась карьера Хамагути как режиссера. Это Андрей Тарковский, отголоски творчества которого четко прослеживаются практически во всех его работах. И русский классик А. П. Чехов: с персонажами его пьес режиссер все чаще ассоциирует себя и своих героев в последние годы. Причем, совершенно очевидно, что тяготение к русской культуре, к русской теме в фильмах и в мыслях режиссера с каждым годом приобретает все более отчетливые очертания.

Конечно, Хамагути Рюсукэ не похож ни на кого из своих японских коллег. Он удивляет буквально каждой своей работой. Вот почему после триумфа на Оскаре его картины *«Сядь за руль моей машины»* важно понять, в каком направлении он будет двигаться дальше. Об этом пока молчат все: и сам режиссер, и его окружение, и пресса. Недавно где-то просочилась информация, что Хамагути намерен обратиться к документальному кино. И это вполне реально, так как он уже имеет опыт подобного рода съемок. К тому же это еще и общемировой тренд современного кино. Но нетрудно предположить и другое.

Начнем с того, что из Хамагути мог бы получиться прекрасный и самобытный театральный режиссер благодаря его фанатичному увлечению театром и любви к А. П. Чехову. Он даже робко пробует себя в этом новом для себя амплуа, но, правда, пока только в кино. Почему-то в реальном мире он все время откладывает возможность реализовать себя на большой сцене, скромно уходя даже от обсуждения этой темы. И, тем не менее, театральные постановки пьес А. П. Чехова, наверное, неспроста все чаще и продолжительнее присутствуют в его фильмах, принимая на себя большую смысловую и художественную нагрузку.

Примерно также обстоят дела и с другим пока все еще не до конца освоенным им кинематографическим пространством — жанровым кино. При этом элементы разных жанров легко отыскать во многих картинах мастера. Так, *«Асако I и II»* во многом напоминает детектив, а *«Случайность и догадка»* — фантастику. Давайте вспомним также его недавнюю совместную работу с Куросава Киёси, в которой Хамагути вместе со своим соавтором Нохара Тадаси выступили

сценаристами военной мелодрамы «Жена шпиона» (*Супай-но цума*, 2020 г.) — четкой и сдержанной ленты в стиле Хичкока. Фильм получил «Серебряного льва» 77-го Венецианского кинофестиваля, главный приз на Азиатской кинопремии в Пусане и т. д.

А еще Хамагути — успешный продюсер, высокопрофессиональный мастер монтажа и т. д. В общем, творческий потенциал у него огромен. И можно с уверенностью утверждать, что уже в скором времени этот талантливый и самобытный режиссер обязательно удивит нас своими новыми оригинальными проектами.

Библиографический список

Катасонова Е. Л. (2020) Новое японское кино. В споре с классикой экрана. — Москва: Издательские решения.

Ричи Д. (2014). *Одзу*. — Москва: Новое литературное обозрение.

Теракопьян М. Л. (2016) Современные режиссеры Японии. — Москва: ВГИК.

References

Katasonova, E. L. (2020). *Novoe yaponskoe kino. V spore s klassikoi ekrana* [New Japanese Film. In Dispute With the Classic of the Screen]. Moscow: Izdatel'skiye Resheniya. (In Russian).

Richie, D. (2014). *Odzu* [Ozu]. — Moscow: New Literary Review. (In Russian).

Terakopyan, M. (2015). *Sovremennye rezhissery Yaponii* [Contemporary Film Directors of Japan]. Moscow: VGIK. (In Russian).

Гибель айнского языка

В. М. Алпатов

Аннотация

Айнский — единственный исконный язык Японии в исторический период. Его генетические связи неизвестны, грамматическая система отличается от систем языков окружающих народов. Этническое происхождение айнов также неизвестно. В XIX в. носители айнского языка жили на Хоккайдо, на южном Сахалине, на Курильских островах и на юге Камчатки. Они не были многочисленны, но их языковая ситуация была стабильна, их контакты с другими народами не были значительны. Их занятиями были охота и рыбная ловля. С XIX в. айны начали переселяться на Хоккайдо.

Русский писатель А. П. Чехов посетил Сахалин в 1890 г. и описал ситуацию с айнами. Он писал, что айны мирные и кроткие; они не могут сопротивляться японской экспансии. В это время айнское население сокращалось, и тому было две причины: смерть от голода и переселения на Хоккайдо. Айны потеряли свою территорию и не имели равных прав с японцами. Японцы презирали айнов, используя фонетическое сходство названия народа *айны* и японского слова *inu* ‘собака’, считая айнов гибридом людей и собак.

Айнский язык не имел письменности, и в айнских школах преподавался только японский язык. Айны начали ассимилироваться. После Второй мировой войны айнов уравнивали в правах с японцами, но новые реформы не изменили ситуацию, и айнский язык вымирал очень быстро. Последний носитель айнского языка на Сахалине умер в 1975 г., а на Хоккайдо около 2000 г.

Ключевые слова: айны, айнский язык, Хоккайдо, Сахалин, ассимиляция, вымирание.

Автор: Алпатов Владимир Михайлович, академик РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН (125009, Россия, Москва, Большой Кисловский переулок, 1, стр. 1).

Тел.: 7(499)157-15-18

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

Destruction of the Ainu Language

V. M. Alpatov

Abstract

Ainu is the only native minority language in Japan during the historical period. Its genetic relations are not known, its grammatical system differs from the systems of the languages of the surrounding peoples. The ethnical origin of Ainu is not well-known either. In the 19th century, native speakers of the Ainu language lived in Hokkaido, south Sakhalin, the Kuril Islands, and south Kamchatka. They were not numerous, but their linguistic situation was stable, and their contacts with other peoples were not significant. Their occupations were hunting and fishing. Since the 19th century, the Sakhalin Ainu and the Kuril Ainu began to move into Hokkaido. The Russian writer A. P. Chekhov visited Sakhalin in 1890 and described the Ainu situation. He wrote that the Ainu were peaceful and gentle people; they could not resist the Japanese expansion. At that time, the Ainu population of Sakhalin was declining; there were two causes thereof: death from starvation and migration to Hokkaido.

However, since that time, Hokkaido was occupied by the Japanese people. Ainu lost their territory and did not have equal rights with the Japanese. The Japanese people despised Ainu, using the phonetic semblance of the name of the people (Ainu) and the Japanese word *inu*, 'dog', and considered Ainu a hybrid of people and dogs. The Ainu language had no writing system and only Japanese was taught in the Ainu schools. The Ainu people were in the process of assimilation. After the Second World War, the Japanese and the Ainu were equalized in their rights, but the new reforms did not change the linguistic situation, and the Ainu language became extinct very quickly. The last speaker of Ainu in Sakhalin died in 1975, and the last speaker of Ainu in Hokkaido died about 2000.

Keywords: Ainu, Japanese, Hokkaido, Sakhalin, assimilation, extinction.

Author: *Alpatov Vladimir M.* Doctor of Sciences (Philology), Professor, Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of the Languages of the Eastern and South-Eastern Asia, Institute of Linguistics of RAS (1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009).

Tel.: +7(499)157-15-18

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

Среди большого числа вымерших в недавнее время языков особо выделяется айнский язык, единственный коренной язык меньшинства в Японии¹, родственные связи которого до сих пор не выяснены.

Айны (самоназвание *айну*, в русской литературе XIX в. *айно*) принадлежат к древнейшему населению Японских островов, а также юга Сахалина, Курильских островов и южной оконечности Камчатки. Нет никаких исторических свидетельств о том, как и когда они проникли туда. По физическим данным они совершенно не похожи на монголоидных соседей и больше всего напоминают аборигенов Австралии. Известно лишь, что к началу новой эры Японские острова в юго-западной части населяли австронезийцы, а в северо-восточной части — айны; затем появились алтайские народы, смешавшиеся с австронезийцами, образовав японский этнос, а айны не вошли в его состав и на протяжении последующих двух тысячелетий оттеснялись к северо-востоку. К XIX в. они уже были вытеснены с Хонсю (первоначальные границы этносов нельзя установить) и жили на Хоккайдо (кроме юго-западной части) и других территориях дальше к северу.

Из классиков русской литературы об айнах писал А. П. Чехов, побывавший в 1890 г. на Сахалине и написавший о своем путешествии книгу «Остров Сахалин». Эта книга не раз переиздавалась и принадлежит к наименее известным сочинениям писателя. Чехов рассказывал: «Здесь инородцы, на вопрос, кто они, не называют ни племени, ни нации, а отвечают просто: *айно*. Это значит человек» [Чехов 1956, с. 218].

«Айно смуглы, как цыгане; у них большие окладистые бороды, усы и черные волосы, густые и жесткие. Глаза у них темные, выразительные, кроткие. Роста они среднего и сложения крепкого, коренастого, черты лица крупны, грубоваты, но в них... нет ни монгольской приплюсности, ни китайского узкоглазия. Находят, что бородатые айно очень похожи на русских мужиков. В самом деле, когда айно надевает свой халат ... и подпоясывается, то становится похожим на купеческого кучера ... Тело айно покрыто темными волосами.... Борода и волосатость, составляющая такую редкость у дикарей, поражали путешественников, которые по возвращении домой описывали

¹ Другим исконным языком японского меньшинства может считаться язык (точнее, диалектная группа) островов Рюкю. Однако при большом отличии от диалектов больших японских островов их носители всегда воспринимались (в том числе ими самими) как часть японского этноса в отличие от айнов.

айно, как мохнатых ... Айно живут в близком соседстве с народами, у которых растительность на лице отличается скудостью» [Чехов 1956, с. 220].

«Насколько солидны и благообразны айно-мужчины, настолько непривлекательны их жены и матери. Наружность айнских женщин авторы называют безобразной и даже отвратительной ... Мне казалось, что я вижу настоящих ведьм ... Быть может, это следует приписать тому, что во время вековых скитаний народа львиная доля лишений, тяжкого труда и слез выпала женщине» [Чехов 1956, с. 223].

«Наука до сих пор еще не отыскала для айно настоящего места в расовой системе. Айно относят то к монгольскому, то к кавказскому племени; один англичанин нашел даже, что это потомки евреев, заброшенных во времена оны на японские острова ... Во всяком случае, айно двигались с юга на север» [Чехов 1956, с. 221].

Пишет Чехов и о характере айнов: «Они кротки, безответны» [Чехов 1956, с. 219]. «Почти все писавшие об айно, отзывались об их нравах с самой хорошей стороны. Общий голос таков, что это народ кроткий, скромный, добродушный, доверчивый, общительный, вежливый, уважающий собственность, на охоте смелый и, по выражению д-ра Rollen'a, спутника Лаперуза, даже интеллигентный. Бескорыстие, откровенность, вера в дружбу и щедрость составляют их обычные качества. Они правдивы и не терпят обманов». [Чехов 1956, с. 221]. «Они не воинственны, не терпят насилия; покорять, поработать или вытеснять их было нетрудно». Отовсюду их вытесняли, и они «таким образом в конце концов очутились в положении безвыходном» [Чехов 1956, с. 221].

«До занятия Южного Сахалина русскими айно находились у японцев почти в крепостной зависимости, и поработить их было тем легче, что они кротки, безответны, а, главное, были голодны и не могли обходиться без рису ... Занявши Южный Сахалин, русские... избегали вмешиваться в их внутреннюю жизнь ... К сожалению, русские вместе со свободой не принесли рису; с уходом японцев никто уже не ловил рыбы, заработки прекратились и айно стали испытывать голод.... Нужен был рис, и вот, несмотря на свое нерасположение к японцам, побуждаемые голодом, начали они, как говорят, выселяться на Матсмай [Хоккайдо] ... Депутация от айно приходила в Корсаковский пост и просила дать работы.... В работе будто бы было отказано» [Чехов 1956, с. 219–220].

«Не подлежит сомнению все-таки, что племя это исчезает и притом с необыкновенною быстротой» [Чехов 1956, с. 218]. В 1860-х гг. «по свидетельству одного автора... от Корсаковского поста в обе стороны по берегу шли айнские селения. Я же около поста не застал уже ни одного селения и видел несколько айнских юрт.... В «Ведомости о числе проживающих инородцев за 1889 г. по Корсаковскому округу численный состав айно определяется так: 581 мужчин и 569 женщин» [Чехов 1956, с. 218–219]. «В последние 25–30 лет не было ни войн, ни значительных эпидемий, а между тем в этот промежуток времени племя уменьшилось больше чем наполовину. Мне кажется, вернее будет предположить, что это быстрое исчезание, похожее на таяние, происходит не от одного вымирания, но также и от переселения айно на соседние острова» [Чехов 1956, с. 218]. Переселялись на Хоккайдо, где также их количество сокращалось.

Айнский язык был не менее загадочен, чем его носители. До сих пор, несмотря на то что его изучение насчитывает уже полтора столетия, его родственные связи не выяснены. Наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что когда, по широко известной гипотезе, предки индейцев переселялись из Азии через Берингов пролив в Америку, то одна их ветвь осталась в Восточной Азии. Но это всего лишь предположение.

Что касается строя айнского языка, то он очень своеобразен. Отмечу только наиболее заметные черты, о которых я писал в статье [Алпатов 1983] и в очерке [Алпатов 1997а]. Его грамматика характеризуется наличием трех частей речи: имен, переходных глаголов и непереходных глаголов (иногда еще выделяют немногочисленные классы демонстративов и наречий). Классы переходных и непереходных глаголов (ко второму классу относятся и слова, соответствующие прилагательным) различаются как валентностью, так и лично-числовыми аффиксами (в общую систему входят префиксы и суффиксы; показатели 3-го лица нулевые). Имеются три серии аффиксов: субъектные и объектные показатели переходных глаголов и показатели непереходных глаголов. Серии частично совпадают и полностью различаются лишь для инклюзива и эксклюзива; формы инклюзива могут также быть формами вежливого 2-го лица, неопределенного лица и прямой речи. Категория залога отсутствует, но имеются разнообразные способы разграничения действий (состояний), выходящих за пределы активного актанта, и действий (состояний), замкнутых

в актанте. Имеются префиксы, меняющие валентность и, если необходимо, часть речи: *wen* 'быть плохим' (непереходный глагол), *kowen* 'быть плохим (для кого-то), не нравиться (кому-то)' (переходный глагол), *ikka* 'быть вором' (непереходный глагол), *eikka* 'украсть что-то', *koeikka* 'украсть что-то у кого-то'. Имена не изменяются по падежам, субъектно-объектные отношения выражаются порядком, но имена изменяются по категории притяжательности; имеется особый показатель принадлежности, к которому добавляется показатель лица обладателя (принадлежность 3-му лицу выражена нулем). Распространены инкорпоративные комплексы типа «огонь + разжигать = разжигать огонь», «тело + быть высоким = быть высокого роста».

При небольшом числе носителей айнский язык отличался значительным диалектным членением, даже в 1950-е гг., когда язык уже начал исчезать, исследователи выделяли около 30 диалектов. Имелась также наддиалектная разновидность языка, использовавшаяся в эпосе. Контакты айнского и японского языков были в основном односторонними: влияние японского языка на айнский было значительным, а в японском языке роль айнских по происхождению единиц заметна главным образом в топонимике; даже название горы *Fuji* иногда возводят к айнскому языку. Письменности айнский язык никогда не имел. Отмечу, что первым словарем этого языка был айско-русский словарь врача М. М. Добротворского, составленный на Сахалине [Добротворский 1875].

Отношение японцев к айнам длительное время было презрительным. Народные этимологии далеко не всегда безобидны. Самоназвание народа *ainu*, вошедшее и в японский язык, постоянно связывалось с японским словом *inu* 'собака' (*ainu* рассматривали как сочетание японского междометия *a* с *inu* и переводили как *ах ты, собака*), и в айнах видели потомков смешения собак с людьми. «Кроткий, скромный, добродушный, доверчивый народ» не оказывал сопротивления более активным и многочисленным японцам.

Ко временам Чехова носители айнского языка — охотники и рыболовы — находились у японцев, по выражению писателя, «почти в крепостной зависимости», а ареал его распространения сокращался. И всё же он был устойчив, пока айны сравнительно мало соприкасались с японцами. Еще в середине XIX в. на Хоккайдо японцы жили в основном на крайнем юге острова. Однако с начала периода Мэйдзи началось быстрое заселение японцами Хоккайдо, где еще была сво-

бодная, с их точки зрения, земля, а айны в расчет не принимались. Ситуация, сходная с положением индейцев в США. И влияние айнского языка на японский сходно с влиянием индейских языков на английский язык: заимствовались либо названия местных реалий, либо топонимика. Айны не считались полноправными гражданами, а их язык не имел никаких прав и остался бесписьменным; начальное образование вводилось на японском языке. Кроме того, сокращалась территория, где жили айны. На Хоккайдо, а после 1905 г. и на Сахалине лучшие земли отошли японцам, а с Курильских островов по военным соображениям айнов вывезли до Второй мировой войны (с Камчатки их вытеснили еще раньше). Вследствие этого курильский диалект исчез, и в 1950-е гг. его уже не смогли записать.

Уже Чехов отмечал быстрое исчезновение айнов. Разумеется, оно происходило не столько за счет физического истребления, сколько за счет ассимиляции. Но до второй мировой войны часть этого народа еще могла жить, не имея постоянных контактов с японцами, а неполноправный статус объективно сдерживал ассимиляцию. В период американской оккупации (1945–1952) айны юридически были уравнены в правах с японцами, но при этом не предпринимались какие-либо меры по сохранению айнского языка и айнской культуры. Естественным результатом стало ускорение ассимиляции и быстрое исчезновение айнского языка, не обладавшего престижностью ни среди самих айнов, получивших возможность повысить свой статус, ни тем более среди японцев.

Следует рассмотреть и судьбу айнского языка на Сахалине. После присоединения Южного Сахалина к СССР в 1945 г. вместе с японцами уехали в Японию и большинство айнов, где они разделили общую судьбу этого народа. Однако небольшая их часть осталась на Сахалине, и в 1940–1960-е гг. их там встречали, и даже были недостаточно профессиональные попытки записывать их язык. В 1978 г. в Институте востоковедения АН СССР была организована экспедиция во главе с Александром Николаевичем Барулиным (1944–2021), в нее также входили С. А. Старостин, И. И. Пейрос и В. М. Алпатов. Однако найти людей, знающих айнский язык, не удалось. На острове после 1945 г. оставались одинокие пожилые люди, но они не дожили до 1978 г. Имелись также лица смешанной крови, но они знали лишь русский язык. Чехов упоминает, что бывший ссыльный Колевский (поляк) «сожительствует с айнкой», мы нашли их потомка, но он,

разумеется, помнил бабушку, но не знал ее языка; в памяти осталось лишь воспоминание детства о том, как дедушка-поляк с бабушкой-айнкой сговаривались на этом языке при игре в карты. Мне встретилась и немолодая женщина явно айнского антропологического типа, но она заявила, что айнский язык не знает. Среди людей, чье владение этим языком было достоверно известно, последний умер в доме престарелых города Анива за три года до экспедиции. В то же время среди тех, кто в 1940-е гг. уехали в Японию, были носители айнского языка, впоследствии использовавшиеся как информанты.

В 1950-е гг. отношение к айнскому языку в Японии все-таки стало меняться, если не среди обычных граждан, то хотя бы среди лингвистов. Стали появляться специалисты как среди этнических айнов (Тири Масихо), так и среди японцев. Из последних следует отметить видную исследовательницу, профессора университета Васэда Тамура Судзуко. Появились грамматики ряда диалектов, а во второй половине 1950-х гг. под руководством академика Хаттори Сиро прошло массовое исследование более 20 диалектов Хоккайдо и Сахалина. Тогда материала для исследования было достаточно, но в большинстве информантами были люди, которые помнили язык, на котором говорили в детстве, но не те, кто использовали его в повседневном общении. Хаттори во время приезда в Москву в 1978 г. говорил: «Мы успели на последний автобус».

Исследования айнских диалектов велись до конца XX в., особенно следует отметить работы русской исследовательницы А. Ю. Бугаевой, долгое время работавшей с информантом по райчишкинскому диалекту, ранее распространенному на Сахалине. В университете Васэда благодаря энтузиазму С. Тамура айнский язык пользовался популярностью. В 1985 г. я присутствовал там на фольклорном спектакле на айнском языке, в котором участвовали студенты-японцы и огромного роста американец, игравший медведя. И впервые появляются попытки писать на этом языке, появился и его учебник. Но всё это нельзя назвать полноценным функционированием языка. За полтора столетия интересный в типологическом отношении и отражавший своеобразную культуру язык прошел путь от вполне стабильного до исчезнувшего. О судьбе айнского языка см. также [Алпатов 1997b].

Библиографический список

Алпатов В. М. (1983) К типологической характеристике айнского языка. *Вопросы языкознания*. №2. С. 81–86.

Алпатов В. М. (1997a) Айнский язык. *Языки мира. Палеоазиатские языки*. — Москва: Индрик. С. 126–138.

Алпатов В. М. (1997b) Судьба айнского языка. *Малые языки Евразии: социолингвистический аспект*. — Москва: МГУ. С. 109–115.

Добротворский М. М. (1875) Айско-русский словарь. Казанский университет.

Чехов А. П. (1956) Остров Сахалин. *Чехов А. П. Собрание сочинений. Т. 9*. — Москва: Гослитиздат.

References

Alpatov, V. M. (1983). K tipologicheskoi kharakteristike ainskogo yazyka [To the Typological Characteristics of Ainu]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2, 81–86. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1997a). Ainskii yazyk [Ainu Language]. In *Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki*. Moscow: Indrik. (In Russian).

Alpatov, V. M. (1997b). Sud'ba ainskogo yazyka [Fate of the Ainu Language]. In *Malyye yazyki Evrazii. Soctsiolinguistic Aspekt* (pp. 109–115). Moscow: Moscow University. (In Russian).

Chekhov, A. P. (1956). *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Vol. 9. Moscow: Goslitizdat. (In Russian).

Dobrotvorskii, M. M. (1875). *Ainsko-russkii slovar'* [Ainu-Russian Dictionary]. Kazanskii universitet. (In Russian).

Ежегодник Японии 2022. Т. 51. С. 331—355
Yearbook Japan 2022. Vol. 51, pp. 331—355
DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-331-355

Минские иллюстрированные источники о японских пиратах вако по «Вако дзукан» («Иллюстрированный свиток о японских пиратах»)

А. М. Мусаева

Аннотация

Вако: (букв. «японские пираты»), были морскими разбойниками, происходившими из разных этнических групп и совершавшими набеги на прибрежные территории Китая и Кореи в XIII–XVI вв. В XV в. активность пиратов на Корейском полуострове снизилась и переместилась в береговые провинции Китая, где достигла пика в середине шестнадцатого столетия и была достаточно масштабной для того, чтобы оставить след в произведениях искусства периода Мин (1368–1644).

В первой половине статьи дана характеристика двух основных этапов развития «японского пиратства», включающая в себя перечисление ключевых событий и факторов, которые оказывали влияние на усиление и ослабление пиратской активности. Вторая часть статьи посвящена подробному исследованию вопроса о том, какие исторические события нашли отражение в «Иллюстрированном свитке о японских пиратах» («*Вако: дзукан*»). Для решения этой задачи были выделены основные изобразительные особенности памятника, свиток был разделен на несколько сцен, описание которых представлено в виде таблицы. Кроме того, в статье рассматриваются четыре существующие в историографии теории и оценивается степень их состоятельности при решении поставленной задачи.

С целью более глубокого понимания происхождения свитка и его содержания были привлечены еще два памятника, а именно: «Иллюстрированный свиток о сопротивлении японским пиратам» («*Ко:ва дзукан*») и недошедший до нашего времени «Иллюстрированный свиток об усмирении японских пиратов» («*Хэйва дзукан*»). «*Ко:ва дзукан*» также был разделен на несколько

эпизодов, произведен сравнительный анализ, результаты которого отражены в вышеупомянутой таблице. Малая освещенность этой темы (в особенности в отечественных публикациях), а также междисциплинарный характер исследования делает его интересным не только ученым, изучающим пиратство как исторический феномен, но и широкому кругу специалистов по истории и искусству стран Востока и международным отношениям в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: японские пираты, *вако*., изображения японских пиратов, иллюстрированные свитки, японо-китайские отношения, японо-корейские отношения.

Автор: Мусаева Алина Михайловна, студент образовательной программы «Востоковедение», Школа востоковедения, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ (Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 5).

E-mail: musaevaalina444@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Illustrated Ming Dynasty Sources about Japanese Wakō Pirates on the Example of “Wakō Zukan” (“Illustrated Scroll of Japanese Pirates”)

A. M. Musaeva

Abstract

Wakō, which is literally translated as “Japanese pirates”, were pirates who came from different ethnic groups and raided the coastal territories of China and Korea from the 13th to the 16th centuries. The activity of pirates on the Korean Peninsula declined in the 15th century and moved to the coastal provinces of China, where it peaked in the middle of the 16th century and was significant enough to influence the works of art of the Ming period (1368–1644).

The first half of the article describes the two main stages of the development of the “Japanese piracy” and includes key events and factors that influenced the rise and decline in piratical activity. The second part of the article explores what historical event is depicted in the “*Wakō Zukan*” (“*Illustrated Scroll of Japanese Pirates*”). In order to achieve this objective, the picture was divided into several scenes and described, the result of which is presented in a table. In addition, the article examines four existing theories and assesses the degree of their consistency.

In order to better understand the origin of the scroll and its contents, two more scrolls were used, namely: the “*Kōwa Zukan*” (“*Illustrated Scroll of Resistance to Japanese Pirates*”) and the “*Heiwa Zukan*” (“*Illustrated Scroll of the Pacification of Japanese Pirates*”). “*Kōwa Zukan*” was also divided into several episodes and a comparative analysis was made, the results of which are reflected in the table mentioned above. This interdisciplinary research will be of interest not only for scholars studying piracy as a historical phenomenon, but also for a wide range of specialists studying the history and art of the Eastern countries, as well as international relations in the Asia-Pacific region.

Keywords: Japanese pirates, *wakō*, images of Japanese pirates, illustrated scrolls, Japanese-Chinese relations, Japanese-Korean relations.

Author: *Musaeva Alina M.*, student of the “Asian and African Studies” educational program, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (HSE University), (21/4(5), Staraya Basmannaya Str., Moscow, Russian Federation, 105066).

E-mail: musaevaalina444@gmail.com

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Введение

Первое упоминание о «японских пиратах» *вако*: (倭寇) встречается на стеле Квангэтхо-вана, находящейся в Маньчжурии и датированной 414 г. н. э. Это было время военного взаимодействия между Японией и тремя корейскими государствами — Пэкче, Силла и Когурё. Войска прибывали из Японии, чтобы сражаться на Корейском полуострове, и словом *вако*., вероятно, обозначались войска Ямато (тогдашнее самоназвание Японии), выступавшие в качестве союзников государства Пэкче [Turnbull 2007, p. 5]. Позже слово *вако*: начинает встречаться

в китайских и корейских источниках для обозначения группировок, совершающих набеги и занимающихся нелегальной торговлей в частном порядке на территориях Корейского полуострова и материкового Китая в XIII–XVI вв.

Термин состоит из двух иероглифов, которые имеют значения «Япония», «японский»¹ и «вторгающийся извне враг», «наносить вред» соответственно, причем второй знак 寇 изначально использовался как глагол. Например, в «*Корё са*» («*История Корё*») есть запись от 1223 г. о том, что *ва* напали на Кимджу (совр. Кимхэ): 倭寇金州 — в данном случае 寇 является сказуемым. По мере возрастания активности пиратов сочетание этих иероглифов стало использоваться в качестве существительного [Miyake 2012, p. 174].

Источниками изучения «японского пиратства» являются не только исторические хроники, но и произведения искусства. В рамках данной статьи основной интерес представляет иллюстрированный свиток «*Вако: дзукан*» («*Иллюстрированный свиток о японских пиратах*», 倭寇図巻). Вниманию читателей представляется исследование, целью которого является выявление и описание основных изобразительных, структурных и содержательных особенностей изучаемого свитка.

В настоящее время свитки, изображающие японских пиратов *вако*., в Японии находятся на стадии активного изучения. В 2010 г. удалось обнаружить не читавшиеся ранее надписи, что дало толчок к началу новых исследований. Несмотря на это, в рамках российского и зарубежного японоведения данная тема до сих пор оставалась неосвоенной и свитки не вовлекались в научный оборот.

Ранний период истории пиратов *вако*:

Основным объектом грабежа *вако*. раннего периода были рис, склады, где хранился рис, и перевозившие рис суда, а также местные жители. Схваченные люди использовались в качестве рабов, либо продавались. Нападения совершались главным образом на побережье Корейского полуострова. Изначально *вако*. были японцами из северо-

¹ О значении иероглифа *ва* (倭) см. работу: Хатано Юсукэ [Hatano 2002, p. 86–91]. Он приходит к выводу, что корейская и китайская стороны использовали слово «*нихон*» (日本) по отношению к органам власти, которые они признавали официальными представителями страны, в то время как иероглифом *ва* обозначались враждебные силы. См. также прим. 3.

западной части Кюсю. В Корее существовало понятие *японские пираты трех островов* (三島倭寇), под которым подразумевались японцы с островов Ики и Цусима, а также из уезда Мацура. К ним могли присоединяться жители острова Чеджу, а также низы корейского общества, в частности, так называемые *пэкчон* — представители низких профессий.

Исследователь Миякэ Тору связывает *вако*: с кланом Мацура (松浦党). В частности, в дневнике поэта Фудзивара-но Тэйка (1162–1241) «Записки ясной луны» (*Мэйгэцуки*, 明月記, 1180–1235 гг.) есть упоминание о том, что в 1226 г. клан Мацура, вторгшись в Корею на кораблях, разграбил имущество и сжег жилища людей. В дальнейшем после монгольских вторжений в Японию, когда центральная власть сёгуната и императорского двора была ослаблена и не распространялась на отдаленные регионы, деятельность *вако*: становилась более масштабной. Согласно Т. Миякэ, клан Мацура пострадал в результате двух монгольских вторжений, однако не получил достаточного вознаграждения от сёгуна Камакура. Другие жители прибрежных районов также после монгольских вторжений начали заниматься грабежом продовольствия и похищением людей [Miyake 2012, p. 176–177].

Неоднократные набеги на Корею были зафиксированы в 20-е гг. XIII в., что можно объяснить неблагоприятными климатическими условиями и нехваткой продовольствия [Hazard 1967, p. 261–264]. Однако вскоре нападения временно прекратились из-за того, что Мута Сукэёри (1160–1228), занимавший в администрации Кюсю (Дадзайфу) должность заместителя главного наместника (*дадзай-но сё:ни*, 大宰少貳), не дожидаясь указаний из Камакура или Киото, в присутствии корейского посла в 1227 г. обезглавил 90 разбойников и направил в Корею письмо с извинениями. Согласно Ю. Элисонас, после этого события набеги *вако*: стали менее многочисленны, что было прежде всего связано с повышенной боевой готовностью Корё из-за угрозы со стороны Монгольской империи [Elisonas 1991, p. 239–240].

Ситуация усугубилась в XIV в. Судя по записям в «Истории Корё» (*Корё са*, 高麗史, 1451 г.), крупномасштабная деятельность *вако*: начинается с 1350 г.²: увеличивается число пиратских судов и расширяется география нападений. В 1352, 1357, 1358, 1360 гг. *вако*:

² Традиция начинать историю *вако*: с середины XIV в. основана на фразе из «Корё са»: «С этого времени начались нападения *вако*:» (倭寇之侵始此).

доходили до корейской столицы [Сахарова 2019, с. 157]. Самым активным периодом были годы с 1376 по 1385, на которые приходится 174 случая нападений, по некоторым подсчетам — 228 или 346 [Elisonas 1991, p. 240]. Кроме того, со второй половины XIV в. *вако*: начинают появляться и на территории Китая. В «История династии Юань» (Юань ши, 元史, XIV в.) сказано, что с 1358 по 1363 гг. *вако*: появлялись на территории Шаньдуна и ежегодно нападали на прибрежные районы [Miyake 2012, p. 178].

Обострение ситуации в XIV в. объясняется политической нестабильностью в Восточно-Азиатском регионе: в 1351 г. началось восстание «красных повязок» в Китае, Корея переживала кризис из-за монгольских вторжений, в Японии же пал сёгунат Камакура и происходила борьба за власть между Северным и Южным дворами. Другим важным фактором было бедственное положение жителей Кюсю, а также слабость центральной власти в результате конфликтов эпохи Намбокутё:. Монгольские вторжения стимулировали судостроение, и японцы все чаще вели торговлю, которая не была упорядочена и часто требовала применения силы. По выражению Танака Такэо, торговля и пиратство стали неразличимы, и на протяжении долгого времени именно через *вако*: строились контакты между Японией и азиатским континентом [Tanaka 1977, p. 161].

Власти Чосон применяли широкий спектр контрмер против *вако*:. В качестве попытки решить проблему дипломатическим путем в Японию отправлялись посольства с просьбами усмирить пиратов. Ценными историческими материалами являются сделанные корейскими послами наблюдения и выводы. Посол Пак Сосэ, отправленный в Японию в период правления Асикага Ёсинори (годы правления: 1429–1441) и вана Седжона, сделал доклад, в котором высказал идею о том, что имеет смысл непосредственно обращаться к представителям кланов тех территорий, из которых происходили пираты, а именно: Оути, Отомо, Со и др. Другой посол писал, что жители Цусима, Ики и Мацура живут в жалких жилищах и, не имея возможности заниматься земледелием из-за неплодородности земли, «едва избегают голодной смерти» и прибегают к разбойничеству. Однако, продолжает он, если проявлять к ним щедрость и любезность, они будут покорны [Elisonas 1991, p. 243–244].

В соответствии с политикой Чосон *вако*: могли сдать и получить земельный надел и вступить на государственную должность или полу-

чить разрешение на коммерческую деятельность. В течение первых лет правления в Корее династии Ли корейское подданство приняли около двух тысяч японцев. Японцам, прибывшим в Чосон с торговыми целями, предоставлялось бесплатное жилье и продукты [Гафуров (ред.) 1974, с. 185]. Оставшаяся часть *вако*: продолжила заниматься пиратской деятельностью, переместившись на побережье Китая.

Еще одним способом воздействия на пиратов было укрепление военно-морских сил и непосредственное вооруженное нападение. В частности, с пиратами боролся основатель династии Чосон Ли Сонге (Тхэджо, годы правления: 1392–1398). В 1380 г. *вако*: во главе с Акибацу (阿只拔都)³ потерпели поражение. В 1389 г. было совершено вторжение Пак Ви на Цусиму. В 1419 г. снова было совершено нападение: губернатор острова Цусима, по мнению корейцев, был в ответе за то, что не предотвращал пиратские набеги.

Вскоре после установления власти Мин с 1371 г. начинается так называемая политика «морского запрета» *хайцзинь* (海禁), то есть курс на ограничение частной морской торговли. Торговля признавалась только в рамках преподнесения дани китайскому императору. В изданном в 1394 г. очередном указе значилось:

«... запрещено народу пользоваться иноземными благовониями и иноземными товарами. Прежде император ввиду того, что среди различных заморских иноземцев много обманщиков, прекратил их визиты. Доставлять дань было позволено лишь Рюкю, Камбодже и Сиаму. Но люди из прибрежных районов часто незаконным образом уходят в различные иноземные страны торговать благовониями и товарами, чем совращают иноземцев к грабежам. Приказываем ... пресечь это, а тех, кто посмеет частным образом пойти в различные иноземные страны торговать, непременно подвергать строгому наказанию» [цит. по: Бокщанин 1968, с. 172–173].

Однако в начале XV в. между Китаем и Японией начинается торговля на основе специальных лицензий *канго*: (勘合), которая продлилась до середины XVI в. В 1440 г. было отправлено первое лицензированное судно (*канго:сэн*). За год до этого снова начали

³ Предполагается, что Акибацу имел монгольское происхождение, поскольку его имя состоит из корейского слова «ребенок» (*aji*) и монгольского слова «храбрый воин» (*batur*). Это можно рассматривать в качестве подтверждения того, что иероглиф *ва* использовался не исключительно для японцев, но по отношению к тем, кто вторгся в Корею вне зависимости от национальности [Schottenhammer (ed.) 2005, p. 95].

функционировать закрытые в 1374 г. управления морской торговли в ряде областей, японским судам разрешался заход в порт Нинбо.

При Асикага Ёсимоти в 1411 г. торговля в рамках дипломатических контактов была временно прекращена и возобновилась в 1432 г. при Асикага Ёсинори. В этот период, длившийся 21 год, деятельность *вако*: активизировалась. До 1411 г. торговлей с Китаем управляло непосредственно *бакуфу*, однако после упомянутого промежутка приостановки торговли в ней также стали участвовать влиятельные военные губернаторы *сюго*, буддийские храмы и синтоистские святилища, торговцы городов Сакаи и Хаката, объединившиеся с кланами Хосокава и Оути [Miyake 2012, p. 182].

Таким образом, активность *вако*: снизилась благодаря установлению торговых отношений с Китаем и эффективной политике Чосон. Важным фактором является и стабилизация политической обстановки в регионе: в 1392 г. в Корее к власти пришла династия Ли (государство Чосон), в Японии же в том же году произошло объединение Северного и Южного дворов, был положен конец междоусобице. Наконец, значительный урон пиратам был нанесен в 1419 г.

Поздний период истории пиратов *вако*:

Вако: позднего периода в основном были выходцами из Китая, на что указывается в ряде исторических источников. В «Истории Мин» (*Мин ши*, 明史, XVII–XVIII вв.) содержится запись от 1554 г. о том, что лишь треть *вако*: являлись «настоящими японцами» (真倭) [Shūki 2003, p. 31]. Политик и литератор Мао Кун (茅坤) писал:

«Недавно я услышал об одном жителе моей деревни, который был захвачен пиратами в Куньшане и пробыл с ними пятьдесят дней, прежде чем освободился из плена. Когда он вернулся, то рассказал о пиратах. В целом на каждом корабле насчитывается около двухсот человек. Все командиры и их подчиненные — из Фуцзяни, а также Вэньчжоу, Тайчжоу и Нинбо ... Тех, кого называют «ва» и кто завязывает волосы в пучок, всего около двадцати или около того. Из этого мы можем понять, что пираты только называют себя «ва», но на самом деле являются жителями нашей страны» [Turnbull 2007, p. 17–18].

В 1523 г. произошел конфликт в Нинбо между кланами Оути и Хосокава. Хотя корабль клана Оути прибыл в порт Нинбо раньше,

торговцы из клана Хосокава, подкупив управляющего судоходной торговлей, получили разрешение пройти портовый контроль первыми, что вызвало ярость представителей клана Оути, совершивших в ответ ряд бесчинств, в том числе атаковав судно клана Хосокава, совершив поджоги и убив главного посла клана Хосокава. Этот инцидент рассматривается как событие, положившее начало позднему периоду *вако*., и стал поводом для ужесточения изоляционистской торговой политики [Ren 2010, с. 14]. В 1547 г. в Китай был отправлен последний торговый японский корабль, вернувшийся в Японию в 1549 г. Лицензионная торговля прекратилась окончательно в 1551 г., когда умер Оути Ёситака.

Жесткие меры по запрету морских сношений в 1520-е гг. привели к распространению пиратов в прибрежных районах Китая. Как писал А. Бокщанин, «получалась своего рода обратная зависимость: введение строгого “морского запрета” китайским правительством с 20-х гг. XVI в. способствовало росту морского разбоя у берегов Китая, а рост морского разбоя подталкивал правительство на усиление мер по соблюдению “морского запрета”» [Бокщанин 1968, с. 190].

Меры китайского правительства по запрету морской торговли были неэффективны. Происходил рост производства, что стимулировало коммерческую деятельность, которая переросла в крупномасштабную морскую торговлю. Запреты игнорировались, процветала нелегальная торговля. К концу XV в. объем торговли, направляемый китайскими купцами за границу, намного превысил объем товаров, перевозимых в рамках официальных миссий [Elisonas 1991, p. 237–238]. Более того, в китайские торговые сети были встроены не только японцы, но и европейцы. Таким образом, в XVI в. политика морского запрета перестала соответствовать требованиям времени, и феномен *вако* в поздний этап своего развития представлял собой конфликт в прибрежных районах между властями и группами нелегальных торговцев.

Стоит заметить, что и с китайской стороны осознавалась необходимость снятия ограничений на торговлю для борьбы с *вако*.. Связь между ужесточением политики морского запрета и активизацией *вако* наблюдал чиновник Тань Лунь (譚綸) (1519–1577), участвовавший в подавлении *вако*.. Он отмечал, что в зарубежных странах существует спрос на китайские шелковые изделия, потому, когда торговые запреты становятся строже, появляется много людей, желаю-

щих получить прибыль от торговли, так как цены возрастают. Действительно, в «Иллюстрированной книге по морской безопасности» (Чоухай тубянь, 籌海圖編, 1562 г.)⁴ есть запись о том, что цены на экспортируемый в Японию шелк-сырец возросли в десять раз в связи с прекращением лицензионной торговли. В «Записках об оружии и военном снаряжении» (Убэй чжи, 武备志, 1621 г.)⁵ сказано, что морские жители добывают средства к существованию благодаря морю, однако продажа соли и ловля рыбы приносит малый доход, в связи с чем в поисках большей прибыли некоторые занимаются торговлей с иностранцами, и теперь, когда торговля прервана, эти люди не могут просто «сидеть и ждать смерти» [Ren 2010, p. 15–16].

Янь Цунцзянь (嚴從簡), автор произведения о зарубежных странах «Из расспросов о различных странах» (Шу юй чжоу цзы лу, 殊域周咨錄, 1574 г.) также признает важность морской торговли. Критикуя недалёковидное решение инспектора (巡撫) провинций Чжэцзян и Фуцзянь Чжу Вана (朱纨) закрыть управление морской торговли в Нинбо, он пишет:

«Если торговля прекратится, то у варваров будет дефицит поставок, не говоря уже о таких людях, как Ван Чжи⁶. Как они могут не чувствовать себя стесненными и обедневшими?» [Wang 2021, p. 151].

Пиком активности *вако*: позднего периода являются 50-е гг. XVI в. За масштабность своей деятельности *вако*: этого времени получили название *цзяцзин да вокоу* («Великое пиратство годов Цзяцзин»⁷, 嘉靖大倭寇). Причиной такого роста активности являлась строгая изоляционистская торговая политика, подавление судоходной торговли и преследование торговцев. Порты, в которых базировались контрабандисты (в частности, Шуанъюй, 双屿港), подвергались налетам со стороны местных органов власти, что лишь усугубляло ситуацию. Самым известным торговцем и пиратом этого периода является Ван Чжи (王直). Между 1549 и 1552 гг. Ван Чжи несколько раз сотруд-

⁴ «Чоухай тубянь» относится к 1562 г. и состоит из 13 томов. Это военный атлас, содержащий военно-топографические карты и составленный Чжэн Жоцзном (鄭若曾) для сбора информации о береговой обороне с целью защиты от «японских пиратов».

⁵ «Убэй чжи» является крупнейшей энциклопедией по военному делу, составленной Мао Юань (茅元儀) во времена династии Мин. Памятник содержит 240 томов, более двух миллионов иероглифов и несколько сотен иллюстраций.

⁶ О Ван Чжи подробнее см. ниже, а также прим. 10.

⁷ Цзяцзин (嘉靖) — девиз правления одиннадцатого императора династии Мин Чжу Хоуцун, который правил с 1521 по 1567 гг.

ничал с правительством и захватил как минимум двух глав пиратских группировок, которых передал властям, ожидая взамен ослабления запретов на торговлю. Тем не менее запреты были ужесточены. В 1551 г. даже рыбацким лодкам было запрещено выходить в море. Не сумев добиться своих целей путем компромисса и сотрудничества, Ван Чжи начал применять силу. Набеги после 1551 г. представляли собой крупные и хорошо организованные нападения на официальные учреждения, зернохранилища и казначейства, а также окрестности, подвергавшиеся разграблению [Geiss 1998, p. 495].

Среди прочих персоналий и событий периода важно также отметить Чжан Цина (張經), которому удалось нанести поражение *вако*: в Ванцзянцзине (王江涇) в 1555 г. После смерти Чжан Цина на пост инспектора, а позже на должность генерал-губернатора (總督) провинции Чжэцзян был назначен Ху Цзунсянь (胡宗憲), который усмирил Ван Чжи и одержал победу над другим известным пиратом Сюй Хаем (徐海).

Упадок пиратства стал одним из следствий установления в Японии центральной власти. Процесс начался в 1588 г., когда Хидэёси издал так называемый указ об «охоте за мечами» (刀狩令), согласно которому крестьянам запрещалось иметь оружие. Другой указ был направлен непосредственно против пиратов (海賊停止令). Моряки, судовладельцы и т.п. должны были дать письменную клятву не заниматься разбоем и взиманием поборов с проходящих судов. Невыполнение местными властями приказа грозило конфискацией поместья [Стрельцов (ред.) 2015, с. 188].

Кроме того, начинается торговля между Китаем и европейскими странами, в 1567 г. была ослаблена политика морского запрета, что также значительно повлияло на ослабление пиратской активности, которая окончательно спала в следующем столетии в результате ведения изоляционистской политики *сакоку*.

Иллюстрированные свитки о «японских пиратах»: основная информация

В начале XX в. свиток «*Иллюстрированный свиток о японских пиратах*» («*Вако: дзукан*», 倭寇図巻, точная дата неизвестна) был куплен в Китае книжным магазином в Токио и с 1923 г. по настоящее время хранится в Историографическом институте при Токийском

университете. Свиток был создан в эпоху Мин (1368–1644) и составляет 523 см в длину и 32 см в ширину. С левой стороны свитка выдвигается минское войско, с правой изображены вторгающиеся пираты, по центру свитка между ними разворачивается битва, заканчивающаяся победой китайской стороны. Изначально свиток имел заглавие «Свиток кисти минского художника Цю Шичжоу⁸ о победе над Тайванем» (明仇十州台湾奏凱図). В 2010 г. с помощью инфракрасного излучения на свитке удалось обнаружить следующие важные надписи, которые подтвердили догадку о том, что на свитке изображены вако: и сражающаяся с ними армия Мин в XVI в.⁹:

1) 弘治四年 — четвертый год эры Ко:дзи (или тридцать седьмой год Цзяцзин, 1558 г.),

2) 大明神捷海防天兵 — Триумфальная победа береговой охраны войск Мин,

3) 倭夷 — японские варвары.

Схожий свиток «Иллюстрированный свиток о сопротивлении японским пиратам» (Ко:ва дзукан, 抗倭図巻, точная дата неизвестна) хранится в Национальном музее Китая. Размер составляет 599 см в длину и 31 см в ширину. Общая сюжетная канва совпадает с предыдущим свитком и представляет собой историю победы армии Мин над вторгшимися с моря пиратами. В 2010 г. Историографический институт при Токийском университете и Национальный музей Китая начали совместный исследовательский проект и провели инфракрасную съемку свитка «Ко:ва дзукан», также содержащего ряд важных надписей. Возможность сравнить оба произведения стала ключом к углублению исследования свитков. Еще одним важным толчком стал доклад Ячэнь Ма в 2011 г., благодаря которому стало известно, что помимо двух уже известных свитков существовал третий очень схожий «Иллюстрированный свиток об усмирении японских пиратов», («Хэйва дзукан» 平倭図巻, точная дата неизвестна).

⁸ Шичжоу (十州) — псевдоним художника Цю Ина (仇英) (1494–1552).

⁹ Изначально предполагалось, что надписи были невидны из-за действия естественных причин. Тем не менее при повторном исследовании удалось выяснить, что в действительности надписи стали нечитаемыми в результате закрашивания.

Таблица. Описание содержания свитков «Вако: дзукан» и «Ко:ва дзукан» и основные отличия

номер эпизода	«Вако: дзукан», содержание	«Ко:ва дзукан», содержание и основные отличия от «Вако: дзукан»
1	К побережью приближаются три пиратских корабля. На флаге написана дата — 弘治四年 (четвертый год эры Ко:дзи, 1558 г.).	Изображена сцена появления вако: и их высадки на сушу. Один корабль обрезан, поэтому предполагается, что часть свитка утеряна и изначально он был длиннее. На пиратском корабле водружен флаг с датой — 弘治三年 (третий год эры Ко:дзи, 1557 г.). На причалившем судне пираты стоят и слушают указания. На заднем фоне — множество других приближающихся кораблей — сюжет, отсутствующий в «Вако: дзукан».
2	Корабли причаливают, пираты высаживаются на землю и складывают паруса. На одном из кораблей видны женщины, которые, вероятно, были похищены. Вако: изображены с голыми ногами, несобранными волосами и длинными мечами, луками и копьями в руках.	
3	Вако: занимают выжидательную позицию. Один пират, встав на плечи другого и опираясь на длинное копье, следит за обстановкой со скалы. Один из пиратов целится в летящего лебедя.	Как и в «Вако: дзукан», есть сцена выяснения обстановки. Один пират стоит на плечах другого и смотрит со скалы вдаль. Другие пираты бегут с луками в руках. Изображено персиковое дерево с опавшими цветками, что является традиционным мотивом, означающим нарушение спокойного хода жизни из-за пиратского вторжения.
4	Вако: совершают грабежи и поджоги жилищ местных жителей. Сундук и мешки выносятся из горящего дома.	Как и в «Вако: дзукан», пираты поджигают дома и несут награбленное к кораблям.

- Схватив награбленное, часть пиратов возвращается к кораблям. Один из пиратов дает указание догонять убегающих жителей.
- 5 Местные жители спасаются бегством. На другом берегу также изображены местные жители. От пиратов убегают местные жители, унося свои вещи, некоторые сидят в лодках. Сбегающие петухи символизируют нарушение мирной жизни и порядка. Сцена в целом длиннее и дана более подробно, чем в другом свитке.
- 6 Китайская армия и пираты сталкиваются в морской битве. В сражении участвуют по два корабля с каждой стороны. Со стороны *вако*: есть тонущие и раненные стрелами противника. Происходит вооруженное столкновение. Пираты изображены полураздетыми, некоторые тонут. *Вако*: изображены слева, и композиция развивается справа налево, в то время как в другом свитке сцена столкновения является точкой схода двух действий, разворачивающихся с обеих сторон (справа — пираты, слева — китайское войско). В «*Вако: дзукан*», таким образом, пираты нападают с моря, воины Мин находятся в оборонительной позиции. В «*Ко:ва дзукан*» силы расставлены по-иному: пираты направляются в сторону моря, но минская армия преграждает им путь, что ярче подчеркивает идею поражения *вако*.
- 7 Посланец на коне скачет, держа в руках флаг с надписью «*весть о победе*» (報捷). Под дугообразным мостом изображен еще один китайский корабль, который выдвигается в качестве подкрепления. Как и в «*Вако: дзукан*», один конный воин поднимается на мост, держа в руках знамя, чтобы известить о победе.

8	Сцена триумфального шествия с пленными и казненными пиратами отсутствует.	Сцена триумфального возвращения: на двух кораблях везут связанных пленных и отрубленные головы пиратов. Отрубленные головы несут также два пешехода. Видны цветущие деревья, что символизирует восстановление порядка и гармонии.
9	Изображена крепость, из которой выступает китайская армия, состоящая из различных родов войск: с щитами и мечами, с длинными копьями, с оружием с изогнутым наконечником, а также воины верхом на конях и с воинскими знаменами. Среди вооруженных людей есть всего один гражданский чиновник в красных одеждах. Над воротами установлено множество флагов треугольной формы, есть надпись «Крепость прибрежной обороны» (海防新堡). Сцена занимает большое пространство в композиции.	Изображен замок и выдвигающаяся китайская армия. Идущий впереди подкрепления воин держит флаг с надписью «Гражданские и военные чиновники провинции Чжэцзян» (浙江文武官僚). Данный сюжетно-композиционный элемент с точки зрения занимаемого пространства меньше, чем в другом свитке. В отличие от «Вако: дзукан», изображено больше чиновников в красных одеяниях.

В настоящий момент японские исследователи единодушны в том, что сохранившиеся до нашего времени два иллюстрированных свитка о *вако*: являются копиями некоего оригинального свитка. В 2011 г. Итакура Масааки предложил рассматривать оба свитка как «сучжоуские подделки» (*сучжоу пянь*, 蘇州片).

В XVI–XVII вв. в Китае развивалось издательское дело, переживал расцвет и рынок антикварных вещей, в связи с чем распространение получила практика создания подделок. Главным образом этим занимались мастерские в Цзяннане, в частности, в местности Сучжоу, за

что подделки и получили свое название. Темой таких произведений выступали светские, понятные широкой аудитории сюжеты, и по мере воспроизведения могли появляться новые элементы и опускаться некоторые детали оригинала. «*Вако: дзукан*» и «*Ко:ва дзукан*», имеющие одинаковую композицию, но отличающиеся в деталях, можно рассматривать как «сучжоуские подделки» *сучжоу нянь*, созданные на основе некоего свитка-оригинала [Tōkyō daigaku shiryō hensansho (ed.) 2014, p. 68–69].

Помимо термина *сучжоу нянь*, следует затронуть концепцию «свитка о боевых заслугах» (яп. *сэнкундзу*, 戦勲図), которая была предложена исследовательницей Ячэнь Ма для обозначения картин, писавшихся с целью прославления выдающихся заслуг чиновников династии Мин в приграничных конфликтах, которые часто происходили в то время. Как утверждает Ячэнь Ма, рассматриваемые свитки являются сучжоускими копиями, созданными на основе «свитка о боевых заслугах» [Suda 2015, p. 112]. Согласно Итакура Масааки, поместив свитки в контекст *сэнкундзу*, можно утверждать, что «*Ко:ва дзукан*» и «*Вако: дзукан*» оба не являются оригиналами, так как трудно установить конкретных персонажей, однако «*Вако: дзукан*», где изображен лишь один чиновник, является более поздним произведением [Itakura 2016, p. 224].

Попытка соотнесения содержания свитков с конкретным историческим событием

В настоящий момент в научной среде существует в основном четыре точки зрения касательно того, какое историческое событие отражено в свитках.

Победа Чжан Цзина над японскими пиратами в 1555 г. Предположение основано на том, что на одном из флагов в сцене сражения на свитке «*Ко:ва дзукан*» есть надпись 弘治一年 (первый год эры *Ко:дзи*, 1555 г.). Китайская исследовательница Чжу Минь, помимо этой даты и указаний на местности¹⁰, обращает внимание на названия военных подразделений из других регионов, наименования которых есть на знаменах, а именно «靖» (сокр. от 保靖兵, «войска Баоцзин») и «田州

¹⁰ На свитке «*Ко:ва дзукан*» есть ряд надписей, указывающих на местности: «浙直», то есть Чжэцзян (浙江) и Чжили (直隸), «蘇松», то есть Сучжоу (蘇州) и Сунцзян (松江) и др.

報效狼兵長» («ланские войска¹¹, состоящие на службе в Тяньчжоу»), и участвовавших в подавлении *вако*., согласно историческим источникам. Повышенный интерес в связи с этим вызывает второй отряд наемных военных из провинции Тяньчжоу (совр. Гуанси), который в битвах с *вако* участвовал лишь полгода в 34 г. эры Цзяцзин, то есть в 1555 г. Отряд из Баоцзин, мобилизованный императорским двором наряду с другими частями в 1555 г., также упомянут в исторических источниках в связи со сражениями против *вако*: [Zhu 2016, p. 57]. Также Чжу Минь предлагает две версии касательно того, почему в свитке содержатся две разные даты:

1) разница в датах отображает продолжительность во времени и демонстрирует значительность масштаба пиратских набегов,

2) 1557 г. является датой создания свитка (сама исследовательница придерживается данного объяснения) [Zhu 2016, p. 59].

Тем не менее не во всех научных работах утверждается, что на знамени действительно указана дата 1555 г. Этот год является первым годом японской эры Ко:дзи и, как отмечают критики, общеупотребительным способом записи в таких случаях является не 一年 (досл. первый год), но 元年 (досл. начальный год) [Tōkyō daigaku shiryō hensansho (ed.) 2014, p. 77]. Во-вторых, в начале свитка указана дата 弘治三年 (*третий год эры Ко:дзи*, 1557 г.): это делает возможным предположение о том, что на другом знамени изначально содержалась такая же надпись. Таким образом, есть как минимум два аргумента, ставящих под сомнение подлинность даты 弘治一年 (1555 г.), которой предпочитают придерживаться некоторые исследователи. Более того, китайский исследователь Чэнь Люйшэн заявляет, что топографические характеристики Ванцзянцина, где происходило сражение, не схожи с местностью, изображенной на свитке [Chen 2016, p. 86].

Победа над Ван Чжи¹². В рамках данной версии предлагается делать основной упор на даты, указанные на свитках, то есть 1557

¹¹ Ланские войска (досл. «солдаты-волки») набирались из провинций Гуанси и Гуандун. В основном они состояли из представителей не китайских этнических групп и контролировались местными чиновниками. Так как ланские войска отличались храбростью и хорошим ведением боя, династия Мин много раз использовала их в сражениях против *вако*..

¹² Когда в 1553 г. минская армия атаковала порт, в котором базировался Ван Чжи, он сбежал в японский порт Хирадо. В 1555 г. в Японию было отправлено два посланника с целью потребовать умирения *вако*: и убедить Ван Чжи сдаться. Вступив в диалог с Ван Чжи, посланники пообещали, что по возвращении ему разрешат легально

и 1558 гг., на которые приходится задержание Ван Чжи и бегство посланников клана Отомо, вступивших в столкновение с минским войском.

Тем не менее задержание Ван Чжи не было результатом сражения, являющееся кульминацией разворачивающейся на свитках истории. Прибывшие в Китай с Ван Чжи посланники клана Отомо в результате столкновения смогли прорваться сквозь осаду и спастись бегством. Изображенный на свитке сюжет представляется не в достаточной мере конкретизированным для того, чтобы связать с ним эти события. Наконец, сам пейзаж похож не на рельеф той местности, где был схвачен Ван Чжи (остров Чжоушань), но на область Цзяннань, где происходили события, связанные с Сюй Хаем [Suda 2016, p. 12].

Победа над Сюй Хаем в 1556 г.¹³ Эта версия основана на данных, которые привел Чжан Цзянь (張鑑) в небольшом тексте под названием «Записки о картине Вэнь Чжэнмина об усмирении пиратов» (Вэньчжэнмин хуа пинво туцзи, 文徵明画平倭图记, XIX), который обнаружила и ввела в научный оборот исследовательница Ячэнь Ма.

Чжан Цзянь был литератором и последователем Жуань Юаня (阮元) — государственного деятеля эпохи Цин, антиквара и ученого. «Записки» были созданы в связи с тем, что Жуань Юань в 1805 г. попросил Чжан Цзяня изучить содержавшийся в его книжном хранилище свиток «Хэйва дзукан» (полн. «Свиток времен династии Мин кисти

заниматься торговой деятельностью. В 1557 г. Ван Чжи отправился в Китай, где был задержан и посажен в тюрьму, прибывшие же с ним посланники клана Отомо сбежали, вступив перед этим в сражение с минской армией в 1558 г. В 1559 г. Ван Чжи был казнен. Победа над Ван Чжи считалась великим достижением Ху Цзунсяня и знаменовала завершение «Великого пиратства годов Цзяцзин», хотя на самом деле с этого времени *вако*: лишь переместились к югу.

¹³ Ху Цзунсянь победил предводителей пиратских группировок Сюй Хая, Чэнь Дуна (陳東) и Е Ма (葉麻) благодаря умелой политике раскола. Когда Чэнь Дун и Е Ма решили отправиться в Японию и собрались в Чжапу (乍浦), по замыслу Сюй Хая Е Ма был задержан. Е Ма заставили написать письмо Чэнь Дуну, в котором он советовал тому убить Сюй Хая. Это письмо было намеренно показано Сюй Хаю, в результате чего Чэнь Дун также был задержан и передан властям. Войско Мин атаковало Чжапу, в результате чего было убито много *вако*:. После этих событий Сюй Хай сообщил Ху Цзунсяню о своем намерении сдаться, и тот выделил ему поместье Шэньцзячжуан (沈家莊) в Пинху. Подчиненные Чэнь Дуна и Е Ма были также размещены в поместье. Поскольку Чэнь Дуна заставили написать поддельное письмо о том, что Сюй Хай планирует с ними расправиться, люди Чэнь Дуна и Е Ма напали на Сюй Хая. На следующий день минская армия атаковала Шэньцзячжуан и разгромила находившихся там *вако*:. Сюй Хай погиб в битве, либо покончил с собой, бросившись в реку.

Вэнь Чжэнмина об усмирении японских пиратов Ху Мэйлинем»¹⁴, 明文徵明画胡梅林平倭図卷, точная дата неизвестна), поскольку сомневался в его принадлежности кисти Вэнь Чжэнмина, творения которого часто подделывались. Чжан Цзянь, основываясь на подписях к свитку, выдвинул предположение о том, что на свитке изображено покорение Сюй Хая и его группировки в 1556 г. под руководством Ху Цзунсяня. Кроме того, по словам Чжан Цзяня, Жуань Юань предполагал, что свиток был создан учеником Вэнь Чжэнмина по просьбе одного из подчиненных Ху Цзунсяня.

В начале свитка было написано четыре иероглифа: 靖海奇功 (*цзинхай цигун*, досл. «выдающаяся заслуга по усмирению морей», т. е. по борьбе с пиратством). Подписи к свитку были сделаны Чжан Хуанем (張寰), литератором эпохи Мин и современником Ху Цзунсяня, с которым он состоял в дружеских отношениях. Детальные описания, соотнесения изображенных лиц с конкретными историческими персоналиями, включая двух наложниц Сюй Хая, приведенные Чжан Цзянем, позволяют утверждать, что «*Хэйва дзукан*» очень походил на «*Ко:ва дзукан*».

Основная критика данной теории в применении к двум имеющимся свиткам сводится главным образом к двум пунктам. Во-первых, на обоих сохранившихся свитках не указана дата поражения Сюй Хая. Написанные на флагах даты, иными словами, 1557 и 1558 гг., не соотносятся с этим событием. Во-вторых, на свитках не удастся обнаружить самого Сюй Хая или его голову¹⁵ и ключевые моменты данной истории. На свитках нет кульминационного момента победы над Сюй Хаем: сцены с его смертью в Шэньцзячжуане. Более того, в «*Вако: дзукан*» отсутствует даже сцена триумфального шествия с пленными и отсеченными головами противника.

¹⁴ Т. е. Ху Цзунсянем.

¹⁵ По крайней мере его очень сложно идентифицировать из-за отсутствия опознавательных признаков. Что касается «*Хэйва дзукан*», Чжан Цзянь также не упоминает о том, что на свитке изображен сам Сюй Хай. Трех связанных пленников он определяет как младшего брата Сюй Хая, Е Ма и Чэнь Дуна. Кроме того, он цитирует исторический источник, согласно которому двух женщин, находящихся в закрытой лодке, звали Цуйцяо (翠翹) и Люйшу (綠妹) и, когда их спросили о местонахождении Сюй Хая, плача они указали на воду, куда тот бросился. Воины зашли в воду и взяли его голову. В «*Ко:ва дзукан*» можно увидеть воинов, несущих две отсеченные головы, однако трудно установить, принадлежит ли одна из них Сюй Хаю. По мнению Такэси Ямадзаки, с точки зрения композиции свитка сложно утверждать, что этому эпизоду придается какое-то особое значение [Yamazaki 2016, p. 334].

Как пишет исследователь Ямадзаки Такэси, существует большая вероятность того, что «*Ко:ва дзукан*» был нарисован в память о выдающихся заслугах Ху Цзунсяня, однако разворачивающаяся на самом свитке история, должно быть, была создана воображением художника. Поскольку на свитке нет изображения собирающихся у судна в Чжапу пиратов, так же как и сцены окружения правительственным войском поместья в Шэньцзячжуане и прочих особенностей, по его мнению, в настоящее время нет оснований рассматривать «*Ко:ва дзукан*» как картину, которая достоверно изображает конкретное историческое событие [Yamazaki 2014, p. 132–133]. Действительно, если свиток был создан с целью восхваления заслуг Ху Цзунсяня по усмирению пиратов, то на нем с высокой долей вероятности были бы изображены кульминационные моменты этой победы.

Кроме того, необходимо учитывать, что «*Ко:ва дзукан*» не является точной копией «*Хэйва дзукан*». Например, Чжан Цзянь пишет, что на свитке в красных доспехах и верхом на коне изображен командир Дай Чунсяо (戴冲霄), которого тем не менее не удалось обнаружить в «*Ко:ва дзукан*».

На свитке представлено не определенное историческое событие, но символическое изображение победы армии Мин над вако: годов Цзяцзин. Если подписи Чжан Хуаня к «*Хэйва дзукан*», на основе которых Чжан Цзянь сделал вывод о том, что на свитке изображено событие 1556 г., являлись подлинными, а также принимая во внимание тот факт, что пейзаж, как уже упоминалось, похож на Цзяннань, то оригинальный свиток являлся «*свитком о боевых заслугах*» сэнкун-дзу, прославляющим победу Ху Цзунсяня над Сюй Хаем¹⁶. Учитывая, однако, что в «*Вако: дзукан*» и «*Ко:ва дзукан*» указаны другие даты и не видна ключевая сцена смерти Сюй Хая в обоих свитках, можно

¹⁶ Как пишет Суда Макико, если подписи являются не подлинными, то становится невозможным утверждать, что «*Хэйва дзукан*» наиболее близок к оригинальному свитку или является им. Тем не менее «*Хэйва дзукан*» не имеет каких-либо характеристик, которые позволили бы интерпретировать изображенный на нем сюжет как историю пленения Ван Чжи, но имеет определенные особенности, позволяющие считать его изображением победы над Сюй Хаем. Таким образом, можно предположить, что на основе некоего оригинального свитка возникло два основных варианта сюжета, в центре которых были разные исторические персонажи [Suda 2016, p. 14–15]. Существует также версия о том, что оригинальный свиток не был абсолютным оригиналом и история Ху Цзунсяня была вписана в простой сюжет об усмирении пиратов [Tōkyō daigaku shiryō hensansho (ed.). 2014, p. 99].

предположить, что произошла перемена сюжета с истории о покорении Суй Хая на задержание Ван Чжи. Оригинальный свиток в процессе распространения и переписывания претерпевал изменения, в результате чего сюжет упростился. Иными словами, основной упор сместился с конкретного достижения Ху Цзунсяня на более общую идею победы армии Мин над *вако*: годов Цзяцзин, для чего наиболее подходящими датами, символизирующими победу и восстановления порядка, были сочтены годы задержания и заключения в тюрьму Ван Чжи и побега посланников клана Отомо после битвы с минским войском [Suda 2016, p. 1–15].

Кагэ Тосио, который придерживается данной версии, рассматривает три свитка следующим образом:

1. «*Хэйва дзукан*» является свитком, который изображает победу Ху Цзунсяня над Суй Хаем. Так как главной темой выступает история о подавлении китайского пирата, на флагах судов нет надписей с датами японского летоисчисления (по крайней мере годы *Ко:дзи* не были упомянуты Чжан Цзянем).

2. «*Ко:ва дзукан*» является свитком, созданным на основе «*Хэйва дзукан*». Однако тема сюжета была смещена в сторону истории о задержании Ван Чжи, символизирующем окончательное подавление и упадок *вако*: годов Цзяцзин, и отражении набега японских пиратов. По этой причине на двух судах *вако*: есть даты японского календаря.

3. «*Вако: дзукан*», как и «*Ко:ва дзукан*», изображает усмирение *вако*: периода Цзяцзин. Однако на знаменах обоих судов в сцене морской битвы отсутствует надпись 日本弘治, также не изображены пленные пираты и отсеченные головы. Таким образом, идея усмирения и подавления пиратов в этом свитке выражена менее ярко [Kage 2016, p. 281–282].

Заключение

Таким образом, японские пираты *вако*: раннего периода, начало которого приходится на XIII в., занимались главным образом грабежом на территории Корейского полуострова и заметно активизировались в середине XIV столетия в результате слабости центральной власти, бедственного положения жителей Кюсю и общей нестабильности в Восточно-Азиатском регионе. В ответ на пиратские набеги

власти Корё и Чосон предпринимали ряд контрмер. Активность пиратов раннего периода пошла на спад в XV в., когда были установлены торговые отношения с Китаем на официальном уровне и стабилизировалась политическая обстановка в регионе. В поздний период в силу вступил фактор курса китайского правительства на ограничение торговли, приведший к вооруженным стычкам между органами власти и группами контрабандистов, в которых японцы составляли меньшинство. Временем особой активизации пиратов-торговцев были 50-е гг. XVI в. Централизация власти в Японии, а также ослабление политики запрета частной морской торговли в Китае привели к упадку пиратства.

Хотя в качестве цели настоящего исследования было поставлено выявление основных структурно-изобразительных и содержательных особенностей «*Вако: дзукан*» («*Иллюстрированный свиток о японских пиратах*»), в процессе работы стало ясно, что рассматриваемый свиток не может быть проанализирован, будучи рассмотренным в отдельности, и должен изучаться в сравнении со схожими свитками — «*Ко:ва дзукан*» и «*Хэйва дзукан*», второй из которых не сохранился к настоящему времени, но был описан китайским литератором Чжан Цзянем в начале XIX в.

Если написанный современником Ху Цзунсяня — губернатора провинции Чжэцзян — эпилог к «*Хэйва дзукан*» являлся подлинным и, следовательно, верны предположения Чжан Цзяня о том, что на свитке изображено покорение предводителя торгово-пиратской группировки Сюй Хая в 1556 г., велика вероятность того, что оригинальный свиток, на основе которого были созданы «*Вако: дзукан*» и «*Ко:ва дзукан*», представлял собой произведение, превозносящее победу Ху Цзунсяня над Сюй Хаем, и может быть отнесен к жанру «*свитков о боевых заслугах*» *сэнкундзу*. В пользу данной теории свидетельствует и схожесть изображенного пейзажа с рельефом местности Цзяннань, где происходили события. Тем не менее поскольку на сохранившихся свитках не изображены соответствующие сюжетно-композиционные элементы, позволяющие связать их с определенным историческим событием, а также из-за несоответствия указанных на свитках дат с годом поражения Сюй Хая трудно утверждать, что «*Вако: дзукан*» и «*Ко:ва дзукан*» изображают этот исторический эпизод. В целом любая попытка соотнести оба свитка с определенным событием наталкивается на весомые контраргументы.

ты. Прежде всего такие теории не проясняют причину, по которой такие похожие свитки имеют разные даты, хотя изображают некий конкретный исторический сюжет.

Наиболее удовлетворительным объяснением представляется теория, согласно которой оригинальный свиток в процессе воспроизведения и распространения утратил свое изначальное конкретное историческое наполнение. Иными словами, сюжет свитка упростился до более общей истории о победе китайской армии над «японскими пиратами» и восстановлении мира и спокойствия. То обстоятельство, что даты на обоих сохранившихся свитках записаны в японской системе летоисчисления и Чжан Цзянь не упоминал о наличии на свитке «Хэйва дзукан» каких-либо надписей с датами японского календаря, может служить косвенным признаком трансформации сюжета в сторону победы над «японскими пиратами» в общем. Связанные с задержанием китайского торговца и пирата Ван Чжи даты 1557 и 1558 гг., указанные на свитках «Вако: дзукан» и «Ко:ва дзукан», могли быть выбраны, поскольку являлись символическими годами завершения периода «Великого пиратства годов Цзяцзин». Основываясь на этой теории, можно также выдвинуть предположение о том, что «Вако: дзукан» является более поздним произведением ввиду отсутствия сцены триумфального возвращения победоносной китайской армии с пленными и казненными пиратами, сравнительно малого количества текстовых надписей и прочих признаков, свидетельствующих об упрощении содержания.

На основании вышеизложенного можно заключить, что иллюстрированный свиток «Вако: дзукан», являясь творчески переработанным обобщением, не изображает какой-либо конкретный исторический эпизод.

Библиографический список

Бокщанин А. А. (1968) *Китай и страны южных морей в XIV–XVI вв.* — Москва: Наука.

Гафуров Б. Г. (ред.) (1974) *История Кореи с древнейших времен до наших дней.* — Москва: Наука.

Сахарова Е. Б. (2019) Посольство Корё в Японию 1336–1367 гг. *Ежегодник Японии.* 48, с. 155–174.

Стрельцов (ред.) (2015) *История Японии.* — Москва: Аспект-пресс.

References

Bokshchanin, A. A. (1968). *Kitai i strany yuzhnykh morei v XIV–XVI vekakh* [China and Countries of the Southern Seas in the 14th — 16th Centuries]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Chen, L. (2016). Kōseki no kiroku to jijitsu no kiroku: meijin “Kōwa zukan” kenkyū [Records of Achievements and Facts: Study of the “Kōwa Zukan” Scroll]. In M. Suda (Ed.), “Wakō zukan”, “Kōwa zukan” wo yomu (pp. 79–102). Tokyo: Bensei shuppan. (In Japanese).

Elisonas, J. (1991). The Inseparable Trinity: Japan’s Relations With China and Korea. In J. W. Hall (Ed.), *The Cambridge History of Japan* (Vol. 4, pp. 235–300). Cambridge: Cambridge University Press.

Gafurov, B. G. (Ed.). (1974). *Istoriya Korei s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The History of Korea from Ancient Times to the Present Day]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Geiss, J. (1998). The Chia-ching Reign, 1522–1566. In D. C. Twitchett, J. K. Fairbank (Eds.), *The Cambridge History of China* (Vol. 7(1), pp. 440–510). Cambridge: Cambridge University Press.

Hatano, Y. (2002). Wakō to kaiyō shikan [Wakō and Maritime History]. *Ritsumeikan daigaku jinbun kagaku kiyō*, 81, 77–102. (In Japanese).

Hazard, B. H. (1967). The Formative Years of The Wakō, 1223–1263. *Monumenta Nipponica*, 22(3/4), 260–277.

Itakura, M. (2016). Soshūhen to Wakō zukan, Kōwa zukan [Suzhou-pian and the “Wakō Zukan» and “Kōwa Zukan” Scrolls]. In M. Suda (Ed.), *Wakō zukan, Kōwa zukan wo yomu* (pp. 203–232). Tokyo: Bensei shuppan. (In Japanese).

Kage, T. (2016). Kōji nenki wakōsen to sengoku daimyō suigun [Daimyō of the Warring States Period and Flags of Pirate Ships of the Kōji Era]. In M. Suda (Ed.), *Wakō zukan, Kōwa zukan wo yomu* (pp. 269–294). Tokyo: Bensei shuppan. (In Japanese).

Miyake, T. (2012). Wakō to Ō Choku [Wakō and Wang Zhi]. *Momoyama gakuin daigaku sōgō kenkyūsho kiyō*, 37(3), 173–196. (In Japanese).

Ren, W. (2010). *Kasei nenkan ni okeru wakō no kenkyū* [Wakō of the Jia-jing Period]. Retrieved August 7, 2022, from <https://core.ac.uk/download/pdf/70294134.pdf> (In Japanese).

Saharova, E. B. (2019). Posol’sstvo Koryo v Yaponiyu 1366–1367 [Goryeo Embassy to Japan 1366–1367]. *Yearbook Japan*, 48, 155–174. (In Russian).

Schottenhammer, A. (Ed.). (2005). *Trade and Transfer Across the East Asian "Mediterranean"*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Shūki, T. (2003). Jūroku seiki wakō wo kōsei suru ningen shūdan ni kan suru kōsatsu [A Study on the Groups Which Constituted Wakō in the 16th Century]. *Chiba daigaku shakai bunka kagaku kenkyūka kenkyū purojekuto hōkokusho*, 35, 28–43. (In Japanese).

Streltsov, D. V. (Ed.). (2015). *Istoriya Yaponii* [History of Japan]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

Suda, M. (2015). Tokutei kyōdō kenkyū wakō purojekuto, sannenkan no seika [Results of the Special Joint Research Project on Wakō]. *Tōkyō daigaku shiryō hensansho*, 108–116. (In Japanese).

Suda, M. (2016). "Wakō zukan" kenkyū no genzai [Modern Studies of the "Wakō Zukan" Scroll]. In M. Suda (Ed.), *"Wakō zukan", "Kōwa zukan" wo yomu* (pp. 1–23). Tokyo: Bensei shuppan. (In Japanese).

Tanaka, T. (1977). Japan's Relations with Overseas Countries. In J. W. Hall, T. Toyoda (Eds.), *Japan in the Muromachi Age* (pp. 159–178). Berkeley: University of California Press.

Tōkyō daigaku shiryō hensansho (Ed.). (2014). *Kakareta wakō: "Wakō zukan" to "Kōwa zukan"* [Images of Japanese Pirates: "Wakō zukan" and "Kōwa zukan"]. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese).

Turnbull, S. (2007). *Pirate of the Far East, 811–1639*. Oxford: Osprey Publishing.

Wang, Y. (2021). *Writing Pirates: Vernacular Fiction and Oceans in Late Ming China*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Yamazaki, T. (2014). "Saho shinsō no yaku" saikō [The Battle of Zhapu and Shenzhuang: Reconsideration]. *Tōkyō daigaku shiryō hensansho*, 127–134. (In Japanese).

Yamazaki, T. (2016). "Saho shinsō no yaku" saikō [The Battle of Zhapu and Shenzhuang: Reconsideration]. In M. Suda (Ed.), *Wakō zukan, Kōwa zukan wo yomu* (pp. 309–342). Tokyo: Bensei shuppan. (In Japanese).

Zhu, M. (2016). Meijin kōwa zukan wo kaidoku suru [Analysis of the "Kōwa zukan" Scroll]. In M. Suda (Ed.), *Wakō zukan, Kōwa zukan wo yomu* (pp. 45–77). Tokyo: Bensei shuppan. (In Japanese).

Консалтинг в Японии: традиции и вызовы современности

Е. А. Логвинова

Аннотация

Индустрия консалтинга является неотъемлемой частью современной экономики. Деятельность крупных консалтинговых компаний связана прежде всего с американским и европейским рынком, однако в последнее время наблюдается развитие отрасли и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Рынок консалтинга в Японии в настоящий момент только формируется и по своему масштабу несопоставим с мировыми лидерами.

Данная статья посвящена особенностям формирования рынка консалтинговых услуг в Японии и их влиянию на развитие отрасли. Особое внимание уделяется системе административного руководства экономикой и корпоративной структуре как ключевым факторам, позволявшим японскому бизнесу долгое время вести свою деятельность и преодолевать проблемы, не прибегая к помощи независимых консультантов. Правительство организовывало работу различных комитетов и бюро, обеспечивавших консультирование предприятий и целых отраслей. Неправительственные организации в свою очередь проводили экономические исследования и способствовали эффективной коммуникации государства и бизнеса, тем самым также выполняя функции консультантов. Система группирования предполагала наличие собственных консалтинговых компаний, которые обслуживали членов группы, вследствие чего необходимости привлекать сторонних консультантов не возникало.

Ключевым фактором для появления консалтинговых фирм стали глобализация и интернационализация японского бизнеса. Так, некоторые компании, выйдя на мировой рынок, столкнулись с высокой конкуренцией со стороны других стран и сложностями в ведении бизнеса в совершенно иной среде. Еще одним толчком для создания консалтинговых фирм стало введение новой системы бухгалтерского учета и аудита, а также принятие нового Кодекса корпоративного управления, соответствующего международным стандартам.

В результате проделанного анализа автор приходит к выводу, что появление рынка консалтинговых услуг в Японии произошло значительно позже, чем в других странах, что связано со специфическими условиями, в которых развивался японский бизнес на протяжении второй половины XX в. Тем не менее, чтобы сохранить свой статус и конкурентоспособность, японские компании вынуждены пересматривать принципы управления и чаще привлекать сторонних консультантов.

Ключевые слова: консалтинг, аудит, корпоративная структура, система административного руководства, глобализация, интернационализация бизнеса.

Автор: Логвинова Екатерина Алексеевна, студентка МГУ им. М. В. Ломоносова, Института стран Азии и Африки, кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки.

devine.qui@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Consulting Market in Japan: Traditions and Contemporary Challenges

E. A. Logvinova

Abstract

The consulting industry is an essential part of the modern economy. The business of large consulting companies is primarily associated with the American and European markets, but, recently, there has been a development of the industry in the countries of the Asia-Pacific region. The consulting market in Japan is currently developing and it cannot be compared in its scale with the world leaders.

This article is devoted to the peculiarities of the formation of the consulting services market in Japan and its impact on the development of the industry. Particular attention is paid to the system of administrative management of the economy and the corporate structure as key factors that allowed Japanese firms to conduct their business for a long time and overcome their problems without

resorting to the support of independent consultants. The government organized various committees and bureaus providing consultation to enterprises and entire industries. Non-governmental organizations maintained economic research and contributed to effective communication between the state and business. The grouping system assumed the presence of its own consulting companies that served the members of the group; therefore, there was no need to involve third-party contractors.

Key factors in the emergence of consulting firms were the globalization and internationalization of Japanese business. Thus, some companies, having entered the world market, faced high competition from other countries and difficulties in doing business in a completely different environment, because of which the demand for consulting services began to arise. Another impetus for the establishment of consulting firms was the introduction of a new system of accounting and the adoption of the new Corporate Governance Code based on international standards.

As a result of the analysis, the author concludes that the emergence of the Japanese consulting market much later than in other countries is due to the specific conditions in which Japanese business developed during the second half of the 20th century. However, in order to maintain their status and competitiveness, companies need to reconsider their management principles and outsource to contractors and consultants more frequently.

Keywords: consulting, audit, corporate structure, administrative management system, globalization, business internationalization.

Author: Logvinova Ekaterina A., student of the Moscow State University, the Institute of Asian and African Studies, Department of Economics and Economic Geography of Asian and African Countries.
devine.qui@yandex.ru

Conflict of interest

The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

В быстро меняющихся экономических условиях японские компании все чаще обращаются за услугами консультантов. Консалтинговые компании занимаются сбором и анализом информации, составляют прогнозы дальнейшего развития рынка и самой фирмы с учетом сферы ее деятельности, предлагая наиболее действенный способ решения той или иной проблемы.

Мировой рынок консалтинга стремительно рос в 2010-е гг. и в 2019 г. достиг 160 млрд долл.¹, однако в 2020 г. значительно сократился — до 132 млрд долл. — в результате кризиса, вызванного ковид². Лидерами по-прежнему остаются США и страны Европы, а крупнейшими игроками — компании Deloitte, PwC, EY, KPMG, Accenture, McKinsey&Company, BCG и др., сфера деятельности которых включает различные услуги по консультированию и аудиту.

На Азиатско-Тихоокеанский регион пришлось около 16% от общего объема рынка в 2019 г.³ Тем не менее, индустрия консалтинга в АТР активно развивается, в первую очередь в Китае и Австралии. Рынок Японии в том же году оценивался всего лишь в 1,4 млрд долл. (менее 1% от мирового объема)⁴, что несопоставимо ни с Америкой, ни с Европой.

Оценить достоверность этих данных, опираясь на статистику METI или же занимающихся исследованиями в экономической сфере Keidanren и Keizai Doyukai, довольно сложно, поскольку на сайтах перечисленных организаций точная информация о размерах рынка консалтинга не представлена. Это говорит о том, что в настоящее время данная отрасль только формируется и занимает небольшую долю в третичном секторе экономики.

Факторы формирования рынка консалтинга в Японии

Система административного руководства экономикой

Процесс формирования рынка консалтинговых услуг в Японии обладает рядом особенностей. В первую очередь важно отметить, что частично функции консультирования выполняли и выполняют государственные и предпринимательские некоммерческие организации.

Высокая доля государственного участия в экономике была обусловлена необходимостью быстрого послевоенного восстановления

¹ Statista. Size of the global consulting market in 2019, by country. <https://www.statista.com/statistics/1065188/management-consulting-market-size-country/>

² Statista. Change of the global consulting market revenue 2020-2021, by industry. <https://www.statista.com/statistics/1123841/global-consulting-market-change-industry-vertical/>

³ Consultancy.org. Global. <https://www.consultancy.org/consulting-industry/global>

⁴ Statista. Size of the global consulting market in 2019, by country. <https://www.statista.com/statistics/1065188/management-consulting-market-size-country/>

и стремлением достичь уровня развитых стран. Так, правительство оказывало компаниям финансовую поддержку, создавало программы по приоритетному развитию отраслей, учреждало комитеты и бюро, обеспечивающие консультирование предприятий и целых отраслей [Лебедева, Тимонина 2008, с. 23–76]. Зачастую эти бюро действовали при министерствах и осуществляли различные консультационные функции в области финансов, стратегии компаний и их управления [Лебедева, Тимонина 2008, с. 192–198]. Так, к примеру, по приглашению объединения японских ученых и инженеров JUSE при Министерстве науки и технологий (сейчас MEXT) в 1950 г. в Японию приехал американский статистик и консультант по менеджменту У. Деминг, который на своих семинарах преподавал основы статистического контроля качества, что оказало сильное влияние на формирование японской системы контроля качества производства⁵.

Кроме того, на протяжении второй половины XX в. значительную роль играли и продолжают играть и сейчас неправительственные организации, такие как Keidanren, Keizai Doyokai, основная цель которых заключается в поддержке японских компаний и организации эффективной коммуникации государства и бизнеса. В 1960–70-е гг. эти организации, в первую очередь Keidanren, принимали участие в проведении административной реформы по дерегулированию экономики и частичной приватизации общественного сектора⁶. В 1990-е гг. Keidanren занималась вопросами корпоративного управления, и в 1991 г. были опубликованы принципы *Good Corporate Behaviour*⁷ с целью укрепления свободной рыночной экономики. Чуть позже были подготовлены рекомендации японским компаниям в области корпоративного управления *Urgent Recommendations Concerning Corporate Governance*⁸. Таким образом, часть консультационных функций в области стратегии и операционного консалтинга могли выполнять данные организации, опираясь на проведенные исследования и оценки общеэкономического положения страны, позиций государства и предприятий.

⁵ JUSE. Deming Prize. https://www.juse.or.jp/deming_en/award/

⁶ Keidanren: About Keidanren. <https://www.keidanren.or.jp/en/profile/pro001.html>

⁷ Keidanren. Keidanren Charter for Good Corporate Behavior. <https://www.keidanren.or.jp/english/speech/spe001/s01001/s01a.html>

⁸ Keidanren. Urgent Recommendations Concerning Corporate Governance. <https://www.keidanren.or.jp/english/policy/pol067.html>

Корпоративная структура

Второй фактор связан с особенностями корпоративной организации. Большинство корпораций входят в систему предпринимательских групп *кэйрэцу*, все члены которых тесно взаимосвязаны, а возникающие проблемы в основном решаются внутри группы. Например, головной банк занимается финансовыми вопросами и оказывает поддержку группированным компаниям в данной сфере. Страховые, торговые, строительные и прочие фирмы также занимаются в первую очередь делами компаний группы. В группах были и свои консалтинговые компании, которые обслуживали членов группы, поэтому большая часть функций, в том числе и консультационных, реализовывалась собственными силами без привлечения сторонних консультантов [Лебедева, Тимонина 2008, с. 359–363].

Таким образом, система административного руководства экономикой и корпоративная структура позволяли японскому бизнесу преодолевать проблемы, используя устоявшиеся традиционные связи с членами своей группы и правительственными органами, не прибегая к помощи независимых консультантов. Потребность в услугах внешних консалтинговых компаний и процесс формирования рынка консалтинга в Японии были связаны с глобализацией и интернационализацией бизнеса, о чем и пойдет речь далее.

Вызовы современности

Интернационализация компаний

Укрепление экономических связей с США и другими странами способствовало интернационализации японского бизнеса, в первую очередь компаний автомобилестроения и электромашиностроения. В 1980–1990-е гг. данные предприятия стали активно выносить производственные мощности на территорию других стран, вследствие чего японский бизнес оказался перед необходимостью оперировать в совершенно иной среде. В результате этого фирмы столкнулись с рядом трудностей организационного характера: необходимостью установления связей с местными подрядчиками, внесения изменений в систему управления, организации логистики и т. п. Компаниям предстояло адаптироваться к новым условиям и создать иные системы организации и управления рабочими процессами в своих филиалах, которые учитывали бы местные особенности. В результате

исследований специальной группы Japanese Multinational Enterprise Study Group, состоявшей из японских и зарубежных специалистов, была разработана методика по оценке степени использования японской системы управления на зарубежных филиалах [Або 2007]. Из результатов их работы следует, что в полном объеме японская система управления не была перенесена на местные производства, сформировались «гибриды», или комбинации японских и местных элементов управления [Лебедева 2012].

Важно отметить, что в условиях глобализации и быстрого технологического прогресса японские компании, выйдя на мировой рынок, испытывали все возрастающую конкуренцию. Так, в сфере электроники на позиции Японии стали все больше наступать китайские и корейские производители [Iwatani, Orr, Salsberg 2011]. Конечно, основным конкурентом японского бизнеса остаются США, однако в последние годы во многих сферах Китай и Южная Корея вырываются на лидерские позиции, пытаясь вытеснить японских производителей.

Это позволяет предположить, что в 1990–2000-е гг. японский бизнес стал острее испытывать потребность в услугах внешних консультантов, обладающих широкими экспертными знаниями, что в свою очередь способствовало возникновению отдельных консалтинговых компаний, обслуживающих не только членов *кэйрэцу*.

Новая система бухгалтерского учета и аудита

Еще одним толчком для увеличения числа консалтинговых компаний стало введение новой системы бухгалтерского учета и аудита японских компаний в начале 2000-х гг. Дело в том, что долгое время финансовая отчетность японских банков и фирм контролировалась Министерством финансов. Ему также была подчинена деятельность японского института сертифицированных аудиторов ЛСРА, из-за чего проводить независимую аудиторскую проверку компаний и банков было крайне проблематично. Однако после ряда раскрытых случаев мошенничества и кризиса экономики «мыльного пузыря» в 1990-е гг. стало очевидно, что должна проводиться более строгая оценка со стороны бухгалтеров и аудиторов. Кроме того, в условиях глобализации и активного сотрудничества с другими странами у иностранных партнеров все чаще стали возникать сомнения относительно независимости аудиторских проверок и порядка их проведения. Стремясь вернуть к себе доверие, с конца 1990-х гг. ЛСРА провела реорганизацию,

Рис. 1. Рост числа аудиторских компаний в 1970-2000-е гг.

Источник: The Japanese Institute of Certified Public Accountants. Corporate Disclosure in Japan Auditing JICPA (Fifth Edition) JICPA — 2013.

<https://jicpa.or.jp/english/accounting/pdf/PUBLICATION-Auditing2013.pdf>

ее зависимость от Министерства финансов значительно снизилась. В начале 2000-х гг. в Японии были введены новые стандарты бухгалтерской отчетности и аудита, а в 2009 г. японские компании стали использовать Международные стандарты финансовой отчетности — систему IFRS. После этого количество аудиторских компаний и консалтинговых фирм, предоставляющих данные услуги, стало быстро возрастать (см. рис. 1).

Реформы корпоративного управления

Изменения в структуре корпоративного управления в Японии начались в конце 1990-х гг. с пересмотра Коммерческого кодекса. В результате реформ были введены ограничения на перекрестное владение акциями, так как это негативно сказывалось на эффективности управления и порождало конфликты между контролирующими и миноритарными акционерами [Mazudmer 2013]. Возросла доля иностранного капитала, фирмам было рекомендовано изменить стиль управления и увеличить число независимых членов в Совете директоров.

В 2009 г. Tokyo Stock Exchange выпустила «Принципы корпоративного управления для листинговых компаний»⁹, а в 2011 г. «Отчет по корпоративному управлению»¹⁰. Они в основном были посвящены вопросам, связанным с правами акционеров, раскрытием информации и соблюдением принципов прозрачности, а также необходимости проведения независимых аудиторских проверок и кооперации среди аудиторов.

⁹ Tokyo Stock Exchange (2011) White paper on corporate governance. TSE listing Department. — 2011 <https://www.jpix.co.jp/equities/listing/cg/tvdivq0000008jb0-att/b7gje60000037hvl.pdf>

¹⁰ OECD (2015), G20/OECD Principles of Corporate Governance, OECD Publishing, Paris <http://dx.doi.org/10.1787/9789264236882-en>

Вслед за изданием принципов корпоративного управления ОЭСР в 2015 г.¹¹ и глобальных принципов управления ICGN в 2014 г.¹² в Японии в 2015 г. выпустили собственный Кодекс корпоративного управления¹³. Изложенные в нем принципы во многом повторяют международные. Компаниям рекомендуется привлекать независимых директоров, способных объективно оценить обстановку и предложить эффективные методы решения проблемы. Должны создаваться консультативные комитеты, где бы обсуждались вопросы аудита, назначения на должности и т. п. Кроме того, фирмам необходимо сотрудничать с внешними консультантами по вопросам дальнейшей деятельности, стратегии и управления.

Итак, столкнувшись с глобализацией и интернационализацией, японский бизнес был вынужден адаптировать традиционные формы управления к вызовам современности и стать более открытым для сторонних консультантов, с которыми ранее не имел партнерских отношений.

Положение рынка консалтинга в Японии

Масштаб рынка

Точно оценить масштаб рынка консалтинга в Японии крайне сложно: методики расчета различных статистических агентств различаются, единая статистика по объему мирового рынка также отсутствует, а на сайтах соответствующих министерств подобная информация не представлена. По отчетам Statista, японский рынок консалтинговых услуг в 2019 г. оценивался в 1,4 млрд долл.¹⁴, по данным японской исследовательской организации Gyokai в 2021 г. он достиг 6,7 млрд долларов¹⁵.

¹¹ OECD (2015), G20/OECD Principles of Corporate Governance, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264236882-en>

¹² International Corporate Governance Network. ICGN Global Governance Principles, British Library. — 2014 <https://www.fsa.go.jp/en/refer/councils/corporategovernance/reference/icgn.pdf>

¹³ The Council of Experts Concerning the Corporate Governance Code. Japan's Corporate Governance Code [Final Proposal]. <https://www.fsa.go.jp/en/refer/councils/corporategovernance/20150306-1/01.pdf>

¹⁴ Statista. Size of the global consulting market in 2019, by country. <https://www.statista.com/statistics/1065188/management-consulting-market-size-country/>

¹⁵ Gyokai Search. コンサルティング業界. <https://gyokai-search.com/3-keiei.html>

Существует также национальный индекс консультирования NCI¹⁶ и индекс готовности к консультированию CRI [Haslam, Bodenstein, Abdel-Jaber 2018], которые были разработаны исследователями Международного совета институтов управленческого консультирования ICMCI. Данные индексы складываются из ряда показателей таких, как Индекс экономической свободы, Глобальный инновационный индекс, Индекс восприятия коррупции и др., и соответственно позволяют оценить стоимость рынка управленческого консалтинга и условия для развития данного бизнеса в стране. По этим показателям Япония значительно уступает европейским странам, США и Австралии — одному из лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона. Тем не менее, масштабы рынка постепенно нарастают: по сравнению с 2015 г. к 2019 г. объем бизнес-услуг вырос почти на 8%¹⁷.

Структура рынка консалтинга

Как было отмечено ранее, долгое время японские компании получали консультационные услуги со стороны государства, неправительственных организаций, группированных фирм или же на уровне собственных консультационных отделов, в результате чего рынок консалтинга в Японии начал складываться значительно позже, чем в странах Европы и Америки.

Первыми японскими консалтинговыми компаниями стали исследовательские институты, изначально предоставлявшие услуги внутри *кэй-рэцу*. Среди них Mitsubishi UFJ Research & Consulting, JMA Research, Nomura Research Institute, которые и сейчас в большей степени занимаются исследованиями в области экономики и различных отраслей промышленности.

В условиях глобализации с 1990-х гг. на японский рынок консалтинга и аудита активно начали проникать иностранные гиганты такие, как McKinsey, BCG, Deloitte, EY, KPMG, PwC. Их клиентами зачастую становятся крупные японские компании, представленные на бирже, чьи производства и офисы находятся во многих странах

¹⁶ ICMCI NCI Data & Reports. ICMCI National Consulting Index global report. https://www.cmc-global.org/sites/default/files/public/nci_-_gr_-_2020_-_final.pdf

¹⁷ Statistics Bureau of Japan. Japan Statistical Yearbook 2021. Chapter 15. Services Industry, Indices of Tertiary Industry Activity. <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/70nenkan/1431-15.html>

за пределами Японии. Для таких фирм крайне важно поддерживать свой статус и надежность в глазах потенциальных партнеров и инвесторов.

С переходом на новую систему бухгалтерской отчетности и принятием Международных стандартов IFRS в Японии увеличилось число собственных аудиторских фирм и консалтинговых компаний. В отличие от иностранных компаний они больше ориентируются на средние и мелкие предприятия и предоставляют услуги по финансовому консультированию, стратегии развития и менеджменту. Консалтинговые компании нередко не ограничиваются конкретной специализацией и консультируют своих клиентов по широкому кругу вопросов, выступая в качестве «маркетплейса» различных консультационных услуг. Но так же как и аудиторские фирмы, по масштабам своей деятельности они не могут конкурировать с зарубежными лидерами.

В то же время в Японии появилось и большое число узкоспециализированных консультантов. К ним относятся фирмы, чья деятельность ориентирована, например, на консультирование по вопросам снижения расходов и эффективного использования ресурсов за счет аутсорсинга, перестройки бизнес-процессов. Существуют компании, предоставляющие консультации по экологизации производственных процессов и внедрению принципов ESG. Предлагая своим клиентам уникальный продукт, некоторые такие фирмы становятся глобальными, выходят на международный рынок. В качестве примера можно назвать компанию Dentsu, которая специализируется на маркетинге и медиа¹⁸, или же Kaizen Institute, занимающийся внедрением принципов *кайдзен*¹⁹. Можно предположить, что в условиях, когда мировой рынок консалтинга и аудита уже занят крупнейшими игроками, именно узкоспециализированные услуги позволят японскому бизнесу выйти на глобальный уровень.

Таким образом, многие консалтинговые компании в Японии возникли на базе исследовательских институтов и научных центров, созданных в рамках *кэйрэцу*. Часть фирм была создана в качестве филиалов крупных зарубежных консультантов. Кроме того, существуют и специализированные японские компании, оперирующие в разных странах.

¹⁸ Dentsu. Our work. <https://www.dentsu.com/us/en/our-work>

¹⁹ Kaizen Institute. About us. <https://www.kaizen.com/about-us>

Заключение

Рынок консалтинговых услуг является неотъемлемой частью современной экономики. В силу исторических обстоятельств крупнейшими игроками этого рынка остаются американские и европейские компании. Тем не менее, в последнее время консалтинг быстро развивается и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где лидерами стали Китай и Австралия.

На данный момент индустрия консалтинга в Японии только формируется, и ее масштабы несопоставимы с масштабами операций мировых гигантов. Это связано с особенностями формирования рынка консалтинговых услуг в Японии. Частично функции консультирования долгое время выполняли государственные и предпринимательские некоммерческие организации. Государство создавало программы по приоритетному развитию отраслей, финансово поддерживало предприятия и организовывало различные комитеты и бюро, обеспечивающие консультирование компаний и целых отраслей. Неправительственные организации, опираясь на проведенные исследования, анализ экономической ситуации, позиций государства и положения предприятий, в свою очередь, также осуществляли часть консультационных функций в области стратегии, управления и операционного консалтинга.

Особое влияние на деятельность компаний оказывала корпоративная структура. Закрытая система группирования, где все вопросы решались внутри группы, а специальные компании обслуживали членов своей группы, позволяли японскому бизнесу не прибегать к помощи независимых консультантов, поддерживая уже сложившиеся связи. Однако в условиях глобализации и интернационализации, столкнувшись с серьезной конкуренцией со стороны зарубежного бизнеса, японские фирмы были вынуждены адаптироваться к новым условиям, отказаться от традиционных форм управления и партнерства.

Для поддержания своего имиджа и продолжения сотрудничества с иностранными партнерами японским компаниям было необходимо следовать международным стандартам, для чего была введена новая система бухгалтерского учета и аудита, произошли изменения в структуре корпоративного управления. Это в свою очередь способствовало увеличению числа аудиторских и консалтинговых компаний в 1990-х — начале 2000-х гг.

На данный момент в Японии представлены консалтинговые фирмы различного профиля, специализирующиеся на широком спектре вопросов — от стратегии и управления до аудита. Часть из них были основаны как научные институты при *кэйрэцу* и сейчас продолжают свою деятельность, занимаясь преимущественно экономическими исследованиями. Некоторые консалтинговые компании действуют в качестве представителей иностранных гигантов и обслуживают глобальные японские фирмы. Клиентами некрупных консалтинговых компаний становятся средние и мелкие предприятия. Значительных успехов достигли специализированные консультанты, предлагающие уникальные услуги, которые мало представлены на мировом рынке.

Представляется, что в быстро меняющихся современных условиях японским компаниям придется все чаще привлекать сторонних специалистов и консультантов, чтобы сохранить свой статус и конкурентоспособность.

Библиографический список

Лебедева И. П. (2012) *Глобализация японского промышленного производства*. — Москва: Институт востоковедения РАН.

Лебедева И. П., Тимонина И. Л. (2008) *Экономика Японии: учебное пособие* — Москва: Восточная литература.

References

Abo, T. (2007). *Japanese Hybrid Factories. A Comparison of Global Production Strategies*. Hampshire.

Haslam S., Bodenstein R., Abdel-Jaber, T. (2018). *Towards the Consulting Readiness Index ICMCI*. Retrieved July 14, 2022, from https://www.cmc-global.org/sites/default/files/public/consulting_readiness_index_nov_2018_v8.1.pdf

Iwatani, N., Orr G., Salsberg, B. (2011) Japan's globalization imperative. *McKinsey&Company Quarterly*. Retrieved July 14, 2022, from <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/japans-globalization-imperative>

Lebedeva, I. P., Timonina, I. L. (2008). *Ekonomika Yaponii: uchebnoe posobie* [Economy of Japan: Textbook]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

Lebedeva, I. P. (2012). *Globalizatsiya yaponskogo promyshlennogo proizvodstva* [Globalization of Japanese Industrial Production]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).

Mazudmer, M. (2013). Corporate governance practices in Japan: Post-crisis reforms, successive changes and future trends. *International Journal of Business, Management and Social Sciences*, 4 (1), 1–11.

Ежегодник Японии 2022. Т. 51. С. 370—383
 Yearbook Japan 2022. Vol. 51, pp. 370—383
 DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-370-383

Того Кадзухико:
«Опорой Японии должна стать сила культуры»
(интервью подготовлено
М. П. Чижевской)

Аннотация

30 марта 2022 г. в Токио состоялась беседа с профессором Того Кадзухико — известным специалистом по России и Европе, автором множества книг, среди которых «Секретная запись переговоров о Северных территориях: возможность, утраченная 5 раз» [Тōgō, 2010], «Внешняя политика Японии 1945–2009» [Тōgō, 2011]. Профессор Того поделился своим мнением об актуальных и сложных вопросах: об отношениях Японии с США, Европой и Китаем, развитии украинского кризиса, конфликте России и Запада, о своем отношении к западным ценностям и месте Японии в мире.

Ключевые слова: Того Кадзухико, японо-европейские отношения, японо-американские отношения, японо-китайские отношения, украинский кризис, пересмотр Конституции Японии.

Интервьюер: Чижевская Мария Павловна, старший преподаватель НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16).

ORCID: 0000-0002-2778-2554

E-mail: maria.chizhevskaya@yandex.ru.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: материал подготовлен с использованием гранта Японского фонда.

Tōgō Kazuhiko: **Japan Should Rely on the Power of Its Culture** (Interviewer Maria Chizhevskaya)

Abstract

On March 30, 2022, Professor Tōgō Kazuhiko gave an interview in Tokyo. Professor is known as an expert on Russia and Europe, the author of many books, among which are *The Inside Story of the Negotiations on the Northern Territories: Five Lost Windows of Opportunity* [Tōgō, 2010], *Japan's Foreign Policy 1945–2009: The Quest for a Proactive Policy* [Tōgō, 2011]. Professor Tōgō shared his opinion on current complicated issues, including Japan's relations with the US, Europe, and China, the Russia-Ukraine crisis, conflict between Russia and the West, as well as his view of the Western values and Japan's position in the world.

Key words: Tōgō Kazuhiko, Japan-Europe relations, Japan-US relations, Japan-China relations, Ukrainian crisis, constitutional revision in Japan.

Interviewer: Chizhevskaya Maria P., senior lecturer, HSE-University in St. Petersburg (16, Soyuz Pechatnikov Street, St. Petersburg, Russian Federation, 199008).

ORCID: 0000-0002-2778-2554

E-mail: maria.chizhevskaya@yandex.ru.

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements: this material was prepared with the help of the Japan Foundation fellowship program.

М. Ч.: Уважаемый профессор Того, во время работы в МИД Японии Вы возглавляли Управление по делам Евразии, занимали должность посла Японии в Нидерландах, поэтому первый вопрос я бы хотела задать Вам как специалисту по Европе. После Второй мировой войны японо-европейские отношения развивались главным образом в экономической сфере. Каковы сейчас перспективы сближения Японии и Европы в сферах политики и безопасности?

Т. К.: После войны, в течение примерно десятилетия, на отношения между Японией и Западной Европой негативно влияла память о военных столкновениях. Затем, начиная с конца 1950-х — начала 1960-х гг., последовал период нормализации, главным образом в торговых отношениях. Тогда же японская экономика начала стремительно расти, что привело сначала к диспропорциям в торговле с Европой, а потом — к экономической войне. После 1990 г. экономический рост в Японии стал снижаться, и отношения несколько стабилизировались.

Мы старались выделять то общее, что нас связывает. В первую очередь, это культура, еще одной сферой была политика. Мы подписали Гаагскую декларацию в 1991 г., организовали перекрестный год культуры Японии и Великобритании, были и другие инициативы. Но мы так и не стали по-настоящему необходимыми друг для друга.

Были некоторые моменты, когда США совершали ошибки, — тогда ЕС и Япония имели возможность больше взаимодействовать. Во время войны в Ираке, например. Тогда Япония и ЕС могли организовать реальный обмен информацией и пытаться смягчить подход США. Если бы Европа и Япония объединили свои позиции против США, это могло бы стать для Америки опасным. Я не могу сказать, что такое объединение действительно произошло. Дипломаты, которые были знакомы с той ситуацией, говорили, что обмен мнениями имел место, но только по незначительным вопросам.

Глава о японо-европейских отношениях в моей книге, посвященной японской послевоенной дипломатии, так и называется, — «Борьба за значимость» [Tōgō, 2011]¹. Мы старались сделать отношения с Европой значимыми. Но этого так и не произошло.

Как Вы думаете, почему?

Потому что нет никаких причин для настоящей значимости в отношениях между Японией и Европой.

Возможно, потому, что обеим сторонам было достаточно отношений с США?

Для Японии — безусловно. США обеспечивают нашу безопасность, в этом смысле мы никогда не имели потребности в Европе. И Европе

¹ В английском тексте книги название главы звучит как «Struggle for relevance».

не нужна была Япония ни в каком отношении — ни в политическом, ни в военном. У них есть НАТО, этого им вполне достаточно.

Но проблема возвышения Китая существенным образом меняет ландшафт мировой безопасности. Европа всегда была заинтересована в получении экономических выгод от взаимодействия с Китаем. Для Японии такая позиция Европы стала большим разочарованием. Я думаю, что теперь, когда европейцы осознали масштаб китайской угрозы, проблема реагирования на нее может способствовать сближению наших позиций. Это вопрос, который мог бы сделать Японию и Европу по-настоящему значимыми друг для друга.

Символом такого сближения, которое, кстати, поддерживают и США, можно назвать пребывание в Восточной Азии британского авианосца *Queen Elizabeth* в течение полугода в 2021 г.² Его целью было продемонстрировать британское военное присутствие в противовес Китаю.

Как Япония относится к военному присутствию Великобритании в Индо-Тихоокеанском регионе?

Япония, безусловно, приветствует вовлеченность Великобритании, особенно старшее поколение, у которого сильна память об англо-японском союзе 1902 г. Не непосредственно, а путем изучения истории, конечно. Для Японии, которая сталкивается с растущей мощью Китая, появление Великобритании в регионе — очень важный фактор.

Япония должна укреплять свою обороноспособность, и одновременно должна сохранять способность к диалогу. Сдерживание и диалог должны идти вместе. Когда работает только сдерживание, то возникает известная «дилемма безопасности». Если одна страна наращивает военную силу, не поддерживая диалог, не сообщая своему оппоненту о мотивах, о том, что целью является не запугивание, а поддержание баланса, то такая ситуация вынуждает вторую сторону наращивать свою военную силу, и так повторяется по кругу. Единственный способ справиться с этой ситуацией, перерастающей в гонку вооружений, — вести диалог. Поэтому Япония должна повышать свою обороноспособность, способность к сдерживанию, но только вместе с умением вести диалог. Однако мы не можем делать это самостоятельно, поскольку мы связаны договором безопасности с США.

² Подробнее см., например: [Kelly, 2021].

В последние годы растет понимание, что мы должны дополнять наш союз с США другими партнерствами. Кто наши естественные партнеры? Это, во-первых, Австралия, с которой мы сейчас активно развиваем партнерство в сфере безопасности. Во-вторых, это, конечно, Европа. Более активное вовлечение Европы в азиатские дела, где доминирует Китай, является в определенной мере естественным. Оно отвечает и японским интересам. Наши страны — Япония, США, страны Западной Европы, Австралия — развивались после Второй мировой войны схожим образом. Мы все имеем развитую рыночную экономику, вместе принадлежим к так называемому «свободному миру».

Надо сказать, что я отношусь к этому термину немного скептически, потому что я вижу столько несовершенств в каждой стране. Уважение к правам человека — это прекрасная идея, с ней невозможно не согласиться. Но когда начинают говорить о том, что мы элита мира, что все в мире должны равняться на нас, я чувствую себя некомфортно. В конце концов надо признать, что у каждой страны своя история и свое представление о ценностях. Поэтому необходимо согласиться с европейскими ценностями уважения к правам человека, но каким образом эта концепция будет воплощаться, — это должно определяться в соответствии с традициями каждого государства. Это я считаю очень важным.

Пока я вижу, что, поскольку мы несем знамя «свободного мира», мы считаем себя наиболее продвинутыми странами. Остальные — например, Китай и Россия, далеко позади. С моей точки зрения, это ложный подход, несправедливый.

Похоже, мы возвращаемся к разделению мира на два лагеря, как в период холодной войны.

И это очень сильно усугубляется с развитием украинского конфликта. Это крайне опасно, я считаю.

Продолжая Вашу мысль о возможном сотрудничестве Японии и европейских стран в сфере безопасности, хочу задать Вам вопрос о переосмыслении Европейским союзом и Японией своей пацифистской роли в мировой политике в связи с текущим кризисом. Европа начинает вооружаться: в марте ЕС принял программу Стратегический компас, к вступлению в НАТО готовятся Швеция и Финляндия. Германия, Франция и другие страны

ЕС увеличивают свои военные бюджеты. Для Японии проблемы, связанные с милитаризацией, очень чувствительны. Известно, что премьер-министр Абэ Синдзо реформировал оборонную сферу, поднимал вопрос о девятой статье Конституции. Как Япония реагирует сейчас?

Еще до того, как Абэ пришел к власти, в обществе долгое время продолжались дискуссии о том, что девятая статья Конституции должна быть пересмотрена. В этой статье написано о том, что Япония никогда не должна иметь армию. Но у Японии есть Силы самообороны — это сегодня фактически и есть армия! С точки зрения фундаментального подхода к безопасности, эта конституция отвечает духу послевоенного идеализма. Это было общее настроение страны, что мы станем гражданской силой, нам уже не понадобится армия. Это в корне неверное суждение, с моей точки зрения. Потому что для того, чтобы сохранять мир, необходимо обладать силами сдерживания, обладать определенной силой, при этом не пренебрегая диалогом. Но утверждать, что у нас никогда не будет армии, — это безумие!

Мне кажется, у Японии в тот период не было выбора.

В таком случае мы должны были быстро внести поправки. Но в тот период наша гражданская сила была в таком расцвете, что эту девятую статью стали использовать как священное знамя, и любой, кто посмеет к нему притронуться, объявлялся предателем. Такое настроение царит в пацифистских кругах и сегодня. Я категорически не согласен с этим левым пацифизмом. Я выступаю за то, чтобы иметь нормальную девятую статью.

Между тем сегодня вопрос пересмотра Конституции связан с балансом сил в межпартийной борьбе. Правящую силу в настоящее время представляет собой коалиция Либерально-демократической партии и партии Комэйто. ЛДП стабильно удерживает власть после того, как потеряла ее в 1990-х гг. Для партии это был травматичный опыт. Во второй раз партия ушла в оппозицию в 2009–2012 гг. Теперь ни один член ЛДП не хочет повторения этой ситуации, они хотят сохранить власть. И они знают, что для того, чтобы сохранить власть, им нужно сотрудничать с Комэйто. А Комэйто — это сугубо пацифистская партия. Члены Комэйто совершенно не готовы обсуждать пересмотр Конституции.

Существует мнение, что нужно сохранить девятую статью как она есть, но добавить третий абзац, в котором бы четко прописывалось существование Сил самообороны. Однако для любого человека, который умеет мыслить логически, сохранение второго абзаца, в котором говорится о том, что Япония никогда не будет иметь армию, — абсурд. От него нужно отказаться. Это мое мнение. Не отказываться от него, а продолжать играть словами, кажется мне совершенно нелогичным.

Эта ситуация напоминает мне о том, что происходило в Императорской Ставке Японии во время Тихоокеанской войны. Существовали глубинные противоречия между императорской армией и императорским флотом. Настолько сильные, что они не могли согласовать общую стратегию. Они так сильно боролись за власть! Армия не шла на компромиссы. И флот не шел на компромиссы. Поэтому они находили компромисс в письменном виде. Они объявляли, что пришли к общей стратегии. А в действительности это были просто слова на бумаге. Эти слова ничего не меняли, не снижали накал борьбы между армией и флотом. Но на бумаге все выходило гладко. То же самое происходит сейчас с пересмотром Конституции.

То есть, по Вашему мнению, Япония должна превратиться в «нормальное государство»?

Да, я считаю, что Япония должна стать «нормальной», покончить с этим радикальным пацифизмом, который не имеет смысла. Но нам не нужно становиться полноценной военной державой, то есть страной, которая использует военную силу как свою главную опору.

Вы говорите об использовании военной силы только для самозащиты?

Тогда возникает другой сложный вопрос, что понимать под самозащитой. То, что Абэ и его единомышленники пытались донести, — что мы по крайней мере должны обсуждать, что является атакой, а что — защитой. Я считаю, что это правильный подход.

В то же время я не думаю, что Япония должна развиваться в XXI веке как военная сила. Есть разные виды силы — военная, экономическая, культурная. По моему мнению, если бы нам нужно было выбрать одну сферу, которая бы стала нашей движущей силой, это должна быть культура. Япония больше не является экономической силой, какой она была в 1960-80-х гг. Мы должны стать культурной силой в самом широком

смысле этого слова. Возможно, философской силой, в которой наши традиционные ценности будут высоко цениться.

Вы наверняка слышали о книге *«Япония как номер один»* [Vogel 1979]. Она передает американское чувство опасности, исходящее от японской экономической мощи. Это не та сила, к которой мы должны стремиться сегодня. Это должно быть что-то более глубокое, более зрелое. Экономическое развитие, безусловно, нужно, без него мы лишимся средств к существованию. Но экономическое развитие не самоценно. Ценно общество, которое мы строим на основе экономического благосостояния. Для меня — это образ идеального общества в Японии, которое будет трансцендентным, то есть будет распространять свое влияние поверх границ.

Хочу задать вопрос, касающийся как раз японских ценностей. В статье *«Японская и российская идентичности»* из книги *«Японская и русская цивилизации»* [Панов, Того (ред.) 2016] Вы пишете о том, что русская цивилизация зародилась и развивалась на периферии Византийской империи, а японская — на периферии Китайской. И Россия, и Япония столкнулись с западной цивилизацией. Оказавшись между Востоком и Западом, каждая страна выбрала свой путь. Сейчас мы видим, что Россия вновь вступила в фазу острой конфронтации с Западом, не найдя своего места в западной системе. Япония, напротив, успешно в эту систему встроилась. Но как Япония чувствует себя на этом месте? Воспринимаются ли в Японии западные ценности как свои собственные, или они остаются чем-то привнесенным, внешним?

Это очень интересная тема, но она противоречива. Существует большая прослойка людей в Японии, особенно в Министерстве иностранных дел, которые считают, что мы должны твердо придерживаться союза с США и англосаксонскими странами, с европейцами. Оставаясь в этом альянсе, мы должны занимать позицию лидера так называемых западных либеральных ценностей. Насколько я знаю, не все в Японии придерживаются этой точки зрения. Особенно это касается бизнес-элиты. Роль Китая для японской экономики огромна! Для японского бизнеса сегодня быть полностью отрезанными от Китая абсолютно невообразимо. Стать лидером так называемой либеральной демократии — это звучит красиво. Но я хочу возразить: у нас ведь есть Китай! Если мы займем позицию лидера либерального мира, это

не будет способствовать гармоничным отношениям с Китаем. Что нам с этим делать? Это мнение представителей бизнеса. Они немного боятся высказываться публично, поскольку не понимают до конца природу так называемой «китайской угрозы».

У меня есть еще одно соображение, касающееся истории, которое я описал в нашей с профессором Пановым книге. Оно касается идентичностей. Россия существовала на периферии европейской и византийской цивилизаций, Япония — на периферии китайской. Но мы оставались «другими». Я имею в виду, что Россия отличается от Европы, а Япония отличается от Китая. В Японии был период Эдо, длившийся 260 лет, в течение которого Китай оставался центром мира в Восточной Азии вплоть до Опиумных войн. Япония сосуществовала с Китаем на определенном расстоянии. Мы сумели сохранить нашу идентичность. Мы по-прежнему очень сильно отличаемся от китайцев. И мы стали процветающей страной.

Когда начались Опиумные войны, и Китай начал приходить в упадок, Япония начала укрепляться. Почему мы смогли стать сильной страной? В военном отношении мы были слабы, но мы были настолько высокоразвиты! Это был один из способов существования на окраине великой державы — сохранять независимость и иметь хорошие отношения с Китаем. Япония не угрожала Китаю, Китай не угрожал нам. Это было «искусство *сакоку*» — «искусство изоляции». Сейчас мы уже не в состоянии проводить политику «закрытой страны», это нереалистично. Но таким способом сосуществования с Китаем Япония могла бы пользоваться и в XXI веке. Эта необходимость, которую я вижу для Японии, кажется мне актуальной и для России в ее сосуществовании с Европой. Это то, что роднит Россию и Японию в XXI веке. Я думаю, в невозможности найти способ сосуществования и кроется причина конфликта цивилизаций.

Самюэль Хантингтон определил только 8 цивилизаций в мире, которые фундаментальным образом отличаются от остальных³. Славянская и японская цивилизации выделены отдельно. Я думаю, мой анализ отчасти берет начало в теории Хантингтона. Мне кажется, что общее между славянской и японской цивилизациями состоит в этом сосуществовании с великими державами.

³ С. Хантингтон в книге «*Столкновение цивилизаций*» выделяет 8 цивилизаций: западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, славяно-православную, латиноамериканскую и африканскую [Huntington, 1996].

Как Вы оцениваете конфликт, который сейчас разворачивается между Россией и Украиной, Россией и Западом?

Мне представляется, что президента Владимира Путина загнали в угол и заставили его сделать наихудший выбор. Если бы у США было понимание того, что Украина должна быть нейтральной, если бы они уважали Донбасс, Россию, конфликта бы не случилось.

Существует мнение, что, начиная с событий на Майдане в 2014 г., так называемые американские неоконсерваторы начали вытеснять Россию из Украины, которую она считала своей зоной влияния. Началось обучение украинской армии, активизировались поставки вооружений. В этой связи интерес представляют мнения Генри Киссинджера и Джона Миршаймера. Статья Киссинджера о ситуации на Украине вышла 3 марта 2014 г. в газете «Вашингтон Пост» [Kissinger 2014], статья Миршаймера — в журнале «Внешняя политика» осенью 2014 г. [Mearsheimer 2014]. Обе статьи самого высокого класса. Удивительно, насколько точный анализ они представляют.

Например, Киссинджер объясняет всю ситуацию в трех предложениях. Украина — сложное государство, и она представляет собой две Украины. Он признает, что Украина имеет право решать свою судьбу сама, но она не должна входить в НАТО. Киссинджер рекомендовал Украине последовать пути Финляндии, придерживаясь нейтралитета.

Но американские неоконсерваторы сделали нечто противоположное. Когда я говорю, что отношусь скептически к тому, что Америка несет знамя демократии и свободы, я имею в виду в том числе ситуацию с Украиной. Это одна из основных причин, почему я не чувствую себя комфортно в отношении американской политики. Это так высокомерно: они считают, что имеют право вмешиваться в судьбы других людей.

США сегодня — главный союзник Японии, но мы все знаем, что это не всегда было так. В предисловии к книге мемуаров Вашего деда — Того Сигэнори, который был министром иностранных дел Японии в 1941–42 и 1945 гг., Вы пишете, что он был против развязывания войны [Того, 1996]. Ей предшествовали переговоры с США, и была надежда, что удастся заключить договор и решить конфликтные вопросы мирным путем. Но в конце ноября 1941 г. США направили японскому правительству документ, известный как «нота Халла», который премьер-министр

Тодзё Хидэки воспринял как ультиматум, и война стала неизбежной. Так вот, Вы пишете о том, что атака на Перл-Харбор для Японии того времени была актом самообороны. Как Вы сейчас оцениваете это событие?

Ни одна страна не имеет права вмешиваться в дела другой страны. Это несправедливо, поэтому этого не должно происходить. Но бывает, что страна поставлена перед выбором, погибнуть или выжить. Я думаю, что, пока не появятся более мощные международные силы, которые могли бы предотвращать такого рода ситуации, подобное будет повторяться. Это не вопрос, как правильно или неправильно поступить, это вопрос выживания. Поэтому любая страна, которая будет чувствовать, что, если она не нападет сейчас, она не выживет, будет нападать. Но выживет — в каком смысле? Можно возразить, что выжить-то выживет. Но вопрос — в каком качестве, насколько страна будет независима.

Я считаю, что, если не можешь выиграть войну, лучше ее не начинать. После проигрыша оказываешься в еще худшей ситуации, как случилось с Японией, потому что мы не смогли выиграть. Но если страна выиграет, тогда она может защитить свою идентичность и дальше действовать независимо. Поэтому, я думаю, любая страна пойдет на это. Так и мы на это пошли.

В ситуации с Россией мне кажется, что американцы должны сформировать понимание, в чем заключается конечная цель Путина. Способность понимать оппонента является абсолютно необходимой для страны, вовлеченной в конфликт. Вы подняли вопрос о Перл-Харборе, а я бы хотел вспомнить эпизод, относящийся к концу Тихоокеанской войны.

Речь идет о Потсдамской декларации, которую Япония приняла после того, как на нее были сброшены две атомные бомбы и совершенно нападение Советского Союза. Но даже после двух атомных бомб и вторжения советских войск Япония приняла Потсдамскую декларацию с одним условием: prerогативы императора должны остаться нетронутыми. На это Япония получила ответ от госсекретаря Джеймса Бирнса⁴. Ответ гласил, что будущее японского императорского дома будет решаться путем свободного волеизъявления японского народа. После этого развернулись дебаты в Тайном совете, где

⁴ Джеймс Бирнс — госсекретарь США в 1945–1947 гг.

главными действующими лицами, кроме императора, были шесть государственных деятелей. Их мнения разделились наполовину. Премьер-министр Судзуки, министр иностранных дел Того и министр флота были за выход из войны. А военный министр и два главы императорской Ставки были против. Главы Ставки обладали огромной силой, потому что контролировали все операции, полной информацией о которых не владели даже члены правительства и премьер-министр.

Таким образом те, кто должны были принять решение, оказались разделены. Премьер-министр, министр Того и министр флота считали, что такая формулировка приемлема, потому что отношения между народом и императором основаны на любви и уважении. И если японский народ будет решать судьбу императора, то будущее императорского дома в безопасности. Но остальные три человека возражали, что этого недостаточно, потому что в ответе не было дано никаких гарантий. Премьер-министр Судзуки попросил императора принять финальное решение, и он высказался за принятие Потсдамской декларации. Это положило конец войне.

Но если бы американцы тогда ответили, что они упразднят императорский дом, тогда бы вся Япония, включая моего деда, и всех лучших представителей фракции за мир, воевала бы до конца. Это выглядит как безумие, но такова была Япония в 1945 г.

Мне сложно понять психологию японцев того времени, но тогда умонастроения были именно такими. Благодаря знаниям американцев — бывшего посла США в Японии Джозефа Грю⁵ и антрополога Рут Бенедикт, которая написала книгу *«Хризантема и меч»* [Benedict 1946], Япония была спасена. Они понимали, что для Японии существование императорского дома настолько важно, что американцы обязаны его уважать. Есть ли такое понимание России у Байдена, у Зеленского? Мой ответ заключается в том, что спасти мир может только вот такое понимание «другого».

Я думаю, постепенно всем станет известно, что это американцы развязали эту войну. А вот как мир отреагирует на это знание... Думаю, многие на Западе считают, что это начало конца эпохи Путина. Но в более широком историческом контексте это может быть началом конца Америки, американского доминирования. Кто займет место Америки? Есть только одна страна, способная на это, —

⁵ Джозеф Грю — посол США в Японии в 1932–1942 гг.

Китай. Возможно, это и так было неизбежно, но происходящие события ускорят этот процесс. Не знаю, сколько времени это займет. Си Цзиньпин тоже может совершить ошибку. Но есть важная разница: Китай управляется Коммунистической партией, которая представляет собой прекрасно организованную систему. В нее вступают лучшие люди с западным образованием, у них развита система вертикальной мобильности, чтобы наиболее талантливые люди попадали на руководящие должности. Они собирают лучшие практики. Это не значит, что они будут идеальным лидером. Тем не менее, их база гораздо более сильная, чем у любой другой политической системы.

Как Вы считаете, есть ли у китайцев своя система ценностей?

Их ценности заключаются в том, чтобы все люди жили счастливо, что еще нужно? И чтобы мир уважал китайцев и Китай. Они верят в определенную систему, которую они сейчас создают, главным образом опирающуюся на легитимность Коммунистической партии. Они пересмотрели отношение к политике Мао Цзэдуна, заявляя, что то, как он относился к правам человека и экономике, — недопустимо. Они внимательно изучали, как работает экономика на Западе, и блестяще с этим справились.

Но нельзя забывать про инцидент на площади Тяньаньмэнь, когда по приказу китайского руководства расстреляли оппозиционно настроенных студентов. Это было очень жестоко. Но если сравнить с тем, что делал Мао Цзэдун, политика Дэн Сяопина была гораздо мягче. Теперь у власти Си Цзиньпин. Какой Китай создаст он, мы пока не знаем. Увидим.

Но многие страны опасаются того, что Китай станет новым мировым лидером.

Многие страны не хотели бы, чтобы лидерство было за Китаем, потому что Китай богат. Но что с этим поделать?

Япония будет в числе тех, кому эта ситуация не на руку.

Японии придется сосуществовать. Если Китай возьмет лидерство в свои руки, каждая страна, включая Россию, будет задаваться вопросом, какого рода отношения надо строить с Китаем. Мой совет — Япония должна оставаться независимой. У Японии свой взгляд на себя, на мир. И если нам выбирать, на какую силу опираться — это должна быть не военная, не экономическая сила, а сила культуры.

Библиографический список

Панов А. Н., Того К. (ред.) (2016). *Русская и японская цивилизации. Исторический анализ становления и развития национальных идентичностей*. — Москва: Международные отношения.

Того, С. (1996) *Воспоминания японского дипломата*. — Москва: Новина.

References

Benedict, R. (1946). *The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese Culture*. Houghton Mifflin.

Huntington, S. (1996). *Clash of civilizations and the remaking of world order*. New-York: Simon & Schuster.

Kelly, T. (2021, September, 6). Britain shows off Queen Elizabeth aircraft carrier to anxious Japan. *Reuters*. Retrieved July 21, 2022, from <https://www.reuters.com/world/uk/britain-shows-off-queen-elizabeth-aircraft-carrier-anxious-japan-2021-09-06/>.

Kissinger, H. (2014, March 5). To settle the Ukraine crisis, start at the end. *The Washington Post*. Retrieved July 21, 2022, from https://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html

Mearsheimer, J. (2014, September/October). Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. *Foreign Policy*. Retrieved July 21, 2022, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault>.

Panov A., Togo K. (Eds.). (2016). *Russkaya i yaponskaya tsivilizatsii. Istoricheskii analiz stanovleniya i razvitiya natsional'nykh identichnostei* [Russian and Japanese civilizations. Historical analysis of formation and development of national identities]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

Tōgō, K. (2010). *Japan's Foreign Policy 1945–2009: The Quest for a Proactive Policy*. Brill Academic Publisher, Leiden and Boston.

Tōgō, K. (2011). *Hoppō ryōdō kōshō hiroku — ushinawareta godo-no kikai* [The Inside Story of the Negotiations on the Northern Territories: Five Lost Windows of Opportunity]. Tokyo: Shinchōsha. (In Japanese).

Togo, S. (1996) *Vospominaniya yaponskogo diplomata* [Memoirs of a Japanese diplomat]. Moscow: Novina. (In Russian).

Vogel, E. (1979). *Japan as Number One. Lessons for America*. Harvard University Press.

Ежегодник Японии 2022. Т. 51. С. 384—408

Yearbook Japan 2022. Vol. 51, pp. 384—408

DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-384-408

«Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями»

*Материалы круглого стола
19 февраля 2022 г.*

**Д. В. Стрельцов, С. В. Гришачев, В. В. Нелидов,
И. В. Дьячков, П. В. Кульнева, В. А. Перминова**

Аннотация

Данный круглый стол прошел в стенах Ассоциации японоведов 19 февраля 2022 г. и был приурочен к выходу одноименной коллективной монографии. Авторы анализируют сложные и деликатные вопросы, стоящие в современной повестке дня во взаимоотношениях Японии с государствами Корейского полуострова, КНР и Тайванем, а также во взаимоотношениях с Россией.

Авторы в своих рассуждения обозначают исторические корни этих проблем и ставят перед собой задачу всесторонне проанализировать их современное состояние, а также показать, какое место они занимают в общественном сознании этих стран.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, нарратив, война исторических нарративов, формирование идентичности, виктимизация сознания, исторические обиды.

Авторы:

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий Кафедрой востоковедения МГИМО-университета (119454, Москва, Проспект Вернадского д. 76), ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (117997, Москва, Нахимовский проспект, 32)

ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Гришачев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (105066 Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 5)

ORCID: 0000-0002-6039-9637; E-mail: sgrishachev@hse.ru

Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Кафедры востоковедения МГИМО-университета (119454, Москва, Проспект Вернадского д. 76); Научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12)

ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: nelidov.v.v.@my.mgimo.ru

Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Кафедры востоковедения МГИМО-университета (119454, Москва, Проспект Вернадского д. 76)

ORCID: 0000-0001-7058-0811; E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12).

ORCID 0000-0002-8699-5568; E-mail: kpoline@list.ru

Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН (103031, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12).

ORCID: 0000-0002-6626-7395; E-mail: verger177@yandex.ru

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

“Problems of Historical Past in Japan’s Relations With Neighboring Countries.”

*Materials of Roundtable Held
on February 19, 2022*

**D. V. Streltsov, S. V. Grishachev, V. V. Nelidov
I. V. Dyachkov, P. V. Kulneva, V. A. Perminova**

Abstract

The present roundtable took place in the office of the Association of Japanologists on February 19, 2022 and was held on the occasion of the publication of an eponymous monograph. The authors analyze the complex and delicate issues on the present-day agenda of Japan’s relations with the Korean Peninsula states, the PRC, Taiwan, and Russia.

In their presentations, the authors point out the historical roots of these problems, aim to provide a comprehensive analysis of their present condition, and show their place in the public consciousness of these countries.

Keywords: historical memory, collective memory, narrative, formation of identity, victimization of consciousness, historical grievances

Authors

Streltsov Dmitriy V., Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of Afro-Asian Studies, MGIMO-University (76, Vernadskogo Prospekt, Moscow, Russian Federation, 119454); Leading Researcher, Centre for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117997, Russian Federation).

ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Grishachev Sergey V., PhD (History), Associate Professor, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University (21/4, Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation, 105066)

ORCID: 0000-0002-6039-9637; E-mail: sgrishachev@hse.ru

Nelidov Vladimir V. PhD (History), Associate Professor, Department of Afro-Asian Studies, MGIMO-University (76, Vernadskogo Prospekt, Moscow, Russian Federation, 119454); Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 103031).

ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: nelidov.v.v.@my.mgimo.ru

Dyachkov Ilya V., PhD (History), Associate Professor, Department of Afro-Asian Studies, MGIMO-University (76, Vernadskogo Prospect, Moscow, Russian Federation, 119454);

ORCID: 0000-0001-7058-0811; E-mail: i.dyachkov@my.mgimo.ru

Kulneva Polina V., PhD (Economics), Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 103031).

ORCID 0000-0002-8699-5568; E-mail: kpoline@list.ru

Perminova Vera A. PhD (History) Researcher, Department of China, Institute of Oriental Studies of RAS (12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russian Federation, 103031).

ORCID: 0000-0002-6626-7395; E-mail: verger177@yandex.ru

Conflict of interests

The authors declare the absence of the conflict of interests.

Стрельцов Дмитрий Викторович

Семинар, прошедший в Ассоциации японоведов 19 января этого года, приурочен к выходу в свет коллективной монографии, название которой вынесено в заголовок. Данная тема выбрана неслучайно. В последние годы проблемы исторического прошлого обретают всё большую актуальность в международных отношениях. Это касается не только Японии, но и других стран, в том числе и России.

Дело в том, что, как показывает история, в отношениях между бывшими противниками по различным конфликтам периодически возникают проблемы. И выясняется, что даже если они имеют статус решённых, и, казалось бы, отошли в далёкое прошлое, в современных условиях оживают вновь и в самый неподходящий момент могут стать причиной нового пожара. Одна из причин, по которой мы выбрали тему для нынешнего семинара, заключается в том, что в Восточной Азии эти проблемы живы, они по-прежнему крайне актуальны, и они кардинальным образом влияют на отношения между странами в регионе. Вопросы исторического прошлого связаны не только с наследием Второй мировой войны, но и с гораздо более длительным историческим периодом, в основе которого лежит синоцентричный мировой порядок, — тот порядок, который сложился в Восточной Азии уже много-много веков назад.

Но сегодня мы говорим именно об отношениях Японии со странами-соседями. Основными все же остаются вопросы, ставшие следствием событий середины XX в. В своей книге мы попытались показать, в чем суть этих вопросов и как они проявляют себя в этих отношениях. У нас на семинаре присутствует фактически весь авторский коллектив книги, вышедшей в 2022 г., и каждый попытается осветить вкратце свой раздел.

Книга состоит из двух больших частей. Первая посвящена проблемам исторического прошлого в отношениях Японии с материковыми странами Азии: тема уже достаточно хорошо изучена в зарубежной историографии, но мало освещенная у нас. Вторая же часть посвящена исторической памяти в российско-японских отношениях. Почему-то у нас считается, что подобного рода вопросов в отношениях с Японией у нашей страны не существует. На самом деле это не так. И одной из наших задач было показать актуальность этих проблем в современной международно-политической повестке дня.

Сегодня мы хотели бы последовательно изложить свое мнение по нескольким важным вопросам. И первый из них — а почему, собственно, вообще возникают исторические споры? Как связано национальное самосознание с восприятием истории и почему оно разнится в зависимости от страны?

Второй круг вопросов связан с тем, как в самой Японии видится историческое прошлое, — насколько сильна в современных условиях саморефлексия политической элиты и общества в отношении того, что произошло в годы Второй мировой войны, как воспринимает эти проблемы нынешняя японская молодежь? Ответ на эти вопросы важен потому, что определенные настроения в обществе не могут не сказаться на предвыборных программах политиков, а как следствие — и на внешнеполитическом курсе государства.

Далее мы попытаемся поговорить о взаимоотношениях Японии с каждой из соседних с ней стран — с Китаем, с государствами Корейского полуострова, а также о связях с о. Тайвань. Для нас важно, как сегодня в этих странах воспринимаются самые громкие вопросы — проблема храма Ясукуни, вопрос о т.н. «женщинах для утешения», японское колониальное прошлое на Тайване и на Корейском полуострове, проблема подневольного труда корейцев, насильно перевезенных в Японию в годы Второй мировой войны, а также территориальные проблемы, также имеющие выход на дискуссии об историческом

прошлом — спор вокруг островов Токто/Такэсима и островов Сэнкаку/Дяоюйдао.

Найти компромисс здесь крайне сложно, ибо проблемы эти очень цепкие и затрагивают национальную гордость, престиж, наконец связаны с национальной идентичностью стран региона. И начнем мы с вопроса о том, как происходит борьба между национальными идентичностями, особенно если они в своем основании имеют травматический исторический опыт.

Гришачёв Сергей Викторович

Прежде всего следует внести особенно важную методологическую оговорку, ибо многие люди далекие от практики академических исследований не вполне четко понимают, в чем специфика исследований, посвященных исторической памяти — *memory studies*. В центре этих исследований не история как таковая, не анализ самих исторических фактов (чем занимаются обычно историки), а анализ того, как исторические события усвоены обществом, как оно хранит память о своем прошлом и как на эту память пытается влиять власть.

И надо сказать, что историческая память — явление, напрямую связанное с формированием национального самосознания. Британский политолог и социолог Бенедикт Андерсон в свое время, развивая подходы к проблемам идентичности, определил нацию как *воображаемое политическое сообщество*. Он сформулировал весьма верное наблюдение о том, что даже в пределах маленькой нации ни один из ее членов не будет никогда знать большинства своих соотечественников, но при этом между собой эти люди будут ощущать свое единство, знать кто они сами и знать, кто для них является *другими*. Действительно, граждане Японии, Китая, России или Соединенных Штатов скорее всего никогда не будут знать каждого из своих соотечественников, это невозможно. Но вместе с тем, все граждане этих стран знают о героях собственной истории, о выдающихся писателях, поэтах и знаменитых природных пейзажах, являющихся национальной гордостью и которые стоит посетить всякому, кто обладает чувством патриотизма.

Подобное положение вещей — не случайность, а результат осознанной работы по воспитанию идентичности. И это стало возможно с распространением просвещения и системы школьного образования

в XIX — XX вв., которая теперь существует фактически во всех странах. Формирование представлений о себе и своем коллективе осуществляется и за пределами школы, через информационные технологии и технологии развлечения — фильмы, сериалы, романы, которые влияют на общество посредством телевидения, интернета, издательской индустрии.

Так формируется национальная идентичность, т.е. искусственно созданное представление некоего коллектива о самом себе, и это представление не дается от рождения, а формируется совершенно осознанно, а этническая или лингвистическая принадлежность играют здесь лишь вспомогательную роль.

У подобной идентичности есть также и свое представление о своем прошлом. И чаще всего эти представления не совпадают с представлением о прошлом с теми, кто воспитан в другой реальности, в другой идеологии, в другой идентичности. И здесь мы подходим к одной из важнейших проблем — *войне исторических нарративов*. Почему у жителей стран Восточной Азии разное представление о прошлом и почему эти разные представления актуализировались с особой силой именно в последнее время? Ведь это напрямую влияет на взаимоотношения Японии с Китаем и со странами Корейского полуострова.

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо обратить внимание на разность и особенность исторических условий, в которых формировались общества в этих странах: они проделали очень разный исторический путь в Новое время, что кардинально повлияло на их видение истории.

Первый пример — Япония. Процесс создания национальной идентичности здесь начался во второй половине XIX в. Именно тогда в ходе реформ Мэйдзи было впервые создано то, что мы сейчас называем японской нацией. На рубеже XIX–XX в. здесь через формирование системы всеобщего просвещения и образования было создано бессословное унитарное мононациональное государство (*nation state*) по типу западноевропейских государств. Его рождение сопровождалось еще и созданием колониальной империи. После 1945 г., когда Япония была вынуждена отказаться от роли сверхдержавы и от колоний, ее идентичность развивалась в преимущественно пацифистском ключе, без колониальной составляющей. Послевоенная японская идентичность строилась на антимилитаризме, на интеграции с западным миром и на адаптации либеральных ценностей в политике и обществе.

Что касается Китая и Кореи, то здесь процесс идентификационный и модернизационный развивались куда как более драматично — с расщеплением обществ после Второй мировой войны, где свою безвозвратно трагическую роль сыграла логика Холодной войны, то есть логика противостояния двух диаметрально противоположных политико-экономических систем.

Попытку создать национальное государство в Китае на развалинах Цинской империи предприняли политики партии Гоминьдан. Однако они потерпели поражение в ходе Гражданской войны, и на территории материкового Китая в к. 1940-х гг. было сформировано государство с коммунистической идеологией, в котором были проведены масштабные реформы народного образования, приведшие к разрыву с прежней культурной и письменной традицией. Была создана новая общность — коммунистический Китай.

Однако в к. XX в. идеология в КНР вновь претерпела некоторые изменения. При внешнем сохранении коммунистических символов государство стало делать упор на националистический элемент в воспитании молодежи, где идеология апеллирует уже не столько к идеалам марксизма, сколько к былому имперскому величию Китая. Обновленная идентичность стала более националистична, при этом она по-прежнему противопоставляет себя западным ценностям, утверждая свой особый путь.

В тоже время существует ещё и самосознание жителей Тайваня. Оно формировалось в большей преемственности с традицией, письменность здесь была сохранена без масштабных изменений. Она тоже формировалась на протяжении многих поколений, но по-другому пути, до некоторой степени идентичному японскому — с рыночной экономикой и ориентацией на западный либерализм.

Процесс расщепления общества произошел и на Корейском полуострове. Там, после кровопролитнейшей войны 1950–1953 гг. и многих десятилетий Холодной войны по обе стороны от 38 параллели сформировались две принципиально антагонистичные в отношении друг друга идентичности. Одна из них — КНДР — как и в КНР, некогда коммунистическая, позднее трансформировалась в националистическую с сохранением внешних символов марксистской доктрины. Вторая же — Республика Корея — опять-таки националистична в традиционном понимании.

Примеры разделенного Китая и стран Корейского полуострова показывают, что в рамках некогда одной этно-культурной общности вполне может возникнуть несколько новых идентичностей. Более того, любая человеческая общность — продукт искусственно сформированный. Устойчивая национальная идентичность конструируется на протяжении нескольких поколений через распространение грамотности, создание национального литературного языка, идеологии, а также через школьные и университетские программы по истории.

Таким образом, на данный момент в Восточной Азии мы имеем несколько устойчиво воспроизводящих себя идентичностей. Три из них — Япония, Республика Корея и Тайвань — националистичны в традиционном понимании. Две же остальные — КНР и КНДР — это страны с формальным преобладанием коммунистической идеологии, однако в данном случае можно говорить скорее о версиях национального, нежели интернационального коммунизма. И если в Пекине и Тайбэе хотя бы раздаются голоса о едином Китае, то Сеул и Пхеньян уже зафиксировали взаимный суверенитет в 1991 г., что фактически исключает возможность соединения в единое государство, не говоря уже о создании единой корейской нации.

Если в европейском регионе на рубеже XX–XXI вв. набрали ход интеграционные процессы, то в странах Восточной Азии процесс этот лишь частично наметился, но не получил дальнейшего развития в XXI в. Несмотря на некоторые усилия, все же фундаментального пересмотра сложившегося порядка не произошло. И хотя экономическая кооперация стран Восточной Азии очень глубока, а сами экономики КНР, Тайваня, Республики Корея и Японии имеют колоссальное значение для мировой экономики, тем не менее о политической интеграции региона, подобной европейской, говорить не приходится.

Самоосознание в странах региона построено с упором на самостоятельность и собственную особость и исключительность, в этом ощущается давление мощной историко-культурной парадигмы, в которой страны региона на протяжении своей истории, копируя китайский опыт, копировали и мироощущение центра вселенной. И сейчас, уже в других условиях эта традиция обременена наследием геополитического противостояния 2-й половины XX в. Именно в силу этих двух причин в странах Восточноазиатского региона очень слабо обозначен вектор инклюзивности и региональной интеграции. Политики — в какой бы из этих стран они не осуществляли свою деятельность —

уже не смогут или не захотят кардинально поменять эти основы без риска для своих карьер, чаще делая упор на самость и на угрозу извне.

Поэтому в обозримом будущем следует ожидать дальнейшее укрепление имеющихся идентичностей, и элемент конфронтационности здесь будет задействован со всех сторон. Как следствие, взгляд на разное понимание событий XX в. будет лишь усугубляться.

Нелидов Владимир Владимирович

Прежде чем говорить о том, какое влияние проблемы исторического прошлого оказывают на отношения между Японией и странами-соседями, следует ответить на вопрос о том, как эти болезненные вопросы исторического прошлого, а конкретно память о Второй мировой войне и о колониальном прошлом, оцениваются в самой Японии. Война здесь долго оставалась и во многом остаётся до сих пор не столько преступлением, за которое следует каяться и за которое несли бы ответственность и государство, и народ в целом, сколько чем-то вроде бедствия, постигшего страну. Как это ни будет выглядеть парадоксальным, себя японцы зачастую воспринимают как жертв этого бедствия.

В коллективной исторической памяти война ассоциируется не с агрессией Японии в Азии, а с образами атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, ковровых бомбардировок американскими самолётами других городов, в которых погибли десятки и сотни тысяч мирных жителей. При этом интересно, что поскольку война воспринимается не как преступление, а как постигшее страну бедствие, то и вина Соединённых Штатов в этих разрушениях тоже не акцентируется, что весьма благоразумно, учитывая нынешние тесные военно-политические отношения между Японией и США, ее главным союзником и внешнеполитическим партнёром.

Эта ситуация в послевоенные годы закрепилась в качестве своеобразного комплекса виктимности или комплекса жертвы, который изображал японское государство как жертву войны: он избавлял общество от бремени вины и необходимости рефлексии относительно тех причин, которые сделали возможным само развязывание конфликта. Важную роль здесь играла специфика опыта войны, как индивидуального, так и на уровне общества и государства в целом.

В самом деле, во время внешней экспансии в Японии была задействована лишь малая часть населения страны. Осуществлялась

она под жёстким и тотальным контролем государства и вооруженных сил над обществом. Большинство японцев могли узнать правду о зверствах, которые творили их военные на оккупированных территориях, лишь после войны. Сухопутные сражения затронули лишь малую часть Японской империи, фактически лишь остров Окинава. И неудивительно, что именно на этом острове характер памяти о войне до сих пор остаётся гораздо более трагичным и гораздо более ярким, если сравнивать его с таковым же в остальной Японии.

Очень часто в этом контексте сравнивают Японию и Германию. В Германии идея ответственности и германского государства, и немецкого народа в целом за преступления нацизма фактически стала одной из основ послевоенной немецкой политической идентичности.

С другой стороны, Японию часто критикуют (и порой небезосновательно) за отсутствие рефлексии, за отсутствие какого-то глубокого раскаяния. Наверное, сравнивать милитаристскую Японию и нацистскую Германию с точки зрения того, какое государство было хуже, какое государство в большей степени виновато, какое государство причинило больше зла народам, пострадавшим от Второй мировой войны, — это дело неблагоприятное. Оба режима были тоталитарными, бесчеловечными и совершили злодеяния, от которых кровь стынет в жилах. Достаточно вспомнить ужасающие опыты на людях в «Отряде 731», подразделении Квантунской армии, в котором среди пленников, над которыми издевались японские врачи, были и наши соотечественники. Или же можно вспомнить случаи каннибализма японских войск против военнопленных во время войны на Тихом океане.

Примечательно другое: в Германии существует очень жёсткое табу на какое-либо оправдание нацистского режима. Те неонацистские силы, которые выступают апологетически или которые говорят, что не только Германия виновата в развязывании войны, или что преступления нацистского режима преувеличены, — являются абсолютными, полными политическими маргиналами, фактически существующими за рамками цивилизованного политического дискурса в германском обществе.

В Японии же такие симпатии в отношении военных распространены несколько больше. С точки зрения самого милитаристского режима 1930-х–1940-х гг. и с точки зрения его современных апологетов — ряда ультраправых политиков, историков и журналистов, а также

определенной части общества — экспансия Японии имела благородную цель освобождения народов Азии от европейского колониального гнета. А преступления, которые были совершены японской военной, с точки зрения приверженцев этих взглядов являются либо перегибами на местах, не отражающими общего характера действий, либо преувеличениями, либо фактическим подлогом. В частности, такие оценки высказываются японскими ревизионистами в отношении печально известной Нанкинской резни.

Если говорить о ситуации на сегодняшний день, то, хотя действительно на улицах японских городов порой можно увидеть представителей ультранационалистических группировок и движений (*уёку дантай*, «правые группы»), тем не менее, несмотря на свою заметность и несмотря на свое существование в рамках японского политического спектра, они всё-таки остаются маргиналами. Ни одна из парламентских политических сил открыто и откровенно действия милитаристской Японии не оправдывает. Но всё же, что касается политического мейнстрима, то и в рядах правящей ЛДП есть те, кто сочувственно относится к ревизионистским и националистским кругам. Хотя они, как правило, стараются излишне не акцентировать внимание на этих вопросах и ограничиваются отдельными символическими жестами, руководствуясь прежде всего соображениями прагматизма.

В этой связи интересно посмотреть на позицию других японских политических сил, помимо правящей Либерально-демократической партии — как они относятся к памяти о войне? И в наибольшей степени близкими к западному пониманию того, как следует относиться к памяти о тоталитарном режиме, являются японские левые силы. В годы Холодной войны это были социалисты и коммунисты, а сейчас это более левая часть политического спектра. Но всё равно, даже с точки зрения левых деятелей народ страны в целом не несёт какой-то коллективной ответственности и не должен каяться и продолжать страдать до сегодняшнего дня.

По их мнению, японский народ был жертвой войны, развязанной милитаристской верхушкой. То, что нынешние правящие консервативные силы иногда пытаются отодвинуть вопрос об ответственности этой верхушки за развязывание войны, — это претензия именно к этой самой консервативной верхушке. А японский народ в целом и с их точки зрения тоже не виноват.

Подытоживая, можно сказать, что и отношение разных политических сил, и общества Японии к вопросу об ответственности за войну отличаются не так уж сильно. В политическом мейнстриме, если мы говорим о парламентских партиях, если мы не берём каких-то националистов-маргиналов, нет по-настоящему ревизионистских сил, которые открыто оправдывали бы действия страны во время Второй мировой войны и которые открыто говорили бы о том, что Япония всё сделала правильно.

С другой стороны, и тех, кто считает, что Япония и японский народ в целом должны бесконечно каяться и что они должны сделать идею ответственности за войну важной частью своей идентичности, своего отношения к прошлому, как обстоит дело в современной Германии, — таких политических сил в японском политическом мейнстриме тоже нет. С точки зрения всего политического спектра ответственность лежит не на японском народе и не на стране в целом, а на высшем руководстве того времени. И понимание специфики сложившегося отношения к прошлому у политиков и граждан Японии дает также и понимание того, как эта специфика влияет и на взаимоотношения со странами-соседами.

Дьячков Илья Владимирович

Я хотел бы рассказать сегодня об исторических претензиях, взаимных противоречиях в отношениях Японии с государствами Корейского полуострова — с КНДР и Республикой Кореей.

В комплексе политических отношений исторические претензии сегодня видны невооружённым глазом, они практически заменили и подменили собой нормальное политическое общение между Сеулом и Токио, Пхеньяном и Токио. Чтобы это увидеть, можно обратить внимание лишь на несколько интересных парадоксов. Например, Республика Корея и Япония являются опосредованными союзниками через США: и у той, и у другой страны есть союзный договор с Вашингтоном. Япония и Республика Корея ведут активное торговое и инвестиционное сотрудничество, но, несмотря на это, последние годы разногласия по историческим проблемам все нарастают. При этом Республика Корея и КНДР — государства-антагонисты. Государства, для которых немыслимо существование другого легитимного правительства на Корейском полуострове. Каждое из них считает себя единственным

законным представителем корейского народа. Однако по историческим вопросам, вопросам противоречий с Японией и колониального прошлого, они выступают в один голос.

Исторические претензии к Японии в исполнении Сеула и Пхеньяна звучат несколько иначе, имеют разные акценты, но при этом нужно понимать, что для всего корейского народа это очень важная часть политического самосознания и очень важная часть политического мифа, идентичности. Эта важность связана не в последнюю очередь с тем, что Корея освободилась не вполне своими силами — на материке непосредственно Корею освобождала Советская армия, а в разгром Японии основной вклад внесли США. Поэтому в обработке исторических тем, связанных с периодом колониализма, проявляется не только справедливая обида и искренняя боль корейцев за годы колониального унижения, но и факторы, которые важны для политиков и идеологов. Необходимо в целях укрепления национальной идентичности найти свой вклад в освобождение и таким образом отчасти взять реванш в истории. Список ключевых для Республики Корея и КНДР тем очень сходен. Для Республики Корея — это проблема принадлежности острова Токто, а также вопрос о т.н. «женщинах для утешения», или, как их называют по-корейски, *вианбу*, то есть о тех, кто насильственно рекрутировались для службы в японских полевых борделях. Также это в последнее время и принудительный труд корейцев на японских предприятиях в колониальную эпоху, в частности, в годы Второй мировой войны.

У всех этих сюжетов есть длинный исторический след. Аргументация сторон, в частности, по островам Токто, уходит глубоко в средневековье. Хотелось бы сказать не об исторических аргументах той или иной стороны, а скорее о политической обработке этих тем в новейшей истории.

Заметно, что в Республике Корея сменяющиеся администрации либералов и консерваторов, несмотря на острые противоречия по самым разным проблемам, здесь достигли межпартийного консенсуса. Со времен как минимум президента Но Мухёна, а может быть, даже раньше, нарастало давление по историческим проблемам.

При Но Мухёне была активизирована проблема принадлежности Токто. Следующий президент Ли Мёнбак даже посетил этот остров. При Пак Кынхе власть активно обращалась к сюжету с *вианбу*, двусторонним отношениям с Японией, в частности, из-за противоречий

по этому вопросу был нанесен очень большой урон. Даже несмотря на попытки его урегулировать и подписание соответствующего соглашения в 2015 г. При Мун Чжэине помимо проблемы женщин для утешения Республика Корея вспомнила и о принудительном труде, и сейчас этот вопрос стал одним из важнейших для Сеула.

Конечно, не помогал и рост националистических настроений в Японии на фоне прихода к власти Абэ Синдзо. Корею пугают перспективы возможной милитаризации Японии и великодержавные настроения Токио. Это способствует нарастанию эмоционального напряжения.

Интересно, что Республика Корея и КНДР во многом отдают исторические претензии на откуп общественным организациям. Так, именно общественные организации занимались установкой памятников женщинам для утешения перед японскими загранучреждениями в Корее и за рубежом. Нельзя не заметить, что действия общественных заметным образом синхронизируются с настроениями власти. Можно даже предположить, что есть в этой синхронности какая-то большая связь, чем просто совпадение. Но проблема заключается в том, что давление нарастает, и не всегда удается находить компромиссы, поскольку любой компромисс в условиях «прогретости», националистического накала в каждом из обществ воспринимается как сдача позиций. Для выборной власти это превращается в очень большую проблему. Здесь очень ярким примером является уже упомянутое мною соглашение по вианбу 2015 г., выполнение которого в итоге забуксовало существенным образом.

Для КНДР, давление на Японию по историческим темам не было столь принципиальным, пока стороны вели достаточно активное экономическое сотрудничество, пока Пхеньян надеялся, что отношения с Токио будут нормализованы в ходе консультаций в 1990-е гг. Однако затем Япония стала раскручивать проблему похищенных северо-корейскими спецслужбами японцев.

Тогдашний лидер Северной Кореи Ким Ченир признался, что такие похищения действительно происходили. Это было шоком для Японии, одним из способов организации поддержки для Абэ, который во многом нарабатывал свои политические очки на данной теме. Япония стала вводить односторонние санкции против КНДР, сокращать сотрудничество. КНДР стала все интенсивнее критиковать Токио по тем же темам, что и Республика Корея. Интересно, что южнокорейская

пресса порой перепечатывает северокорейские материалы с сочувствием, мол, в КНДР в одной из центральных газет вышел такой-то материал о таких-то преступлениях Японии. КНДР чаще обращается к таким экзотическим сюжетам, как гибель судна «Укусима-мару», на котором корейцы, привлекавшиеся к принудительным работам, возвращались домой в Корею. Оно затонуло, и северокорейцы обвиняют в этом Японию. Или же землетрясение в Канто, после которого были антикорейские погромы.

Но надо сказать, что в японо-северокорейских отношениях сложилась интересная ситуация. Для Японии по эмоциональному накалу, по принципу политизации, по типу политической обработки и по способности вытеснить всю другую повестку из двусторонних отношений вопрос о похищенных сейчас тоже превратился в историческую проблему, историческую претензию к КНДР. Развитие практически на наших глазах новой претензии исторического плана ярко показывает особенности этого явления. Данная тема становится точкой входа в дискурс для достаточно далекой от политики и от истории части общества, которая на волне нагнетаемого возмущения начинает поддерживать линию выгодную одной из властных групп (как правило — националистам) по совершенно другим причинам. И безусловная поддержка по такой горячей теме перетекает в поддержку по другим более важным вопросам. В японском случае это укрепление вооруженных сил, пересмотр конституции и другое. И пока одна из групп элит извлекает из сложившегося положения эту сиюминутную выгоду, страдают двусторонние связи с соседями и страдают долгосрочные внешние политические интересы страны.

На мой взгляд, в такой конфликтоопасной части мира, как Северо-Восточная Азия, подобная игра с огнем очень опасна, и печально видеть, что последние годы ей увлекаются многие региональные лидеры и игроки.

Кульнева Полина Викторовна

Проблема исторической памяти в японо-китайских отношениях стала актуальной не сразу после войны, а по прошествии нескольких десятилетий. Это естественно, потому что, во-первых, для того чтобы возникла память, необходимо время. Необходимо определенное время, чтобы проблемы, связанные с военным прошлым, были

осмыслены. Кроме того, за капитуляцией Японии последовал период восстановления региона, потребовалось время для решения вопроса компенсации материального и морального ущерба странам, пострадавшим от японской агрессии.

В случае с Китаем решение вопросов компенсации ущерба приобрело некоторую специфику. Во-первых, КНР не была стороной, приглашенной на подписание Сан-Францисского мирного договора, как и Китайская Республика, ввиду существовавших на тот момент серьезных внутривнутриполитических разногласий. Как известно, в Сан-Францисском мирном договоре определялся порядок выплаты репараций пострадавшим государствам. В дальнейшем, уже при нормализации отношений между Японией и КНР в 1972 г., Мао Цзэдун отказался от японских репараций, их своего рода заменой стала официальная помощь развитию (ОПР), которую Япония оказывала целому ряду стран Азии, не только Китаю, в том числе по собственным экономическим мотивам. И хотя материковый Китай занимал, безусловно, особое место среди направлений этой помощи, но все же мотивы Японии вызывают в настоящее время определенную критику и не воспринимаются в Китае как компенсация нанесенного этой стране ущерба.

Что касается морального ущерба, то здесь возникает проблема извинений государственных лидеров Японии. Китайцы считают, что извинения были принесены слишком поздно или недостаточно искренне. Хотя, безусловно, слова сожаления звучали в разные годы и от лица императора Японии (в той форме, в какой позволял это сделать его статус), и от лица японских премьер-министров. Тем не менее вплоть до сегодняшнего дня эти извинения не приняты, не считаются достаточными. Взаимное непонимание в этом вопросе обусловлено как политическими, так и социокультурными факторами, а также моральными аспектами этой проблемы. Они связаны с национальной гордостью обеих сторон и с проблемой ответственности за военные преступления милитаристов, японского государства и японского народа, в первую очередь современного поколения японцев.

Интересно, что до начала 1990-х гг. проблемы военного прошлого практически не звучали в международной повестке и взаимное восприятие японцев и китайцев было в целом положительным. В принципе, отсутствие дипломатических отношений между странами, между материковым Китаем и Японией, до начала 1970-х гг. способствовало

некоторому информационному вакууму и отдалению народов друг от друга. Более того, в 1950-е–1960-е гг. Мао Цзэдун подчеркивал положительную роль японского вторжения в пробуждении китайского народа и победе коммунистов над Гоминьданом, таким образом, информационный фон был в целом благоприятным.

Однако после того, как в Китае началась политика реформ и открытости, активизировались двусторонние связи, выросли японские инвестиции и объемы двусторонней торговли, расширились другие формы контактов между странами. Этот бум экономических, политических и культурных связей стал благоприятным фоном, который способствовал возвращению исторической памяти, ее выходу на повестку дня. И именно сейчас в 2000-е гг. мы наблюдаем довольно стремительное нарастание напряженности, которое выражается в конфликтах по политическим вопросам и падении взаимного доверия.

Среди проблем исторической памяти в японо-китайских отношениях, помимо вопросов компенсации материального и морального ущерба, можно отметить визиты лидеров Японии в храм Ясукуни, где в число почитаемых погибших включены и военные преступники, причастные к массовым убийствам китайского гражданского населения. Еще одной проблемой является отражение событий военного прошлого в учебниках истории. Территориальная проблема суверенитета над островами Сэнкаку/Дяоюйдао является тоже во многом наследием Второй мировой войны, потому что война не дала исчерпывающего обоснования суверенитета ни для одной из заинтересованных сторон и послужила импульсом к дальнейшему развитию этого конфликта. Эти проблемы взаимосвязаны и, как правило, возникают в комплексе. Если возникает одна проблема, то она вызывает в памяти и все остальные. Так, в 2005 г., когда в материковом Китае проходили массовые антияпонские демонстрации, они были спровоцированы в первую очередь регулярными визитами премьер-министра Коидзуми в храм Ясукуни. Но при этом упоминалась и новая редакция японских учебников по истории, и споры о принадлежности островов Сэнкаку / Дяоюйдао.

Из перечисленных проблем одной из наиболее сложных и «многоаспектных», как сказала изучавшая этот вопрос подробно Эльгена Васильевна Молодякова, является проблема храма Ясукуни. Она действительно многоаспектна, потому что относится не только

к политике и истории, но в то же время отражает различие в мировоззрении двух народов, в частности связана с отношением к смерти в японской национальной религии синто. Храм Ясукуни для японского народа — это в первую очередь место скорби, он неразрывно связан с памятью о войне, это то место, где японские солдаты рассчитывали встретиться в случае своей гибели на поле боя. Но одновременно он имеет для Японии государственное значение. Связь с войной определяет его роль в обеспечении национального единства японского народа, что, конечно, используется соответствующими политическими силами Японии.

Храм и связанная с ним риторика все чаще становятся инструментом внешней политики обеих сторон — и японской, и китайской, и в том числе и со стороны Кореи. Но это не исключает религиозного смысла поминовения усопших, который состоит в том, что все погибшие, независимо от того, кем они были при жизни, равны и сливаются с единым духом предков. Так считается в японской религии синто.

Как и другие проблемы исторической памяти, проблема Ясукуни приобрела свою актуальность через несколько десятилетий после окончания войны. Хотя до 1980-х гг. было зафиксировано около двух десятков визитов японских премьер-министров в храм Ясукуни, только в 1985 г., после визита премьер-министра Накасонэ, впервые с китайской стороны был выражен официальный протест. 1980-е гг. можно считать переломным моментом в японо-китайских отношениях, когда проблемы исторического прошлого вышли на международную повестку: это и проблема храма Ясукуни, и проблема содержания учебников истории (впервые она послужила причиной дипломатического конфликта именно тогда). А в начале 1990-х гг. новый импульс получил давний спор о принадлежности спорных островов Сэнкаку / Дяоюйдао.

Перминова Вера Александровна

Тайвань является уникальным регионом не только в силу особенностей его экономического развития, культурных традиций или специфики политической системы. Дело в том, что в отличие от других японских колоний, на Тайване до сих пор не принято акцентировать внимание на негативных сторонах колониального прошлого. Кроме того, восприятие японцев в тайваньском обществе на протяжении

всего послевоенного периода и до сих пор остаётся положительным, что заметно контрастирует с преимущественно отрицательным имиджем Японии в Корее и материковом Китае.

Формированию такой исторической памяти на Тайване способствовали как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические факторы. Несомненно, международная обстановка, сложившаяся к середине XX в., — разделение мира на два противоборствующих лагеря и сохраняющаяся угроза военного присоединения острова к коммунистическому Китаю — главным образом, влияли на выстраивание японо-тайваньских отношений после 1945 г., а с ним и на формирование в обществе коллективной памяти о японском периоде.

В настоящее время вопросы исторического прошлого, хотя напрямую не сказываются на развитии традиционно тесных японо-тайваньских отношений, тем не менее, играют важную роль в формировании такого феномена как «тайваньская идентичность» и оказываются неразрывно связанными с самыми насущными проблемами внутренней и внешней политики КР. Продолжающийся уже более полувека антагонизм между материковой и островной частями Китая, вкупе с текущей международной обстановкой, в свою очередь, также влияют на переосмысление тайваньцами своего колониального прошлого.

Все эти вопросы — не просто проблема интерпретации исторических событий. На Тайване это тесно связано с явлением тайваньского национализма, перспективами снижения напряженности в Тайваньском проливе, установлением доверительных отношений между странами Восточной Азии и безопасностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Обсуждение в тайваньском обществе проблем исторического прошлого, как правило, ограничивается двумя вопросами — это оспаривание суверенитета над островами Дяоюйдао и требование от Японии компенсаций бывшим «женщинам для утешения» (慰安婦 *вэйаньфу*). Важно отметить, что все эти вопросы имеют отношение не ко всему периоду японского правления, а к военному времени (проблема *вэйаньфу*) либо к трактовке итогов войны (территориальный спор). Что касается аспектов собственно колониальной политики, то обсуждение их в обществе и СМИ в основном происходили в 1990-е и начале 2000-х гг. в ходе дискуссий по поводу компенсаций «женщинам для утешения», которые, в свою очередь, как считают многие исследователи, были сильно политизированы и нередко переходили на уровень

межпартийного противостояния — главным образом, между Гоминьданом и Демократической прогрессивной партией (ДПП).

Об этих двух проблемах можно было бы сказать отдельно, но если говорить в целом, то оценка колониального правления и действий Японии в период Второй мировой войны, как правило, являлась на Тайване одним из аспектов дискуссии по поводу путей развития КР, её статуса и перспектив укрепления связей с ближайшими соседями и партнёрами — в первую очередь, с КНР, США и Японией. На внутриполитической повестке проблемы исторического прошлого обычно появлялись в контексте прочих вопросов, имеющих отношение к национальной идентичности, поиску моделей дальнейшего развития общества и государства на Тайване.

Как правило, сторонники более тесных отношений с КНР (в частности, Гоминьдан) чаще акцентируют внимание на отрицательных проявлениях колониального управления, тогда как сторонники независимого Тайваня (например, ДПП) обычно указывают на модернизацию острова под контролем японцев, противопоставляя её «белому террору» китайских властей в первые годы после окончания войны. В настоящее время, пока у власти в КР находятся представители ДПП — сторонники усиления взаимодействия с Вашингтоном и Токио и противоборства с материковым Китаем, вопросы исторического прошлого едва ли выйдут на уровень внешнеполитической проблемы и будут играть значимую роль в отношениях между Японией и Тайванем.

Стрельцов Дмитрий Викторович

Во взаимоотношениях Японии со странами-соседями большое распространение получила т.н. «дипломатия извинений». Нужно сказать, что в странах Восточной Азии, где господствуют конфуцианские нормы, извинения предполагают иерархию, в рамках которой извиняющийся всегда находится ниже, чем тот, кому предназначено это извинение. Извиняться в рамках системы ценностей, сложившейся в этом регионе, означает в значительной степени преодолеть себя и в какой-то степени потерять лицо. Там стараются избегать публичных извинений, которые произносятся лишь в случае каких-то серьезных событий, серьезной ответственности и вины, когда без извинений нельзя обойтись.

Япония несколько десятков раз приносила извинения восточноазиатским народам. Можно вспомнить извинения, принесенные в 1995 г. премьер-министром Мураяма по случаю пятидесятилетия окончания Второй мировой войны, где он признал, что Япония принесла неисчислимые страдания народам Азии и выразил сожаление по поводу политики японского государства в отношении этих народов. Были выражены и официальные извинения от имени правительства в 1993 г. в отношении «женщин для утешения», пострадавших от практики сексуальной эксплуатации со стороны японской императорской армии. Речь идет о корейках, жительницах Тайваня и представительницах других азиатских народов.

Такие извинения звучали многократно, но каждый раз соседи не удовлетворялись. Один из китайских лидеров заявил, что никакого окончательного слова по поводу исторического прошлого быть не может, поэтому извиняться нужно вновь и вновь. Можно вспомнить, что премьер-министр С. Абэ по случаю 70-летия окончания войны, в 2015 г., заявил о том, что он не хотел бы, чтобы следующие поколения продолжали извиняться. Но тема раскаяния Японии по поводу грехов исторического прошлого сохраняется, ее поднимают лидеры стран-соседей, вновь и вновь требуя от нее извинений, как от имени лидеров страны, так и от ее императора. Проблема заключается и в том, в какой форме выражены извинения, насколько извинительная фразеология отвечает представлениям о добре и зле, каковы должны быть подобающие формы извинения. Эти вопросы по-прежнему сохраняют свою высокую актуальность в международных отношениях.

Еще я хотел бы сказать несколько слов о второй части нашей книги, где речь идет о роли проблем исторического прошлого в российско-японских отношениях. Эта тема не очень изучена в нашей стране по одной простой причине: мы считаем Японию культурной сверхдержавой, государством, лишенным армии, страной, которая в отношении нашей страны не имеет больших исторических грехов. А то плохое, что было совершено Японией в отношении нашей страны, уже было смыто кровью японцев.

Однако вопросы исторического прошлого в наших отношениях по-прежнему сохраняют свою актуальность. Многие в японцы считают, что именно Советский Союз принес их стране много зла, что современная Россия не «очистилась» от негатива прошлого. В Японии многие говорят о том, что Советский Союз нарушил пакт

о нейтралитете, вступив войну, а потом насильственно депортировал в лагеря военнопленных Квантунской армии, которых надлежало после окончания войны вернуть на родину. Говорят также много и о том, что СССР несправедливо лишил Японию ее исконных территорий. Это темы, которые хорошо известны и не нуждаются в особом комментировании. Я не буду отвечать на эти обвинения, данной теме нужно посвятить отдельный семинар. Но должен сказать, что стереотипы о том, что современная Россия не очистилась от своего советского и особенно сталинского прошлого, очень сильны и сейчас — СССР многие японцы по-прежнему воспринимают как империю зла. И современную Россию, как его преемницу, в Японии не очень жалуют.

Почти 90% японцев, по всем опросам общественного мнения, к нашей стране относятся плохо — либо «отрицательно», либо «скорее отрицательно». Виной этому стереотипы, основанные на подобном восприятии исторического прошлого, которое доминирует в Японии, даже несмотря на то, что там высоко чтут российскую культуру и российские достижения в науке.

То есть Россию, являющуюся одной из ведущих мировых держав, в целом воспринимают, скорее, негативно. Но что касается России, то в нашей стране также есть множество стереотипов в отношении Японии, которые продолжают жить и также основаны на неверном восприятии многих исторических фактов и исторического наследия.

С одной стороны, Японию не считают враждебной страной. Фактор исторической вражды никогда не присутствовал и в пропагандистской риторике — ни в историческом образовании, ни в изучении Японии никогда не использовался термин «историческая вражда». Даже в отношении милитаристского прошлого Японии в Советском Союзе сложилась традиция, в соответствии с которой народ не может быть виноват, и проводилась четкая разделительная грань между правящими кругами и народом.

Отсутствие каких-то больших претензий в отношении народа во многом характеризует и современное отношение россиян к японцам. Россияне не считают японский народ виновным и в значительной степени переносят вину на милитаристских правителей, а Японию считают страной великой культуры, экономической сверхдержавой, но не страной, которая не очистилась от своих исторических грехов,

как это делают в странах Восточной Азии. Но если брать какие-то негативные моменты, связанные с восприятием Японии в СССР и РФ, то можно сказать, что эту страну считают несамостоятельной страной, сателлитом США, страной, которая была оккупирована американцами и по этой причине не могла проводить собственную внешнюю политику и вплоть до конца 1950-х гг. стояла перед задачей национального освобождения от американской оккупации. Хотя Япония заключила мирный договор, но американские базы, как считалось, лишают ее подлинной независимости. Однако после 1960 г., когда была подписана новая редакция Договора безопасности, было решено, что Япония эту редакцию договора заключила осознанно, а не вследствие навязывания со стороны США.

И поэтому отношение к Японии уже в 1960-е гг. изменилось. Японию начали активно критиковать — за то, что она проводит политику милитаризма, за то, что там возрождаются вооруженные силы и реваншистские настроения. Это тоже был стереотип, но в значительной степени он был связан с тем, что Япония была страной, противоборствующей СССР: японский милитаризм ассоциировался с антисоветизмом. Милитаризм, как считалось, порожден ненавистью к СССР, враждебностью, унаследованной с довоенного периода, нелюбовью японцев к коммунистам, к коммунистической идеологии.

В СССР Японию считали недостаточно благодарной, поскольку вступление Советского Союза в войну в августе 1945 г. позволило ей избежать многочисленных жертв, которые бы она понесла, если бы продолжала бессмысленное сопротивление. Недооцененным также считалось и обещание СССР в соответствии с Декларацией 1956 г. передачи Японии нескольких островов.

В свою очередь, в Японии эти обвинения и упреки не находили своего понимания. Более того, там негативно относились к тому, что СССР пытался вмешиваться во внутреннюю политическую жизнь Японии, поддерживая левые силы, пытаясь их поставить под свой контроль и подчинить своему идеологическому влиянию. Но в Японии левые силы, и прежде всего Коммунистическая партия, сами негативно воспринимали попытки Москвы поставить их под свой идеологический контроль. Это было одной из причин, по которой у КПСС были довольно плохие отношения с КПЯ. Парадоксальным образом отношения с правящей Либерал-демократической партией, т. е. консервативной партией, у КПСС были лучше, нежели с левыми

силами. В современных условиях эта память также является одной из причин, которые сейчас определяют негативное, недоброжелательное отношение японцев к нашей стране.

Все, о чем я сказал, нашло отражение в нашей книге. Есть еще одна глава, посвященная военнопленным японцам, их правовому, экономическому положению, тем страданиям, которые они вынесли в советском плену, проблеме признания их плена и вопросам компенсации, которые не были достаточно решены, поскольку советское правительство не выдавало им соответствующих справок. Нужно сказать, что в постсоветский период Россия принесла официальные извинения, в частности, устами президента Б. Н. Ельцина в 1993 г. Но эта проблема по-прежнему жива, хотя сменилось несколько поколений японцев. В учебниках истории по-прежнему слышен этот мотив жестокого сибирского плена. Речь идет о более 600 тыс. военнослужащих Квантунской армии. Однако по мере ухода послевоенного поколения японцев эта проблема с течением времени утрачивает свою актуальность.

Научные конференции в области японоведения

17 декабря 2021 г. в МГИМО прошла XIV ежегодная конференция Ассоциации японоведов — одно из главных академических событий российского японоведения. В научном мероприятии приняли участие как ведущие российские специалисты-японоведы, так и молодые ученые, представляющие вузы и исследовательские институты различных регионов России и Японии.

На церемонии открытия выступили председатель Ассоциации японоведов, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований ИВ РАН Д. В. Стрельцов, а также Исполнительный секретарь Ассоциации японоведов, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ С. В. Гришачев. Они рассказали о результатах работы и перспективах деятельности Ассоциации японоведов за год и представили опубликованные под ее эгидой публикации, посвященные различным аспектам истории, культуры, общества, внешней и внутренней политики Японии. Помимо Ежегодника Япония 2021, четырех выпусков ежеквартального электронного журнала «Японские исследования» и двух выпусков англоязычного журнала “Russian Japanology Review” прошла презентация ряда научных трудов:

- Кара моногатари. Средневековые японские рассказы о Китае (Перевод с японского языка М. В. Торопыгиной, вступительная статья и комментарии Т. И. Виноградовой и М. В. Торопыгиной. СПб.: Гиперион, 2021),
- Новые источники по истории и культуре айнов. Коллективная монография (Под ред. В. В. Щепкина. СПб.: ЛЕМА, 2021),
- Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв. (Под ред. В. В. Щепкина. СПб.: ЛЕМА, 2020),

- Победа на Халхин-Голе: в поисках исторической истины (под ред. А. С. Железнякова, Е. Л. Катасоновой. Москва: ИВ РАН, 2021),
- Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями (под ред. Д. В. Стрельцова. Москва: Аспект-Прес, 2021),
- Добринская О. А. Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение (Москва: ИВ РАН, 2021),
- Горячева Е. А. СМИ и журналистика современной Японии (Владивосток: ДВФУ, 2021),
- Бреславец Т. И. Мацуо Басё: Учебное пособие (Владивосток: ДВФУ, 2021) и др.

Помимо этого, 17 ноября 2021 г. в МГИМО МИД России прошло награждение победителей учрежденного в 2021 г. Конкурса студенческих работ Ассоциации японоведов. В 2021 г. был также запущен научный Youtube канал Ассоциации японоведов Studia Nipponica.

После этого работа конференции проходила по секциям. В рамках секции «История и культура Японии» (модератор — В. В. Щепкин) были представлены доклады, посвященные истории женщин-правительниц в древней Японии, роли географических карт в развитии российско-японских отношениях, исследованию древних японских текстов, истории японо-нидерландских отношений, японской литературе и ее роли в советско-японских отношениях, истории деятельности православной церкви в Японии.

На секции «Малоизвестные страницы истории российско-японских отношений», модератором которой являлся Д. В. Стрельцов, были представлены доклады, посвященные как анализу нарратива российско-японских отношений в целом, так и отдельным эпизодам этих отношений, чье изучение способно внести существенный вклад в изучении истории связей России и Японии.

Участники секции «Современная Япония: экономика и общество» (модератор — И. П. Лебедева) в своих докладах рассказывали о влиянии пандемии COVID-19 на развитие японской экономики, проблеме неравенства и социального расслоения в японском обществе, особенностях японского общества потребления, японского бизнеса и деловой культуры, а также о российско-японском экономическом сотрудничестве.

На секции «Современная Япония: внутренняя и внешняя политика», модератором которой выступил В. О. Кистанов, прошло обсуждение вопросов, связанных с политикой в области безопасности и внешней политикой, а также отношениям Японии с Великобританией, странами Европы, Украиной, Тайванем, Южной Кореей, Вьетнамом и Россией.

После завершения работы по секциям состоялась торжественная заключительная церемония, в ходе которой прошло награждение лауреатов Премии им Н. И. Конрада, учрежденной Ассоциацией японоведов в 2021 г. Одним из лауреатов премии, награжденным в номинации «Исследования современной Японии», стал Чрезвычайный и Полномочный Посол, заведующий кафедры дипломатии МГИМО профессор А. Н. Панов. Проводивший награждение Д. В. Стрельцов подчеркнул, что А. Н. Панов является одним из опытейших специалистов по современной Японии, сочетающим огромный практический опыт дипломатической службы со значительными достижениями в науке. В номинации «Исследования традиционной Японии» была награждена ведущий научный сотрудник Института мировой литературы (ИМЛИ) РАН, профессор Института классического Востока и античности Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ Е. М. Дьяконова. Номинацию для молодых исследователей получил старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) В. В. Щепкин.

На церемонии с приветственным словом выступили представители Международного Фонда Шодиева и посольства Японии в России — Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Посольства Японии в России Хирано Рюити и Глава Информационного центра посольства Японии Кусакабэ Ёсукэ. От имени Ассоциации японоведов Д. В. Стрельцов выразил искреннюю благодарность Международному Фонду Шодиева, оказывающему активную поддержку осуществляемым Ассоциацией проектам в области изучения Японии.

14–16 февраля 2022 г. состоялась 24-я ежегодная международная конференция «История и культура Японии», организованная Институтом классического Востока и античности НИУ ВШЭ. В связи с антиковидными ограничениями конференция проходила в формате ЗУМ.

Данная конференция является наиболее представительным отечественным форумом специалистов, занимающихся традиционной Японией. Было представлено более 60 докладов на темы, посвященные разным аспектам истории, литературы, религии, социальной и культурной истории Японии, истории российско-японских отношений. В этих докладах были отражены последние достижения отечественной и мировой яполистики.

Среди докладчиков разных поколений ученых были представители НИУ ВШЭ (помимо ИКВиА, московская Школа востоковедения и Санкт-Петербургский департамент востоковедения), МГУ, СПбГУ, РАНХиГС, ИВ РАН, ИФ РАН, МГПУ, РГГУ, Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), Уральского федерального университета, Дальневосточного федерального университета, Московского государственного лингвистического университета, Иркутского государственного университета, японских университетов Кобэ, Досися, Хосэй, Хиросима, университета Тель-Авива (Израиль), Йоркского университета (Англия), Московской государственной консерватории, Николо-Угрешской православной семинарии, РХГА, библиотеки РАН, Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) и др.

Трансляция конференции велась в социальных сетях, совокупное количество слушателей и зрителей составило около 700 человек. К началу конференции был приурочен 14-й выпуск сборника статей «История и культура Японии», составленный по материалам предыдущей конференции.

10–12 марта 2022 г. в Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета состоялась 4-я международная научно-практическая конференция «Японский язык в образовательном пространстве», организованная ИИЯ МГПУ, Ассоциацией преподавателей японского языка России и стран СНГ и Японским Фондом МИД Японии. С приветственными словами к участникам конференции обратились исполняющий обязанности директора ИИЯ доктор педагогических наук Е. Г. Тарева, председатель Ассоциации преподавателей японского языка России и стран СНГ доктор педагогических наук Л. Т. Нечаева.

С основным докладом «О содержательной части системы преподавания японского языка в контексте изучения многогранного характера современной Японии» на пленарном заседании выступил профессор

университета Цукуба Оно Масаки. После пленарного заседания работа конференции продолжалась в секциях.

Помимо основного доклада, были прочитаны лекция доктора культурологи, кандидата филологических наук, профессора МГИМО Т. М. Гуревич «Преподавание перевода в цифровую эпоху» и лекция кандидата филологических наук, доцента ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова С. А. Быковой «Стандартный язык и диалекты в современной Японии: традиции и новации».

На конференции были открыты мастер-классы: Р. И. Буландо (МГПУ) «Основы создания субтитров на японском языке в AEGISUS», И. В. Исправникова (СОШ № 1440, РГГУ) «Интернет-ресурс Liveworksheets как средство оптимизации процесса обучения иностранному языку (рассмотрена возможность перевода PDF-документов в интерактивный формат)», Н. А. Соломкина (МГПУ) «Использование корпусов Национального института японского языка с помощью интерфейса “Тюнагон”».

За 3 дня работы конференции было сделано 59 докладов представителями 6 стран, было зарегистрировано 343 слушателя из 34 городов 4 стран. Участники конференции активно участвовали в её работе, с интересом слушали доклады, задавали вопросы. Прошедшая конференция подтвердила, что подобный формат ее проведения эффективен в повышении уровня знаний и мастерства преподавателей японского языка.

А. Н. Мещеряков, Л. Т. Нечаева, В. В. Нелидов

Памяти Сакамото Аяко

24 января 2022 года на 101-м году жизни скончалась Сакамото Аяко, постоянный член правления Общества японо-российских связей (яп. 日ロ交流協会), большой друг России, посвятивший всю свою жизнь развитию сотрудничества и укреплению дружбы между Россией и Японией.

Я познакомилась с Сакамото Аяко в 1982 г., когда находилась в Японии с театром Н. И. Сац, работая переводчиком. Сакамото-сан очень любила Советский Союз и русскую культуру. Будучи, к тому же, творческим человеком с музыкальным образованием, который хорошо поёт и учит детей музыке, она с большим интересом ходила на все спектакли театра и общалась с труппой.

В дальнейшем Сакамото-сан очень помогала мне и студентам ИСАА МГУ во время их десятимесячных стажировок в японском университете Токай, где я была руководителем в 1983–84, 1990–91 и 1996–97 учебных годах. Сакамото-сан всегда была рядом, давая советы, организуя интересные встречи и экскурсии. Её глубокие знания традиционной японской культуры и языка, а главное, умение объяснить многие трудные для понимания иностранцев явления и события японской жизни, — всё это помогало мне и студентам адаптироваться в Японии и лучше узнать эту страну.

В среде японоведов и русских, которые так или иначе связаны с Японией, я далеко не единственный человек, который имел счастье дружить с Сакамото-сан. Она хорошо знала и всех преподавателей ИСАА МГУ, и японоведов из разных городов России, — от Москвы и Петербурга до Иркутска и Владивостока, — и сотрудников дипломатических представительств РФ в Японии. Круг её общения был поистине обширным, а любовь к России, по её личному рассказу, началась с выигранной в радиовикторине поездки по железной дороге через Сибирь.

Сакамото-сан, или Аяко-сан, как её называли многие русские, была удивительным человеком — открытым, искренним, всегда готовым прийти на помощь. Казалось, что смысл жизни для неё состоял в общении. Она хотела, чтобы все люди в мире дружили между собой. Сакамото-сан очень любила детей, поэтому многие русские, которые познакомились с ней в детстве или в сравнительно молодом возрасте, относились к ней как к своей матери или бабушке. Она обладала удивительной способностью найти общий язык с любым человеком: если это ребёнок — то с помощью игры, музыки или стихов, если взрослый — то рассказывая всё, что знает о японском искусстве, истории, культуре. Со всеми без исключения её главным средством общения была доброта. Все, кому довелось встретиться с Сакамото-сан, не могли не полюбить Японию и не захотеть хотя бы в чём-то связать свою жизнь с этой страной.

Сакамото-сан была удивительно активным и даже, можно сказать, неугомонным человеком. Большую часть времени её сложно было застать дома: она могла быть на встрече в другом конце Токио, на уроке икэбаны в Посольстве или торгпредстве РФ, на культурно-образовательном мероприятии, связанном с Россией, в командировке. При этом она всегда оставалась на связи и могла созвониться с Москвой хоть в 2 часа ночи, хоть в 5 утра по японскому времени. Несколько лет назад зимой у меня неожиданно зазвонил телефон, и я услышала звонкий голос Сакамото-сан. Оказалось, что она прилетела в Москву с делегацией Общества японо-российских связей. Несмотря на плотный график и множество дел (а у неё почти всегда было множество дел), нам удалось встретиться. В это время Сакамото-сан уже было больше 90 лет, но она по-прежнему оставалась энергичной и активной.

Так же активно прошёл и её 100-летний день рождения. По свидетельству вице-президента Общества японо-российских связей

Тиба Мари, «...в ноябре прошлого года своё 100-летие Сакамото Аяко отметила в посольстве и торгпредстве после уроков икебаны, которые проводила Ямагиси-сэнсэй. Тогда торгпредство РФ объявило благодарность Сакамото-сан за многолетнюю работу и наградило её грамотой. В январе [этого года] Сакамото-сан приехала в Тама-ти на заседание постоянных членов правления и выглядела очень бодрой»¹.

За свою долгую жизнь Сакамото-сан была свидетелем многих событий, пережила войну, хорошо помнила бомбардировки Токио и трудные послевоенные годы. Но что бы ни происходило, от неё всегда исходили оптимизм, жизнерадостность и вера в то, что всё будет хорошо. Так, во время землетрясения 2011 г., находясь в центре Токио на первом этаже высотного здания, она успокаивала русских друзей, говоря, что «когда бомбили Токио, было страшнее», и не позволяла выходить на улицу, чтобы защитить их от обломков и стёкол, которые могли упасть сверху. Рано потеряв мужа (он умер в 1991 г. от инсульта), она никогда не падала духом и верила, что муж остаётся с ней рядом.

Умение не унывать, способность находить радость в мелочах и делиться с окружающими своей неиссякаемой энергией — это та черта Сакамото-сан, которая достойна восхищения и может стать примером для многих. Ещё одна важная вещь, о которой часто говорила Сакамото-сан, — 目に見えぬ神にむかひて恥ざるは人の心のまことなりけり², то есть «человек должен поступать так, чтобы ему не было стыдно перед незримыми богами, в этом правда сердца». Мне кажется, что именно такие люди могут стать настоящим мостом между двумя странами, двумя языками, двумя культурами и помочь всем нам понять друг друга.

Те, кому посчастливилось знать Сакамото Аяко, будут помнить этого замечательного человека, посвятившего свою жизнь служению Добру, идеям мира между народами, делу дружбы между Японией и Россией.

Свои чувства к России Сакамото-сан выразила в песенке, которую сочинила сама и пела с взрослыми и детьми из России и Японии.

¹ Тиба Мари. Цуйто:. Сакамото Аяко-сан о синобу [Некролог. Памяти Сакамото Аяко]. *Нитиро ко:рю:* [Японо-российский обмен] (периодическое издание Общества японо-российских связей). № 319 (450). 1 марта 2022 г.

² Строки из японской поэзии *вака*, известные со времён эпохи Мэйдзи.

Здравствуйте, здравствуйте, *коннити ва!*
По-русски, по-японски давайте говорить.
いついつまでも手に手を取って (давайте держаться за руки)
明日の幸せ築くため (чтобы построить будущее счастье)

Здравствуйте, здравствуйте, *коннити ва!*
Русский, японский давайте все учить.
いついつまでも手に手を取って (давайте держаться за руки)
あなたのお国を知るために (чтобы узнать вашу страну)

Здравствуйте, здравствуйте, *коннити ва!*
Дружно и весело давайте будем жить.
いついつまでも手に手を取って (давайте держаться за руки)
明るい世界になるように (чтобы в мире стало светло)

Т. И. Корчагина

Уважаемые авторы Ежегодника!

Для того, чтобы направить свою статью на публикацию в Ежегодник Япония, необходимо на сайте **www.yearbookjapan.ru** осуществить следующие действия:

- войти в раздел «Отправить статью»,
- зарегистрироваться и создать личный кабинет,
- в личном кабинете заполнить форму для подачи статьи.

Дата подачи статьи на данном ресурсе является датой ее поступления в редакцию. Сбор материалов для очередного номера осуществляется в течение всего года, крайний срок подачи на номер текущего года — 31 мая.

На сайте Ежегодника Япония **www.yearbookjapan.ru** вы можете ознакомиться с архивом предыдущих выпусков журнала, а также с информацией, которая необходима для подачи рукописи и прохождения всех условий публикации — обязанности авторов, порядок рецензирования, основные требования к оформлению статей, примеры ссылок и библиографического описания.

Ежегодник Япония является базовым ежегодным изданием отечественного японоведческого сообщества. Решение о его издании было принято 26 февраля 1971 г. на заседании Секции по изучению Японии при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения Президиума АН СССР.

Издание Ежегодника, начатое в 1972 г. инициативной группой советских японоведов, ни разу не прерывалось. С 1994 г. ежегодник издается Межрегиональной общественной организацией Ассоциация японоведов и Институтом востоковедения Российской Академии Наук. Ежегодник получает финансовую поддержку Международного фонда Шодиева.

Сайт издания: <http://yearbookjapan.ru>

ISBN 978-5-02-040569-1

ISSN 2687-1432 Print

ISSN 2687-1440 Online

Прежний ISSN, применявшийся до 2019 г. включительно, —
0235-8182 Print

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-61497

Издание входит в следующие наукометрические системы:

- Научная электронная библиотека
и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33360
- Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»
<http://cyberleninka.ru/journal/n/yearbookjapan>
- Международный каталог журналов открытого доступа DOAJ
<https://doaj.org/toc/2687-1440>

**Иллюстрации к статье Ю. Л. Кужеля и Т. И. Бреславец
«Японо-буддийский канон изображения небесных государей»**

1. Небесные государи Дзикокутэн и Дзо:тё:тэн, скульптор Ко:кэй, раскрашенное дерево, 207 см (слева), 203,6 см (справа), 1189 г., Ко:фукудзи, Нанъэндо:, г. Нара [Mori 1974, p.14]

2. Бисямонтэн, скульптор Ункэй,
раскрашенное дерево, 139,5 см, 1189 г., Дзё:ракудзи,
преф. Канагава [Mori 1974, p. 54]

3. Бисямонтэн и предстоящие Китидзё:тэн и Дзэнънисидо:дзи;
о. Сикоку, Киссё:дзи [Сакураи 2008, с. 142]

4. Бэндзайтэн, 96 см, 1266 г.,
г. Камакура, Цуругаока Хатимангу: [Сава 1967, с. 45]

5. Китидзё:тэн,
раскрашенное дерево,
90 см, эпоха Камакура,
Дзё:руидзи
[Сэки 2012, с. 189]

6. Один из стражей врат
нио:, глина, 378,8 см, 711 г.,
Хо:рю:дзи, ворота Тю:мон,
преф. Нара
[Mizuno 1974, p. 140]

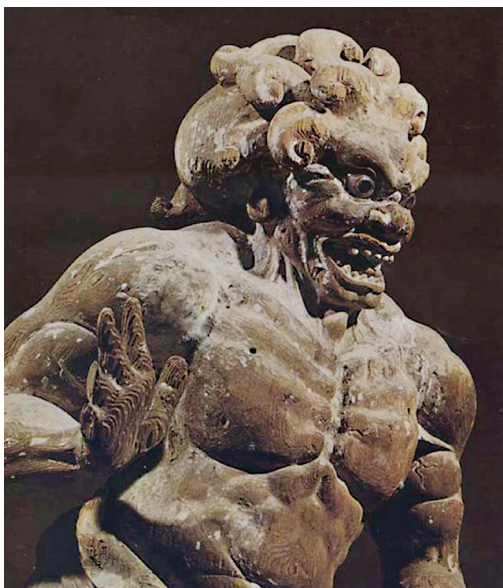

7. Конго:рикиси,
скульптор Ункэй,
раскрашенное дерево,
848 см, 1203 г., То:дайdzi,
ворота Минамимон, г. Нара
[Нисимура, Огава 2009, с. 74]

8. Сю:конго:дзин,
раскрашенная глина,
167,5 см, около 733 г.,
Сангацудо:.,
То:дайdzi, г. Нара
[Kobayashi 1975, p. 128]

9. Дзиндзя Тайся,
скульптор Кайкэй,
раскрашенное дерево,
85,8 см, конец XII в.,
Конго:ин, округ Киото
[Mori 1974, p. 112]

10. Стражи врат нии:, туф, 2,4 м (слева), 2,2 м (справа),
XIV в., Мангацудзи, г. Усуки, преф. Оита
(<https://sekibutsu.com/blog/2021/04/10/11524>)

**Иллюстрации к статье А. М. Мусаевой
«Минские иллюстрированные источники
о японских пиратах вако по «Вако дзукан»
(«Иллюстрированный свиток о японских пиратах»)**

1. Пираты причалили к берегу

2. Пираты разведывают обстановку

3. Пираты подожгли дом

4. Пираты уносят награбленное

5. Местное население бежит от пиратов

6. Китайская армия сражается с пиратами

7. Пираты сражаются с китайской армией

8. Китайская армия выдвигается

9. Всадник несет весть о победе

**Иллюстрации к статье Д. В. Стрельцова
«Японские военнопленные русско-японской войны
в Аракчеевских казармах Новгородской губернии»**

Музей в селе Медведь, посвященный японским военнопленным

Веер
с памятной надписью,
подаренный
Хагаки Масакадзу
Надежде Карповой

Японские военнопленные за поделками

Японские раненые на излечении

Японцы играют
в бейсбол

С. Медведь.
Бульвар.

Японские офицеры
прогуливаются по селу
с тросточками

Японские пленные играют
на сякухати

С. Медведь.
Пленные японцы делают музыкальные инструменты

Пленные японцы
дают концерт
на изготовленных
собственноручно
инструментах

Церемония отправки на родину тел умерших

Памятный знак
с именами умерших пленных,
установленный в 2008 г.

Один из уцелевших
надгробных камней

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК ЯПОНИЯ

2022. Том 51

Главный редактор	Стрельцов Д. В.
Научный редактор	
Научный редактор	Лебедева И. П.
Научный редактор	Мещеряков А. Н.
Научный редактор	Дьяконова Е. М.
Ответственный редактор	Гришачев С. В.
Редактор	Нелидов В. В.
Вёрстка	Заболотникова М. Е.
Редактор сайта	Казаков О. И.

ФГБУ «Издательство «Наука»

121099 г. Москва, Шубинский пер., 6, стр. 1

тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com

<https://naukapublishers.ru> <https://naukabooks.ru>

Редакция «Восточная литература» ФГБУ «Издательство «Наука»

тел.: +7 (499) 241-02-52, e-mail: vostlit@gmail.com

www.vostlit.ru

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука» (Типография
«Наука») 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

